

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

С. В. ЮШКОВ

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ
ФЕОДАЛИЗМА
В КИЕВСКОЙ РУСИ

ИЗДАНИЕ
ПРОФЕССОРА
М. Д. ШАРГОРОДСКОГО

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

МОСКВА

1939

ЛЕНИНГРАД

Ответственный редактор *В. И. Пичета*

СПбГУ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ ОБЩЕСТВЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО СТРОЯ КИЕВСКОЙ РУСИ

Вопрос об общественно-экономическом строе Руси в дофеодальный период мало разработан, несмотря на то, что Киевской Руси было посвящено большое количество исследований, а в общих обзорах и учебниках Киевская Русь всегда была предметом усиленного внимания.

В досоветской историографии неразработанность этого вопроса определялась между прочим и тем, что исследователи подходили догматически к изучению Киевской Руси. Направляя свое основное внимание на период расцвета Киевского государства, т. е. на XI в., обычно характеристику, даваемую этому периоду, они автоматически распространяли и на Русь IX—X вв.

Этот догматический подход в досоветской историографии получил свое отражение в работах Покровского. Попытку Б. Д. Грекова дать характеристику рассматриваемого периода, которая им была предпринята в последнем издании «Феодальные отношения в Киевском государстве», нельзя признать исчерпывающей. Им были затронуты только несколько проблем, в частности, им совершенно не был вскрыт крайне важный для исследователя генезиса феодализма вопрос разложения общины.

Вопрос об уровне общественно-экономического развития восточного славянства в значительной степени будет решен, если мы выясним, какая отрасль хозяйства господствовала у славян и какова была у них техника сельского хозяйства.

I. Значение земледелия в хозяйственной системе Киевской Руси

Вопрос об основном занятии восточного славянства как до образования, так и после образования Киевского государства обсуждался довольно оживленно. И в конце концов в исторической науке сложились два основных взгляда. Один был развит Ключевским, защищался Рожковым, Довнар-Запольским, Лященко и др. По этому взгляду, основным занятием восточного славянства

была торговля, на ряду со звероловством, пчеловодством и другими лесными промыслами. По другому взгляду, с наибольшей силой и доказательностью выраженному Грушевским и защищаемому Любавским и Покровским, а затем Б. Д. Грековым, основной отраслью хозяйства населения Киевской Руси было земледелие.

Оценивая аргументацию защитников этих двух противоречивых взглядов, приходится признать правильность второго, а аргументацию Ключевского и его сторонников признать слабой и неубедительной.

В самом деле, чем главным образом аргументируют Ключевский, Рожков и их сторонники? Рожков,¹ например, стремясь доказать, что русские славяне жили звероловством и пчеловодством, указывал, что основатели Киева — Кий, Щек и Хорив, по преданию, были звероловами, что северяне, древляне, радимичи платили дань мехами, что древляне, осажденные Ольгой, предлагали ей платить дань «скорою» т. е. мехами, что Игорь и Ольга мехами же одаряли византийцев, что Святослав, завоевав Болгарию и сделав Переяславль на Дунае столицей своей державы, получал дань из Руси мехами. Рожков вместе с тем приводит в доказательство правильности своих взглядов свидетельства арабских писателей, в частности известие Ибн-Хордадбе о том, что русские вывозили из своей страны меха выдры и черных лисиц. Но все эти доводы не убедительны. Предположим, что легендарные основатели Киева были действительно звероловами, но это вовсе не означает, что и вся масса населения Киевской Руси занималась звероловством. Другие известия могут означать не то, что звероловство и пчеловодство играло основную роль в хозяйственной системе населения Киевской Руси, а то, что меха, мед и воск считались главными экспортными товарами и что они (в особенности меха) представляли большую ценность. Такое значение имели меха не только в эпоху Киевской Руси, но и в Московском государстве, в особенности в XVI и XVII вв. В Московском государстве ясак с колониальных народов взимали главным образом мехами; московские государи одаривали своих гостей соболями, но никому не придет в голову на этом основании считать, что основным занятием жителей Московского государства была охота.

М. С. Грушевский и его сторонники могли выдвинуть целый ряд серьезнейших доказательств в защиту своего взгляда. Обратимся к краткому обзору их. В особенности убедительны лингвистические данные. М. С. Грушевский² на основании тщательного изучения лингвистического материала всех славянских племен показал, что основные земледельческие термины одинаковы как у восточных, так и у западных славян. Таковыми общеславянскими

¹ Русская история в сравнительно-историческом освещении, т. I, стр. 16—77. П. — М. 1919.

² Історія України — Руси, т. I, вид. 3-є, стр. 245—250. К. 1913.

терминами являются: орати, ратай, нива, леха, плуг, рало, борона, яр, ярина, озимь и озимина, серп, коса, грабли, сноп, мельница и пр. Все это говорит о том, что славяне вообще были земледельческим народом еще до своего расселения. Но в особенности имеет исчерпывающее значение тот факт, что основным предметом питания у всего славянства, по языковым данным, было жито, от глагола «жить». А жито — хлебный злак, который у различных славянских племен специализируется, применяясь к главному роду хлеба — или ко ржи, или к ячменю, или к пшенице. Крайне показательно также то, что слово «обилие», употребляющееся в значении богатства, означает одновременно уржай хлеба, хлеб небурый и вообще хлеб. Слово брашно, обозначающее у некоторых славянских племен муку, употреблялось в значении еды вообще и даже имущества.

Таким образом, по лингвистическим данным, славянство не только в IX—X вв. было земледельческим народом, но и значительно раньше.

Не в меньшей степени о земледелии как основной отрасли хозяйства Руси IX—X вв. говорят археологические данные. Прежде всего этими данными подтверждается, что хлеб был действительно обычной пищей славян. Археологи — как дореволюционные, так и советские находят в могилах, могильных полях, курганах, городищах зерна многих сортов хлеба и предметы сельскохозяйственного инвентаря. Очень характерно, что о земледелии как основной отрасли хозяйства говорят археологические данные, относящиеся ко всем племенам восточного славянства — к северянам, древлянам и т. д. В особенности интересны данные советских археологов, которые объектом своих наблюдений сделали археологические памятники радимичей и кривичей (территорий, теперь входящих в состав БССР и Смоленской обл.), т. е. те лесные районы, где, по расчетам исследователей, защищавших взгляд о торговле и лесных промыслах как основных занятиях русского населения, в особенности должны бы процветать эти отрасли хозяйства, а между тем и здесь земледелие играло основную роль.

О земледелии как основной отрасли хозяйства говорят и летописи. Так, первоначальная летопись содержит известие о том, что вятичи, которые находились на более низкой ступени общественно-экономического развития, все же платили дань с плуга. Другое летописное свидетельство говорит о значении земледелия у древлян. Летопись влагает в уста княгини Ольги, осаждающей Искоростень, следующие слова: «Вси гради ваши предатися мне и явися по дань и делают нивы своя и земле своя, а вы хотите измрети голодом, не имучеся по дань».¹

Достаточно убедительны свидетельства некоторых византийских и восточных писателей, сильно подрывающие достоверность пока-

¹ Лавр., 946.

заний о преимущественном значении торговли и лесных промыслов в хозяйстве славян. Так, еврейский путешественник Ибн-Якуб говорит, что славянская земля обильна всякого рода жизненными припасами и что славяне — народ хозяйственный и занимающийся усерднее, чем какой-либо другой. Византийский историк Лев Дьякон сообщает, что византийский император Цимисхий, по договору с князем Святославом, дозволил Руси привозить в Византию хлеб на продажу.

К этим доказательствам надо присоединить данные, характеризующие религию славян. Историки славянской религии решительно настаивают на земледельческом характере славянского культа. Сущность славянских религиозных праздников не может быть понята, если мы не примем во внимание значение земледелия в хозяйственной системе русских славян в IX—X вв. В особенности показательно, что возникший после принятия христианства своеобразный синкретический культ также стал носить ярко выраженный земледельческий характер. Достаточно указать, что весна превратилась в богородицу, приезжавшую на благовещение на сохе; святые Илья, Егорий и Никола превратились в покровителей сельскохозяйственных работ и помощников земледельца.¹

Особенно яркий земледельческий характер имел культ Егория, который и «жито засекает и жито родит», «ярь засекает, горох сеет» и «на поле первый бог». Население после принятия христианства продолжало, как об этом свидетельствуют некоторые списки Устава князя Владимира, молиться под овином или воржи. Показательно также и то, что о земледелии как основном занятии славян говорит и славянский календарь.² Славяне называли месяцы в соответствии с чередованием сельскохозяйственных работ. Первый месяц, когда сели деревья для сжигания под посев, назывался сечень, второй, когда срубленные деревья подсыхают, назывался сухой, третий месяц, когда обожженные деревья превращаются в золу, — березо-зол, четвертый — кветень, дальше идут травень, серпень, вресьень (от *врещить* — *молотить*).

Словом, как можно убедиться, доказательства в пользу взгляда о земледелии как основной отрасли хозяйства восточного славянства в IX—X вв. многочисленны, разнообразны и, как нам кажется, исчерпывающи.

Конечно, все это не означает, что охота и бортничество не имели никакого значения в хозяйстве Киевской Руси.³ Как будет сказано об этом дальше, благодаря охоте и бортничеству население Киевской Руси добывало основные экспортные товары, которые высоко ценились на иностранных рынках, — меха, мед и воск.

¹ Б. Д. Греков. Феодальные отношения в Киевском государстве, стр. 51. М.—Л. 1936. Н. М. Никольский. История русской церкви, стр. 30 и сл., изд. 2-е М.—Л. 1936.

² Б. Д. Греков. Указ. соч., стр. 51—52.

³ Сводка материала о других отраслях хозяйства восточных славян приведена у М. С. Грушевского в указ. соч., стр. 250—260.

II. Техника сельского хозяйства

Вопрос о сельскохозяйственной технике, интересный сам по себе, приобретает большое значение и потому, что его решение предопределяет в значительной степени решение вопроса об основной общественно-экономической единице у восточного славянства в IX—X вв. Само собой разумеется, что исследователи, отрицавшие значение земледелия в хозяйственной системе Киевской Руси, не ставили этого вопроса. Он был поставлен М. С. Грушевским и М. Н. Покровским. Обозревая материал, приводимый Грушевским в доказательство того, что земледелие было основной отраслью хозяйства у славян IX—X вв., можно установить, что он считал доказанным существование пашенного земледелия в этот период. Покровский, который, отрицая существование общинного строя, должен был настаивать на примитивности сельскохозяйственной техники, говорил о распространении у славян так называемого мотыжного земледелия.¹ В настоящее время и этот вопрос может быть исчерпывающим образом разрешен, так как доказательства в пользу господства пашенного земледелия многочисленны, разнообразны и убедительны.²

Прежде всего необходимо учесть, что территория, занятая славянами по Днепру и к западу от Днепра, по свидетельству Геродота, принадлежала скифам-земледельцам и скифам-пахарям. В особенности интересно показание Геродота о том, что скифы-пахари производили хлеб на продажу. Мы не будем решать вопрос об автохтонности славянских поселений на Днепре. Даже если мы признаем, что славянство было пришлым народом, тем не менее несомненно, что сравнительно высокая ступень сельскохозяйственной культуры, о которой говорит Геродот, должна быть в той или другой степени славянством усвоена. В самом деле, трудно предположить, чтобы славянство сохранило свою примитивную мотыжную технику, осев на территории, где господствовало пашенное земледелие. Но в особенности показание Геродота будет иметь значение, если мы признаем славян автохтонами Приднепровья. Тогда, очевидно, оно будет относиться к предкам славян. Но мы не желаем преувеличивать значение показаний Геродота. Есть целый ряд серьезных доказательств в пользу того, что население Киевской Руси уже перешло на пашенное земледелие. Прежде всего говорят в пользу этого положения данные языка. Как было уже указано, слова «орати», «рало», «плуг» являются общеславянскими, равно как и слова «ярь» и «ярина», «озимь» и «озимина», что свидетельствует о том, что пашенная техника была известна славянам до их расселения. О распространении пашенного земледелия гово-

¹ М. Н. Покровский. Русская история с древнейших времен, т. I, стр. 15—16. 1933.

² Сводку доказательств в защиту мнения о господстве пашенного земледелия дал в особой главе своей работы «Феодальные отношения в Киевском государстве» (М.—Л. 1936) Б. Д. Греков.

рят найденные сошники в объектах археологического обследования тех славянских племен, которые нельзя было причислить к числу наиболее развитых в общественно-экономическом отношении. В частности, Рыбакову удалось найти сошники у дреговичей, относящиеся к VIII—IX вв.¹ Крупнейшие советские археологи, как В. И. Равданикас² и др., не сомневаются в том, что в IX—X вв. господствовала пашенная техника, даже если бы и не было найдено железных сошников. Равданикас совершенно правильно, на наш взгляд, отмечает, что сошники могли быть и деревянные. Кроме того, до сего времени обследовались объекты, которые по своему характеру едва ли могли изобиловать земледельческим инвентарем — могильники, городища и пр.

Летописные данные также совершенно исчерпывающим образом указывают, что население Киевской Руси перешло к пашенной технике. Как указано, радимичи и вятичи платили дань с плуга и рала. В особенности мы считаем показательным тот факт, что плуг в X в. применялся даже вятичами, которые, как известно, стояли в стороне от основных экономических и культурных центров Киевской Руси.

Таким образом, вопрос о господстве в Киевской Руси IX—X вв. пашенного земледелия должен быть решен в утвердительном смысле.

Как указано, решение вопроса о земледельческой технике Киевской Руси в дофеодальный период имеет решающее значение в вопросе об общественно-экономической единице, которая господствовала в это время. Здесь не остается никаких сомнений в том, что при пашенной технике патриархальный род должен был подвергнуться разложению. Должны были разложиться и большие семьи, на которые он должен был распасться. Разложение патриархального рода и больших семей обусловило возникновение сельской территориальной общины.

III. Сельская община

Источники не дают нам никаких указаний на существование сельской общины в IX—X вв. Но это вовсе не значит, что ее не существовало. Во всяком случае археологические данные, характеризующие эволюцию поселений восточного славянства VIII—XII вв., определенно говорят нам, что большая семья начинает распадаться и возникают иные общественно-экономические коллективы.

В частности, изучение городищ, являющихся местом поселения больших семей, показывает, что или городища утрачивают свое

¹ Б. Д. Греков. Феодальные отношения в Киевском государстве, стр. 47, М.—Л. 1936.

² Некоторые моменты процесса возникновения феодализма в лесной полосе Восточной Европы в свете археологических данных (Основные проблемы генезиса и развития феодального общества, стр. 120. М.—Л. 1931).

значение, превращаясь во временные убежища, или вокруг них развивается поселок, или же возникает обширное открытое поселение, независимо от городищ. По вычислениям Равданикаса,¹ в лесной полосе поселений восточного славянства только 30% городищ в той или иной степени сохраняют свое значение. Процесс разложения больших семей должен был привести к возникновению сельских общин.

Источники не дают нам возможности установить, какое название было усвоено сельскими общинами, но в исторической литературе еще со времени славянофилов, в частности Лешкова, автора работы «Русский народ и государство», стало защищаться мнение о том, что сельская община в Киевской Руси называлась вервью, о которой говорится в Русской Правде.

Но это мнение было оспорено Леонтовичем, который стал считать вервь задругой, как и вервь Полицкого статута. М. М. Ковалевский поддержал и развил взгляд Леонтовича на основе богатого сравнительно-исторического материала. Энгельс,² в свою очередь ознакомившись с работами Ковалевского, признал совершенно обоснованным существование вервей в Киевской Руси.

Н. П. Павлов-Сильванский³ вернулся к мнению, что вервь — сельская община. Основным его доводом было то, что в Русской Правде предусматривается круговая ответственность верви, если на ее территории произойдет убийство, а институт круговой поруки он считал одним из основных признаков сельской общины.

В последнее время мнение о том, что вервью называлась сельская община, решительно поддерживается Б. Д. Грековым. Основным его доводом является невозможность применить статьи Русской Правды о дикой вире к верви как большой семье. Дикая вира составляется из индивидуальных вкладов в нее, а это предполагает индивидуальное хозяйство членов верви. Греков считает вервь не только сельской общиной, но и сельской общиной в процессе ее разложения, так как вклад в данную виру не был обязателен для всех членов верви.

Однако его доводы при достаточно глубоком анализе не убедительны. Прежде всего не надо забывать установленного Леонтовичем факта, что вервь Полицкого статута — задруга, большая семья и что, следовательно, вервь — термин, применявшийся у славянства к задругам, большим семьям. Можно, конечно, сказать, что тождество названий еще не означает тождества институтов. Но все же тот факт, что вервью славяне называли большую семью, конечно, имеет значение. С ним надо считаться.

Далее, Русскую Правду нельзя понимать как сборник обычного права. Это сборник законов, и притом установленных феодаль-

¹ Указ. соч., стр. 18.

² Происхождение семьи, частной собственности и государства, стр. 169, 1933.

³ Феодализм в удельной Руси, стр. 99—105. СПб. 1910.

ной властью. Статьи Русской Правды, начиная с Правды Ярославичей, — новые нормы, а не констатации сложившихся обычаев.

Учтя все это, посмотрим, есть ли действительно серьезные основания для пересмотра взглядов о верви, как большой семье, с такой силой и четкостью поддержанных Энгельсом. О верви впервые говорится в Правде Ярославичей в ст. 2 (II, Серг.): «А иже убьютъ огнищанина в разбои или оубийца не ищутъ, то вирное платити в ней же вири (надо читать: верви) голова начнетъ лежати».

Можно ли на основании этой статьи настаивать, что вервь — большая семья, а сельская община? Нам думается, что никаких оснований нет: вервь — задруга имела свою территорию, на которой могли найти труп убитого огнищанина. Нет ничего противоестественного в том, что князья возлагали ответственность на вервь в целом как сплоченный общественно-экономический коллектив. Ведь вира это разновидность княжеского дохода; важно было прежде всего, чтобы этот доход не был потерян, если бы не нашелся конкретный убийца.

Посмотрим, есть ли основания пересматривать взгляд на вервь как на задругу в результате анализа постановлений Русской Правды, содержащихся в пространных ее редакциях. Там есть ряд статей, имеющих отношение к верви: ст. 5—11 и 20 (III, Серг.). Предварительно выделим те статьи, для понимания которых безразлично, является ли вервь задругой или сельской общиной. Это ст. 5, по которой вервь отвечает за убийство княжого мужа и людина в разбое, в случае если труп будет найден на территории верви и если члены верви не желают искать убийцу, ст. 10, по которой люди, т. е. члены верви, не платят виру за разбойника, но должны выдать его на поток и разграбление, и ст. 20, по которой вервь не платит «по костех и по мертвеци», «аже имене не ведают, не знают его».

Не трудно видеть, что все эти статьи могли быть поняты и в предположении, что вервь — большая семья.

Переходим к рассмотрению тех статей, которые используются Грековым для доказательства, что вервь — сельская община. Это статьи 6—9 и 11 (III, Серг.), т. е. те статьи, в которых говорится о платеже дикой виры в рассрочку (ст. 6), об участии в платеже дикой виры головника (ст. 7), о самостоятельном, без участия верви, платеже головничества головником (ст. 8), об условиях платежа дикой виры в случае убийства в ссоре или на пиру (ст. 10) и об освобождении верви от платежа дикой виры, если головник в нее не вложится.

Ст. 6 вовсе не разрушает представления о верви как задруге. Наоборот, ее смысл становится более понятен в предположении, что вервь — задруга. Если бы вервь была сельской общиной, и притом сельской общиной больших размеров, что естественно для общины, уже подвергавшейся разложению, то непонятно, зачем княжеская власть идет на рассрочку платежа дикой виры, тем бо-

лее что взносы для уплаты дикой виро собирались заблаговременно. Наоборот, если мы признаем вервь задругой, то нам станет понятным, почему княжеская власть идет на рассрочку и даже при заблаговременном собирании взносов по дикой виро: вервь была незначительным коллективом, и требовать виру немедленно — это значит самую норму признать в конце концов нереальной, так как вервь, конечно, не в состоянии ее уплатить. Обширная территориальная община могла, конечно, уплатить виру — если не немедленно, то во всяком случае не в течение нескольких лет.

Ст. 7—9 могут быть прекрасно поняты в предположении, что вервь — задруга — большая семья. По своему содержанию они не что иное, как развитие статьи о дикой виро: они предусматривают отдельные случаи платежа этой виро.

Наиболее серьезные затруднения для понимания верви как задруги представляет ст. 11 (III), которая предусматривает возможность индивидуальной ответственности членов верви в случае, если они не войдут в дикую виру. Эта статья как бы предполагает, что члены верви могут иметь свое индивидуальное хозяйство, свое (и довольно значительное) имущество, а это невозможно в верви как семейной коммуне. Но и здесь при ближайшем анализе не трудно установить, что и эти затруднения не носят серьезного характера.

Мы уже говорили, что большая семья давно подвергалась разложению в Киевской Руси. Этот процесс должен был в особенности усилиться в XII в., когда феодальные отношения уже носили достаточно развитый характер. Вервь, вероятно, в этот период стала распадаться на крупные патриархальные семьи — дворща и печища, которые сохранились на севере России в XVI—XVII вв. (и были изучены А. Ефименко¹) и в полуразложившемся виде существовали и в XIX в.

Князья в своих интересах стремились использовать элементы родовых, патриархальных связей в верви, развитое коллективное чувство ее членов, но, когда им было выгодно, они использовали и отношения, обусловленные распадом верви. Кто мог не участвовать в дикой виро? Конечно, наиболее зажиточные элементы, а не обедневшие члены верви. Князья имели возможность получить с этих элементов виру не в рассрочку, а сразу или крупными взносами.

Наконец, можно привести еще одно соображение в пользу того, что вервью называлась задруга, большая семья, а не сельская община. Если бы вервь была таковой, то это название сохранилось бы, пока она существовала хоть в какой-нибудь из русских земель. Но нам известно, что вервь в значении сельской общины не упоминается ни в одном из позднейших памятников. Больше того, этот термин исчезает даже в Русской Правде. Например, для переписчиков Краткой Правды, древнейший список которой относится

¹ Исследования народной жизни, вып. I, стр. 217—232. М. 1889.

к XV в., этот термин был непонятен. Переписчик Академического списка вместо верви по подчищенному написал «вири», а переписчики Археографического списка — «верной». Но если считать вервь большой семьей, то естественно, что по мере разложения больших семей самый термин должен был исчезнуть.

Итак, все нормы Русской Правды могут быть объяснены, если мы будем считать вервь большой семьей, находившейся в процессе разложения и превращавшейся в совокупность больших патриархальных семей, непосредственно входящих в состав сельской общины. Следовательно, у нас нет оснований для пересмотра мнения Энгельса.

Однако спор наш с защитниками взгляда на вервь как сельскую общину — не только терминологический. Если мы признаем, что вервь — задруга, то это значит, что сельская община содержала разлагавшиеся родовые коллективы, что патриархальные отношения в ней были еще достаточно сильны.

Но мы вместе с тем должны знать, что и сама сельская община подвергалась разложению в дофеодальный период. Это разложение было обусловлено целым рядом моментов, отмеченных Энгельсом. Здесь на первом месте стоит начавшееся отделение от сельского хозяйства ремесла и торговли (что было возможно благодаря развитию производительных сил), а затем грабительские войны князей и племенной верхушки. Но нам думается, что большую роль в деле разложения общины имело и взимание князьями дани.

IV. Разложение сельской общины

§ 1. Развитие ремесла. Крупнейшими показателями начавшегося разложения сельской общины в дофеодальный период Киевской Руси являются отделение ремесла от земледелия, повышение производительности труда ремесленников и улучшение качества их продукции. Археологические данные позволяют нам установить, что этот процесс определился с достаточной четкостью с X в. Именно с этого времени ремесленные изделия начинают резко выделяться по своему качеству и разнообразию типов от продукции предшествовавшей эпохи.

Этот прогресс проявляется во всех основных отраслях ремесленного труда, но в особенности он показателен по археологическим данным о ремесленной обработке металлов. Прежде металлические изделия были очень грубы по своей технике, не отличались разнообразием образцов и не имели стабильных форм. Обследования археологических объектов, датированных X в., обнаруживают резкое увеличение их ассортимента.¹ Появляются хорошо выделан-

¹ Обстоятельную сводку материалов, характеризующих развитие ремесла в феодальный период, дал В. И. Равданикас в работе „Некоторые моменты процесса возникновения феодализма в лесной полосе Восточной Европы“, а также М. С. Грушевский. *Исторія України — Руси*, т. I, стр. 261—266. К., вид. 3-е.

ные ремесленные инструменты: топоры, долота, щипцы, скобки, заклепки, гвозди и т. д.; оружие в виде копий, стрел, кинжалов, ножей разнообразных типов; домашняя утварь (напр., сковороды), домашние предметы (напр., огнива, замки, ключи) и т. д. Сопоставление всех этих изделий с изделиями предшествовавшей эпохи показывает резкое улучшение качества плавки иковки. Вместе с тем можно проследить постепенно устанавливающиеся стандартные типы этих изделий по отдельным районам, например, топоры с прямым верхним краем и полукруглой выемкой в нижнем крае, железные лопаты с противоположным концом в виде сковородника, стандартные плоские сковороды. Отсюда не трудно сделать вывод, что в деле обработки железа сложились специальные ремесленные традиции, выработались специальные навыки, что обработка железа теперь сделалась особой специальностью. Равным образом наблюдается крупный прогресс в области обработки цветных металлов. Так, местной работой считаются два серебряных рога для питья, найденные в Черниговской Черной могиле, датируемой византийскими монетами IX в. Эти рога представляют собой изделия высокой техники; они имеют резную серебряную оковку со стилизованным растительным орнаментом и фигурами зверей и людей.¹ Появляются в это время также и стандартные типы украшений, например, новгородские височные кольца с ромбическим расширением, кольца с большим обручем у смоленских кривичей, что доказывает, что уже в этот период существовали определенные районные центры их изготовления.

Археологические данные позволяют установить развитие керамического производства. До рассматриваемого периода глиняная посуда изготовлялась лепкой от руки из грубой глиняной массы при плохом обжиге. Можно предполагать, что каждая семья производила такие сосуды собственными средствами. В X в. стал применяться гончарный круг; гончары научились составлять ровную мелкозернистую глиняную массу и хорошо обжигать изготовленные сосуды в специальных печах, требующих умелого обращения и специальных знаний. С развитием техники гончарного дела появляются стандартные типы горшков с отогнутой шейкой, со вздутыми округленными боками, с орнаментацией из волнистых или параллельных линий, легко и быстро выполняемых во время вращения готового сырого горшка на круге. Это позволяет нам сделать вывод, что все эти изделия изготовлялись специалистами-гончарами, занимавшимися исключительно керамическим производством, владевшими всеми тонкостями ремесла и работавшими на обмен.²

Конечно, на ряду с этим ремеслом должны были развиваться и другие: появляются кузнецы, плотники, скорняки и пр., работавшие большей частью на заказ. Наличие стандартных типов изде-

¹ Толстой и Кондаков. Русские древности, т. V, стр. 14.

² В. И. Равданिकास. Указ. соч., стр. 120.

лий позволяет сделать вывод, что в данный период возникли более или менее обширные ремесленные центры внутри отдельных племен. Но несомненно, что на ряду с ними появляются и более крупные ремесленные центры, обслуживающие своей продукцией широкую территорию, например центры производства шиферных пряслищ, некоторых типов поясных пряжек и бус и др.¹

§ 2. Развитие торговли. Разделение труда, развитие ремесел в IX—X вв. означало и развитие обмена, торговли — как внутренней, так и внешней.

Можно предполагать, что первоначально основными предметами внутренней торговли были соль и железо.² Местная соль добывалась в Галиции, железо же добывалось из местной, так называемой болотной руды, например в земле древлян. Успехи в деле обработки металлов, в ювелирном производстве, в керамике обуславливают увеличение числа предметов внутренней торговли. О все усиливающейся торговле местными ремесленными изделиями достаточно убедительно говорят археологические данные. При раскопках обнаруживается более или менее широкое распространение остатков однотипных вещей. Возникновение ряда крупных городов, бывших торгово-промышленными центрами, с населением, которое перестало заниматься сельским хозяйством, должно было вызвать торговлю съестными припасами, создать более или менее емкие сельские рынки. Основным центром торговли, сборным пунктом для всего, что двигалось по Днепровской системе (а к этой системе шли товары с других речных систем) был Киев.³ Он служил перекрестком не только водных систем, но и сухопутных — из Волыни, Польши, Чехии и Венгрии, из Курска, Переяслава. На юг же от Киева шли три пути, имевшие весьма крупное значение во внешней торговле: греческий, соляной и залозный.

На ряду с развивающейся внутренней торговлей усиливается торговля и внешняя. Сильный рост внешней торговли может быть объяснен тем, что в Киевской Руси добывались товары весьма ценные и ценимые крупнейшими и экономически развитыми государствами того времени — Арабским и Византийским.

Таковыми товарами были меха, мед и воск. Конечно, и в этих странах занимались охотой и пчеловодством, но все, что там добывалось, не удовлетворяло спроса и, вероятно, мало ценилось. Достаточно, например, указать на меха, добывавшиеся в Восточной Европе; с этими мехами, конечно, по красоте и теплоте не могли конкурировать местные.

Начало торговли восточного славянства с Востоком, если основываться на монетных кладах, относится к VII в. Из свидетельства

¹ В. И. Равданикас Указ, соч., стр. 121.

² М. С. Грушевский. Історія України — Руси, т. I, стр. 266—267. Л. 1904.

³ М. С. Грушевский. Указ, соч., т. I, стр. 267. Л. 1904.

же восточного писателя Ибн-Хордадбе¹ можно установить, что восточная торговля получила уже большое развитие в первой половине IX в. В трактате, который приписывается Эль-Балхи (первой половины X в.) говорится, что «Русь ведет торговлю с Хазарией, Византией и Великим Болгаром». ² О торговле Руси с Болгаром и Хазраном (Италем) говорит также и Хаукаль. ³

Основываясь на дошедших до нас материалах, можно установить, что Болгар — столица государства волжско-камских болгар — был центром, связывающим Русь со Средней Азией. Основной артерией, по которой шла торговля Руси с Болгаром, была Волга. Но русские торговцы не только непосредственно торговали с Болгаром и среднеазиатскими арабами, но были и посредниками в торговле между ними и балтийскими народами.

Не трудно установить, что торговлю с болгарами вели преимущественно племена, живущие на севере: ильменские славяне, кривичи, вятичи.

Южные же племена — поляне, северяне, древляне вели главным образом торговлю с хазарами, точнее со столицей хазарского царства — с Итилем. Эта торговля с хазарами в некоторый период играла главную роль. Об этом прямо свидетельствует Хаукаль: «Главная торговля Руси была в Хазаране, где было много купцов и мусульман и всякого товара». ⁴ Русские товары привозились в Итиль или по Волге или по Дону, откуда они волоком шли в Волгу, вероятно в то место Волги, где теперь находится Сталинград. Но восточные писатели рассказывают, что русские купцы со своими товарами следовали дальше Итиля, по Каспийскому морю, т. е. непосредственно к основным торговым арабским центрам.

Что г. Итиль играл крупную роль в торговле Руси с арабами, достаточно хорошо подтверждается рассказом Масуди о том, что одну половину города занимали славяне и Русь. ⁵ Ибн-Фалдан имел возможность подробно описать обычаи русских купцов, приезжающих в Итиль. ⁶ В свою очередь через Итиль приезжали в Русь и арабские купцы. Товары, которые шли из Восточной Европы (а следовательно и из Руси) и покупались арабскими торговцами, были весьма разнообразны. Писатель конца X в. Мукаддеси рассказывает, что «из Ховарезма (Хорезма) вывозят соболей, белок, горностаев, фенек, куниц, лисиц, бобровые шкуры. пестрых зайцев, коз, воск, стрелы, березовую кору, шапки, рыбий клей, рыбы зубы, бобровый аромат, янтарь, выделанную кожу, мед, орехи, ястребов, мечи, панцыри, «халендж», славянских невольников, овец и быков; все это из Болгара». ⁷

¹ А. Я. Гаркави. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских, стр. 49. СПб. 1870.

² Там же, стр. 276—277.

³ Там же, стр. 219—221.

⁴ Там же, стр. 219.

⁵ Там же, стр. 129.

⁶ Там же, стр. 93—101.

⁷ Там же, стр. 282.

Несомненно, что бо́льшая часть этих товаров могла быть вывезена из Руси.

Масуди подробно говорит о торговле Руси мехами. Ряд других писателей отмечает особенное значение торговли рабами и рабствами. Что же касается арабского ввоза, то восточные писатели сообщают, что арабы ввозили в Русь бусы и мечи, произведения ювелирного искусства, в частности золотые изделия, южные фрукты и пряности.

На ряду с торговлей с Востоком определенное значение имела торговля и с Югом, в частности с Крымом. Киевская Русь (и в частности Киев) связывалась с Крымом двумя путями: так называемыми Соляным и Залозным. Первый назывался так потому, — по этому пути везли из Крыма соль, но несомненно, что кроме соли Русь вывозила оттуда и другие товары. По крайней мере император Константин Багрянородный сообщает, что херсонесцы покупали от печенегов шкуры и воск.¹ Но печенеги — степной, кочевой народ — пчеловодством не занимались и, следовательно, воск, которым они торговали, мог быть только русского происхождения. Этот воск и другие свои специфические товары русские могли продавать и непосредственно в крымских торговых центрах. Но русские торговали не только с греческими крымскими городами, но и с крымскими степными кочевниками, а также с кочевниками приднепровских и донецких степей. Константин Багрянородный рассказывает, что Русь «покупает у печенегов волов, коней и овец».²

Несомненно, торговля с Крымом и городами, расположенными по Черноморскому побережью, когда-то играла крупную роль. Недаром Черное море получило название Русского моря. О значении для Руси черноморской торговли говорят в достаточной степени восточные писатели. Так, Масуди говорит, что Черное море называется русским морем, так как кроме Руси на нем никто не плавал.³

Однако с течением времени и торговля с Востоком, посредственная или непосредственная, и торговля с Черноморским побережьем стала терять свое значение. Упадок этот в значительной степени объясняется определившимся упадком Арабского халифата, а также тем, что Хазарское царство начинает подвергаться нападению со стороны кочевников среднеазиатских степей. Разгром князем Святославом Хазарской державы должен был еще сильнее отразиться на свертывании восточной торговли. По мере определившегося упадка торговли с востоком, особое значение приобретает торговля Руси с Византией. Днепр был основным путем, основной артерией этой торговли (путь «из варяг в греки»).

¹ De administrando imperii, cap. 9.

² Ibid., cap. 2.

³ А. Я. Гаркави. Указ. соч., стр. 130.

О значении этого пути исчерпывающим образом говорит Константин Багрянородный.¹

Первоначально торговля с Византией велась через посредство греческих городов, среди которых на первом месте стоял Херсонес, но затем Русь вошла в непосредственные торговые связи с Византией. Можно предполагать, что начало непосредственной торговли Руси с Византией относится к началу IX в.

Во всяком случае восточный писатель Ибн-Хордадбе, писавший в первой половине IX в., рассказывает, что Русь из далеких славянских стран отправляется к Русскому морю (т. е. Черному); они продают там меха, бобров и черных лисиц, а также мечи, и римский государь собирает с них десятину.²

В X в., после удачного похода князя Олега, русско-византийская торговля стала весьма сильно развиваться. Несомненно, на ее развитие оказало благоприятное влияние заключение договора между Олегом и византийским правительством. Русские купцы получили значительные торговые привилегии. Они не платили никаких торговых пошлин. Больше того, византийское правительство должно было снабжать русских купцов съестными припасами. Что касается предметов русского вывоза, то это были специфические русские товары: мед, воск, меха и рабы.

Предметами же ввоза византийцев являются паволока и вообще всякие другие ткани, изделия из золота и целый ряд других товаров, которые получили общее название: «сосуды разноличные» и «всяко узорочье». К этому перечню надо присоединить и стеклянные бусы.

Археологические раскопки памятников, относящихся к X—XI вв., позволяют установить, насколько широк был торговый обмен между Русью и Византией. Во всяком случае остатки византийских тканей, бус, металлических украшений постоянно встречаются при раскопках курганов и городищ.

Путь, идущий в Византию, был одновременно и путем «из варяг», т. е. путем, связывающим Русь со скандинавскими народами.³ Путь этот шел из Киева по двум направлениям: на Двину и на Ловать и озеро Ильмень. Торговля по этому пути также была оживленной. Русские торговцы вывозили, кроме своих товаров, т. е. меда, воска и мехов, еще византийские и арабские товары, а ввозили янтарь, соль, металлы и западноевропейские товары.

Древнейшие известия о торговле русских купцов с Западом — это таможенные правила, изданные в Раффельштете в октябре 904 г. О значении этой торговли говорят даже восточные писатели, в частности Хордадбе, который рассказывает о торговой деятельности еврейских купцов. Купцы, по его словам, «ездыт с запада на восток и с востока на запад по суше и по морю и выво-

¹ De administrando imperio, cap. 9.

² А. Я. Гаркави. Указ. соч., стр. 49.

³ Лавр., ввводн. часть.

зят из западных земель на восток евнухов, девушек и мальчиков, парчу, бобровые, куничьи и иные меха и мечи». Еврейский путешественник Ибн-Якуб рассказывал, что в Прагу приходили русские и славяне, купцы, евреи и турки с различными товарами и византийскими червонцами, а оттуда вывозили невольников, олово и меха.²

Из имеющихся данных можно установить, что главными предметами ввоза в Русь из западноевропейских стран были рабы и металлические изделия, в частности мечи.

§ 3. Военные предприятия князей. Летопись много говорит о походах киевских князей в рассматриваемый период на отдельные славянские племена или на окружавшие Русь страны. Рассказывается, что князь Олег завоевал древлян, отвоевал от хазар северян, воевал с тиверцами и уличами, а в 941 г. предпринял свой знаменитый поход на Византию, принудив византийцев уплатить контрибуцию и заключить с ним выгодный торговый договор. При князе Игоре был предпринят ряд походов на славянские племена — уличей, тиверцев, древлян, которые восстали после смерти Олега. Наша летопись рассказывает о двух походах Игоря на Византию, а по восточным известиям в княжение Игоря было совершено два похода на западное побережье Каспия.

По смерти Игоря Ольга жестоко расправилась с древлянами, поработив значительную часть их, разграбила главный древлянский город, а на уцелевших жителей наложила тяжелую дань. Но в особенности завоевательную деятельность развернул князь Святослав, завоевавший радимичей, вятичей, разгромивший волжско-камских болгар, буртасов, хазар, заставивший платить дань ясов и косогов. Эту серию походов Святослав закончил продолжительной войной с болгарами и византийцами. Много военных предприятий совершил князь Владимир.

Но, несомненно, летопись рассказывает не о всех походах русских князей. Было много разного рода военных экспедиций, которые не были в ней отмечены. Например, не говорится о двух кавказских походах Руси в княжение Игоря. С другой стороны, кроме киевских князей, несомненно, воевали друг с другом славянские племенные князья.

Все эти походы сопровождалась порабощением пленных врагов, грабежом деревень и городов. От походов не только обогащались князья и дружинники, но и рядовые участники. Достаточно вспомнить раздачу князем Ярославом денег новгородскому ополчению после победы над Святополком. Но если сравнительно небольшая часть обогащалась, то основная масса населения, подвергавшаяся нападению, теряла свое имущество. Следовательно, грабительские войны усиливали дифференциацию населения.

¹ Дается в переводе М. С. Грушевского (Киевская Русь, т. I, стр. 358—359. СПб. 1911).

² По переводу, принятому М. С. Грушевским (Киевская Русь, стр. 359).

§ 4. Взимание дани. Как мы указали, большое значение в деле разложения общины и роста дифференциации в обществе Киевской Руси в рассматриваемый период имело взимание князьями дани с населения.

Наша древняя летопись¹ отмечает, что славянско-финские племена платили дань еще до образования Киевского государства: «Имаху дань варязи из заморья на Чуди и на Словенех, на Мере, и на всех и на кривичех, а хозари имаху на полянах и на северах и на вятичех». В другом месте летопись указывает, что радимичи также платили дань хазарам. Как было указано, дань платилась деньгами (щелягами—шиллингми) или мехами (белыми веверицами, черными кунами). По образовании Киевского государства дань стала взиматься попрежнему и в прежних объектах. И Олег и Святослав заставляли новопокоренные племена платить им столько же, сколько те платили хазарам; иногда облегчая размеры дани, чтобы привлечь их на свою сторону и более прочно закрепить их за собой. Однако можно думать, что после окончательного оформления Киевского государства и укрепления государственного аппарата дань стала осложняться: наряду с мехами стали взимать мед и воск. Так, древляне, осажденные княгиней Ольгой, предлагали давать ей дань «медом и скорою».² Святослав рассказывал, что он получал из Руси «скора и воск, мед и челядь».³ Несомненно, что скору, мед и воск он мог получить только в качестве дани.

У нас имеется много данных, на основании которых мы можем установить, как взималась дань с подвластного населения. Среди известий о порядке и способах собирания русскими князьями IX—X вв. дани на первом месте по своей красочности и подробности стоит известный рассказ Константина Багрянородного. Согласно этому рассказу, князья посвящали сбору дани — полюдью зимнее время. Они сосредоточивали собранную дань в определенных центрах, с тем чтобы отправить ее в Киев весной, по вскрытии рек.

Наша древнейшая летопись подтверждает рассказ Константина Багрянородного. По рассказу летописи об обстоятельствах гибели князя Игоря, сбор дани производился князьями или их наиболее близкими дружинниками, в данном случае Свенельдом. По летописным данным можно установить сложившуюся к этому времени практику взимания дани. Прежде всего обнаруживается, что князья в X в. начинают взимать дань в произвольном размере: когда Игорь стал собирать с древлян дань вторично, они оставались спокойными — очевидно, это было обычным делом. Восстали они против Игоря только тогда, когда он пошел собирать дань в третий раз. Что дань могла устанавливаться по про-

¹ Лавр., 859.

² Там же, 946.

³ Там же, 948.

изволу и увеличиваться против прежних размеров, доказывается сообщениями летописи о том, что княгиня Ольга по взятии города Искоростеня наложила на тех же древлян «дань тяжьку». Но дань платилась не только великому князю, а следовательно главному государственному центру, но вместе с тем и своим «племенным» князьям, а затем местным — «светлым» князьям во время Олега и Игоря. Конечно, не может быть никаких сомнений в том, что при сборе дани на ряду с основной ставкой «примучивались» дружинниками князя дополнительные сборы. Не даром отроки Свенельда, который, очевидно, значительную часть собранной дани должен был отдавать князю, «изоделиси суть оружием и порты». Таким образом, еще при первых русских князьях сбор дани сопровождался взиманием различных дополнительных сборов, шедших как самому князю, так и его дружинникам. Эти дополнительные сборы, будучи суммированы, образовали новый налог — полюдье.

Нет никакого сомнения в том, что так называемое примучивание дани обогащало не только князей и дружину, но также и местную родо-племенную знать, которая в той или другой степени помогала князьям.

Но примучивание дани, обогащая князей и родо-племенную знать, разоряло много других, экономически слабых общинников, которым, чтобы уплатить полностью дань, приходилось идти в кабалу к своим наиболее зажиточным соседям или к той же родо-племенной знати. В особенности разлагающее влияние дани должно было сказаться после проведения финансово-административных реформ княгини Ольги, учредившей после окончания войны с древлянами погосты. Как мы об этом будем говорить подробно, эта реформа повела в конце концов не только к увеличению дани, но и к дополнительному установлению всякого рода поборов, которые взимали финансово-административные агенты. Большое значение должна иметь и замена натуральной дани денежной. Замена эта стала производиться еще хазарами, и, конечно, русские князья продолжали взимать дань деньгами, когда присоединяли племена, подвластные хазарам (напр., вятичей).

V. Возникновение городов

В дореволюционной историографии мало интересовались изучением городов Киевской Руси. Если же их и изучали, то не разбирались достаточно четко в эволюции городских поселений и в особенности в социальном смысле этой эволюции. Советские археологи — П. П. Ефименко, В. И. Равданикас, А. В. Арциховский сделали большой вклад в дело изучения древнеславянских поселений и древнерусских городов.

Однако и в настоящее время не все (даже очень важные) вопросы истории поселений Киевской Руси в дофеодальный период

разрешены; многие археологические объекты крупного значения еще не достаточно обоснованно и исчерпывающим образом датированы. Но как бы то ни было, мы сейчас имеем возможность разобраться в вопросе о происхождении и дальнейшей эволюции городских поселений.

Прежде всего можно установить теснейшую связь городов IX—X вв. с городищами предшествующей стадии развития.

Городища представляют собою поселения, небольшие по площади (от 20 до 100—120 м в длину). Они разнообразны по форме: круглые, прямоугольные, треугольные, овальные и т. д. Обычно они располагались на высоких берегах рек, у оврагов и рвов. В литературе было отмечено, что городища залегают целыми гнездами, расположенными на небольшом, а иногда и совсем незначительном расстоянии, например в версту и менее.¹

В настоящее время можно считать установленным, что городища подобного типа, т. е. городища, вокруг которых не было следов поселений, принадлежали большим семьям. Совокупность же городищ, расположенных на небольшом расстоянии друг от друга целыми гнездами, можно считать поселением всего патриархального рода. Археологические данные позволяют установить дальнейшую эволюцию городищ.²

При разложении патриархального рода и распаде больших семей городища прежде всего увеличиваются в своих размерах. Нам думается, что типом такого рода городищ может служить так называемое Борщевское городище, обследованное П. П. Ефименко. Это городище, огражденное валом и рвом, имеет в длину 180, а в ширину 30—35 м. В нем сохранились высеченные в мелу землянки квадратной формы, размером 3,5—4,5 м. Землянки эти были связаны внутренними ходами. В них располагались, вероятно, отдельные семьи после распада больших семей. П. П. Ефименко³ датирует Борщевское городище VIII—IX вв.

С течением времени, когда стал завершаться процесс разложения патриархального рода и распада больших семей, городища утрачивают свое значение центров поселения и превращаются в рефугиумы, т. е. во временные убежища, а вокруг них или даже независимо от них начинают постепенно возникать открытые поселения — деревни. В литературе было уже отмечено, что типом подобного рода городищ, превращающихся в открытые поселения, является Ковшаровское городище (верхнего культурного слоя).⁴ Оно находится на территории старого «большесемейного» типа городища и имеет новую систему укреплений. Вместо вала и

¹ В. И. Равданикас. Некоторые моменты процесса возникновения феодализма в лесной полосе Восточной Европы, стр. 113.

² Вопрос об эволюции поселений восточного славянства обстоятельно разработан В. И. Равданикасом в указанной работе.

³ Раннеславянские поселения на Среднем Дону. Сообщения ГАИМК. № 2, 1931.

⁴ В. И. Равданикас. Указ. соч., стр. 116.

рва — деревянные укрепления на каменном фундаменте, состоявшие из столбов, вкопанных в землю ниже каменной кладки, и горизонтально положенных бревен твердого и мягкого дерева. Каменная кладка, являющаяся фундаментом деревянного укрепления, сложена из небольшого булыжника. На Ковшаровском городище было обнаружено жилище из бревен, походившее на современную простую хату; жилище имело слюдяные окна. Очень характерно и показательно, что верхний культурный слой обнаружен не только внутри городища, но и за его пределами в непосредственно к нему прилегающей местности, при этом на довольно обширной площади до 4—5 гектаров; следовательно, вся эта площадь в данную эпоху была заселена. Но, если основываться на данных, полученных археологами Белорусской Академии Наук, городища совсем забрасывались и превращались в убежища: у большинства городов (70%) культурный слой не идет дальше IX в. Только 30% городищ сохранили свое значение.

Как было указано, открытые селища становятся господствующим типом поселений.¹ Но иногда на территории, где господствующим типом были открытые селища, воздвигались городища. Они отличаются от старых городищ тем, что на их территории нет культурных остатков, следовательно подобные городища служили только убежищем на случай нападения врагов.

Конечно, ни городища большесемейного типа, ни городища, вокруг которых располагались открытые поселения, ни городища-рефугиумы городами, т. е. крупными торгово-промышленными административными центрами, назвать нельзя, хотя они и назывались городами как иноземцами (Русь называли Гардарик, т. е. страна городов), так и русскими современниками. Мы уже цитировали обращение княгини Ольги к осажденным жителям Искоростеня, где она сельские поселения древлян называла «градами». Но уже в IX—X вв. можно по археологическим данным, правда недостаточно многочисленным и исчерпывающим, проследить возникновение городов. К сожалению, археологические данные не позволяют нам изучить начальный тип этих городов, именно так называемых племенных городов, центров племенной верхушки. Таким, например, городом был Искоростень в древлянской земле. Можно предполагать, что эти племенные центры были в первую очередь городами дофеодальной эпохи. Имеющиеся в нашем распоряжении археологические данные относятся к тем городам, которые возникли уже в период распада племенной организации и которых называть племенными центрами, без предварительного изучения, мы не имеем оснований. Такими городами, возникновение которых было прослежено, являются Полоцк и Смоленск.

Полоцк возник на месте старого городища (VIII—IX вв.), находившегося на правом берегу р. Полота, близ впадения ее в За-

¹ В. И. Равданикас. Указ. соч., стр. 117.

падную Двину. Это городище было укреплено валом прямоугольной формы, имеющим в длину около 70 м. В культурном слое этого городища обнаружена обычная культура старых больше-семейных городищ, лепная керамика, костяные орудия.

Новое городище возникло в начале X в. В культурном слое, относящемся к этому периоду, найдены обломки сосудов, сделанные на гончарном кругу, стеклянные бусы, металлические браслеты, словом — те остатки, которые типичны для поселения нового типа. Укрепления нового городища переделываются; площадь их расширяется. Вокруг этих укреплений разрастается открытое поселение по рр. Полоту и Двине. Городское население растет; город по мере развития отделения ремесла и торговли от сельского хозяйства превращается в промышленный и торговый центр.

Как указано, имеются материалы, характеризующие возникновение Смоленска. Первоначально город находился не на территории современного Смоленска, а ниже его по Днепру, примерно на 12 км, — там, где находится дер. Гнездово. На территории старого города также существовали городища «большесемейного» типа.

В X в. возникают два новых городища: одно — в устье р. Свинки, прямоугольной формы, длиной около 100 и шириной 30 м; другое — в устье р. Ольшанки, треугольной формы, длиной около 190 м. Оба городища укреплены валами. Вокруг этих городищ разрослись обширные поселения, располагавшиеся по течению рек Свинки и Ольшанки. Население этих городов было довольно многочисленным, о чем свидетельствует большой курганный некрополь X—XII вв., в котором насчитывается 3862 кургана. В XI в. город, как мы это наблюдаем в отношении Полоцка, был перенесен на новое место, т. е. на территорию современного Смоленска, но был сперва городом-замком, а затем уже феодальным городом.

Если у нас имеются археологические данные, достаточные для выяснения эволюции поселений восточного славянства, то зато у нас нет никаких данных для решения вопроса об организационной структуре городов IX—X вв., о разрядах населения и о количественном их соотношении. Здесь возможны только предположения. Так, можно предполагать, что в так называемых племенных городах концентрировались племенные власти, князь, его дружина, «нарочитые люди» — племенная старшина. Поскольку племенной город был центром всей территории, занятой племенем, естественно думать, что в племенном городе, как наиболее населенном и лучше защищенном, оседали скорее чем где-либо ремесленники и торговцы.

Однако среди городов Киевской Руси уже давно стали выделяться несколько городов, экономическое и политическое значение которых было исключительным по сравнению с городами племенного типа. Таковыми городами были Новгород и особенно Киев. Эти города превосходили все другие не только численностью на-

селения, но и сложностью своей организационной структуры. Нам думается, что эти два города стали превращаться в международные торжища.

VI. Возникновение патриархального рабства

Изученный нами процесс разложения сельской общины, несомненно, был сопряжен с возникновением классов. В Киевской Руси, как и везде, в эту стадию общественно-экономического развития возникают первые классы рабовладельцев и рабов.¹

У нас имеется крайне мало данных для изучения этого процесса. Дошедшие до нас источники, как иноземные, так и русские, говорят главным образом о торговле рабами на восточных и византийском рынках. Но, конечно, это вовсе не означает, что рабы были только экспортным товаром. По мере разложения общины стала больше использоваться и рабочая сила рабов.

Кто прежде всего становился рабовладельцем? Нет сомнения, что в первую очередь обрастали челядью князья — как киевские, так и местные. Можно предполагать, что в их руках была сосредоточена внешняя торговля рабами. Князь Святослав хвалился тем, что ему доставляли из Руси челядь. Вслед за князьями шли его ближайшие помощники: дружинники и родо-племенная знать. Можно предполагать, что, поскольку в недрах разлагающейся общины стало появляться крупное землевладение, эти первые крупные землевладельцы также стали приобретать рабов.

У нас нет данных, на основании которых мы могли бы установить основные источники рабства в этот период. Но, несомненно, основное значение вначале имела продажа детей в рабство, самопродажа, закабаление. Когда же процесс разложения общины стал проявляться все сильнее и сильнее, когда стала расширяться область применения рабского труда, то князья и верхушка тогдашнего общества стали уже «ополняться челядью».

Хотя, как указано, материал о рабстве в дофеодальный период Киевской Руси исключительно скуден, тем не менее мы можем решительно настаивать на патриархальном характере рабской эксплуатации. Об этом говорят прежде всего лингвистические данные. Рабы, холопы имели собирательный термин — чадь, челядь. Отсюда рабы, холопы еще в XI—XII вв. часто называются челядинами. В XI в., когда уже наметился процесс превращения холопов в крепостное крестьянство, источники того времени очень хорошо оттеняют патриархальность отношений между рабами и рабовладельцами.

В свое время у некоторых советских историков появилась тенденция преувеличивать роль рабства в Киевской Руси. Были попытки поставить вопрос о развитии рабовладельческой формации в эту эпоху. Как известно, эта тенденция подверглась решитель-

¹ В. И. Ленин. Соч., т. XXIV, стр. 366.

ной критике со стороны ленинградских историков и уже не проявлялась, насколько известно, ни в исторической литературе, ни в преподавательской работе.

«Для того, чтобы рабский труд сделался господствующим способом производства в целом обществе, общество должно достигнуть гораздо высшего развития производства, торговли и накопления богатства», — говорит Энгельс.¹

Краткий обзор экономических отношений в дофеодальный период Киевской Руси показывает нам, что того уровня общественно-экономического развития, который, по Энгельсу, был необходимым для возникновения рабовладельческой общественно-экономической формации, мы, конечно, не наблюдаем. Сельская община была далека от своего окончательного разложения. Ремесло только что стало отделяться от сельского хозяйства. Торговля не затрагивала глубин народного хозяйства. Рабство в Киевской Руси не успело, естественно, вырасти в развитую рабовладельческую систему хозяйства, в особую рабовладельческую общественно-экономическую формацию. В Киевской Руси совершался процесс по формуле Ленина: «от патриархального рабства к крепостничеству».²

Но рабство, возникшее в условиях и обстановке разложения общины, стало играть крупную роль в деле дальнейшего ее разложения. При помощи рабства наиболее крупные общинники получали возможность усиливать свое экономическое влияние, создавать обстановку, благоприятную для экспроприаций земель закабаленных общинников, для установления дальнейшей и большей их зависимости, словом — рабство становилось средством превращения общинной собственности в феодальную, а свободных общинников в феодально-зависимое и крепостное крестьянство.

Но, усиливая разложение сельской общины и тем самым создавая предпосылки для перехода в феодальную общественно-экономическую формацию, патриархальное рабство стало превращаться в крепостничество.

VII. Организация власти и управления

Как было указано, характеристику общественно-экономического строя, даваемую Киевской Руси XI—XII вв., историки обычно автоматически относили и к IX—X вв. Это в особенности характерно для исследователей политического строя Киевской Руси, в большинстве случаев историков-юристов. Наиболее ярким примером такого догматического подхода являются исследования Сергеевича, который упорно не желал замечать никакой эволюции в политической организации не только во весь период Киевского

¹ Анти-Дюринг, стр. 130, изд. 1932 г.

² В. И. Ленин. Соч., т. XXIV, стр. 367.

государства, но, пожалуй, и во весь период русской истории вплоть до Ивана IV.

Несколько глубже подходили к изучению вопросов организации власти и управления в Киевской Руси Владимирский-Буданов и Ключевский. Владимирский-Буданов, обозревая историю отдельных учреждений и органов власти (князь, княжеская дума, вече), отмечал их эволюцию, но это в значительной степени парализовалось тем, что он, будучи основоположником так называемой земской теории, основной территориальной единицей в Киевском государстве, начиная с момента его возникновения, считал так называемые земли. Равным образом и Ключевский отмечал эволюцию отдельных политических органов (боярская дума и вече), но и здесь его наблюдения утрачивали значение, так как основной территориальной единицей Киевского государства с момента его образования он считал так называемую городовую волость.

Наконец, даже и такой глубокий исследователь политического строя Киевской Руси, как А. Е. Пресняков, много сделавший для понимания эволюции политических учреждений, центром своего внимания сделал изучение материала, относящегося к XI—XII вв., и очень мало касался более раннего времени.

§ 1. Территориальная структура Киевского государства в дофеодальный период. Маркс называет Киевское государство «империей Рюриковичей», «несообразной, нескладной и скороспелой», «составленной Рюриковичами из лоскутьев, подобно другим империям аналогичного происхождения».¹

Несомненно, сделанная Марксом характеристика территориальной структуры Киевской Руси в особенности подходит к дофеодальному ее периоду. Анализ дошедших до нас источников позволяет нам подкрепить и развить эту характеристику.

В основном территориальная структура Киевской Руси может нами быть уяснена, если мы установим, из каких территориальных единиц она состояла и каковы были отношения этих единиц к центральной власти.

Что касается вопроса о территориальных единицах, то как будто у нас не должно быть сомнений в том, что киевские князья имели дело с территориями, занятыми отдельными племенами. Первые князья воевали с уличами и тиверцами, с древлянами, радимичами и вятичами. О северянах как об особом племени говорится еще в XI в. Летописец² влагает в уста князю Мстиславу, разбившему войска князя Ярослава, следующие слова: «Кто сему не рад? Се лежить Северянин, а се Варяг, а дружина своя цела».

¹ Секретная дипломатия XVIII в. Здесь, так же как и в других местах, цитирую перевод, приводимый Грековым в его работе „Феодальные отношения в Киевском государстве“, стр. 19. М.—Л. 1936.

² Лавр., 1024.

Но нет никакого сомнения в том, что и в этот период уже определился процесс разложения племенных отношений и, следовательно, процесс распада племенных территорий. Достаточно указать, что на севере еще в середине IX в. под гегемонией Новгорода образовался довольно сложный племенной комплекс, куда входили не только два славянских племени — ильменские словены и кривичи, но и ряд финских племен. Этот процесс распада племенных территорий начинает выражаться или в объединении их или в дроблении на самостоятельные части. Племенные связи разрушаясь уступают место территориально-экономическим. К началу XI в. распад племенных территорий можно в основном считать законченным. Сыновья князя Владимира сидят уже не в племенных княжениях, а в особых территориальных комплексах. Осталось только одно племя, которое сохранило свою племенную организацию и, следовательно, свою территориальную структуру, — это племя вятичей.

Обратимся к вопросу о взаимоотношении племенных территорий к основному политическому центру — к Киеву и к киевскому князю.

У нас имеются данные, на основании которых мы эти отношения можем уяснить. Среди них на первом месте стоят договоры, заключенные этими князьями, а также тот летописный материал, который имеет своим источником эти договоры. Летопись под 907 г. (Лавр.) рассказывает:

«И заповеда Олег дати воем на 2000 корабль, по 12 гривен на ключь, и потом даяти уклады на Руские грады... по тем бо городом седяху велиции князи, под Олгом суще».

В договоре 912 г. говорится о послах, «иже послани от Олга, великого князя русского, и от всех, иже суть под рукою его, светлых и великих князь и его великих бояр».

В литературе был поднят вопрос, кто эти «светлые» и «великие» князья, являются ли они членами Рюрикова рода, или других родов, или местными племенными князьями.

Тот факт, что за малолетством Игоря править стал Олег, — не брат Рюрика, — заставляет предполагать, что у Рюрика не было братьев и он не оставил детей старше Игоря. Следовательно, дом Рюрика был малочисленным и не мог держать в своем владении все перечисленные города. А. Е. Пресняков,¹ на наш взгляд, был прав, считая светлых князей самостоятельными князьями вроде Рогвольда и Туры.

Договор, заключенный князем Игорем с византийцами, для нас интересен не только тем, что из перечня послов позволяет нам установить, что ко времени Игоря род Рюрика значительно увеличился, но и тем, что Киевская держава, так же как и при Олеге, состояла из целого ряда княжений. Послы и гости для заключения договора посланы «от Игоря великого князя русского

¹ Княжое право в древней Руси, стр. 25.

и от всякая княжья и от всех людей русских земель». Нам кажется, что А. Е. Пресняков прав, когда отказался причислить членов княжого дома к светлым князьям, сидящим по городам русским уже во времена Игоря.

«В летописном изложении, — говорит он,¹ — выделение Рюрикова рода из общей массы «всякого княжья», как рода владельческого, выступает постепенно начиная со времени Святослава и, насколько можно судить по скудным намекам старых преданий, отразившихся в наших летописных сводах, не без борьбы завоевал этот род для себя монополию на княжое звание и княжое владение».

Если это было действительно так, то, следовательно, в основных центрах сидели князья не из дома Рюрика, а или специально посланные великим князем, т. е. князья-наместники, или местные, племенные. И здесь, несомненно, существовало различие в положении тех и других князей. Князья-наместники получали землю из рук великих князей, племенные князья продолжают сидеть на своей земле, но принуждены платить дань с этой земли. К. Маркс чрезвычайно удачно определил сущность этих двояких отношений. Он говорит, что это «вассалитет без ленных отношений или лены, составлявшиеся из даней». Таким вассалитетом без ленных отношений, основанным не на свободном договоре, а на принуждении, были отношения племенных князей. Отношения князей-наместников определялись тем, что они получали лены, составлявшиеся из даней. Все эти отношения типичны для дофеодального периода. Недаром Маркс называл их примитивными. Отношения их ограничивались платежом дани киевскому князю. Других повинностей они не несли. У нас нет данных утверждать, что они несли основную для вассалов повинность — военную. Если в войске киевских князей и принимали участие эти местные князья или их дружины, то это было добровольным участием, а не участием по обязанности. Вербовкой «воев» занимался сам киевский князь. И это не удивительно, так как местные князья не обладали феодальными ополчениями и не могли их посылать для киевского князя. Они только могли в крайнем случае послать ему часть дружины.

Еще более примитивны были отношения племенных князей к великому князю. Можно думать, что племенные князья не только не несли военной повинности, но даже не платили дани. Из летописного рассказа о взаимоотношении древлянского князя к Игорю легко установить, что подчинение древлян и древлянского князя выражалось только в предоставлении права собирать дань княжеским боярам (в данном случае Свенелду) или самому князю.

При Святославе можно отметить ряд новых моментов в территориальных отношениях. Они прежде всего заключаются в том,

¹ Указ. соч., стр. 26.

что древлянская земля была окончательно освоена русским князем. Когда были упорядочены формы эксплуатации древлян, когда были установлены дани и уроки, — древлянскую землю получил сын Святослава Олег. Неизвестно, при Святославе или при его преемнике была освоена земля и радимичей. Во всяком случае летопись более не упоминает об особом племенном княжестве радимичей. Оставалась не окончательно освоенной только земля вятичей.

Другим новым моментом является и то, что дом Рюрика устанавливает монополию на княжескую власть в Киевском государстве. Очевидно, сидя в основных центрах — Новгороде, Киеве, конечных станциях великого пути «из Варяг в Греки», первые Рюриковичи сумели захватить в свои руки все экономические и политические нити государства. Только полоцкие князья, также сидевшие на одной из крупных магистралей (по Западной Двине), сумели сохранить свое княжение. Все другие князья снизились до степени бояр. Вероятно, при Святославе начался процесс осложнения тех примитивных отношений, которые К. Маркс так удачно определил: «лены, составлявшиеся из даней». Можно думать, что дальнейшее разложение общинного строя и разложение племенных отношений имело своим общим последствием и усложнение отношений между великим князем и местными «светлыми» князьями. Упорядочение сбора дани, предпринятое княгиней Ольгой, было, вероятно, проведено по всей территории, а это в свою очередь должно было непременно отразиться на круге тех повинностей, которые нес местный князь. На большую централизацию и следовательно, на больший круг обязанностей повлиял и отмеченный нами факт — низведение князей на степень бояр, т. е., по сути дела, княжеских посадников. Княжеские посадники чем дальше, тем больше превращаются в местные органы княжеской власти.

§ 2. Княжеская власть. В рассматриваемый период как в самой структуре княжеской власти, так и в осуществлении ее функций, несомненно, было чрезвычайно много патриархальных черт. В литературе давно уже было отмечено, что в сущности Киевской Русью управлял род Рюриковичей. По крайней мере весь дом Рюриковичей подписывает договор Игоря, заключенный им с Византией. Племена также управлялись княжескими родами. Взаимоотношения между князьями внутри каждого княжеского рода в дофеодальный период определялись патриархальными, родовыми чертами, о чем достаточно подробно и убедительно говорили еще Соловьев и Кавелин.

Разумеется, функции первых Рюриковичей были весьма несложны и заключались в организации военных ополчений, командовании войском, покорении новых племен, установлении и взимании дани, главным образом товарами, находящими спрос на внешних рынках, и реализации этих товаров.

Внутренняя деятельность дофеодальных князей очень хорошо

была описана Константином Багрянородным, который подчеркивал, что основной функцией князей было полюдье.

Что касается княжеского управления, то киевские князья первоначально должны были непосредственно вѣдать только Киевской землей, т. е. землей полян. Как было указано, другие племенные территории управлялись или племенными князьями или князьями-наместниками (так называемыми «светлыми» князьями русско-византийских договоров).

Что касается суда, то князь судил только своих вассалов, дружинников, свою челядь и рабов. Судил он на основании обычаев («закон русский» русско-византийских договоров). Княжеская юрисдикция в этот период, конечно, не распространялась на широкую массу населения, в частности на общинников.

Едва ли можно говорить и о княжеском законодательстве, если не понимать под законодательством финансово-административные распоряжения (напр., кн. Ольги).

Если бы князь в это время и захотел издавать какие-нибудь общие нормы — законы, то не было бы ни сил, ни средств их обнародовать и тем более проследить за их выполнением. Повидимому, роль князей была незначительна и в деле организации культа, поскольку религиозные верования носили примитивный характер.

Чтобы лучше представить характер и круг деятельности и интересов дофеодалных князей, следует обратиться к рассказу летописи о князе Святославе. Этот рассказ особенно интересен тем, что позднейший летописец подчеркивает ряд черт его характера, которые были необычными для позднейших князей и, с его точки зрения, едва ли могли быть одобрены.

Летописец отмечает доблесть князя Святослава, его качества военного вождя, но вместе с тем указывает, что Святослав пренебрег своей вотчиной, Русью, и сделал своим центром болгарский город Переяславль, куда стекалась награбленная добыча. Летописец рассказывает и о последствиях этой политики Святослава.¹ Киев (с живущей там матерью Святослава) едва не сделался жертвой нападения печенегов. Чрезвычайно характерно отношение Святослава к отдельным землям, входившим в состав его державы. Когда новгородцы пришли просить себе князя, Святослав с пренебрежением спросил: «А бы пошел кто к вам?»²

Позднейшие князья дорожили этим крупным центром и всячески старались закрепить его за собой.

Характерно отношение к культу, который был принят его матерью: «он же не послуша матере, творяще и норовы поганьския», говорит летописец.

Следует отметить, что данная нами характеристика дофеодалных князей сделана на основании изучения того строя отношений,

¹ Лавр., 969.

² Там же, 970.

который определился в основном политическом центре — Киеве. На местах, т. е. у отдельных племен, княжеская власть имела, конечно, много патриархальных черт. Но, с другой стороны, было бы неправильно отрицать некоторое развитие и осложнение княжеских функций со второй половины X в. Достаточно вспомнить, что на Руси в этот период были две группировки в правящем слое. Одна направляла деятельность князя Святослава, а другая составляла окружение княгини Ольги. Ольга и ее окружение, как нам известно, провели финансово-административную реформу, учредив погосты. Можно думать, что эта группировка была тесно связана с местными землевладельческими элементами, которые постепенно вырастали при разложении общины. Группировка эта, как можно установить из летописного текста, предпочитала методическую эксплуатацию подвластных племен военным авантюрам Святослава. Нам известно, что Ольга стремилась установить связи с Византией и приняла христианство. Словом, и в X в. были уже определенные тенденции к усложнению функций княжеской власти. Возникает вопрос, кто же составлял окружение князя, кто были его помощники и советники. И здесь памятники дают нам возможность установить, что князь был окружен, с одной стороны, дружиной, а с другой — родовой и племенной знатью.

§ 3. Дружина. В рассматриваемую эпоху существовали два значения слова «дружина»: общее, означающее близких, своих людей, товарищей, спутников, и специальное, означающее ближайших соратников и сотрудников, окружавших князя или боярина и в мире и в войне. Дружина в этом последнем смысле не является специфической особенностью русского общественного строя дофеодальной эпохи, — она может быть признана не только всевропейским институтом, но институтом, существовавшим и в других частях света на определенной стадии общественного строя.

Дружина, в тесном смысле слова, князей и их наиболее выдающихся помощников существовала с самого возникновения Киевского государства. Но можно думать, что и так называемые племенные князья имели также свою дружину. Один из характерных моментов дружинного строя тот, что дружинники постоянно состояли при князе или боярине, жили при нем, разделяя все его интересы.

Переплетенность интересов князя и дружины легко доказывается многими текстами древнейших памятников. Дружина Игоря, по рассказу летописи,¹ упрекая его, что Свенелд собрал дань с уличей и древлян и что его отроки «изоделися суть оружием и порты», настаивает на вторичном сборе дани Игорем: «пойде, княже, с нами на дань, и ты добудеши и мы».

Наиболее яркий, можно сказать классический пример совпадения интересов князя и дружины дается в рассказе летописи²

¹ Лавр., 945.

² Там же, 996.

о том, как князь Владимир решил удовлетворить пожелание дружинников о замене деревянных ложек серебряными: «Серебром и златом не имам налезти дружины, а дружиною налезу серебро и злато, яко же дед мой и отец мой доискася дружиною злата и серебра». Вопросы войны и мира, вопросы об отношениях к другим князьям, издание законов, принятие различного рода административных постановлений, судебные приговоры — все это решалось по совету дружины.

Из кого состояла дружина? Прежде всего нужно установить, из кого она набиралась. Как было уже сказано, основной контингент дружины составлялся из родовой знати, но и всякий, кого князь считал ценным в ратном деле и в совете, мог быть привлечен в состав дружины. Следовательно, князь мог принимать людей, принадлежавших разным народам и племенам. Перечень дружинников в договорах с византийцами показывает, что в дружину входили как варяги и славяне, так и представители других народностей. Из летописи¹ мы знаем, что близкими к князю людьми были дружинники из угров (венгров), торков и т. д. Можно думать, что социальное происхождение первоначально не имело исключительного значения при приеме в дружину. Личная доблесть играла большую роль. Достаточно отметить,¹ что когда отрок Переяслав, который ранее никому не был известен, победил печенежского богатыря, то в его честь был назван заложенный на месте борьбы город Переяславль, причем Владимир «великим мужем створи того и отца его». Некоторые исследователи считают, что членами дружины, в частности младшей дружины, могли быть люди и несвободные.

Обратимся теперь к установлению, из каких групп состояла дружина. Верхний слой дружины состоял из дружинников, часто служивших отцу князя («дружина отня»). Она переходит к младшему поколению князей, вооруженная прежним влиянием и авторитетом в дружинной и в общественной среде. Из ее рядов выходят тысяцкие и посадники и прочие представители княжеской администрации.

Младшая дружина — отроки, пасынки, детские (очевидно, действительно младшие по возрасту) — находились при дворе князя, сближаясь и сливаясь с несвободной челядью. Из младшей дружины выбирались личные слуги князя, его телохранители, а также назначались мелкие должностные лица. Между старшей и младшей дружиной стояли дружинники, которые не могли быть причислены ни к той, ни к другой группе. Они не получали особого названия. Обычно их называют просто мужами, в противовес верхушке старшей дружины — боярам и отрокам, представителям младшей дружины. Очевидно, что это основной боевой контингент личных военных сил князя. От военного дела их, как общее правило, не отрывали, как отрывали бояр для управления или как отроков — для дворцовой службы.

¹ Лавр., 992.

Верхушка старшей дружины стала называться боярами. В договоре Олега говорится, что он заключен и от имени «бояр его светлых». Как было указано, памятники X в. также говорят о княжеских боярах, противопоставляя их старцам градским.

Можно установить, что боярином стали называть в первую очередь заслуженного члена дружины, получившего не только крупный общественный вес, но и определенную хозяйственную самостоятельность, которая могла быть достигнута только путем создания своей собственной дружины, своего двора. Отсюда в параллель княжеской дружине наши памятники начинают говорить о боярской дружине. Первые известия о боярской дружине появляются довольно рано. Первым упоминанием о ней служит много раз цитируемое нами известие летописи¹ о дружине (отроках) Свенельда — боярина князя Игоря, — доходы которой вызывали зависть со стороны княжеской дружины.

Итак, дружина разделяет судьбу князя, его успехи и его неудачи так же, как и его домашние. Дружинники живут во дворце князя на полном его иждивении. Князь или боярин снабжает дружину всем необходимым: пищей, одеждой, оружием. Дружина Игоря, говоря об отроках Свенельда, говорит, что они «изоделиси оружием и порты». Князь Владимир не только кормил дружину, но, как выше упомянуто, решил раздавать ей серебряные ложки. С дружиной князь не расстается ни на войне, ни во время своей административной деятельности, ни у себя дома. Отсюда князь считал дружинников своими естественными советниками. Летопись² рассказывает, что Владимир Святославович «любя дружину и с ними думая о строи землеи и о ратях и о уставе землеи». Но Владимир не был исключением. Летописи свидетельствуют, что ни одно решение по сколько-нибудь важному вопросу князь не предпринимал без совета с дружиной.

§ 4. Родо-племенная знать. На ряду с дружиной деятельность князя направлялась родо-племенной знатью. Об этом исчерпывающим образом говорят и источники.

После убийства Игоря древляне решают женить своего князя Мала на княгине Ольге. Летопись³ рассказывает, что они послали для сватовства «лучшие люди числом 20». После убийства этих послов Ольга посылает своих людей к древлянам, чтобы сказать: «Да еще мя просите право, то пришлите мужа нарочиты, да в велице чти приду за ваш князь, еда не пустят мене людье киевстии». Летопись рассказывает далее: «Все слышавше, древляне избраша лучшие люди, иже дерьжаху Деревьску землю, и послаша по ню». По взятии города Искоростеня Ольга «старейшины же града изнама и прочая люди свых изби, а другия работе предасть мужей своим, а прок их остави платити дань». Таким образом, у

¹ Лавр., 945.

² Там же, 996.

³ Там же, 945.

древлян, а следовательно и у других племен, были лучшие люди, которые «держали» землю, были старейшины. Это — не дружинники князя Мала. Имеются данные, которые дают нам возможность установить, что эти нарочитые, лучшие люди, старейшины, старцы противопоставляются княжеским дружинникам и боярам князя.

Когда князь Владимир задумал принять новую религию, он созвал «бояры своя и старцы». Бояр и старцев он созывает и тогда, когда явилось посольство, посланное для изучения чужих вер. Когда князь Владимир по совету епископов «отверг виры» и это отразилось на доходах князя и его дружины, то «реша епископы и старцы: рати многа, оже вира, то на оружья и на конех буде».

Летопись,¹ рассказывая об устраиваемых князем Владимиром пирах, отмечает, что он созывал на них «боляры своя и посадники, старейшины по всем градам и люди многы», что он «по вся неделя устави на дворе, в гриднице пир творити и приходити болярам и гридем соцьским и десятъским и нарочитым мужем при князи и без князи». Здесь княжеские бояре и всякие административные лица противопоставляются старейшинам и нарочитым людям.

В исторической литературе давно уже сложилось мнение, что в Киевском государстве с момента его возникновения существовал особый орган власти, особое учреждение, которое одни, как, например, Ключевский, называли боярской думой, другие, как Владимирский-Буданов, — княжеской думой. Лишь немногие историки, как, например, Сергеевич и Пресняков, решались отрицать существование подобного учреждения. В свое время, когда мы будем изучать политический строй Киевской Руси в эпоху развития процесса феодализации, мы подвергнем критике взгляды Ключевского и других историков. Но и здесь нам хотелось бы подчеркнуть, что и в дофеодальный период особого учреждения — боярской и княжеской думы не существовало и не могло существовать.

Во всяком случае в источниках мы не находим решительно никакого упоминания об этом учреждении.

Князья, не создавая никакого учреждения, совещались или со своей дружиной, что было обычным, или же приглашали кроме дружины родо-племенную знать, — «старцев градских», когда нуждались это нужным. Такие расширенные совещания, конечно, князь созывал для решения наиболее серьезных вопросов. Летопись, например, говорит о созыве Владимиром расширенного совещания по вопросу о замене виры смертной казнью по принятии христианства. Однако, отрицая существование совета при князе как особого учреждения, мы отнюдь не желаем тем самым отрицать, что в своей деятельности князь не направлялся дружиной и родо-племенной знатью. Князь, не желавший следовать советам своей дружины, рисковал остаться в одиночестве. Летопись,² на-

¹ Лавр., 996.

² Там же, 1015.

пример, рассказывает, что в таком положении очутился князь Борис, когда не послушал совета дружины: «Се дружина у тебе отня и вои; поиди, сяди Кыеве на столе отни». Дружина ушла к князю Святополку.

Нужно заметить, что уже к началу XI в. наметился процесс разложения дружинной организации, проявлявшийся в отрыве от княжеского двора наиболее влиятельных дружинников. Как мы потом будем подробно об этом говорить, процесс разложения дружины был сопряжен с процессом развития боярского вассалитета.

Однако необходимо отметить, что и в дофеодальный период были у князей слуги, которые не входили в дружинную организацию и имели свое хозяйство. Таким слугой был, например, Свенельд.

Свенельд имел свою собственную дружину, своих отроков. Несомненно, его отношения к князю носили иной характер, нежели отношения других слуг — дружинников князя.

Здесь дружинные отношения стали перерастать уже в вассальные, но примитивного типа — в вассалитет без лена, по выражению К. Маркса.

§ 5. Вече. Одним из основных органов племенной организации была племенная сходка, на которой решались наиболее важные вопросы, касавшиеся племени.

Конечно, обычай созывать племенные сходки существовал и у восточного славянства, где сходки эти носили специальное название — вече. Поскольку в дофеодальном периоде Киевской Руси политические органы развивались под племенной оболочкой, естественно, что широкие совещания правящей верхушки и городского населения сохранили старое название — вече. Можно думать, что сохранены были, в особенности вначале, и организационные формы племенных сходок.

В исторической литературе в основном не высказывалось сомнений в существовании веча с момента образования Киевского государства. Единственное исключение составил Ключевский, считавший, что первоначально в Киевской Руси власть не была вечевой, народной, так как управление городом и областью сосредоточивалось в руках военной старшины. Вече областных городов возникло и получило значение тогда, когда стало подниматься значение всей городской массы, собиравшейся на вече по мере упадка авторитета князя. По Ключевскому, всенародное вече главных областных городов было преемником древней городской торгово-промышленной аристократии.

Однако Ключевский не привел никаких конкретных данных для обоснования своей мысли о происхождении веча, и естественно, что его взгляды не были поддержаны в исторической литературе.

Как бы то ни было, но, если мы и не будем следовать Сергеевичу, который называл всякие совещания правящей верхушки вечем и предполагал, что каждое решение киевской власти есть результат вечевой деятельности, — тем не менее у нас имеется совершен-

но исчерпывающее сообщение летописи¹ о созыве веча в 997 г. в г. Белгороде во время осады его печенегами. Следовательно, вече созывали задолго до того времени, когда, по Ключевскому, оно могло существовать. У нас нет никаких других известий, в которых прямо говорилось бы о созыве веча, кроме известия от 997 г. Естественно, что мы не имеем возможности установить на основании конкретных данных, каковы были функции и организационные формы веча. Возможны одни только предположения.

Нам думается, что вече созывал для решения наиболее важных вопросов князь. На вече собиралась его дружина и родо-племенная знать и все жители города. Можно предполагать, что в этот период на вече в достаточной степени проявлялись начала первобытной демократии.

Поскольку Киевское государство состояло в начале дофеодального периода из отдельных племен, то естественно, что в каждом племенном центре созывались племенные сходки — вече.

§ 6. Административные органы. Как ни малочисленны, ни несложны были функции княжеской власти в феодальный период, тем не менее князья имели целый ряд административных органов. Летопись, например, говорит, что окружение князя в конце X в. состояло не только из дружинников и представителей родо-племенной знати, но из тысяцких, сотских и десятских.

Вопрос об органах управления в Киевской Руси в исторической литературе обсуждался оживленно. Одно время пользовалось вниманием мнение М. Ф. Владимирского-Буданова, который отметил двойственность системы управления. Одна система была численной, или десятичной (тысяцкие, сотские, десятские), а другая — дворовой (княжеские слуги, в частности тиуны). Первую он называл земской и противопоставлял ей вторую, называя ее княжеской. Владимирский-Буданов настаивал, что численная система является древнейшей, что ее происхождение доисторическое, докняжеское; оно должно быть отнесено по крайней мере ко временам великого переселения народов.²

О десятичной административной системе высказал свои взгляды и М. Н. Покровский, который на основе изучения новгородского материала пришел к выводу, что тысяцкий был начальником всех купцов, а сотские были их вице-начальниками. Следовательно, по Покровскому, тысяцкие и сотские являются как бы органами купеческого самоуправления.

Вопрос о тысяцких и сотских был со всей тщательностью рассмотрен А. Е. Пресняковым в «Княжом праве». Он привлек не только весь русский, но и западноевропейский материал о тысячах и сотнях. Пресняков подверг критике взгляды Владимирского-Буданова. Он прежде всего пришел к выводу, что его гипотеза о

¹ Лавр., 997.

² М. Ф. Владимирский-Буданов. Обзор истории русского права, изд. 6-е, стр. 75—77. СПб.—К. 1909.

доисторическом происхождении десятичной административной системы не может быть обоснована на русском материале.

Подверг он критике и высказывания Владимирского-Буданова о том, что эта система — земская и должна быть противопоставлена княжеской, дворцовой. На основании тщательного разбора всех дошедших источников он доказал, что тысяцкие и сотские являются такими же княжими органами власти, как и дворцовые. Пресняков высказывает и свой взгляд на десятичную административную систему. Он в сотнях видит судебно-административные учреждения, которые не обнимали массы сельского населения а типичны — в Новгороде, как и в Киеве — для городского строя. «Их (сотни) надо признать явлением, возникшим в связи с развитием городского строя и преобладания городов над землями — волостями».¹ «Сотни — новгородские организации торгово-промышленных, демократических элементов Новгорода под властью княжеско-боярской силы. Таким представляется мне их основное и первоначальное значение».

Обратимся к обзору этих мнений.

Прежде всего надо признать, что в литературе не было возражений против мнения Владимирского-Буданова о наибольшей древности так называемой десятичной системы по сравнению с так называемой дворцовой.

О социальной сущности власти тысяцких и сотских мы будем говорить в отделе, посвященном возникновению феодальной администрации, так как указанные исследователи имели главным образом в виду именно этот период и базировались на источниках этого же периода. Укажем лишь, что мы полностью присоединяемся к взглядам А. Е. Преснякова о том, что тысяцкие и сотские органы являются княжескими, а отнюдь не земскими, и к его критике гипотезы о доисторическом происхождении этих органов, считая ее необоснованной.

Но зато нам здесь надлежит коснуться вопроса о происхождении десятичной системы и о первоначальных функциях ее органов. Конечно, материал, имеющийся в нашем распоряжении, настолько скуден, что все наши высказывания по этим вопросам будут носить такой же гипотетический характер, как и высказывания других исследователей. Различие будет заключаться в том, что мы наши предположения увязываем с эволюцией общественно-экономического строя Киевской Руси.

Первый вопрос: когда эта система была учреждена? Как известно, о тысяцких, сотских и десятских говорится в летописи, рассказывающей о событиях конца X и начала XI в. Мы уже цитировали известие о том, что князь Владимир приглашал их на совещания. Но в исторической науке никто не высказывал мнения о том, что именно в конце X в. и возникла эта система. Если бы

¹ А. Е. Пресняков. Княжое право в древней Руси, стр. 190. СПб. 1909.

это было так, то летопись, довольно тщательно освещавшая все стороны деятельности князя Владимира, не преминула бы рассказать об этом учреждении новых административных органов. Отсюда можно считать, что тысяцкие и сотские, вероятно, существовали с момента возникновения Киевского государства. Возникает вопрос: каковы были функции тысяцких, сотских и десятских в дофеодальный период Киевской Руси? Здесь мы решительно не можем согласиться со взглядом Преснякова о том, что сотни с момента их возникновения были судебно-административными учреждениями, организациями торгово-промышленных элементов под властью княжеско-боярской силы. Как мы знаем, Пресняков считал, что подобное значение сотни имели в Новгороде и что это значение было первоначальным и основным для всего Киевского государства.

Прежде всего необходимо указать, что Пресняков оперирует специфическим новгородским материалом, который, конечно, не может быть без весьма веских соображений положен в основу общего взгляда о сотнях и о десятичной системе вообще. Увлеченный своей схемой, он противоречит в данном случае своей правильной по существу мысли о том, что «те черты, которые наблюдаются позднее в северорусских народоправствах, а также по крайней мере в виде живучей традиции в воззрениях, если не в развитых формах быта... нет основания считать архаизмами», что «в руки общественной власти Новгорода и Пскова власть эта перешла как наследие ослабшей и ограниченной княжеской власти».¹

Далее, мы не можем согласиться с тем, что в Новгороде десятичная система не подвергалась никакой эволюции с момента ее возникновения. Наконец, сотни не могли быть вначале судебно-административными учреждениями, так как княжеская юрисдикция стала развиваться только с конца X в. Судебные функции выполняли общинные власти или родо-племенная верхушка.

Нам иначе рисуется происхождение так называемой десятичной системы. Прежде всего мы считаем, что и тысяцкие, и сотские, и десятские суть органы одной системы и их функции были однородны, отличаясь лишь объемом полномочий и власти. Эта принадлежность тысяцких, сотских и десятских к одной системе достаточно ясно выявляется и из позднейших источников, хотя эта система подвергалась разложению в период возникновения феодальной администрации. М. Н. Покровский был прав, когда называл сотских вице-начальниками главного начальника — тысяцкого.

Можно принять и другое положение, которое кажется нам бесспорным. Мы считаем, что название — тысяцкие, сотские и десятские военного происхождения. У всех народов в определенный период их общественного развития применялась десятичная система

¹ А. Е. Пресняков. Указ. соч., стр. 214.

при делении войска. Это типично военное деление, а не деление торгово-промышленных элементов.

Принятие этих двух положений позволяет нам обосновать следующую гипотезу о происхождении десятичной системы в феодальный период Киевской Руси. У восточного славянства при переходе к племенному строю, и тем более в период разложения племенных отношений, войско делалось, так же как и у других народов, на тысячи, сотни и десятки, во главе которых находились тысяцкие, сотские и десятские. При завоевании племен киевские князья должны были ставить в племенных или в других крупных центрах свои гарнизоны: в племенных и особо важных центрах — более крупный гарнизон — тысячу, которая распадалась на сотни (тысяцкий был начальником гарнизона, а сотники — командирами отдельных частей); в городах меньшего значения — меньший гарнизон, которым командовал сотский. Вполне возможно, что уже в дофеодальный период тысячи и сотни стали утрачивать свое реальное, математическое значение. Возможно, что гарнизон, во главе которого находился тысяцкий, имел больше тысячи воинов. Возможно и наоборот. По мере укрепления власти Киевского центра над племенами власть тысяцких и сотских стала обрастать административными, вернее — судебно-полицейскими функциями. Поскольку возникают особые органы местного управления — посадники в городах и волостели в волостях, естественно, что функции тысяцких и сотских начинают специализироваться. Возникают и местные различия. В Новгороде, как правильно говорит Пресняков, сотни являются организациями торгово-промышленных групп. В XI в. в Киеве мы не находим следов сотенных организаций. Сохранились лишь сотские, т. е. должностные лица. Мы присоединяемся к мнению Преснякова, что сотни — городские учреждения. С нашей точки зрения иначе и быть не могло, так как гарнизоны стояли только в городах. При принятии нашей гипотезы о происхождении десятичной системы нам не трудно представить те административные функции, которыми стали обрастать тысяцкие, сотские и десятские. Это прежде всего подавление всякого рода восстаний со стороны племен, военная помощь сборщикам дани, наведение порядка в городе, торговая полиция, а затем уже — с развитием княжеской юрисдикции — выполнение судебно-административных функций. Тысяцкие эволюционировали в сторону расширения их военных функций. В тех городах, где сидели князья, они становились главными помощниками по военному управлению и командованию войсками.

Естественно ожидать, что по мере разложения племенных организаций и усиления централизации государственной власти начнут создаваться и княжеские административные органы на местах.

Поскольку нами была обоснована гипотеза о том, что тысяцкие, сотские и десятские находились во главе городских гарнизонов, не трудно понять, почему князья не поручают всех административных функций в городах этим органам, а создают особую

местную администрацию, так называемых посадников. Посадники были полномочными представителями княжеской власти на местах во всех ее проявлениях. Однако источники ничего не говорят ни о времени учреждения этих органов, ни об их функциях. Можно, однако, считать установленным, что посадники ставились в городах.

Чтобы закончить рассмотрение вопроса об административных органах, нам необходимо остановиться на организации погостов. Эта организация связывается с финансово-административной реформой княгини Ольги.

В исторической литературе несколько недооценивается деятельность княгини Ольги, вернее — руководящей верхушки, действовавшей в ее княжение. Организующая деятельность Ольги и ее советников может быть сопоставлена с деятельностью Олега, Владимира Мономаха и других крупных деятелей IX—XII вв. Эта финансово-административная реформа, очевидно, была вызвана восстанием древлян против Игоря и его убийством. Летопись говорит об этой реформе непосредственно после взятия г. Искоростеня. «И возложи на ня (древлян) дань тяжьку: 2 части дани идета Киеву, а третья Вышегороду к Ользе, бе бо Вышегород град Вользин. И иде Вольга по Дервьвстей земли с сыном своим и с дружиною, уставлющи уставы и уроки, суть становища ее и ловища. И приде в град свой Киев с сыном своим Святославом и пребывши лето едино. В лето 6455. Иде Вольга Новугороду и устави по Мьсте погосты и дани, и по Лузе оброки и дани; ловища ея суть по всей земли, знамяня и места и погосты, и сани ее стоять в Плескове и до сего дне, и по Днепру перевесища, и по Десне, и есть село ее Ольжичи и доселе».

Так рассказывается о финансово-административной реформе княгини Ольги в летописи.¹ Но нам думается, что ее содержание и значение гораздо шире, чем это можно установить из летописного рассказа. Прежде всего реформа Ольги не только коснулась древлянской земли, но была проведена и по всей территории Киевского государства: и по Мсте, и по Луге, и по Днепру, и по Десне. Если летопись ничего не говорит о деятельности Ольги в Волжско-Окском бассейне, то это естественно: вятичи до 964 г., т. е. до года завоевания их князем Святославом, в состав Киевского государства не входили и продолжали еще платить дань хазарам.

Чем были вызваны реформы княгини Ольги? Их надо связать с обстоятельствами, вызвавшими восстание древлян, в результате которого погиб князь Игорь. Как бы ни относиться к легенде о мести Ольги древлянам, тем не менее нельзя отрицать того факта, что убийство Игоря было вызвано его вымогательствами. Так как летопись совершенно конкретно и правдоподобно говорит о причинах убийства Игоря, то в исторической литературе, насколько нам известно, не высказывалось сомнений в исторической достоверности

¹ Лавр., 946 и 947.

этой части летописного рассказа. Точно так же не вызывает сомнений историческая достоверность и той части летописи, где говорится о выходе древлян из-под власти Киевского государственного центра и о переходе их в наступление (в легенде это отображается в виде сватовства кн. Мала к кн. Ольге) и о той упорной борьбе, которую пришлось выдержать Ольге. Совершенно очевидно, что все эти обстоятельства: и восстание древлян, и гибель Игоря, и последовавшая за его смертью упорная борьба, — все это было учтено правящей верхушкой, которая, разумеется, отнюдь не отказалась — и не могла, конечно, отказаться — от дани, не могла и не хотела уменьшить ее размеры. Но она должна была учесть, что существовавшая до убийства Игоря система взимания дани может и в дальнейшем вызывать восстания, что на местах княжеская администрация или отсутствовала, или была крайне малочисленной и слабой, что власть великого князя держалась признанием ее «племенными» князьями или «светлыми» князьями — князьями-наместниками.

Нам кажется, что одним из основных мероприятий Ольги была ликвидация князей как местных племенных, так и князей-наместников. Позднее мы уже нигде не встречаем упоминания о них (за исключением кн. Ходоты у уличей).

Очень интересно, что в договоре Святослава с византийцами также ничего не говорится о них, как мы это наблюдаем в договорах Олега и Игоря. Договор заключен Святославом и Свенельдом. Взамен ликвидированных местных князей была создана прочная, непосредственно связанная с центром местная финансовая администрация.

В исторической литературе организацию финансово-административных центров обычно связывали с учреждением княгиней Ольгой погостов, причем шел спор о том, что собой представляли эти погосты. Ключевский, ведя происхождение слова «погост» от слова «гостьба» — торговля, считал погосты торговыми пунктами, рынками. Соловьев и Срезневский понимали под погостами станы, становища, места остановки князей или княжеских мужей при объезде земель для полудья и сбора дани. Для нас несомненно, что название «погост» действительно могло произойти от «гостьбы», что первоначально погосты могли быть торговыми пунктами или факториями. Но это торговое значение погоста было даже для X в. далеким историческим прошлым. Организованные Ольгой погосты — это финансово-административные и судебные центры (позднее, после принятия христианства, они сделались церковно-административными центрами). Было бы неосновательно предполагать, что Ольга организовала торговые пункты: они не могли возникнуть путем административного воздействия.

Естественно, что такой осторожный исследователь, как А. Е. Пресняков, пришел в результате обсуждения спора о сущности погостов к выводу, что возникновение их надо ставить в связь не с торговлей, а с установлением оброков и даней.

Итак, погосты — это основные финансово-административные центры и округа, а не торговые пункты.

Организуя погосты, княгиня Ольга, несомненно, назначала туда постоянных княжеских агентов, — иначе самый смысл организации погостов был бы непонятен. Смысл всех нововведений Ольги в том и заключался, что вместо периодических наездов — осеннего и зимнего полюдья князя или наиболее близких к нему дружинников — создается постоянно действующая, прочная и довольно густая сеть финансовых органов.

Заключительные замечания

Подведем итоги нашему обзору общественно-экономического развития Киевской Руси в дофеодальный период.

Как можно было установить, уже в IX—X вв. началось разложение сельской общины — благодаря росту производительных сил, начавшемуся отделению от сельского хозяйства и развитию ремесла, внутренней и внешней торговли, благодаря грабительским войнам киевских князей и их вассалов — племенных князей и князей-наместников, обогащавшим верхушку киевского общества и родо-племенную знать, наконец благодаря «вымучиванию» дани, обогащавшему не только княжеское окружение, но и многочисленных княжеских агентов, но вместе с тем разорявшему общинников.

На основе разложения общины возникают первые классы: рабов и рабовладельцев. Рабство в этот период носит ярко патриархальные черты. Предпосылок для перехода в рабовладельческую общественно-экономическую формацию не было.

Создается политический аппарат, первоначально сохранявший организационные формы племенной власти. Князь был окружен своей дружиной и родо-племенной знатью. Дружина и родо-племенная знать и руководили деятельностью князей.

Князья для решения наиболее важных вопросов созывали совещания из правительственной верхушки, родо-племенной знати и городских жителей. Этим совещаниям было усвоено старое название племенных сходок — вече.

Процесс разложения сельской общины особенно усилился во вторую половину X в., когда была проведена серьезная финансово-административная реформа, в результате которой увеличились поборы с населения и была создана многочисленная княжеская администрация на местах. Во второй половине X в. князь Святослав развернул целую серию грабительских войн против окружавших Русь соседних народов. Были разгромлены хазары и дунайские болгары. Постепенно создаются предпосылки, в особенности со второй половины X в., для развития феодализма, для превращения князей, родо-племенной знати, дружинников в крупных землевладельцев-феодалов, а общинников, земля которых экспроприруется, — в феодально-зависимое крестьянство.

Говоря словами Энгельса,¹ верхушка киевского общества чем дальше, тем больше отрывается от своих корней в народе, в роде и племени.

Мало-помалу начинают появляться ростки крупного землевладения. По дошедшим до нас данным, первыми крупными землевладельцами становятся князья, но ясно, что идет процесс крупного землевладения и внутри разлагавшейся сельской общины. Соответственно с этим постепенно начинают и в дофеодальном обществе появляться значительные группы выбитых из колеи, которые делаются зависимыми от верхушки киевского общества и эксплуатируются в качестве рабочей силы в возникающих крупных земельных владениях. Именно эти группы, как нам кажется, имел в виду В. И. Ленин,² когда говорил: «Крепостничество может удержать и веками держит миллионы крестьян в забитости (напр., в России с IX по XIX в.)».

Словом, внутри дофеодального общества начинают появляться, в особенности с половины X в., ростки феодальных отношений.

Этот процесс проходил не одинаково по всему пространству Руси. Отмеченные нами предпосылки разложения общины не всегда и не везде могли проявляться с одинаковой интенсивностью. Во всяком случае развитие внешней торговли, которое, как указано, играло крупную роль в деле разложения общин, главным образом наблюдалось на территориях тех славянских племен, которые обитали на основной торговой артерии — пути «из варяг в греки».

Можно думать, что наиболее высокой ступени общественно-экономического развития достигли территории, расположенные около Киева и Новгорода. Но такие племена, как дреговичи и, в особенности, вятичи, едва ли к XI в. вышли из стадии родоплеменных отношений.

¹ Происхождение семьи, частной собственности и государства, стр. 143. М. 1934.

² Соч., т. XVII, стр. 514.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ВОЗНИКНОВЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ФЕОДАЛЬНОГО ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЯ, ФЕОДАЛЬНОЙ РЕНТЫ И ФЕОДАЛЬНОЙ ЗАВИСИМОСТИ (XI—XII ВВ.)

А. ВОЗНИКНОВЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ФЕОДАЛЬНОГО ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЯ

1. Возникновение и развитие княжеского землевладения

Итак, общим ходом общественно-экономического развития в дофеодальный период Киевской Руси были созданы предпосылки для возникновения крупного землевладения, феодальной эксплуатации. Однако эти предпосылки не исчезают и тогда, когда процесс феодализма в достаточной степени стал проявляться. Еще интенсивнее стали отделяться ремесла и торговля от сельского хозяйства. Расширяется ассортимент ремесленных изделий; увеличивается число ремесленников. Начинает развиваться внутренняя торговля; предметами торговли являются не только ремесленные изделия, но и пищевые продукты. Все более усиливается дифференциация населения. Грабительские войны русских князей обогащают в конечном счете не только их самих, но и их окружение.

Естественно, что крупное землевладение, которое, несомненно, уже существовало во второй половине X в. в зачаточных формах, начинает развиваться. В первую очередь крупными землевладельцами становятся элементы, принадлежавшие к верхушке киевского общества, — князья, бояре, духовенство. Развитие каждого вида крупного землевладения имеет свои особые организационные формы. Обратимся сперва к изучению княжеского землевладения — домена.

В историографии, посвященной вопросу о возникновении и первоначальном развитии феодализма в древней Руси, мало обсуждался вопрос о княжеском домене. Обычно говорят о «княжеских селах», об «окняжении» земли. Не применяется и самый термин — «княжеский домен».

Обычно не видят различий и не стремятся их установить ни в способах возникновения княжеского домена, ни в организационных его формах по сравнению с другими типами крупного землевладения — церковного или боярского. Поэтому мало интересовались вопросом, какие поземельные права имели князья над терри-

торией принадлежавших им земель-княжений в рассматриваемый период. А между тем не трудно видеть, что от правильного решения вопроса о путях возникновения и организационных формах княжеского домена зависит решение многих вопросов, имеющих громадное значение в истории возникновения и первоначального развития феодализма в Киевской Руси, в частности вопроса о разделе князьями земель своим боярам и дружинникам.

Материал, имеющийся в нашем распоряжении и относящийся к истории крупного феодального землевладения в Киевской Руси, вообще крайне скуден, но тем не менее можно все же установить основные моменты в истории возникновения и роста княжеского домена.

Одной из начальных стадий образования княжеского домена была организация княжеских сел, где князья эксплуатировали холопов и первые группы выбитого из колен и обезземеленного крестьянства — закупов и изгоев — при тех же организационных формах и теми же способами, какие применялись появившимися к этому времени местными крупными землевладельцами.

Летопись не говорит о существовании княжеских сел и угодий в IX в., но зато дает ряд свидетельств о существовании разнообразных земельных княжеских владений уже с середины X в. «И иде Вольга по Дервьстей земли с сыном своим и с дружиною, уставлющи уставы и уроки, суть становища ее и ловища... В лето 6455. Иде Вольга Новугороду, и устави по Мсте погосты и дани, и по Лузе оброки и дани; ловища ея суть по всей земли, знамянья и места и погосты, и сани ее стоять в Плескове и до сего дне, и по Днепру перевесища и по Десне, и есть село ее Ольжичи и доселе».¹

Летопись упоминает о селе, принадлежавшем князю Владимиру, — Берестове. Об этих селах (Ольжичах и Берестове) летопись говорить попутно, вовсе не стремясь перечислить все владения Ольги и Владимира. Напротив, из сообщения летописи можно установить, что владения Ольги были и в Деревской земле, и по Мсте, и по Днепру, и по Десне.

В XI в., и тем более в XII, количество княжеских сел увеличивается. Летописи начинают все чаще и чаще говорить о княжеских хозяйствах, селах, угодьях и т. д.

Источники умалчивают, как эти княжеские села возникали, но не может быть никакого сомнения в том, что основным способом образования их был захват земель у общинников, сопровождавшийся превращением последних в рабочую силу. А затем земельный массив увеличивался по мере того, как князья превращали свободное крестьянство в зависимое сельское население. Очевидно, князья экспроприировали земли закабаленных закупов, наймитов, закладников и, наконец, смердов. Возможно, что они организовывали свои хозяйства на пустых местах, в осо-

¹ Лавр., 946.

бенности на окраинах, с целью усиления границ. По крайней мере летопись сообщает об «испомещении» князем Ярославом польских пленников по реке Роси — реке пограничной. Но главным способом увеличения княжеских земельных владений была экспроприация земли, окняжение земли общинников.

Одним из моментов, свидетельствующих о росте прав князей над территорией княжений и росте княжеского домена, является сообщение летописей о возникновении «собственных» княжеских городов.

По летописи, у княгини Ольги был собственный город — Вышгород («Бе бо Вышегород град Волзгин»¹). У князя Владимира, кроме унаследованного Вышгорода, был еще и Белгород. Летопись² отмечает: «В лето 6499. Владимир заложил град Белгород и наруби в нь от иных городов, и много людий сведе во нь; бе бо любя град съ». Эти города отличались от других городов Киевской Руси: они находились в его частном владении. Несомненно, что по мере процесса феодализации число таких городов стало увеличиваться.

Можно, например, думать, что всякий город, строившийся по инициативе князя и на его средства, принадлежал ему на особом праве. Нам кажется, что княжими городами были и города по Роси, основанные князем Ярославом и населенные полоном, захваченным в войне с Польшей. Летопись³ так сообщает о постройке этих городов: «Ярослав и Мстислав собрата вой мног, идоста на ляхы, и заяста грады Червеньскыя опять и повоеваста Лядскую землю, и многы ляхы приведоста и разделиста я; Ярослав посади (своя) по Рysi, и суть до сего дне.

В лето 6540. Ярослав поча ставити города по Рysi».

В исторической литературе совсем не был поставлен вопрос об этих «собственных» княжеских городах. Никто поэтому не обсуждал отличия этих городов от других городов, входивших в общую административную систему. Поэтому нам необходимо остановиться несколько поподробнее на этом вопросе. Что собой представлял город в Киевской Руси в эпоху становления феодализма, мы будем говорить особо, но и сейчас нужно подчеркнуть, что города, вновь организуемые князьями, это феодальные центры, «бурги», вокруг и под охраной которых с течением времени стало жить городское — торговое и ремесленное население. В этом городе основной силой были местные феодалы, имевшие там двory. Таким образом, город был опорным пунктом феодального властвования. Но собственные княжеские города были еще в большей степени феодальными центрами, чем города, входившие в общую административную систему. Нам думается, что эти города были центрами, где сосредоточивалось не только военно-

¹ Лавр., 946.

² Там же, 991.

³ Там же, 1031.

административное, но и административно-хозяйственное управление князей.

К ним тяготели непосредственно княжеские волости и села. Можно думать, что в городе находились склады продуктов, получаемых с княжеского хозяйства. Летопись,¹ например, говорит о складе меда (медушах) в г. Белгороде (принадлежавшем князю). Надо полагать, что и форма эксплуатации князьями своих городов и городского населения не ограничивалась никакими условиями или бытовыми моментами. Очевидно, жители городов с самого начала были людьми князя, а не «подданными». Если бы князья не имели возможности эксплуатировать городское население своих городов гораздо интенсивнее, чем это было возможно в других городах, то им не было бы смысла их строить и организовывать.

Несомненно также, что княжеские города были опорными пунктами в деле постепенного освоения территории, которая примыкала к городу, а также в деле организации на этой территории сел и других угодий.

Каким образом возникали княжеские города? Можно думать, что города могли быть организованы князьями на пустом или мало населенном месте (напр., города по Руси); князья или приводили население из других частей Киевской Руси (напр., г. Белгород) или же селили там пленников (напр., города по Руси или г. Полонный, потом пожалованный князьями митрополиту).

В XII в. князья могли приобретать города путем захвата их у других князей и последующего закрепления за собой в качестве собственного владения. Этот способ был особенно приемлем в отношении пограничных городов.

Наконец, князья могли организовать город путем привлечения туда в качестве поселенцев торговцев и ремесленников и, возможно, крестьян — путем предоставления им льгот. Возможность этого последнего способа подтверждается некоторыми летописными данными. Именно, в Ипатьевской летописи (1159 г.) рассказывается о благотворении Андрея Боголюбского Владимирской церкви.

Среди перечня имущества, переданного князем, между прочим указываются «свободы, купленные с данью». В дальнейшем же повествовании об этих свободах не упоминается, а говорится уже о городах. Как известно, Ростиславичи отобрали то, что пожаловал князь Андрей, и когда Ростиславичи были изгнаны, то были возвращены церкви «города св. Богородицы, яже бе отъял Ярополк». Следовательно, эти города были когда-то слободами.

Возникновение собственных княжеских городов, несомненно, имело весьма крупное значение для роста княжеского землевладения, княжеского домена. Имея эти опорные пункты, князья овладевали и окрестной территорией. Поскольку к городам, находившимся в общей административной системе, тянулись волости, целые

¹ Лавр., 997.

комплексы владений и общин, можно было ожидать, что князья будут организовывать и свои княжеские волости, которые, подобно городам, не должны будут входить в общую административную систему княжений.

Памятники, действительно, много говорят об этих княжеских волостях. Так, по Ипатьевской летописи (1158 г.), князь Ярополк Изяславович, умерший в 1086 г., отдал Печерскому монастырю «всю жизнь свою, Небольскую волость, Деревскую и Лучскую и около Киева». Довольно большое количество волостей, которыми, по свидетельству летописей и других памятников, владели церковные учреждения, несомненно, ранее принадлежали князьям и были затем переданы ими церкви.

Княжеские волости могли образоваться путем объединения в одну административную единицу смежных княжеских сел и владений, причем возможно, что некоторые чересполосные земли, не входившие в состав киевских владений, включались в территорию волости для округления; вполне также возможно, что волости становились княжескими в силу простого захвата у других князей; наконец, можно предполагать, что данная волость могла организоваться и быть населенной князем на совершенно новом, никем не занятом месте.

Будучи владениями, не входящими в общую административную систему, собственные княжеские города и волости могли отчуждаться и передаваться по наследству, подобно всякому другому владению, на праве феодальной собственности.

Волости князя Ярополка названы его «жизнью». В завещании Владимира Васильевича, относящемся даже к более позднему времени, принадлежавшие ему волости выделены из княжения и переданы иным наследникам, на основании другого титула.

Князь Андрей Боголюбский в 1159 г. по заповеди отца своего отдал Печерскому монастырю г. Васильев на р. Стугне и городок Мическ на р. Мике. Князья меняли города на волости, а возможно, и на другие владения. Так, г. Полонный был выменен митрополитом на волость. Очень характерно, что князья могли владеть этими городами и волостями в чужом княжении. По крайней мере Андрей Боголюбский отдал города Васильев и Мическ Печерскому монастырю в 1159 г., между тем как в этом году Андрей еще не владел Киевщиной.

Таким образом, в XII в. княжеский домен сильно вырос. В земле-княжении начинают возникать крупные комплексы княжеских владений, опорными пунктами которых являются города. Правда Ярославичей дает нам возможность установить наличие весьма окрепшей и развитой княжеской сельскохозяйственной администрации. А летописи дают нам ряд подробностей о значительности княжеских владений и обилии продуктов и скота в них. Так, летопись¹ говорит об огромном хозяйстве Святослава Оль-

¹ Ипат., 1146.

говича, на Путивльском дворе которого было 700 человек челяди; там находились кладовые, скотницы, погреба; в них стояло 500 берковцев меду, 80 корчаг вина. В сельце у его брата Игоря Ольговича находилось 900 стогов сена. Под Новгород-Северском князья, воевавшие с Ольговичами, захватили 3000 кобыл и 1000 коней, находившихся в их селах.

Дальнейшее развитие княжеского домена идет по линии постепенной консолидации княжеских городов и волостей с городами и волостями, находившимися в общей административной системе земли-княжения. Систему господства и подчинения, установившуюся в этих городах и волостях, князья стремятся перенести на все другие административные единицы. Наибольший успех в этом деле князья должны были иметь в XII—XIII вв., когда эксплуатация крестьян-общинников, не входивших в состав рабочей силы княжеских, церковных и боярских владений, и по своим организационным формам и по количеству и тяжести даней, оброков и повинностей мало или почти совсем не отличалась от эксплуатации княжеских, церковных и боярских крестьян. Вероятно, в некоторых землях-княжениях князьям удавалось добиться этого слияния, и, таким образом, все земли, не входившие в состав церковных и боярских сеньорий, стали составлять княжеский домен. Князья в этом случае могли эксплуатировать все владения одинаковым образом и распоряжаться ими по своему усмотрению.

Другим важным моментом в процессе организационного оформления княжеского домена является постепенное втягивание в систему домена владений боярства, не входившего в дружинную организацию. Это втягивание достигалось путем распространения вассальной службы на все боярство. Нет никакого сомнения в том, что боярство должно было командироваться на службу князю и, конечно, со всеми своими владениями, если оно рассчитывало добиться получения иммунитета.

Однако, надо иметь в виду, что процесс образования княжеского домена имел в каждой земле-княжении свои особенности.

В одних землях княжеский домен включал большую часть территории княжения; у князя было много сел и других угодий, много собственных городов и волостей; князю удалось постепенно распространить домениальные права на все другие земли. Такими, например, землями, как нам кажется, были Киевская, Черниговская, Переяславская, Новгород-Северская, Рязанская и в особенности Суздальская.

В других землях князю не удалось в нужный момент захватить большую территорию для своего домена и приходилось с большим трудом его увеличивать, встречая сопротивление со стороны давно освоивших землю местных феодалов. Такой, например, землей была Галицкая Русь. Наконец, была земля, где князья были лишены всякой возможности образовывать домен, — именно Новгородская земля. Согласно договорам, заключаемым

новгородскими властями с князем, ему запрещалось не только покупать земли в Новгороде, но и приобретать их безмездными способами, и притом запрещалось не только князю, но и княгине, боярам и дворянам его. Запрещалось также принимать и закладников, так как это могло повлечь за собой освоение князьями их земель.

Развитие княжеского домена является одним из основных моментов феодализации в Киевской Руси. Прежде всего в княжеском домене скорее, чем в других феодальных сеньориях, сложились формы эксплуатации различных групп феодально-зависимого крестьянства. Как нам кажется, в крупных княжеских владениях скорее проходил процесс постепенного превращения холопов, посаженных на землю, в крепостное крестьянство — русский серваж, так как князья имели возможность установить специализацию труда холопов, оторвать их от своего двора, чего нельзя было делать мелким землевладельцам.

Как нам думается, только в княжеском домене смерды из наиболее угнетенной группы данников превратились в феодально-зависимое и крепостное крестьянство. Князья, в руках которых находился правительственный аппарат, скорее чем кто-либо смогли освоить этот разряд сельского населения и сделать смердов своими людьми, подчинив их своей юрисдикции и ограничив в свою пользу их наследственные права. Ни боярство, ни церковь не обладали такими организационными средствами, и если владельцы смердами, то первоначально только по пожалованию их князем.

В княжеском домене скорее чем где-либо устанавливалась зависимость свободного сельского населения, свободных общинников, так как князьям, используя административный аппарат, удавалось лучше опутать их цепью всяких дополнительных оброков и повинностей.

Как нам думается, в княжеском домене ранее чем где-либо изгой постепенно были помещены в селах и превратились в одну из крупных групп зависимого крестьянства; точно так же и институт закладничества, повидимому, был развит князьями и был использован ими для увеличения рабочей силы в своих селах и волостях.

Обладея правительственным аппаратом, князья скорее чем кто-либо могли добиться закрепощения некоторых групп крестьянства.

Вместе с тем необходимо отметить, что в княжеском домене были наиболее крупные, интенсивные и организованные хозяйства, что здесь впервые сложились организационные принципы феодальной эксплуатации развитого типа, так как именно в княжеском домене право землевладельца органически сливалось с правом носителя государственной власти. Таким образом, княжеское владение было и организационным типом для других феодальных сеньорий, образцом для подражания как во внутреннем распорядке их, так и в отношениях к внешнему миру.

Наконец, необходимо указать, что княжеское землевладение было одним из основных источников роста церковного и боярского землевладения. Как мы увидим далее, первые земли церковь получила от князей и продолжала их получать в дальнейшем. Боярство также получило от князей землю на разных основаниях.

II. Возникновение и развитие боярского землевладения

Как мы в свое время увидим, боярство имеет два источника происхождения: с одной стороны, боярами-феодалами делается местная родо-племенная знать, входившая в состав княжеского вассалитета, а с другой — княжеские дружинники, осевшие на земле.

Что касается землевладения бояр первой группы, то вопрос, когда они сделались крупными землевладельцами и как возникло их крупное землевладение, конечно, не может быть решен на основании дошедших до нас данных, — их нет. Однако не может быть никаких сомнений в том, что крупное землевладение должно развиваться с момента разложения общины. Естественно предполагать, что рост крупного землевладения внутри общинных земель должен был быть достаточно заметен в X в., но настоящее быстрое развитие его падает на XII и XIII вв. В X в., вероятно, крупное землевладение было не в состоянии выделиться из общинных земель как особый экономический комплекс, как особая «боярщина». Способы образования его внутри общины обычны: экспроприация земель общинников путем захвата и закабаления, заимка новых земель и их освоение при помощи рабов и зависимого населения, покупка, мена и т. д.

При возникновении вассалитета обе группы феодалов получили еще один источник быстрого обогащения землей — это княжеские пожалования.

С XI в., и тем более с XII, источники уже много и часто говорят о росте боярского землевладения, о боярских селах, угодьях. Вопрос о том, на каком праве боярство получило земли от князя, — один из самых трудных в проблеме древнерусского феодализма. К этому вопросу мы еще подойдем. Но нам думается, что первоначально, когда институт вассалитета был еще не оформлен, вероятно, боярство получило землю в полное владение; оно могло распоряжаться своими землями, как хотел. Очень характерна в этом отношении статья Русской Правды, разрешающая боярам после смерти передавать имущество, т. е. землю, дочерям.

Процесс развития крупного землевладения повлек за собой возникновение целого ряда новых правовых институтов, в частности вызвал к жизни особые права владельцев, близко напоминающие или даже тождественные с правами западноевропейских сеньоров или грундхерров.

Уже в древнейших наших юридических памятниках крупное

землевладение четко разграничивалось от землевладения общинников. Уже Русская Правда содержит ряд норм, проводящих различие между имуществом смерда и боярина, причем очевидно, что это различие главным образом основывалось на различном характере владения землей этих двух социальных групп.

Наиболее характерными показателями различия между крупным и мелким землевладением являются постановления Русской Правды о наследовании. В них проводится различие между наследованием смерда и боярина или княжьего мужа: «Аже смерд умереть, то задницю князю; аже будут дщери у него дома, то даяти часть на не; аже будут за мужем, то не даяти части им... Аже в боярех, любо в дружине, то за князя задниця не идеть, но оже не будет сынов, а дщери возмуть». Смысл этих постановлений, ограничивающих право наследования смердов, заключается в том, что дочери смерда не могут продолжать трудовой эксплуатации земельного участка отца и потому исключаются из числа наследников, между тем как боярин и княжий муж владеют землей не по признаку трудовой эксплуатации, и смерть главы семейства не влияет на правовую судьбу владения; поэтому боярские дочери могут владеть всем имуществом своего умершего отца и, конечно, его землей.

Особые права бояр в отношении землевладения и вызванные ими некоторые юридические особенности принадлежавших им земель, несомненно, по мере роста крупного землевладения, все более и более развивались, прочно укрепляясь в правосознании тогдашнего общества. Мало-помалу образовалось понятие особого владения — близкого, если не тождественного, с понятием *Grundherrschaft* германского или сеньории французского феодального права, обладание которым создавало владельцу особое положение, так как, с точки зрения правосознания того времени, не для всех групп населения было возможно.

Ипатьевская летопись (1240 г.) приводит характерный рассказ, подтверждающий этот факт. В княжение галицкого князя Даниила боярин Доброслав произвел без согласия князя ряд незаконных действий, в частности отдал Коломью «Лазорю Домажиричу и Ивору Молибожичу — «двум безаконникам от племени смердья». Посланный князем Даниилом один из его приближенных, между прочим, говорил Доброславу: «Како можеши без повеления княжа отдати ю сима, яко велиции князи держат сию Коломью на роздавание оружьникам; си бо еста недостойна ни вотчины держати, т. е. держать на вотчинном праве.

Лазарь Домажирич и Ивер Молибожич, повидимому, не были смердами, — они только происходили из «племени» смердов. Вероятно, они были приближенными боярина Доброслава, и тем не менее, с точки зрения тогдашнего правосознания, владение ими Коломьей на вотчинном праве было в глазах как князя, так и общественного мнения, выражаемого летописцем, посвятившим этому эпизоду довольно много места, явным противозаконием.

Итак, уже в киевском периоде выработалось и развилось понятие привилегированной вотчины, боярщины, как она будет называться впоследствии, резко различающейся от общинного землевладения.

Рост крупного землевладения внутри разлагавшейся общины продолжался и тогда, когда появились первые бояре. Некоторые из землевладельцев не были в состоянии дорасти до боярства. Можно предполагать, что они с течением времени превратились в аррьер-вассалов крупного боярства, «боярских послужильцев», как их называли в Московском государстве.

Дальнейшее более глубокое изучение развития феодальной сеньории возможно только при изучении процесса возникновения феодальной ренты. Превращение крестьянства в рабочую силу феодальной сеньории часто влекло за собой и экспроприацию крестьянской земли.

III. Возникновение и развитие церковных сеньорий

Принятие христианства из Византии имело своим последствием установление в Киевской Руси греческой церковной иерархии.

Не только митрополиты, но и епископы и, вероятно, наиболее видные представители черного и белого духовенства были греками. Естественно, что в своей деятельности в новокрещенной стране греческое духовенство должно было так или иначе опираться на сложившуюся у себя дома практику.

В исторической литературе почти нет работ, посвященных подробному изучению византийского феодального строя. Нет и исследований, которые позволили бы исчерпывающим образом выявить особенности византийского феодализма. Но даже и те работы о византийском феодализме, которые имеются в нашем распоряжении, позволяют нам сделать вывод, что феодализм в Византии был феодализмом развитого типа. Вместе с тем можно установить, что византийская церковь была не менее развитым феодальным организмом, чем католическая. Но аппарат византийской церкви имел иную организационную структуру: он был приспособлен к византийскому абсолютизму, к византийской системе церковно-государственных отношений, к византийской правовой системе.

Само собой разумеется, византийское духовенство, придя на Русь, должно было в своей деятельности проводить организационные принципы развитого феодального общества. Оно должно было сделаться основной силой, которая будет проводником и организатором экономики развитого феодального общества, будет оформлять феодальную идеологию, способствовать утверждению централизованной политической власти и рецепции развитого феодального византийского права.

Первым шагом церкви было создание мощной экономической базы. Прежде всего она добилась десятины от всех княжеских до-

ходов как частных, так и государственных. Есть некоторые данные для предположения, что десятина была установлена и на мирян. На ряду с десятиной, крупные доходы церковь получала и с церковного суда, причем в этом отношении греческое духовенство отказалось от существовавшего в Византии объема церковной юрисдикции. Оно добилося передачи в ведение церкви таких дел, которые обычно относились к светской юрисдикции, например дела по нарушению супружеской верности, по оскорблению личности, по наследству и т. д. Сравнение содержания двух уставов — Устава князя Владимира и Устава князя Ярослава — дает возможность установить, что церковная юрисдикция расширялась постоянно, и, следовательно, росли пошлины от церковного суда.

Наконец, церковь, повидимому, добилась признания за ней права взимания пошлин с мер и весов; по крайней мере по Уставу князя Владимира церкви поручалось следить за правильностью мер и весов, но, конечно, церковь без особого вознаграждения этого поручения не стала бы выполнять.

Десятина, судебные пошлины, пошлины с мер и весов, пожертвования на помин души, доходы от ростовщичества — все это создало мощную базу для развертывания церковного хозяйства. Возникают церковные сеньории.

Церковное землевладение и по интенсивности своего роста и по своему экономическому и социально-политическому характеру имеет большое значение в общем процессе феодализации Киевской Руси.

В исторической литературе был довольно оживленный спор¹ по вопросу о том, следует ли связывать возникновение церковного землевладения с именем князя Владимира (по Уставу которого, по крайней мере, Десятинная церковь наделялась, как мы уже знаем, не только отдельными земельными участками, но и городами) и, следовательно, приурочивать его к первым годам принятия христианства или же считать недостоверным это постановление, и вопрос о времени появления первых церковных земель решать на основе летописных данных. А эти летописные данные относятся к XII в.

Исследователи, отрицающие факт существования во времена князя Владимира церковного землевладения, обыкновенно ссылаются на позднее происхождение памятников, говорящих об этом; Устав же они признают позднейшим подлогом. А так как современных известий о существовании церковных земель нет и при князе Ярославе, то они отрицают возможность этого существова-

¹ Сторонником взгляда о возникновении церковного землевладения со времен князя Владимира был М. И. Горчаков („О земельных владениях все-российских митрополитов, патриархов и св. синода“, стр. 46, СПб. 1871. Исследователем, отрицавшим это, был В. Милютин („О недвижимых имуществах духовенства в России“, в Чт. Общ. истор. и древн. росс., кн. 4, стр. 19—35, 1859.

ния и при этом князе. Думается, что позднейшие известия, если даже они не имели своим постоянным источником современные памятники, все-таки соответствуют действительности. Трудно предположить, чтобы при быстром развертывании церковных учреждений, при организации митрополии, епархий, монастырей и отдельных приходских церквей не были заняты и использованы различного рода земли, хотя бы для элементарного церковного хозяйства, и затем очень скоро освоены. Более чем вероятно, что при учреждении отдельных епископий и монастырей, а тем более митрополичьей кафедры, заранее был отведен князьями Владимиром и Ярославом необходимый земельный фонд сперва в городе, а затем и вне его для различных хозяйственных надобностей как для самих церковных учреждений, так и для духовенства, т. е. то, что мы потом наблюдаем в более позднее время, например при организации Смоленской епархии. С другой стороны, церковные учреждения быстро стали обрастать различного рода «церковными и богодельными людьми», для содержания которых нужно было много съестных припасов и вообще продуктов сельского хозяйства. Мы бы слишком преувеличили развитие денежного, товарного хозяйства в конце X и начале XI в., если бы стали утверждать, что все продукты, необходимые для церковных и монастырских людей, покупались на рынке.

Итак, владение землей для церковных учреждений было насущной необходимостью, и поэтому, как нам думается, нет серьезных оснований сомневаться в достоверности поздних источников, говорящих о факте существования владений уже в первые годы христианства на Руси. Но зато летопись XI и XII вв., а также другие памятники, относящиеся к этому периоду, уже полны известиями о церковных селах, угодьях и пр. повсеместно по русской земле: и в Киевщине, и в Ростовско-Суздальской земле, и в Новгороде, и в Смоленске.

Так, известно, что Антоний Печерский получил при князе Изяславе гору «яже есть над Печерою». В Киевском патерике рассказывается, что многие приносили Феодосию Печерскому «от имений своих на утешение братии и на устроение монастыря, другие же и села вдаваху». Мы уже раньше говорили о значительном земельном пожаловании Киево-Печерскому монастырю со стороны Ярополка Изяславовича. Лаврентьевская летопись под 1096 г. рассказывает, что половцы «зажгоша болонье около града и возвратишася в манастирь, вожгоша Стефанечъ манастирь, и деревне, и Германечъ». Под тем же годом летопись рассказывает, что князь Олег, воюя с князем Мстиславом, «повеле зажещи Суждаль город, токмо оцася двор манастирский, Печерьского манастиря и церкви, яже тамо есть св. Димитрия, юже бе дал Евфрем и с селы».

Ипатьевская летопись под 1159 г. сообщает, что жена князя Глеба Всеславовича «по своем животе вда княжни 5 сел и с челядью, и се да и до повоя церкви». Можно привести много и других известий.

Подобно княжескому землевладению, церковное землевладение состояло из отдельных сел, волостей и городов.

Как было указано, по Уставу князя Владимира церкви была дарована десятая часть городов. В исторической литературе обычно достоверность этого пожалования оспаривается. Но что церкви действительно принадлежали города, подтверждается поздними летописными свидетельствами. Так, под 1169 г. говорится о Полонном, десятинном граде церкви св. Богородицы.

Что же касается данных, устанавливающих вообще факт владения церковными учреждениями и волостями и городами, то их мы имеем очень много. Касаясь княжеского землевладения, мы уже привели эти данные. Мы отмечали передачу Ярополком Изяславовичем Печерскому монастырю Небольской, Деревской и Луческой волостей, а князем Андреем Боголюбским — гг. Васильева и Мическа. Отмечали мы также владение городами и волостями и Суздальской епископией, у которой они были отняты Ростиславичами, но затем, по их изгнании, были возвращены. Наиболее раннее известие о церковных городах относится к 1123 г. Никоновская летопись сообщает под этим годом, что «митрополит Никита в своем граде Синелице затвори в темнице злого еретика Дмитра».

Что касается способов образования церковных владений, то они разнообразны. Вероятно, первоначальный церковный земельный фонд образовался путем пожалования князя. Так, при образовании в Смоленске епископии, кафедра сразу же получила от ее организатора, князя Ростислава Смоленского, несколько сел.

Затем огромное значение имеют различного рода пожертвования со стороны как князей, так и других землевладельцев. Излишне приводить длинный перечень этих земельных пожертвований и особенно передач по завещанию.

Но церковь, естественно, не ограничивалась безмездными способами увеличения своих земель. Она, начиная с XII в., с большой энергией стала экспроприировать, покупать, выменивать, получать по невыкупленным залогам отдельные земельные участки, постепенно их округляя. Наконец, вполне вероятно, что церковь культивировала никем не занятые земли, населяя их зависимым крестьянством — изгоями, прикладчиками, задушными людьми и т. д.

Словом, церковь очень скоро, во всяком случае к XII в., стала представлять собой мощный феодальный организм. Вместе с тем она была учреждением, которое в своем развитии использовало ряд новых организационных приемов — отчасти под влиянием византийской практики, а отчасти и самостоятельно. Все это предопределило ряд особенностей в развитии церковного феодализма, в формах церковного феодального властвования, в установившейся в церковных сензориях системе феодальной эксплуатации. Одной из этих особенностей был отказ церкви от рабского труда, как невыгодного. В этом отношении можно привести характерный разговор между Феодосием Печерским и вел. князем Изяславом, сохранившийся в передаче Печерского патерика. Князь Изяслав, будучи в гостях

у Феодосия, выразил восхищение искусством монастырских поваров. Таких вкусных блюд ему не приходилось есть у себя во дворе. На вопрос, чем это можно объяснить, Феодосий ответил, что в монастыре повара готовят не по принуждению: «твои же рабы, — говорил Феодосий князю, — работают сварящаяся и тегаща и клеюще друг друга, многожды же и биемы суть от приставника».

Естественно предполагать, что церковь шла впереди других феодальных групп в деле постепенного превращения холопства в серваж, или формально превращая их в зависимых людей — путем отпуска на свободу или путем выкупа (пущенники, прощенники, изгой), или же фактически сближая их с типичными феодально-зависимыми группами крестьянства.

Но, считая эксплуатацию холопов экономически невыгодной, церковь сделала патронат главным способом приобретения рабочей силы для своих земельных владений.

Как потом будет указано, патронат широко осуществлял и князь, члены княжеского семейства, бояре, дворяне и все те, кто обладал экономическим и политическим влиянием. Благодаря патронату из общей массы населения, особенно выбитого из колеи в эпоху разложения родо-племенных отношений, создавались многочисленные кадры рабочей силы. Постепенно патронат, заключавшийся в защите патронируемых от произвола сильных людей, превращался во властную опеку, а затем и в феодальную зависимость. Церковь, выступившая как феодальный организм, уже после того как князья и боярство притянули в свою экономическую орбиту массу населения, принуждена была институт патроната сделать более действенным и гибким.

Прежде всего церковь добилась того, что духовенство, а также члены семейства духовных лиц («поп, попадьа, попович, дякон, дяконова, дяк, проскурница») вышли из общей административной системы и стали тянуть судом и данью митрополиту, а затем, по мере организации епархии, местным епископам. Потом церковь стала включать в состав этого церковного общества так называемых *personae miserales* — слепых/хромых, нищих, вдов, которые живут милостыню, и т. д., т. е. те элементы, которые так или иначе связаны с церковью и с церковной благотворительностью. Далее, церковь стала втягивать в свое общество разнообразные элементы, которые имели уже случайную связь с церковью и с церковными учреждениями, а именно так называемых странников, паломников, врачей (лечець), обслуживавших странноприимные дома (странноприимцы), больничный персонал (больницы). Наконец, церковь стала распространять патронат на различные группы населения, которые могли быть привлечены церковью как рабочая сила церковных сеньорий, — изгоев, прикладников, задушных людей, прощенников, пущенников. Расширение церковного патроната может быть изучено нами на основании церковных уставов, главным образом на основании Устава князя Владимира, позднейшие редакции которого дают постепенно расширяющийся список «церковных и

богадельных людей». Даже и тот список Устава князя Владимира, который считается древнейшим, не является подлинным актом князя; он несомненно фальсифицирован. Но позднейшие данные, в подлинности которых мы не можем сомневаться, подтверждают, что церковное общество, тянувшее судом и данью митрополиту или епископу, постепенно расширялось и что этот список в значительной своей части соответствовал действительности. У митрополита и у епископов, действительно, были свои «людданные», вышедшие из общей административной системы, тянувшие судом и данью к церковным властям.

Следовательно, в области оформления патроната, в деле широкого охвата патронируемых церковь также показала пример другим феодальным группам. И вообще нам думается, что по своей организационной структуре, по расстановке рабочей силы в своих владениях, по утонченности и эффективности форм феодальной эксплуатации церковный феодализм был более развитым и оформленным, идя впереди не только боярского, но и княжеского.

Церковь всячески внушала необходимость для верующих отпускать рабов (пущенники и прощенники) и передавать их в церковь (так называемые задушные люди), причем все эти бывшие рабы попадали под патронат церкви и использовались в качестве рабочей силы церковных сеньорий.

Будучи феодальным учреждением, церковь и церковные учреждения получили типично феодальную организацию, приспособленную к уровню русского феодализма. Русские митрополиты и епископы имели такой же двор, как и другие феодалы того времени. У них были свои митрополичьи бояре — типичные вассалы, которые несли военную службу своим сеньорам; были и свои министерялы — воеводы, дворецкие, чашники, стольники. Вне всякого сомнения, у них были и свои войска, находившиеся под командованием воеводы, — Софийский полк, т. е. полк Новгородского архиепископа, конечно, не был исключением.

Также несомненно, что митрополиты и епископы раздавали землю своим боярам и дворянам за их службу.

Обладая иногда громадными земельными владениями, волостями и городами, митрополиты и епископы нуждались в развитом административном аппарате, который строился так же, как и княжеский. У них были волостели и их помощники — тиуны, так же как и у князей.

Можно думать, что митрополиты, епископы и крупные монастыри имели своих церковных вассалов — монастыри, подчиненные им на основе не церковной иерархии, а феодальной зависимости. Эти вассальные монастыри в исторической науке носят название приписных монастырей. Их было много в XIV—XV вв. У нас имеются данные, на основании которых можно считать, что Киево-Печерский монастырь имел уже в XI в. такой подвластный, вассальный монастырь, именно Тмутараканский.

Этот монастырь был организован Никоном, которого «вся своя

предав блаженному (Феодосию) в руце», «сам же бе с всякою радостью покаяся ему».

Церковь, получив типично феодальную организацию, обеспечила свою власть над зависимым населением путем широкого иммунитета.

Разумеется, церковь с самого момента своего возникновения не могла получить иммунитета, поскольку она не обладала земельными владениями. Но по мере того как церковное землевладение развивалось главным образом на почве княжеских пожалований, князья жаловали свои земли вместе с данью и судом и другими доходами, которые носили публично-правовой характер. Церковь стала стремиться к обобщению этих частных случаев пожалования иммунитета, опираясь при этом на якобы изданные по этому поводу специальные акты. Такими актами, которые церковь широко распространяла, были княжеские Уставы — Владимира, Ярослава и Всеволода.

Добившись обобщения иммунитетных прав, церковь стремилась их уточнить, придать им твердость и оформить.

Можно думать, что церковь добивалась и письменного подтверждения иммунитета. Все это дает нам серьезные основания предполагать, что иммунитет в древней Руси окончательно оформился на основе церковного иммунитета, что церковный иммунитетный диплом был положен в основу при выработке формуляра дипломов, которые стали даваться боярству и вообще светским феодалам.

Как было указано, византийская церковь действовала в иной экономической и социально-политической обстановке, нежели русская церковь. Там — феодализм более развитого типа, с развитым денежным хозяйством; здесь — период становления феодализма с очень сильными пережитками и остатками родо-племенных отношений. Там — оформившиеся классы: класс феодалов, класс феодально-зависимого населения; здесь — классы только оформляются; вассалитет только возникает на основе разложения дружины; класс феодально-зависимого населения только начал консолидироваться, вбирая многочисленные и разнообразные группы. Там — оформившаяся централизованная абсолютная монархия; здесь — раннефеодальная монархия, пестрый комплекс племенных, полуфеодальных, феодальных государств с неустановившимся, неоформленным политическим аппаратом, который только с большой натяжкой и явным преувеличением можно назвать «государственными учреждениями».

Само собой разумеется, что византийское духовенство приехало в Русь с определенными традициями, со сложившимися политическими и юридическими взглядами. И, конечно, многое из того, к чему оно привыкло, оно пыталось провести и в России, в частности византийскую систему права. С этой целью были распространены переведенные на славянский язык византийские законодательные памятники: Эклога, Прохирон, Земледельческие законы. Все эти памятники присоединялись к основному византийскому канони-

ческому кодексу, Номоканону, составляя с целым рядом дополнительных статей так называемую Кормчую книгу. Кормчая была настольной книгой того времени; ее читатели должны были воспринимать основные принципы византийского права, отражавшие развитые феодальные отношения, и таким образом создавались предпосылки для правового оформления многих феодальных институтов.

На ряду с этим византийское духовенство добилося признания за собой юрисдикции по многим делам, которые, согласно византийской практике, подлежали ведению не церкви, а светского суда. Благодаря этому церковь имела возможность в значительной степени применять византийское феодальное процессуальное право и вносить много византийских принципов в материальное право.

Однако церковь должна была в скором времени убедиться, что византийское законодательство не могло быть полностью применено в стране, где процесс феодализации был еще далек от своего окончательного завершения. Византийское законодательство могло быть только далеким идеалом. Тогда византийское духовенство стало стремиться ввести в действие различного рода переработки византийского законодательства для славянских народов, которые отражали феодализм раннего периода. Такой переработкой был так называемый Судебник царя Константина. Этот Судебник стремились ввести в состав русского юридического сборника — Русской Правды, при этом была сделана попытка объединить постановления Судебника с Русской Правдой, и объединить так, чтобы читатель не мог разобраться, где кончаются статьи Русской Правды и начинаются статьи Судебника. Создается одно литературное целое под общим заголовком — Русская Правда.¹ Своей попыткой рецепции византийского права церковь расчищала почву для создания системы феодального права и вместе с тем всячески оформляла свое положение развитого феодального организма.

Б. ВОЗНИКНОВЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ФЕОДАЛЬНОЙ РЕНТЫ И ФЕОДАЛЬНОЙ ЗАВИСИМОСТИ

Источники возникновения феодальной зависимости многочисленны и разнообразны: в условиях разложения доклассового общества, начавших развиваться товарных отношений в условиях все усиливающегося феодального гнета, можно сказать, ежеминутно, ежедневно нарождался феодализм. В литературе была предложена классификация способов возникновения феодальной зависимости и, следовательно, основных путей возникновения феодализма. Нам думается, что можно более или менее исчерпать эти способы, предложив следующую классификацию их: 1) возникновение феодальной зависимости из форм холопской эксплуатации; 2) закабаление сель-

¹ Русская Правда, Укр. Акад. Наук, IV редакция, стр. 137—168. К. 1935.

ского населения; 3) постепенное превращение дани в феодальную ренту; 4) патронат; 5) заем; 6) насильственное закрепощение сельского населения.

Наиболее ранние способы возникновения феодальной зависимости — это превращение холопов в феодально-зависимое сельское население, кабала и насильственное закрепощение. Остальные способы получили особое значение уже в эпоху оформления феодального государства.

I. Превращение холопов в крепостное крестьянство

Как нами было ранее выяснено, рабы в дофеодальный период эксплуатировались патриархальным образом. По мере развития процесса феодализации нужно было ожидать, что холопы будут превращаться в рабочую силу феодальных владений и что их эксплуатация будет носить феодальный характер, т. е. будет возникать своего рода серваж на русской почве.

Процесс превращения холопов на пашне в сервов в основном предполагает, что они получают определенную хозяйственную самостоятельность, начинают владеть инвентарем на праве равенства и форма их эксплуатации начинает фактически сближаться с феодальной рентой. Словом, холопы в результате этого процесса превращаются в крепостных людей. Показателем сближения холопов с крепостным крестьянством обычно являются расширение их правоспособности и дееспособности, установление наказаний или их усиление за посягательства на их личность.

Что этот процесс проходил достаточно интенсивно в XI—XII вв. в Киевской Руси, доказывается тем, что в XIII и XIV вв. в феодальном хозяйстве, и в особенности в княжеском хозяйстве, холопы перестают играть роль основной рабочей силы, как мы, например, наблюдаем, анализируя текст Русской Правды (особенно Правды Ярославовой). Этот факт, конечно, не может быть объяснен тем, что князья отпустили своих холопов; это может означать только то, что холопы стали превращаться в крепостные группы крестьянства, в те его разряды, которые в Московском государстве получили название страдных людей, страдников.

Прежде всего памятники определенно говорят о том, что основная масса холопов, за вычетом дворных (домашних) холопов, живет не в рабских казармах, а в отдельных дворах, вместе со своей семьей, в своем доме.

О том, что холопы сидели отдельными семьями, свидетельствует купчая Антония Римлянина и вкладная Варлаама Хутынского монастырю. В этих документах, как мы видели, говорится о холопских семьях («Тудор с женою и с детьми одерень, Волос с женою и с детьми одерень» и т. д.). Пересмотр всех имеющихся данных, говорящих о холопах XI—XII вв. как о рабочей силе в феодальных сеньориях, не дает нам ни одного указания на то, что холопы эксплуатировались способом, тождественным со способами эксплоа-

тадии античных рабов в латифундиях. Даже и тогда, когда наши памятники говорят о массе холопов, посаженных на землю, невольно возникает впечатление, что их сажают не в казармы, а заселяют ими пустые земли. Летопись,¹ например, сообщает, что «Ярослав и Мстислав собрата вои мног, идоста на ляхы, и заяста грады Червеньскыя опять, и повоеваста Лядскую землю, и многы ляхы приведоста, и разделиста я; Ярослав посади (своя) по Роси, и суть до сего дне». Ярослав, как видно из этого сообщения, не поселил их в одном каком-либо месте, а по реке Роси, на занятой им территории, очевидно достаточно обширной, где им и организованы села.

Вполне естественно предполагать, что холопы, живя в своих дворах со своей семьей — женой и детьми, постепенно стали осваивать переданный им их хозяевами инвентарь, заводить свое хозяйство (собину) и постепенно стали выполнять уже регламентированные повинности, т. е. стали сближаться с другими зависимыми людьми. Нет никакого сомнения в том, что на положение холопов должны были повлиять и типично феодальный характер земельных владений, в которых они сидели, типично феодальная система господства и подчинения, там установившаяся, и положение феодально-зависимых групп крестьянства, эксплуатировавшихся в феодальной сеньории наряду и вместе с холопами. Характерно, что в памятниках холопы начинают постоянно упоминаться рядом со смердами.

Постепенное превращение холопов в феодально-зависимое крепостное население подтверждается и очень интересным фактом, до сих пор недостаточно оцененным в историографии, именно тем, что слово холоп приобрело два смысла — широкий и узкий. В широком смысле под холопом (челядином) стали понимать всякого зависимого человека; как мы увидим далее, холопами назывались, между прочим, закупы и наймиты. Под холопами в узком смысле понимали рабов. Когда хотели указать, что речь идет о холопах — рабах, то говорили о холопстве обельном или полном. Например, в «Правосудии митрополичьем» имеется статья: «А се стоит в суде челядин — наймит, не похочет быти, а осподарь, несть ему вины, но дати ему вдвое задаток; а побезит от осподаря, выдати его осподарю в полницу. Аще ли оубьет осподарь челядина полного, несть ему душегубства, но вина есть ему от бога; а закупного ли наймита — то есть душегубство».²

Легко убедиться, что челядин мог быть полным и неполным, что полный челядин противопоставляется закупам и наймитам. Зачем нужно было говорить о челядине полном, если бы слово «челядин» имело одно определенное значение?

В Русской Правде, как это будет подробно разобрано, закупы противопоставлялись не просто холопам, а обязательно холопам обельным. Уже эта двойственность понимания слова «холоп» достаточно характеризует выявившееся разнообразие форм холопской зависимости, которая стала устанавливаться в рассматриваемый период.

¹ Лавр., 1031.

² Русская Правда, стр. 178. Изд. Укр. Акад. Наук. К. 1935.

Процесс превращения холопов в феодально-зависимое, крепостное население и вызванное этим процессом сближение холопов с феодально-зависимым крестьянством очень хорошо отражается в юридических памятниках, в частности в Русской Правде. В них можно проследить все усиливающуюся тенденцию изыскать новые способы порабощения и одновременно с этим расширить экономическую самостоятельность холопов, а также приблизить юридическое положение холопов к положению феодально-зависимого крестьянства. Само собой разумеется, что юридические памятники, регламентируя эти изменения в положении холопов, учитывают интересы не самих холопов, а их владельцев, которые могли при расширении публичных и гражданских прав холопов наилучшим образом их эксплуатировать.

В достаточной степени хорошо правовая регламентация процесса сближения холопов с феодально-зависимым крестьянством могла быть изучена и на основании текста Русской Правды, если не подходить к этому изучению формально, т. е. не только стремиться вникать в смысл статей, но и стараться уяснить, почему та или иная форма была установлена и помещена в Русскую Правду. Это совершенно необходимо при изучении данного памятника, являющегося, как нами исчерпывающим образом будет доказано в особом исследовании, сборником не обычного права, а новых норм, которые отменяют сложившиеся обычаи и общепринятую практику.

Об определенных сдвигах в положении холопов говорит уже первая часть Пространной Правды — Устав князя Ярослава. Здесь среди статей о холопах обращает на себя внимание статья о так называемом челядинном своде (47, III, Серг.). Эта статья имеется и в Краткой Правде, но здесь она дополняется сентенцией: «а то (челядин) есть не скот, не же рчи: не ведаю, оу кого есмь купил, но по языку ити до конца». Далее, в Уставе Ярослава имеется статья 57 (II, Серг.), по которой с княжеских, боярских и церковных («черньдевых») холопов, виновных в краже, продажа не взимается, но их хозяева должны платить двойное вознаграждение потерпевшему.

Обычно комментаторы этой статьи указывают, что установление этой нормы было вызвано стремлением подчеркнуть, что холоп не считается субъектом преступления и кража, совершенная холопом, не считается деянием уголовным, и потому вместо продажи в пользу князя увеличивается вознаграждение в пользу истца. Но почему эта статья была помещена? Неужели не было до сих пор известно, что холоп не может быть субъектом преступления? Наконец, почему статья говорит не о холопах вообще, а о холопах, принадлежавших феодальной группе: князьям, боярам, церкви? Ведь можно было бы просто упомянуть о холопах, не указывая кому они принадлежат.

Мы, конечно, не можем объяснить наличие данной статьи желанием декларировать давно существовавший принцип, что рабы не могут быть вообще субъектами преступлений. Русская Правда со-

держит, как было указано, только те статьи, которые изменяют сложившиеся нормы. Она не является сборником правовых деклараций. Была, конечно, какая-то необходимость эту норму установить, именно в данный момент. Нам думается, появление этой нормы можно объяснить только тем, что до этого установилась практика взимать продажу с холопов, как и со смердов. Эта практика теперь отвергается, но не полностью, а только по отношению холопов, принадлежавших феодалам — князю, боярам и церкви. Холопы же других групп населения — купцов, ремесленников, своеземцев и т. д. должны были платить, подобно смердам, продажу. Следовательно, этой нормой устанавливалась особая привилегия для феодальных групп, так как при двойном вознаграждении за похищенное (двойной урок) платилось меньше, нежели за урок и продажу. В частности, урок за коня был равен гривне, а продажа — двум гривнам и даже трем (за похищение княжеского коня). Таким образом, установление данной нормы может быть объяснено только сближением юридического положения холопов с юридическим положением смердов.

В особенности много материала, свидетельствующего об изменившемся положении холопов в XII в. в смысле увеличения их хозяйственной самостоятельности и расширения их публичных и гражданских прав, содержит Устав князя Владимира Мономаха. Очень характерно, что в этом Уставе помещен весьма крупный комплекс статей о холопах, который обычно называется Уставом о холопах. Такое исключительное внимание к вопросу о холопах можно объяснить только тем, что положение холопов сильно изменяется вследствие дальнейшего развития процесса феодализации. Устав князя Владимира регламентирует источники холопства. Таковыми источниками теперь, кроме рождения от рабыни и плена, служат: 1) продажа самого себя в рабство; 2) женитьба на рабе «без ряду», 3) таинство «без ряду». Но этот перечень не является исчерпывающим. В том же Уставе князя Владимира Мономаха указываются и другие источники холопства, а именно: в холопа превращается разорившийся купец, закуп, убежавший от господина, коневый тать и зажигальник. На практике и в быту, конечно, было больше способов порабощения. Можно думать, что законодательство Владимира Мономаха, стремившегося разрядить напряженную обстановку после киевского восстания 1113 г., сузило этот перечень. Оно принуждено было специально оговорить, что «вдачь (по другим спискам «в даче») — не холоп; и ни по хлебе робять, ни по придатце». Но в некоторых списках (напр., Карамзинском) эта статья читается: «инии по хлебе робять». Это разночтение, несомненно, отражало существовавшую практику: именно, работали и «по хлебе и по придатце».

В исторической литературе не было обращено внимания на один из очень интересных моментов в истории холопства, а именно на факт продажи себя в холопство, превращения себя в холопа посредством женитьбы на рабе и принятия должности тиуна «без

ряду». Если внимательно вчитаться в текст соответствующих статей Русской Правды, то это превращение свободного человека совершается без формального принуждения. Могли продавать себя даже за ничтожную сумму — за полгривны («еже кто то купить, хотя и до полугривны»). Все это свидетельствует о том, что холопы уже в этот период стали главным образом рабочей силой феодальной сеньории; повидимому, экспорт рабов почти прекратился. Иначе было бы невозможно найти людей, которые продавали бы себя за дешевую цену, зная вместе с тем, что они будут отправлены в качестве товара на византийский и восточные рынки. Совершенно невозможно себе представить, что находились люди, которые проявили бы такую небрежность, не заключая «ряда», зная, что эта небрежность могла иметь своим результатом продажу в чужеземные страны. Все это может быть объяснено только тем, что положение свободных людей при все усиливающемся гнете феодалов было настолько тяжелым, что находились элементы, предпочитавшие продавать себя в рабство, получая «хотя и до полугривны», или жениться на рабыне, или же принимать должности тиунов и ключников «без ряда».

Кроме регламентирования источников холопства, в Уставе Владимира Мономаха имеется ряд и других статей, прямо или косвенно свидетельствующих об изменении положения холопов.

Прежде всего необходимо отметить статью 83 (III, Серг.) об установлении взыскания в размере двух гривен за увод обельным холопом коня. Стало быть, по Уставу Владимира Мономаха, сложившаяся практика взимать за кражу холопов продажу, отвергнутая в Уставе князя Ярослава по отношению к холопам, принадлежавшим феодальной группе, теперь частично уже признается. Мы говорим частично потому, что статьей предусматривается не всякая кража, а кража коня. Что здесь говорится о продаже, а не о вознаграждении потерпевшему, доказывается тем, что урок за коня платился в размере одной гривны. Следовательно, холоп начинает признаваться субъектом преступления.

Устав Владимира Мономаха содержит статьи, охраняющие жизнь холопа более серьезными наказаниями, нежели ранее. Так, по статье, трактующей об оскорблении ударом, нанесенным холопом свободному мужу, господин холопа-оскорбителя, в случае невыдачи его оскорбленному, платит 12 гривен продажи, а затем, если оскорбленный встретил где-либо оскорбившего его раба, то, по закону Ярослава, он имел право убить его, но по закону его детей это право было отменено; оскорбителю предоставлялось или взять вторично гривну кун «за сором» или избить. Устав Владимира Мономаха подтверждает эту норму (ст. 88, III, Серг.).

Устав Владимира Мономаха (ст. 116, III, Серг.) усиливает наказание за убийство холопа: «А в холопе и в рабе виры нетуть; но оже будет без вины убиен, то за холоп урок платити, или за робу, а князю 12 гривен продажи».

Обращает на себя внимание формулировка этой статьи: в ней

первоначально указывается, что за холопа и рабу не надо платить выры. Зачем это упоминание? Неужели до сего времени этого не знали? Нам думается, наличие данной формулировки может быть объяснено только тем, что стала слагаться практика, по которой за убийство холопа или рабы стала взиматься вира. Эта практика теперь отвергается, но зато усиливается наказание: кроме урока уплачивается еще и продажа в высшем размере — 12 гривен. Необходимо далее отметить, что начинает увеличиваться до известной степени и судебная дееспособность холопов. По одной статье (89, III, Серг.), высшему разряду холопов — боярским тиунам давалось право в некоторых случаях «по нужи» быть послухами. По другой статье (111, III, Серг.) предусматривается послушество холопов, но указывается, что холоп не может быть «очистником, принимавшим присягу», и что истцу предоставляется, при определенных формальных условиях, возможность на основании показаний послуха-холопа брать на железо своего противника. Если ему удастся обвинить последнего, то процесс идет нормально и он выигрывает иск; если ему не удастся доказать обвинение, то он платит обвиненному одну гривну в качестве вознаграждения «за муку», «зانه по холопыи речи ял и». Негативная формулировка статей, трактующих о послушестве холопов: «А послушества на холопа не складать», «холопу на правду не вылазити», дает основание думать, что установление этих норм было вызвано стремлением отвергнуть далеко идущую практику в отождествлении судебных прав холопов с правами феодально зависимых людей, вероятно смердов.

О росте правоспособности холопов хорошо говорит ст. 150 (III, Серг.), признававшая действительными сделки холопа, торговавшего по поручению своего господина. («Аже пустить холоп в торг, а одолжаеть, то выкупати его господину и не лишитесь его»).

Несомненно, правоспособность холопов, посаженных на пашне, должна также расширяться. Не одна только Русская Правда, но и другие юридические памятники говорят о расширении публичных и гражданских прав холопов. Так, в мирной грамоте новгородцев с немцами в 1195 г. вводится статья, защищающая честь рабыни; за покушение на изнасилование взимался штраф в размере гривны; изнасилованная же рабыня получает свободу.

Чтобы учесть значение новых норм холопского права, надо иметь в виду, что до Русской Правды холоп, конечно, не был субъектом преступления. Он не платил никаких продаж. Холоп, конечно, не мог быть послухом ни при каких условиях; жизнь холопа защищалась только взиманием урока. Установление новых норм холопского права в Русской Правде вызвано изменением системы эксплуатации холопов в феодальной сеньории. Но можно думать, что практика в деле сближения холопов с феодально-зависимым крестьянством шла гораздо далее. Создается впечатление, что законодательство занимает среднюю линию; регламентируя новые отношения, оно часто охраняет старые основы холопского права.

Но конечно, было бы неправильно упрощать процесс пре-

вращения холопов в феодально-зависимое крепостное сельское население. Этот процесс был длительным и сложным. Еще долго холоп отличался от обыкновенного крепостного. Не говоря уже о том, что права господина над холопами были юридически и фактически гораздо обширнее, чем над крепостными, были различия и в форме эксплуатации. Нам думается, что холоп, в отличие от крепостных позднейшего времени, знал одну только барщину. Вероятно, натуральный и денежный оброки стали взиматься с них только в период консолидации всех групп феодально-зависимого сельского населения, т. е., повидимому, в XIII в. Но тем не менее эксплуатация холопов была первой по времени формой феодальной эксплуатации в древнейшей Руси X—XI вв., несомненно, имевшей ведущее значение. Весьма крупное значение имели холопы и в XII в., когда стали возникать разнообразные группы феодально-зависимого крестьянства. Отсюда не трудно понять, что формы эксплуатации холопов были долгое время организационным типом феодальной эксплуатации. Этим объясняется факт, неоднократно отмеченный нами, что смердов постоянно стремятся приравнять к холопам, что смерды постоянно упоминаются рядом с холопами.

II. Закабаление сельского населения.

Одним из способов превращения свободного населения в феодально-зависимое крестьянство является его закабаление, при этом в таких формах, которые почти исключают возможность для закабаленного вновь получить свободу.

Форма эксплуатации закабаленного постепенно превращается в типичную феодальную ренту, и, соответственно с этим, кредитор превращается в феодала, а закабаленный в крепостного. Если закабаленный должен был отрабатывать свое долговое обязательство на поле кредитора, то он, превратившись в зависимого до конца дней своих человека, нес отработочную ренту; если же закабаленный должен был уплачивать кредитору натурой и деньгами, то эта уплата превращалась в натуральную или денежную форму ренты — оброка.

В древней Руси существовал институт, который был, по нашему мнению, одним из главнейших источников феодальной зависимости в наиболее жесткой ее форме — крепостничества, именно институт закупничества.

Вопрос о закупах является одним из труднейших вопросов истории сельского населения в древнейшей Руси. Трудность его обуславливается тем, что почти единственным источником для изучения положения закупа служат несколько статей Русской Правды. Но этот памятник не дает исчерпывающего систематического определения института закупничества, а решает лишь отдельные вопросы, которые ставились судебной практикой и жизнью; поэтому ее статьи носят казуистический характер. Повидимому, эти статьи очень рано сделались непонятными переписчикам, де-

лавшим попытки несколько осмыслить их, вследствие чего появилось множество схолий и вариантов. Варианты нарастали при дальнейшей переписке, и постепенно смысл статей делался непонятен даже и глубоким исследователям.

Поскольку Русская Правда до сего времени не была издана по всем дошедшим до нас спискам и поскольку не была предпринята работа по восстановлению первоначального текста, исследователи выбирали по своему произволу то или иное разночтение и в зависимости от этого выбора давали различную конструкцию институту закупничества.

Других данных о древнерусских закупах мы почти не имеем. Не упоминают о закупах ни летописи, ни канонические памятники. Правда, о закупах достаточно говорится в памятниках западнорусского права более позднего периода — XIV—XVI вв., но в литературе справедливо ставится вопрос: можно ли считать тождественным закупничество X—XII вв. — институт эпохи становления феодализма — с закупничеством XIV—XVI вв. — институтом эпохи развитого феодализма? Тождественный по своему названию институт может резко измениться за два-три века. В частности, кабала XV в., в особенности рязанская кабала, не тождественна с кабалой конца XVII в. в Московском государстве.

Не удивительно, что вопрос о закупах до сего времени не был решен. Даже тогда, когда к тому или иному мнению присоединялось большинство исследователей, появлялась работа, которая заставляла пересматривать вопрос или вносить в его решение те или иные частные поправки. В настоящий момент вопрос о закупах должен быть заново пересмотрен потому, что 1) нам необходимо изучить не только происхождение и юридическое положение закупа, но и форму их эксплуатации господином, так как этим предreshается вопрос о форме эксплуатации его после превращения в феодально-зависимого крестьянина; 2) мы в настоящий момент имеем новый материал о закупах в изданном нами памятнике: «Правосудие митрополичье»; 3) в нашем распоряжении имеется новое издание Русской Правды по всем дошедшим до нас спискам, по которому можно с большей легкостью установить первоначальный текст ее статей, трактующих о закупах.

Однако полного пересмотра вопроса о закупах мы все-таки не даем, так как нас интересует пока закупничество как один из способов превращения закабаленного населения в феодально-зависимое крестьянство. Соответственно с этим, целый ряд второстепенных деталей, которые имеют только специальный, чисто историко-юридический интерес, нами не будет обсужден.

§ 1. Происхождение и сущность закупничества. Нам думается, что вопрос о закупах в отмеченном нами разрезе может быть решен, если мы выясним происхождение и сущность закупничества, форму эксплуатации закупа в хозяйстве господина и их правовое положение.

Вопрос о происхождении закупа и, следовательно, сущности

закупничества является основным, и как раз по нему было высказано очень много весьма разнообразных мнений. Наиболее значительная группа исследователей — Карамзин,¹ Мейер,² Ясинский,³ Яковкин⁴ и целый ряд авторов учебников и общих обзоров считают, что в основе закупничества лежит договор займа, обеспеченный залогом личности должника, т. е. заем, соединенный с самозалогом.

Другая группа исследователей, из которых наиболее видные Рейц⁵ и Сергеевич,⁶ считают закупа наемными рабочими.

Третья группа стремится примирить оба предыдущих взгляда; наиболее видный ее представитель — Чичерин — считает, что закупничество было родом личного найма, с присоединением к нему заемного обязательства. Модификацией этого мнения является взгляд Ключевского, по которому закупы — сельские рабочие, селившиеся на землях частных собственников и зависимые от хозяев.

Четвертое мнение выражено Беляевым, по которому закупы — крестьяне, живущие на чужих землях с обязанностью платить за землю работой. Модификацию этого мнения представляет взгляд Аргунова, который, решительно критикуя теорию самозаклада, отказался высказать свое мнение о сущности закупничества, но тем не менее это сделал: закуп, по Аргунову,⁷ — крестьянин, плативший натуральную дань (купу), издольщину, своему господину.

Имеются исследователи, которые стремятся примирить взгляды первой группы и последней. Одним из них является Б. Д. Греков,⁸ который (в более ранних своих работах), признавая, что в основе закупничества лежит долговое обязательство, считает, однако, что закупы платят господину купу — ренту.

Приступая к просмотру всех этих мнений о происхождении и сущности закупничества, нам прежде всего нужно выяснить, откуда происходит название института закупа. И нам думается, что Русская Правда дает достаточный материал для решения этого предварительного вопроса. Именно в двух ее статьях упоминается то, что лежит в основе закупничества, — купа. В этом вопросе сходятся как будто все исследователи; все признают, что закуп происходит от слова «купа», что купа делает человека закупом. В зависимости от того, как исследователи понимают термин «купа», они обычно решают вопрос о происхождении и сущности закупничества, и это, как нам кажется, совершенно правильно.

Итак, что же собой представляет купа? По мнению большин-

¹ История государства Российского, изд. 6-е, ст. 1851, т. II, прим., стр. 59.

² Древнерусское право залога. Казань 1855.

³ Закупы Русской Правды (сборн. статей, посвященный М. Ф. Владимировскому-Буданову. Киев 1904).

⁴ Закупы Русской Правды. Журн. мин. нар. просв., апрель и май 1913.

⁵ Опыты по истории русского права, стр. 154. М. 1858.

⁶ Древности русского права, т. I.

⁷ К пересмотру построения закупничества Русской Правды (Уч. зап. Саратовского гос. унив. за 1927 г., т. I). С. 1927.

⁸ Очерки „Рабство и феодализм“.

ства исследователей, это взятая от господина сумма — долг. По мнению других, купа — взятая вперед заработная плата. По мнению третьих, не закуп берет купу от господина, а наоборот — господин берет купу от закупа, причем здесь два варианта этого мнения: по одному (Аргунова) купа — «натуральная дань», издольщина, платимая закупом господину, а по другому (Б. Д. Грекова — в более ранних его работах) купа — феодальная рента.

Обратимся к разбору последнего взгляда. Поскольку Б. Д. Греков вскоре отказался от него, перейдем прямо к разбору мнения Аргунова.

Аргунов приводит разные соображения в пользу своего мнения, что закуп давал господину купу и что купа — это натуральная дань господину от закупа. Вместе с тем он делает предположение, что слово «купа» читается в большинстве списков «копа». А копа — это мера денег и продуктов.

Но разбор его взглядов позволяет нам установить, что Аргунов при анализе слова «купа» обошел упоминание о ней в статье Русской Правды, в которой купа не может быть понимаема как натуральная дань, как издольщина, взимавшаяся господином от закупа. Как раз в этой статье исчерпывающим образом говорится, что купа принадлежала закупу, купа — не господина, а закупа:

«Аже господин переобидить закоупа, а оувидить (оувередит) купу его или отарицю, то то ему все воротити» (78. III, Серг.).

Аргунов, прекрасно понимая, что эта статья кладет предел его попыткам истолковать купу как натуральную дань, платимую закупом господину, так как ясно, что *господин не будет вредить своей же дани*, совершенно умолчал об этом исключительно важном для выяснения вопроса о купе месте Русской Правды. Действительно, имеется один список, где о купе не упоминается, именно список Синодальный, где текст статьи читается: «Аже господин переобидить закоупа а оуведить враждоу его или отарицю», но Аргунов, зная, что все остальные списки говорят о повреждении копы или цены, не пытался доказать, что текст статьи по Синодальному списку отражает первоначальный текст. Он просто обошел молчанием факт вторичного упоминания о купе, которое решительно парализует все его предположения о том, как купа платится закупом господину.

Перейдем теперь к разбору второго мнения, что купа — это заработная плата, выдававшаяся господином закупу вперед. Этот взгляд, наиболее полно выраженный Сергеевичем, опирается на одно место из статьи Русской Правды, где закуп называется наймитом во многих списках.

Однако надо иметь в виду, что в 26 списках говорится не о наймите, а о закупе. Значит, необходимо доказать, что упоминание о наймите действительно находилось в первоначальном тексте. Следовательно, доводы Сергеевича еще не являются исчерпывающими, если они опираются только на факт упоминания о наймите в

большинстве списков. Статистический метод можно применять при восстановлении списков с большой осторожностью. Но предположим, что Сергеевич прав, что наймит действительно был упомянут в первоначальном тексте, и тем не менее мы все же не можем присоединиться к его взгляду, что закуп — наемный рабочий, так как в изданном нами памятнике «Правосудие митрополичье», который Сергеевичу, повидимому, был неизвестен, имеется статья, где решительно подчеркивается различие между закупом и наймитом.

«А се стоит в соуде челядин — наймит, ꙗко похочет быти, а осподарь, несть емоу вины, но дати ему в двое задаток; а побжит от осподаря, выдати его осподарю в полницу. Аще ли оубьет осподарь челядина полнаго, несть ему душегоубства, но вина есть емоу от бога. А закупного ли наймита — то есть душегоубство».¹

Не трудно видеть, что эти данные исчерпывающим образом доказывают различие между закупом и наймитом: 1) тем, что положение наймита, как оно определяется процитированной статьей, иное, нежели закупа; наймит — свободный человек, который легко может расторгнуть договор путем уплаты двойного задатка; если же задатка он не получил, то может без дальнейших разговоров уйти от хозяина. Дух и смысл статей Русской Правды о закупах говорят о несравненно большей зависимости закупов, о большей связанности их обязательствами перед господином; 2) тем, что зависимость наймитов определялась получением задатка, а зависимость закупов — купы; 3) тем, что закуп и наймит противоплагаются в статье («А закупного ли наймита»). Было бы странно толковать эту статью, исходя из предположения, что слово «наймита» является определением или объяснением слова «закупного». Институт закупничества и найма был всем известен, и пояснять, кто такие закупы, не было никакого смысла.

Итак, мнение Сергеевича, что купа есть заработная плата, даваемая вперед закупу от господина, и что, следовательно, закуп — наемный рабочий — не может быть принято и, следовательно, не может быть принято и мнение Чичерина. Нам думается, что если отвергнуть толкование Аргунова, что купа есть натуральная дань, Рейца и Сергеевича — что купа есть заработная плата, то остается единственно возможным мнение большинства историков, что в основе купы лежит долговое обязательство, что закуп делается закупом в целях обеспечения и погашения этого обязательства.

Понимание купы как отношения, в основе которого лежит долговое обязательство, позволяет нам раскрыть смысл всех статей Русской Правды о закупах без особых затруднений и противоречий. В частности, вторая статья, которая непосредственно говорит о купе: «Аще господин переобидит закупа, а оувидит (увередит) купу его или отарицу, то то ему все воротити, а за обиду платити

¹ С. В. Юшков. Правосудие митрополичье (летопись занятий Археогр. комиссии, вып. 35), Русская Правда, стр. 178, ст. 27 и 29, изд. Укр. Акад. Наук. К. 1935.

ему 60 кун», очень хорошо может быть понято именно при этом значении купы. Вполне возможны случаи, когда господин, выдавший купу, может ее «увередить» путем насильственного отобрания переданных денег или отобрания имущества, находившегося в распоряжении закупа. Но особенно удачно при этом значении купы можно понять смысл других статей о закупах. В частности, в первых статьях о закупах: «Аже закуп бежить от господы, то обель; идеть ли искать кун, а явлено ходить или ко князю или к судиям бежить обиды дела своего господина, то про то не робять его, но дати ему правдоу», делается понятной фраза: «идеть ли искать кун». Конечно, чтобы погасить свое долговое обязательство, закуп нуждался в кунах — деньгах. Очевидно, стала слагаться практика превращать закупа в полного холопа в случае его ухода за поисками денег, и законодательство эту практику отвергло.

В следующей статье: «Паки ли приметь на немь кун, то опять ему воротити куны, что будеть принял, а за обиду платити ему 3 гривны продажи», выражение «паки ли приметь (господин) на немь кун» может быть понято только тогда, когда мы учтем, что господин мог, пользуясь зависимым положением закупа, вынудить от него вторичное погашение долгового обязательства. По этой статье, господин должен вернуть за купу взятую сумму. Толкование данной статьи имеет решающее значение при решении вопроса о купе.

Наконец, при указанном понимании купы раскрывается смысл статьи:

«Продасть ли господин закупа обель, то наймиту (закупу) свобода во всех кунах, а господину за обиду платити 12 гривен продажи». В случае продажи господином закупа в полное холопство закуп освобождается от долгового обязательства, и, кроме того, господин должен уплатить 12 гривен продажи.

Итак, анализ как статей, непосредственно говорящих о купе, так и всего комплекса законодательства о закупах приводит нас к убеждению, что в основе купы и, следовательно, закупничества лежит долговое обязательство, для обеспечения погашения коего закуп должен был находиться в особых отношениях зависимости от своего господина и работать в его хозяйстве.

Совокупность условий и предпосылок установления закупничества в литературе обычно называется «самозакладом», но это понятие далеко не адекватно действительной сущности данного института; он гораздо сложнее и многограннее, нежели те отношения, которые ассоциируются с этим словом.

Возникает вопрос, когда и при каких условиях появляется долговое обязательство, которое может лежать в основе закупничества. Нам думается, оно может явиться: 1) при займе, 2) при получении вперед заработной платы, 3) при отдаче отцом своего сына в кабалу за долг, 4) как условие отпуска на волю полного холопа, 5) при неуплате вознаграждения за правонарушения, 6) при неуплате ранее сделанного долга, когда кредитор имеет право про-

дать должника в полное холопство. Высказывалось мнение, что закупничество может возникнуть и «по займам безденежным».¹

Однако, несмотря на разнообразие условий, при которых закупничество может возникнуть, основным и типическим источником этого института, по нашему мнению, был заем и в меньшей степени наем. Однако и с точки зрения права и с точки зрения житейской практики невозможно различить, после того как закупничество уже оформилось, с кем мы имеем дело — с рабочим или должником. Ведь закупничество ведет к одним и тем же последствиям — к одинаковой зависимости и одинаковой эксплуатации.

Если не признать удовлетворительным объяснение, которое выше было дано, почему закуп был назван наймитом, то это можно объяснить и тем, что закуп был наймитом, только не в смысле тождества его с закупом, — здесь о найме может идти речь не как о сущности закупнических отношений, а как о поводе для установления закупничества.

Возникает еще вопрос, всякое ли долговое обязательство происходило по нормам закупничества. И здесь мы не задумываясь, должны дать отрицательный ответ. Все предыдущие статьи говорят нам, что долговые обязательства сами по себе закупничества не вызывают. За взятые деньги платили проценты, резы — и только. В случае взимания больших процентов («третий раз») долг совсем погашался.

Все статьи Русской Правды о торговой несостоятельности исчерпывающим образом говорят о том, что купцы, обремененные долгами, сохраняли свою свободу и хозяйственную самостоятельность, пока кредиторы не предъявляли исков о взыскании долга.

Но, быть может, купеческие кредитные операции регулируются иначе, чем долговые обязательства других групп населения, как это думает Гетц? И опять у нас имеется статья Русской Правды, которая, полагая, исчерпывающим образом доказывает, что долговые обязательства даже малоимущего населения сами по себе также не вели к закупничеству:

«А в дачь (даче) не холоп, ни по хлебе работать, ни по придадьце». Как видим, долговое обязательство может возникнуть вследствие ссуды деньгами или хлебом. «Вдачь», как обычно стали называть в литературе задолжавших людей, может или отработать свой долг в течение года или его возвернуть. «Но оже не доходять года, то ворочати ему милость; отходить ли, то не виноват естъ».

Сергеевич,² признавая закупа наймитом, считает, однако, что эта статья говорит о закупах. Пресняков³ также, правда с некоторым колебанием, относит статью к закупах. И. И. Яковкин, однако, так же как и Аргунов,⁴ возражает против отнесения этой

¹ Мейер. Указ. соч., стр. 9.

² Указ. соч., стр. 217.

³ Указ. соч., стр. 248, прим. 2.

⁴ Указ. соч., стр. 19.

статьи к закупам. Яковкин считает, что «вдачь» — это наймит, а не закуп.

Но достаточно вчитаться в статью, чтобы понять, что она говорит вовсе не о наймитах, а о людях, задолжавших вследствие ссуды хлебом или деньгами. Они могли совершенно не работать у своего кредитора. Об отработке долга говорится только в случае невозможности для них погасить долговое обязательство. Поскольку в статье говорится о «милости», то это должно указывать на неформальный договор займа. Да и смысл всей этой статьи решительно отличается от духа и смысла всего законодательства о **закупах**.

Аргунов правильно, кроме того, отмечает, что эта статья не может относиться к закупам, с одной стороны, потому, что она вообще не содержит упоминания о закупках, и, с другой, потому, что она стоит особняком и отделена от статей о закупках массой разнообразного материала.

Итак, данная статья позволяет нам установить, что долговое обязательство, хотя бы и малоимущего, некредитоспособного населения, само по себе еще не ведет непосредственно к закупничеству.

Что же в конце концов превращает долговое обязательство в «купу», а человека в закупа?

Мы совершенно убеждены в том, что долговое обязательство превращается в купу при определенных формальных моментах. Оно должно было быть оформлено, вероятно, путем объявления властям, при послухах, или фиксироваться в письменных документах. Возможны при этом были и особые церемонии. Только при этих формальных условиях простой должник мог быть превращен в закупа.

Соответственно с этим должен быть решен вопрос о видах закупов. Поскольку закупками при определенных формальных условиях могли стать разные элементы (и обанкротившиеся купцы, и ремесленники, и крестьяне), постольку закупы могли эксплуатироваться по-разному. Купцы-закупы могли быть использованы в торговле господина или в других отраслях его хозяйства, ремесленники также по своей специальности, а крестьяне, которые как раз и составляли основную массу закупов, были «ролейными» закупками, которые работали на роле, на пашне.¹

Подведем итоги наших наблюдений по вопросу о происхождении и сущности закупничества. Люди становятся закупками при определенных формальных условиях, причем долговое обязательство, лежащее в основе купы, может возникнуть по разным основаниям (заем, наем, условие при отпуске холопа на свободу и т. д.). Закупничество не может быть разложено на составные части, как это делается в литературе (заем, соединенный с самозакладом,

¹ Толкование купы как феодальной ренты-оброка, натуральной повинности ведет за собой признание всех закупов ролейными. Какой оброк мог платить ремесленник-закуп своему кредитору?

«наем», соединенный с самозакладом, и т. д.). Закупничество — это особый институт, отношение *sui generis*, к которому нельзя подходить с категориями римского или современного гражданского права.

§ 2. Формы эксплуатации закупов. Как было указано, одной из основных проблем закупничества является выяснение формы эксплуатации закупов. В литературе высказываются разные взгляды по этому вопросу, в зависимости от взглядов на происхождение и сущность закупничества. Сторонники взгляда на закупов как наймитов, например Сергеевич,¹ не отличают форму эксплуатации закупов от эксплуатации наемных рабочих — батраков. «Это бедные люди, которые ни плуга, ни бороны не имеют. Весь рабочий припас получают они от нанимателя, живут в его дворе, пасут его скот и исполняют всякие его поручения».

Исследователи, видящие в закупах уже оформившихся, прикрепленных феодально-зависимых крестьян, как например Аргунов, или как в прежних работах Греков, должны признать, что закупы имеют свое хозяйство, определенную хозяйственную самостоятельность. Аргунов,² считающий, что закупы — издольщики, даже допускает «предположение о разделе между ними урожая в известной, обычной для данной местности, пропорции».

Нам думается, что выяснение формы эксплуатации закупов зависит от решения вопроса об имущественном положении закупа. Если будет выяснено, что закуп имеет свое хозяйство, свой сельскохозяйственный живой и мертвый инвентарь, то формы эксплуатации его будут одни; если у закупа своего имущества не будет, то формы эксплуатации будут другие.

К выяснению имущественного положения закупов мы и приступаем, причем используем статьи, трактующие о ролейных закупах; мы думаем, что ролейные закупы — это основная и наиболее типичная группа закупов. Основными статьями, определяющими имущественное положение закупов, являются статьи:

«Аже оу господина ролейный закуп, а погубить войский конь, то не платити ему; но еже дал ему господин плуг и борону, от него же купу емлеть, то то погубивше платити; аже ли господин его отслеть на свое орудие, а погибнуть без него, то того ему не платити. О закупе ж. Аже из хлева вывести, то закупа того не платити, но же погубить на поли, и в двор не вженеть и не затворить, где ему господин велить, или орудья своя дея, а того погубить, то то ему платити. Аже господин переобидеть закоупа и оувидить купу его или отарицю, то то ему все воротити, а за обиду платити ему 60 кун».³

Почти все исследователи, которые не имели под руками текстов всех дошедших до нас списков Русской Правды, считают, что в первоначальном тексте ее стояло не «войский», а «свойский» конь.

¹ Указ. соч., стр. 216—218.

² Указ. соч., стр. 7.

³ Цитир. по Троицкому списку.

Однако все древнейшие списки — Троицкий, Синодальный, Пушкинский и все производные от них без всяких отступлений говорят только о войском коне. Из 65 списков Троицкого, которые могли бы так или иначе отразить первоначальную традицию, ни один не упоминает о свойском коне. При таком положении, когда все древнейшие (XIII и начало XIV в.) списки и подавляющее большинство позднейших дают одинаковый текст, его и нужно считать первоначальным. Список Карамзинский, где говорится о свойском коне, — список поздний, отличающийся от других включением нового материала (статьи о приплоте и Устав о мостех) и обилием схолий, конечно, не может быть признан списком, лучше всех сохранившим рукописную традицию, тем более что и не все списки его говорят о свойском коне. Несомненно, свойский конь — это позднейший вариант; путем этой схолии переписчик сделал попытку осмыслить непонятное для него место статьи. Для переписчика казалось неясным, почему закуп не отвечает за потерю войского коня. Мы, однако, не ограничимся простым признанием этого варианта основным, к чему нас обязывает анализ всего текстового материала Русской Правды, а докажем, что чтение «свойский конь» ведет к целому ряду неустранимых неясностей.

Исследователи, принимавшие чтение «свойский конь», принуждены были толковать статью приблизительно следующим образом: если ролейный закуп потеряет своего коня, то он не платит за эту потерю своему господину, но если он получит от господина, давшего ему купу, плуг и борону и их потеряет, то за эту потерю он должен платить; если господин отошлет закупа по своим, господским делам, а плуг и борона будут потеряны в его отсутствие, то ему не надо платить за них господину.

Но при таком понимании всей статьи возникает целый ряд недоуменных вопросов, а именно: зачем нужно специально упомянуть, что закуп не платит господину за своего коня? какое дело господину, что закуп потерял свое имущество? Другое недоумение: почему в статье не говорится о потере господского коня, а говорится о потере плуга и бороны?

Первое недоумение пытаются разрешить разными способами.

Сергеевич¹ признает, что свойский конь — это конь, принадлежащий за купу, но наличие этой статьи он объясняет тем, что от пагубы лошади, на которой наймит порядился работать, мог возникнуть убыток для нанимателя; «потеряв или (что то же) тайно продав лошадь, наймит не вспахал поля во-время и тем причинил нанимателю убыток».

Но это объяснение может быть сколько-нибудь серьезно удовлетворительным только тогда, когда будет доказано, что закуп — наемный рабочий; но это, как мы знаем, невозможно. Но даже и при признании закупа наймитом возникают при толковании этой статьи неменьшие недоумения: почему закуп, получивший вперед задаток и не выполнивший работу, освобождается от возме-

¹ Указ. соч., стр. 218—219.

щения убытков? Сергеевич вынужден был признать, что «рассматриваемое правило остается непонятным», т. е. он как бы расписывается в неудаче своего толкования.

Другая попытка была сделана И. И. Яковкиным,¹ который под свойским конем понимает коня, вошедшего в отарицу (ресулиум) закупа. Ресулиум не был собственностью обладателя, который имел только особые права над имуществом, входящим в ресулиум. «Конь этот не настолько свой, чтобы освободить, без особого указания закона, закуп от ответственности за него, но и не настолько чужой, господский, чтобы ответственность прямо возложить на закуп». Но все это толкование возможно будет принять только тогда, когда мы докажем, что свойский конь — это конь, находившийся в ресулиуме закупа. И. И. Яковкин пытается это доказать путем толкования одной фразы из текста Студийского устава XII в. по рукописи Московской синодальной библиотеки (№ 830).

Там, в главе «О одеянии мнишьтем», между прочим, говорится: «Преподобного отца нашего исповедника Федора запрещение едино се есть, еже и свойскую одежду худу имети должно». Так как по Студийскому уставу монах не должен иметь собственности, то можно думать, что свойской одеждой здесь названо платье, переданное в распоряжение и пользование монаха и составлявшее его ресулиум.

И здесь Аргунов² выдвигает ряд серьезных соображений против истолкования И. И. Яковкиным слова «свойский», как относящегося к ресулиуму. Он прежде всего отмечает, что платье монаха нельзя без злоупотребления термином приравнять к рабскому ресулиуму. Далее, догадка Яковкина, что под свойской разумелась монастырская одежда, ни на чем не основана, кроме общего запрещения монастырского устава иметь частную собственность; но если свойская одежда действительно была монастырской одеждой, то зачем нужно было в уставе говорить о качестве этой монастырской одежды, когда ее покрой и качество заранее и давно были установлены? Аргунов указывает, что Яковкин, кроме того, не обратил внимания на стоящую в тексте частицу «еже и» («еже и свойскую одежду»); эта частица указывает, что не только монастырскую, но и свойскую одежду надо иметь худой, т. е. простой и скромной.

Аргунов вместе с тем привел пример, где слово «свойский» не может быть понятно иначе, как свой. Именно, под 1258 г. в Ипатьевской летописи читаем: «Романови же пришедшу ко граду и Литве, потокши на град Литве ни ведеша ништы же токмо и головне ти, псы течюще по городищу тужаху же и плеваху, по свойскы рекуще: Янда, взывающе боги своя Андия и Дивирикса».

Нам кажется правильным заключение Аргунова, что свойский — есть свой в усиленной степени, где собственность или свойство особенно подчеркиваются.

¹ Указ. соч. Журн. мин. нар. просв., стр. 117, май 1913.

² Указ соч., стр. 14—15.

Таким образом, предположение И. И. Яковкина, что свойского коня нужно считать конем, находящимся в *rescuium*¹е закупа, отпадает. Вместе с тем, кроме этих филологических соображений, необходимо отметить еще одно недоумение, которое возникает, как только мы примем предположение Яковкина. Какой смысл господину, который дал за купу купу, еще давать в его распоряжение коня, стоимость которого была достаточно высокой на правах *rescuium*¹а и притом с освобождением закупа от ответственности в случае его погубления?

Наконец, Павлов-Сильванский¹ делает еще одну попытку решить вопрос о «свойском коне». Он считает свойского коня домашним в отличие от дикого коня; однако свойский (домашний) конь, по его мнению, принадлежит все же господину. Но тогда возникает недоумение, почему за погубление господского коня закуп не отвечает, а за плуг отвечает.

Таким образом, признание за вариантом «свойский конь» приоритета пред чтением «войский конь» ведет к неразрешимым недоумениям. Очевидно, нам нужно учесть текст подавляющего большинства списков, к которым относятся и самые древние, и читать «войский конь».

Были исследователи, которые признавали преимущество чтения «войский конь», например Ланге, который под войским конем понимал кавалерийского. Но с легкой руки Сергеевича, который отметил малую вероятность обособления у нас в XIII в. кавалерийских лошадей от упряжных и высказал недоумение, почему закуп, своим небрежением погубивший такового, не платил убытков, от чтения «войский конь» исследователи отказались. Но теперь нас заставляет вернуться к этому чтению самый текст Русской Правды.

Начнем с толкования этой статьи при чтении «войский конь» вместо «свойский конь». Если у господина будет ролейный закуп и он погубит военного коня, то ему не нужно за него платить; но если господин, у которого закуп берет купу, дал ему плуг и борону и он погубит коня, данного для пашни, то ему нужно платить. Если же господин отошлет закупа по своим, господским делам, и конь, находящийся на пашне, погибнет в его отсутствие, то закуп не должен за него платить.

При таком толковании текста совершенно устраняется недоумение, почему не говорится о погублении господского рабочего коня, а говорится о плуге и бороне. Как видно из нашего толкования, фраза «еже дал ему господин плуг и борону» относится к коню, на котором пашет ролейный закуп. И было бы странно, если бы законодательство специально посвятило целую статью плугу и бороне, которые в этот период были самодельными, технически несовершенными и потому не имеющими особой ценности. Едва ли в бороне были железные зубья или плуг весь был железным. Еще в конце XIX в. мы видели бороны с деревянными зубьями; их кре-

¹ Феодализм в Удельной Руси, стр. 227.

стьяне сами делали. Охотников воровать бороны и сохи, как мы наблюдали, совершенно не находилось. И бороны и сохи целыми днями валялись на пашне без всякого призора.

Но возникает вопрос: что собой представлял этот военный конь, какое отношение к нему имел закуп и почему он не отвечает за его потерю? Ланге под войским конем понимал кавалерийского коня. Но Сергеевич указал, что обособление кавалерийских лошадей от упряжных в XIII в. было мало вероятным. Нам думается, что как раз в это время, когда конница была главным родом оружия, когда добрый конь был так необходим и для победы и при поражении, — это обособление могло быть. Но мы все же не согласны с Ланге: войский конь — это не кавалерийский конь, а такой, с которым за купу приходилось иметь дело на войне. Как мы убедимся далее, закуп живет во дворе господина, являясь его холопом (неполным). Все холопы (как обельные, так и не обельные), равно как и другие группы зависимого сельского населения — смерды и т. д. должны были принимать участие в войне. «Смердов и холопов нам выдайте», — говорили князья после окончания войны. Очевидно, что смерды и холопы входили в состав ополчения. О мобилизации смердов и смердых коней мы будем еще подробно говорить. Закупы, так же как и другие холопы — полные и неполные — должны были входить в состав ополчения господина, составлять его свиту, причем многие из них были на конях, конечно, господских.

Окружение холопов-конников усиливало безопасность господина. Во время военных действий конь, находившийся в распоряжении закупа, мог быть убит или вообще потерян. И вот за этого коня закуп, который, конечно, не по своему желанию принимал участие на войне, согласно данной статьи, не отвечал. Ланге, признавая войского коня кавалерийским, объясняет неответственность закупа за его потерю тем, что сельскому работнику не следовало поручать наблюдение за кавалерийской лошадию. Сергеевич совершенно правильно называет это объяснение искусственным. Другое дело конь, данный господином для пашни; здесь никаких оснований освобождать его от ответственности не было, за исключением особых случаев, о которых говорится в статье.

Нам думается, что и дальнейшая статья продолжает говорить тоже о коне. И эта статья развивает мысль предыдущей.

Могут возразить, почему все-таки прямо не сказано о погублении за купом пашенного коня, а говорится так неясно «а еже дал господин плуг и борону...» Но ведь все законодательство о закупах — это целый комплекс лаконизмов и недомолвок. Если же сопоставить наличие этой недоговоренности с теми неясностями, которые возникают при чтении «свойский конь», то она, конечно, менее серьезна.

Таким образом, чтение «войский конь», которое предопределяется анализом всего текстового материала Русской Правды, ведет к тому, что закуп коня не имеет и, нам думается, не может иметь, иначе он не был бы за купом. Конь был слишком ценным

имуществом, и при его наличии не было смысла итти в закупы, в холопы со слабой надеждой получить когда-либо независимость. Был большой смысл продать коня, нежели итти в полную кабалу.

Обратимся теперь к вопросу о другом имуществе закупа. По общему мнению всех исследователей, это имущество называлось отарицей.

В литературе уже давно было отмечено, что в грамоте Псковскому монастырю суздальского епископа Дионисия, цитирующего место из Пандект Николе Черногорца, слово *resciliū* переводится отарицей («глаголемая отарица»). Яковкин¹ обратил особое внимание на это значение слова «отарица» и провел параллель между имуществом закупа и *resciliū*'ом греко-римского раба или так называемых адскриптициев. Институт *resciliū*'а — отарицы — сложный. Отарица является имуществом господина или хозяина, выделенным для холопа или феодально-зависимого крестьянина. Конечно, шел процесс обособления этого имущества от господина, но это «обособление отарицы» хотя шло достаточно далеко, но во всяком случае не настолько, чтобы утрачивалась идея о принадлежности ее господину.

Аргунов² подверг критике и эти замечания Яковкина о приравнивании *resciliū*'а к отарице закупа. Он прежде всего отмечает, что отарица не *resciliū*, а полная собственность закупа. Это доказывается тем, что она защищается особой статьей от покушения на нее со стороны господина; признавая отарицу *resciliū*'ом, пришлось бы сближать закупа с холопом.

Но эти возражения не могут быть признаны серьезными. Если отарица близка к *resciliū*'у, то у закупа были особые права на имущество, и вот эти-то особые права и может ограждать законодательство от покушения на них со стороны господина. Признавать отарицу видом *resciliū*'а не значит отождествлять закупов с холопами. Как указано, *resciliū*'ы были не только у рабов, но и у феодально-зависимого крестьянства — адскриптициев.

Если отарица есть *resciliū* на русской почве, то она могла образоваться только по выделу от господина или во всяком случае с молчаливого согласия господина. Вероятно, она включала малоценное имущество — одежду, возможно мелкий домашний скот.

Эти выводы об имущественном положении закупа и весь комплекс статей о закупе в конце концов позволяют уяснить форму и характер эксплуатации закупов.

Закуп живет во дворе господина. Ролейный закуп, — а этот вид закупов был, несомненно, основным и наиболее типическим, — получает коня, плуг и борону от господина. Конечно, закуп может работать только на господской пашне. Поскольку закуп только в некоторых случаях мог отлучаться с господского двора, можно думать, что он находился на полном хозяйском иждивении — кормил-

¹ Указ. соч., стр. 273.

² Указ. соч., стр. 10.

ся и жил вместе с дворовой челядью. Следовательно, отпадают мнения Беляева и Ключевского о закупах, основанные на предположении значительной хозяйственной самостоятельности закупа и наличии у них не только живого и мертвого инвентаря, но и отдельного двора и хозяйства.

§ 3. Формы и характер зависимости закупов. Формы и характер зависимости закупа определяются: 1) его закреплением за господином, 2) усиленной, вне обычных норм, ответственностью закупа, 3) подчинением закупа юрисдикции господина.

1. Закрепление закупа за господином определяется первой статьей Русской Правды о закупах:

«Аже закуп бежить от госпoды, то обель; идеть ли искать кун, а явлено ходить или ко князю, или к судиям бежить обиды деля своего господина, про то не робять, но дати ему правдоу» (71—72, III, Серг.).

Смысл данной статьи ясен: закуп, убежавший от господина, превращается в полного холопа. Законодательство, очевидно, подтверждает сложившуюся практику, но оно сочло необходимым предоставить закупам возможность отлучаться со двора господина в двух строго определенных случаях: для поисков закупом кун для погашения долгового обязательства и для принесения жалоб на обиду, учиняемые им господином. Срезневский¹ и вслед за ним Аргунов² пытаются толковать эту статью в смысле права закупа вообще уходить от господина — для заработка и даже для торговли («для посещения рынков с целью обмена продуктов хозяйства»). Аргунов ссылается на законник Стефана Душана, где имела статья, по которой господам запрещалось удерживать людей от посещения рынков и проводит связь между этой статьей и анализируемым постановлением Русской Правды. Но такое толкование Аргунова легко опровергается рядом соображений: 1) После того как мы выяснили формы эксплуатации закупов, не может быть и речи о самостоятельном хозяйстве закупа, о его самостоятельных промыслах и торговле. 2) Статья носит строго ограниченный смысл: точно перечисляются случаи, когда за купу предоставляется право отлучаться со двора господина. Никаких других оснований для отлучки закупов статья не предусматривает. 3) В статье определено указываются формальные условия, при которых возможны отлучки закупа, именно там подчеркивается: «а явлено ходить». «Явлено» обычно переводится в смысле «открыто», но, нам кажется, этот перевод неточный. Закуп должен не только открыто, т. е. не тайно, уходить в указанных случаях, но и каким-то образом добиться официального признания за ним права на отлучку. Мы предполагаем, что закуп должен в каждом отдельном случае заявлять о своем уходе или перед послухами или перед местными властями. 4) Статья начинается категорической нормой: «Оже за-

¹ Материалы для словаря древнерусского языка, т. I, стр. 1115.

² Указ. соч., стр. 20—21.

куп бежить от господы, то обель». Ясно, что господа принимали все меры к тому, чтобы использовать эту статью для окончательного порабощения закупов. Поэтому, зная эту жесткую норму, а главное еще более жесткую практику, едва ли закупы сами давали повод для порабощения и, не считаясь с нормой, уходили из двора своего господина.

Что же касается ссылки на законник Стефана Душана, то он, конечно, никакого отношения к закупам, особой группе зависимого отношения в древнейшей Руси, не имеет.

Эта статья Русской Правды точно и определенно говорит о том, что закуп крепок своему господину.

2. Другой момент, определяющий форму и характер зависимости закупа, — это установление усиленной ответственности закупа за нанесенный ущерб, за преступления и проступки, совершенные как против господина, так и против третьих лиц, по сравнению со свободными людьми.

Об усиленной ответственности закупа говорит ряд статей Русской Правды, которые нами достаточно подробно разобраны.

Согласно смыслу этих статей, закуп отвечал за сохранность коня, данного ему господином для пашни, и скота в исключительно широком объеме: и за кражу его третьими лицами, за поранение коня, за его порчу («Но еже погубить на поле и в двор не вженеть и не затворить, где ему господин велить или орудья своя дея, а того погубить, то то ему платити»). Словом, закуп нес ответственность не только за прямой умысел, за неосторожность, но и вообще за плохую сохранность коня. Он, например, должен был отвечать за коня, если его украдут во время отлучки закупа по своим делам. Конечно, свободный человек, например наймит, подобной ответственности за данного ему коня нести не мог: он мог ответить за злой умысел, за неосторожность, вероятно за доказанную небрежность, но не за то, что конь пропал в его отсутствие, когда он отлучился по своим делам.

Об усиленной ответственности говорит и следующая статья (84, III, Серг.):

«Аже закуп выведеть что, то господин в немь; не еже кде и налезуть, то преди заплатить господин его конь или что будет ино взял, ему холоп обелный, и паки ли господин не хотети начнеть платити зань, а продасть и отдасть же переди или за конь или за вол, или за товар, что будет чюжего взял, а прок ему самому взяти себе».

Смысл этой статьи, на наш взгляд, ясен. Если закуп уведет что-либо (поскольку в предшествующей статье говорится о краже холопом коня, то, вероятно, и здесь имеется в виду главным образом конь), то господин имеет право поступить с закупом, как ему заблагорассудится (очевидно, превратить его в полного холопа, увеличить размер купы и т. д.). Но если закуп будет уличен в краже коня или других вещей у третьих лиц, то господину представляется выбор: или заплатить за кражу коня потерпевшему и

превратить закупа в полного холопа или же продать закупа и из вырученной суммы уплатить потерпевшему; если же получался остаток, то господин мог взять его себе.

Мотивы, почему господину предоставляется возможность выбрать способ вознаграждения потерпевшему, ясны: цена похищенного закупа может быть выше стоимости закупа (как полного холопа); господину нет смысла платить выше этой стоимости, и тогда он может просто продать закупа и этим удовлетворить потерпевшего. Несмотря на ясный смысл статьи, она некоторыми исследователями толкуется иначе, в частности Владимирским-Будановым.¹ Основываясь на том, что в Пушкинском списке после слов «господин в нем» прибавлено: «в том не платить», он считает эту прибавку отвечающей смыслу статьи и толкует ее следующим образом: «Если закуп украдет что-либо и скроется, то господин не отвечает; но если его найдут, то хозяин обязан заплатить за коня или за другое, что украдено им, а закуп превращается в его полного холопа».

Но это толкование не может быть принято. Дело в том, что прибавка «в том не платить» имеется только в одном списке; все другие списки, и в том числе древнейшие: Синодальный и Троицкий, ее не воспроизводят.

Нельзя и сомневаться в том, что это позднейшая прибавка. А главное, если мы примем эту прибавку, как отразившую первоначальный текст, то получим две противоречивых нормы: господин не платит за закупа, и господин все-таки платит за него. Владимирский-Буданов, чтобы выйти из затруднения, от себя прибавляет: если закуп украдет (и скроется), только тогда господин не отвечает. Но в тексте не говорится об этом. В статье противоплагаются два случая: кража закупа у господина и кража закупа у третьих лиц («оже где и налезут»), а не кража с последующим бегством и кража с последующим задержанием вора.

Таким образом, различие в ответственности закупа за кражу от ответственности свободных лиц заключается в том, что закуп всегда мог быть превращен в полного холопа, как бы ни незначительна была ценность похищенного.

3. Третьим моментом, определяющим характер зависимости закупа от господина, является подчинение их господской юрисдикции.

Русская Правда дает исчерпывающие указания на этот счет (ст. 81, III, Серг.): «Аже господин бьет закупа про дело, то без вины есть».

Согласно прямому смыслу этой статьи, решение вопроса о виновности закупа предоставляется самому господину. Хотя имеется продолжение этой нормы: «бить ли не смысла, пьян, а без вины, то якоже в свободнемь платежь, такоже и в закупе», но совершенно ясно, что на практике это последнее правило оставалось мертвой буквой. Находились, конечно, сотни предлогов для госпо-

¹ Хрестоматия по истории русского права, вып. I, изд. 4-е, стр. 161, 1889.

дина оправдывать свою расправу над закупом без достаточных оснований.

Другой статьей, устанавливающей подчинение закупов юрисдикции господина, является только что проанализированная статья об ответственности закупов пред господином и третьими лицами. Указание статьи, что в случае кражи закупа у господина «то господин в немь», предоставляет господину самому установить форму наказания. Здесь уже законодательство не кладет никаких пределов его произволу.

Выяснение форм и характера зависимости закупа поможет нам решить вопрос, к какой группе населения нужно отнести закупов. В прежней литературе вопрос решался просто: было два разряда населения — свободные и холопы. Основываясь на норме, что в случае побоев, нанесенных господином в пьяном виде и без достаточных оснований, он отвечает за закупа как за свободного («якоже в свободном платежь»), большинство исследователей без всяких колебаний относило закупов к числу свободных. В результате нашего исследования будет доказано, что на ряду со свободными и обельными холопами в эпоху Киевской Руси были различного рода промежуточные группы, которые носили название необельных, неполных холопов. И вот к этим неполным холопам как раз и принадлежали, как нам думается, закупы.

Прямого указания на это Русская Правда не содержит, но общий смысл всех ее статей приводит нас к этому утверждению. Дело в том, что во всех статьях, где закуп так или иначе упоминается в связи с холопами, везде подчеркивается обельное холопство, а не холопство вообще. Это значит, что закуп и просто холоп не противопоставляются друг другу, что эти два понятия не исключают друг друга.

Возьмем статью: «Оже закуп бежить от господы, то обель». Почему-то не сказано: «Оже закуп бежить от господы, то холоп». Или: «продать ли господин закупа обель, то наймиту свобода во всех кунах». Почему-то не сказано: «продать ли господин закупа в холопы».

Дальше: «преди заплатить его конь или что будет ино взял, ему холоп обельный».

Если вдуматься в смысл статьи, на основании которой обычно относят закупов к свободным: «бить ли, не смысля, пьян, а без вины, то якоже в свободном платежь, такоже и закупе», то она как раз доказывает невозможность этого отнесения закупов к свободным, так как она говорит только о приравнивании закупов к свободным в одном отношении, именно в отношении наказания за их побой в пьяном виде и без достаточных оснований. Если бы закуп был действительно свободным, то не было бы смысла это оговаривать.

Закупничество, как вид неполного холопства, выявляется и из статьи о послушестве. В ней устанавливается общая норма: «А послушество на холопа не вскладывают», причем не сказано, что хо-

лопы — обельные, а говорится о холопах вообще. Но из этого общего правила делают исключения: в случае отсутствия послухов из свободных, «по нуже» можно привлекать в качестве послуха боярского дворского тиуна, а по незначительным делам, и «также по нуже», можно привлекать и закупов. Следовательно, по смыслу этой статьи закупы, так же как боярские дворские тиуны, — холопы, которым в некоторых случаях дается право быть послухами. Очень характерно, что закуп поставлен при этом в худшее положение, нежели полный холоп — боярский дворский тиун. Его привлекают просто «по нуже», а закупа тоже «по нуже», но в «мале тяже».

Характерно также, что статьи Русской Правды о закупах переплетаются со статьями о холопах. В очень многих списках, под общим заголовком «о холопе», даются нормы о холопе обельном и закупе. В статье о послушестве говорится и о холопах и о закупах.

Итак, закуп не может быть признан свободным человеком, равно как и рабом (обельным холопом). Он вместе с другими группами входит в состав неполных холопов. Очевидно, это хорошо понималось современниками, которые греческое слово *σπίδοιλος* (полураб) перевели словом «закуп».

Выяснение института закупничества сделано нами на основании нескольких статей Русской Правды. По общему мнению, эти статьи принадлежат Владимиру Мономаху, который после киевского восстания 1113 г. принужден был путем законодательства смягчить отношения между должниками и займодавцами. Естественно, что на практике положение закупов было гораздо более тяжелым. Отдельные нормы законодательства о закупах так средактированы, что легко установить практику, против которой борется законодательство Владимира Мономаха. Совершенно ясно, что на практике закуп порабощался, когда он шел отыскивать деньги для погашения долгового обязательства и для принесения жалобы на своего господина; очевидно, закуп принужден был отвечать и за потерю коня на войне и дома, когда конь был украден, хотя закуп загнал его в хлев и запер; на практике господ закупа «вередили купу» его и наносили ущерб его имуществу, вымогали вторичное погашение долгового обязательства, продавали его в полные холопы, избивали без всяких оснований и даже безнаказанно убивали, так же как и холопов.

Однако законодательству едва ли удалось смягчить эту практику, если даже оно действительно желало этого. Поскольку закуп оставался под юрисдикцией господина, ему и принадлежало решающее слово. От господина зависело установить небрежность и халатность закупа и тем самым заставить платить его за похищение скота или коня; от него же зависело объяснить побои закупа его нерадением и небрежностью. Но если законодательство клало некоторый предел существовавшей на практике тенденции приравнять закупов к полным холопам, то оно, конечно, не могло и не желало обеспечить закупам возможность выхода из закупниче-

ских отношений. Закуп — первый кандидат в полные холопы — был вместе с тем первым кандидатом в крепостные. Не имея своего живого инвентаря, подвергаясь жестокой эксплуатации, будучи зависимым человеком, холопом, хотя и не полным, закупы, вероятно, только в исключительных случаях были в состоянии погасить свое долговое обязательство; обычно на практике им удавалось только переменить своего хозяина, установив новые закупнические отношения с другими землевладельцами, согласившимися его выкупить.

Выяснение положения закупов дает нам возможность установить, из каких групп сельского населения закупы происходили. Сельские люди, превращаясь в закупов, выходили из подчинения общим органам власти, подчиняясь юрисдикции господина. Очевидно, они не платили дани, не несли оброков и т. д.

Совершенно естественно предполагать, что в закупы могли идти только те элементы, которые до сих пор еще входили в состав зависимого крестьянства.

Итак, нами была сделана попытка пересмотра института закупничества, поскольку это определялось темой нашей работы. В результате мы приходим к убеждению о правильности господствовавших взглядов на закупничество как институт, в основе которого лежат долговые отношения. Существо института закупничества, однако, вскрывается не только тщательным анализом всего материала о закупах, но и сопоставлением его с близкими институтами. Закупничеству в этом случае посчастливилось. Дело в том, что закупы существовали не только в Киевской Руси, но и в Русско-Литовском государстве. Ясинский¹ сопоставил древнерусское закупничество с закупничеством в юго-западной Руси XIV—XV вв. и убедительно доказал, что и в основе этого закупничества лежат долговые отношения.

§ 4. Вдачи. На ряду с закупками были элементы, которые занимали деньги и хлеб, очевидно, за проценты. Да и дававшие в долг, видимо, не настаивали на обеспечении их долга принятием закупничества. Эти элементы в одном из списков названы вдачами («вдачь»). Однако в первоначальном тексте, отраженном в древнейших списках (напр., в Синодальном), о «вдачах» не говорится, а статья читается: «(В) даче не холоп, ни по хлебе работать, ни по придатце; но оже не доходять года, то ворочати ему милость; отходить ли, то не виноват есть».

В литературе, однако, несколько искусственно элементы, получившие в ссуды хлеб или деньги, стали называться «вдачами», в отличие от закупов, так как доказано, что только что цитированная статья не относится к закупничеству. Процесс постепенного превращения разнообразных, выбитых из колеи групп сельского населения, конечно, должен был затронуть и их. Об этом процессе говорит издание особой нормы, где отвергается практика превра-

¹ Закупы Русской Правды и памятников западнорусского права (Сборн. статей по истории права, посвященный М. Ф. Владимирскому-Буданову, стр. 430—465, 1904).

щения в холопы получивших ссуду хлебом или деньгами. Законодательство дает им возможность погасить ссуду или ее отработать.

Наличие этой практики доказывается текстом данной статьи в позднейших списках:

«Вдачь не холоп, а инии по хлебе робять».

В первоначальном же списке стояло не «инии», а «ни» или «и ни». Но если законодательство положило некоторый предел превращению вдачей в полные холопы, то, разумеется, в условиях всеобщего закабаления и закрепощения находилось много поводов для превращения вдачей в феодально-зависимое крестьянство. Вдачь за оказанную ему милость должен был работать в течение года на своего кредитора и, конечно, не в состоянии был поставить должным образом свое хозяйство и добыть средства существования на следующий год. Оставался только один путь: вторичного обращения к своему хозяину за милостью или даже превращение в закупа, словом — путь превращения вдачей в постоянную рабочую силу феодальной сеньории.

III. Превращение дани в феодальную ренту

§ 1. **Дань и ее эволюция.** В современной исторической литературе вопрос о значении дани как одной из первых форм эксплуатации и о превращении ее в феодальную ренту почти никем не ставился, а между тем он крайне интересен и решение его может раскрыть многие неясные моменты проблемы генезиса русского феодализма.

Дань, на наш взгляд, вообще имеет тенденцию при развитии феодализма превращаться в феодальную ренту. И как раз этот процесс наблюдался и в древней Руси. И у нас дань постепенно стала превращаться в феодальную ренту.

В основном процесс превращения дани в феодальную ренту заключается: 1) в постепенном захвате земель племен и народов, обложенных данью, и превращении этих земель в феодальные владения князей и их слуг; 2) в постепенном усложнении как способов собирания дани, так и состава ее; в частности, от сбора дани в одинаковом размере от двора или рала переходят к дифференцированной дани по размеру и качеству земли; к дани присоединяются разного рода дополнительные поборы; 3) в раздаче дани князьями своим боярам и церковным учреждениям, что фактически ведет к передаче им крестьянства и крестьянских земель. Этот процесс мы как раз и наблюдаем с XI в.

Как было указано в очерке, посвященном изучению общественно-экономического строя Киевской Руси в дофеодальный период, обычный способ собирания дани князьями, так называемое полюдье, подвергся значительному изменению. Согласно рассказу летописи, княгиня Ольга немедленно по окончании войны с древлянами учредила погосты — финансово-административные округа.

Смысл этой реформы, вызванной, несомненно, восстанием древлян, заключался в своего рода децентрализации сбора дани. С другой стороны, учреждая постоянно действующие органы, Ольга и ее окружение получили теперь возможность собирать дань по частям и, таким образом, получать полностью всю дань, что при полюдьбе вряд ли удавалось в достаточной степени. Реформа Ольги имела своим последствием усложнение состава дани, так как населению кроме уплаты дани приходилось содержать финансово-административных агентов, давать им корм, «поминки» и т. д.

Последующая деятельность князей сводилась к дальнейшему усложнению состава дани и укреплению местных организационных центров. Количество княжеских административных агентов увеличивалось, функции их усложнялись. Территория Киевского государства стала делиться на ряд твердо очерченных административных единиц — погостов и волостей. Появляются новые органы местной феодальной власти — наместники и волостели с их помощниками — тиунами и рядовичами. Увеличивающаяся с каждым днем местная администрация требует увеличения дани; она вводит ряд дополнительных сборов и пошлин. Нет никакого сомнения, что так называемая система кормления ведет свое начало не с момента образования Московского государства, а с XI—XII вв. До нас не дошли известия, как и какие корма взимались с сельского населения местными властями, но напрашивается аналогия этих сборов со сборами судебных агентов — вирников, мечников и т. д. По Русской Правде вирники получают, кроме денег, солод, туши бараньи или говяжьи, сыр, хлеб, пшено, кур, рыбу, овес для лошадей. Вводятся затем уже типично феодальные сборы, например брачные пошлины — выводная куница и новоженный убрus (в ранних памятниках брачные пошлины называются веном — «вено водское»). Наконец, вводится ряд повинностей, из которых необходимо отметить повоз, мостовщину, городское дело. С XI в. сельское население начинает отправлять ратную и военно-конную повинность. С этого же века окончательно устанавливается княжеская юрисдикция по уголовным делам с целой системой уголовных штрафов, вир и продаж, уроков, с целой системой судебных пошлин: вирнику с отроком, мечнику с отроком и пр. Словом, к XII в. сложились и оформились те сборы и повинности, которые входят в состав типичной феодальной ренты.

Процесс сближения различного рода сборов с типичной феодальной рентой мог еще более ускориться, когда князья передавали своим дружинникам, боярам и слугам, а также церкви волости или части волостей. Обычно боярин или церковное учреждение, получив землю с находящимся на ней крестьянством, организовывали там свой феодальный центр — село, ставили боярский двор. На ряду с уже сложившимися повинностями владельцы устанавливали новые. В частности, обычно отводилась земля для собственной запашки («боярская пашня» или «игумнов жребий») и обрабатывалась барщинным трудом. До нас не дошли от XI—XII вв.

грамоты о пожаловании земли боярам. Но зато мы имеем ряд грамот о пожаловании земельных владений церкви, причем все они относятся к Новгороду, где, как мы увидим далее, власть князя в распоряжении землей была ограничена. Тем более, конечно, были обычными и частыми эти раздачи на юге. Среди таких пожалований наиболее характерно пожалование князем Мстиславом Владимировичем и его сыном Всеволодом Юрьеву монастырю с. Буец (местность, расположенная по озеру Буйцы) с данью, вирами, продажами и веном. В исторической литературе, где господствовали различного рода схоластические представления о сущности публичного и частного права, характер этих пожалований считался спорным; одни говорили, что по этой грамоте Юрьеву монастырю жаловался уголовный суд, другие — что только доходы с уголовного суда. Но защитники последнего взгляда не указывали, в чем же заключается разница между пожалованием уголовного суда и доходами с уголовного суда, производимого представителями монастыря. Естественно, что даже Пресняков,¹ один из осторожнейших исследователей, принужден был признать, что пред нами земельное пожалование, соединенное с передачей монастырю определенных прав на княжеские доходы, шедшие с населения Буец.

В особенности ускорялся процесс сближения дани и других сборов с типичной феодальной рентой в «собственных» княжеских и церковных волостях и городах. Здесь права князя и церковных владений над сельским населением ничем не ограничивались, и оно быстро превращалось не только в зависимое, но и крепостное крепостничество.

Последним этапом этого процесса была, несомненно, полная экспроприация земель данников.

Нужно отметить, что процесс превращения дани в феодальную ренту весьма длителен и сложен. Для его развития необходима организация сложного и разветвленного феодального аппарата. Вполне естественно ожидать, что этот процесс будет протекать интенсивнее в тех землях, где процесс феодализации наиболее глубок. Ясно, что в земле вятичей этот процесс не начинался даже в начале XII в. Так же слабо он развивался в Суздальской земле. Мог быть вообще целый ряд особенностей в развитии этого процесса и в других землях.

Там, где сельское население окончательно превратилось из данников в рабочую силу княжеского домена или церковной или боярской сеньории, ему присваивалось название смердов. Это название как мною доказано в специальной работе о смердах,² принято у многих славянских народов для обозначения феодально-зависимого и крепостного населения.

§ 2. Вопрос о смердах. Итак, у нас в древнейшей Руси была одна группа сельского населения, судьбы которой наитеснейшим

¹ Княжеское право в древней Руси, стр. 295.

² К вопросу о смердах. Саратов. 1923.

образом были связаны с моментами превращения дани в феодальную ренту, — смерды. Хотя смерды были не единственной группой населения, обложенной данью, тем не менее история смердов представляет яркий пример возникновения феодально-зависимых и закрепленных групп, и потому вопрос о смердах должен подвергнуться тщательному рассмотрению.

В своей работе «К вопросу о смердах» я отметил, что вопрос этот — один из самых трудных и запутанных. Я указал, в чем заключались затруднения при решении его. Вместе с тем я дал подробный обзор мнений о смердах и попытался обосновать свое мнение.

Однако моя работа не сделалась предметом подробного обсуждения. В исторической литературе все еще господствует давно сложившееся мнение о том, что термин «смерд» есть *nomen generale* для всего крестьянства в Киевской Руси и, следовательно, равнозначен с термином «крестьянин» в Московском государстве. В последнее время такого мнения держатся Б. Д. Греков, Н. А. Рубинштейн, Н. А. Максименко, С. Н. Чернов и др.

Все же я полагаю, что это мнение крайне слабо аргументировано. Признание термина «смерд» общим для наименования всего сельского населения в Киевской Руси считается почти аксиомой, не требующей доказательств, и только иногда, в качестве такого доказательства, указывается на противоположение смердов горожанам, которое, действительно, можно проследить по памятникам. Так, Сергеевич¹ ссылается на рассказ Псковской летописи 1485 г. о столкновении между псковскими горожанами и смердами, а Владимирский-Буданов² приводит сообщение Ипатьевской летописи под 1221 г.: «боярин боярина пленившие, смерд смерда, град града», а также обычное условие договоров, заключаемых Великим Новгородом со своими князьями: «А купец идет в свое сто, а смерд — в свой погост». Обращаясь к оценке приведенных данных, конечно, нельзя не согласиться, что смерды — сельские люди, а не горожане, но эти данные совершенно недостаточны, чтобы признать термин «смерд» однозначным с термином «крестьянин», употреблявшимся для обозначения всего сельского населения.

В рассказе Псковской летописи, цитируемом Сергеевичем, нет даже намек на такое понимание термина «смерд», — там только указывается на принятие участия в брани и мятеже псковских черных людей.

Что же касается сообщения Ипатьевской летописи, то и оно не может дать какого-либо материала для обоснования данного мнения потому, что оно есть не что иное, как риторическое восклицание летописца, который всего менее заботился о том, чтобы представить точную картину сословных отношений в его время. Увлеченный риторикой, он позабыл даже упомянуть о княжеской дружине — главной части войска того времени.

¹ Указ. соч., стр. 205—207.

² Обзор, стр. 33—39.

В еще меньшей степени может быть признано доказательством обычное условие договоров, заключаемых Великим Новгородом со своими князьями, согласно которому князь должен отпустить «позоровавших» к нему купцов в их сто, а смердов — в их погост. Здесь устанавливается лишь одно: смерд — не купец, а сельский человек и должен тянуть к погосту.

В качестве довода в пользу того, что под словом «смерд» понимали всю массу населения, Греков приводит забытую ободную грамоту 1375 г.

Ознакомимся с ее содержанием:

«Се докончаша мир в мир с Челмужским боярином з Григорьем Семеновичем и с его детьми... староста Вымоченского погосту Артемий, прозвищем Оря, со всем племенем, да шунские смерды Иван Герасимов, да Василий прозвищем Стойвов Глебовы, да Игнатий, прозвищем Игоча, да Осафей Перфирьева дети, да и вси шунжане... мир взяли в межу...»

Но что может доказать эта грамота? Нам думается, она как раз подтверждает наше мнение о том, что смерды были особой, отличной от массы населения группой даже в конце XIV в., когда, конечно, эта группа стала вбирать массу зависимого крестьянства. В тексте шунские смерды противопоставляются, с одной стороны, людям Вымоченского погоста, а с другой — всем шунжанам.

Подвергая оценке все другие дошедшие до нас известия о смердах, мы можем лишний раз убедиться, что они недостаточны для обоснования мнения о том, что термин «смерд» является общим для обозначения всего сельского населения.

Напротив, ряд общих соображений побуждает видеть в смердах не все сельское население, а одну только его группу, один его разряд.

1. Если бы действительно слово «смерд» употреблялось для обозначения всего сельского населения, подобно позднему термину «крестьянин», то было бы совершенно необъяснимо быстрое и бесследное исчезновение этого слова из употребления. Из тех данных, которые имеются в нашем распоряжении, можно установить, что в Северо-восточной Руси оно перестало употребляться в XIII в., в Южной и Юго-западной Руси — в XIV в. Дольше других (до XVI в.) оно продержалось в Новгороде и Пскове, на ряду с другими юридическими и бытовыми архаизмами.

Если бы смердами называлось все сельское население и это слово было бы общим названием для всего сельского населения, то оно, несомненно, обнаружило бы большую устойчивость и живучесть и сохранилось бы если не повсюду, то в какой-либо отдельной местности. Бесследное же исчезновение этого термина определенно свидетельствует об употреблении его для обозначения какой-то особой группы сельского населения, постепенно растворявшейся в массе нового крестьянства, подобно закупам, изгоям, изорникам и т. д.

2. Кроме этого соображения, значительно подрывает взгляд на

смердов как на всю массу сельского населения невозможность присваивать целый ряд норм, ограничивающих правоспособность и дееспособность смердов, всему древнерусскому крестьянству, всем его разрядам. Обзор этих норм и их анализ будет предметом дальнейшего изложения, но тем не менее мы можем указать и теперь на невозможность, например, предположения, что за убийство всякого сельского жителя полагалось такое же вознаграждение, как за холопа, если понимать под смердами статьи Русской Правды вообще всех сельских жителей.

Мы знаем, что изгой в конце концов были особой группой сельского населения. Об этом исчерпывающим образом говорит Уставная грамота князя Ростислава Смоленской епископии, по которой епископу дается «село Дросенское со изгой и с землею святой богородицы и епископу и село Ясенское и с бортником и с землею и со изгой святой богородицы и епископу». Но эти изгой не были смердами, за убийство которых платилось 5 гривен, так же как и за раба; за убийство изгой даже по древнейшей Правде платилась полная вира — 40 гривен.

Далее мы не можем, основываясь на точном смысле постановления Русской Правды, считать и закупов смердами. В случае продажи закупа в полное (обельное) рабство уничтожаются все обязательства, принятые закупом: «свобода во всех кунах», а «господину платити за обиду 12 гривен продажи». Далее говорится: «Аже господин бьетъ закупа про дело, то без вины есть; бьетъ ли не смысла пьян, а без вины, то якоже в свободнемъ платежъ такоже и в закупе», т. е. за побои «богогом, чашею или рогом» платить 12 гривен, а «жerdь и палицей» — 3 гривны. Совершенно ясно, что если бы закуп был смердом, то не была бы допущена явная несообразность: за продажу закупа в холопство и за его побои взыскивалось бы 12 гривен, а за его убийство 5 гривен, т. е. без малого в два с половиной раза меньше.

Таким образом, юридические памятники совершенно четко устанавливают различия смердов от других групп феодально-зависимого сельского населения, и упорное нежелание видеть в них особую группу сельского населения (вопреки очевидной ясности источников), которое до самого последнего времени проявляется со стороны Б. Д. Грекова и С. Н. Чернова, не может, на наш взгляд, ничем быть оправдано.

Эти общие, но, думается нам, достаточно серьезные соображения о невозможности понимать под смердами всю массу сельского населения можно подкрепить и некоторыми данными источников.

1. По свидетельству Никоновской летописи, ростовцы в 1177 г. говорили о владимирцах: «Нестъ бо свое княжение град Владимир, но пригород есть наш и наши смерды в нем живут, и холопы каменосечцы, и древоделы, и орачи». Из этого места — позднейшего, правда, летописного свода, но отразившего, как это можно судить по древности языка, текст древнейшего источника, можно установить, что, кроме смердов как группы сельского населения, была

другая группа, так называемых орачей, и что, следовательно, термин «смерд» был общим для обозначения не всех групп древнерусского крестьянства, а только некоторых.

2. Владимир Мономах в своем рассказе об удачном походе на половцев, между прочим, упоминает, что неприятель «только семцю яша единого живого, ти смерд неколико».¹ Если согласиться с Никитским,² что слово «семцю» — испорченное и его нужно читать: «земцю», то смерды противопоставляются земцам, или своеземцам, т. е. другой группе сельского населения.

Критические замечания, приведенные нами против только что рассмотренных взглядов, побуждают видеть в смердах не всю массу сельского населения, а какой-то особый разряд его. Мысль о смердах как специальной группе сельского населения постоянно жила в русской исторической науке и послужила исходным пунктом для двух мнений.

По одному из них, защищаемому Лешковым, Никольским, Цитовичем и Романовым, смерды представляют собою группу сельского населения, находящуюся в особых отношениях к князю (смерды — люди князя); по другому, защищаемому и Ключевским, смерды, живя на государственных землях, являются как бы государственными крестьянами.

Свое мнение о смердах как людях князя большинство защитников основывают:

1) на статье Русской Правды, по которой имущество умерших смердов, не оставивших после себя сыновей, идет к князю;

2) на статье Русской Правды, обеспечивающей смерду специальную защиту со стороны князя;

3) на статье Русской Правды о коне и борти князя и смерда, дающей представление о слитности имущества смерда и князя;

4) на словах Яна Вышатича, воспроизведенных в летописном рассказе о голоде в Ростовской волости и о восстании, организованном волхвами-смердами, причем эти смерды называются смердами князя («Ян же испытав, чья еста смерда, и увидев, яко своего князя, послал к ним, иже около ею суть, рече им: «выдайте волхвы та семо, яко смерда еста моего князя»).

К этой обычной аргументации Б. А. Романов присоединил вывод из анализа летописного известия о Долобском съезде 1103 г., что в «юридически независимую от князя, находящуюся в распоряжении веча организацию народного ополчения смерды не входили; их участие в тяготах похода, посредственное или непосредственное, обуславливалось волею князя, что предполагает подведомственность смердов князю».

Что же касается мнения о смердах как государственных крестьянах древней Руси, то Ключевский не приводит никаких данных, опирающихся на источники. Оно вытекает из общей его концепции сословных и классовых отношений Киевской Руси и из

¹ Л. в. р., 1096.

² Очерк внутренней истории Пскова, стр. 279.

основной его предпосылки, что смерды жили на земле, которая не составляла их полной собственности; но и не принадлежала частному собственнику из других сословий и считалась землей княжеской вообще, впоследствии, в области Новгорода Великого, Новгородской вообще, т. е. государственной.

Но и эти взгляды не могут быть приняты. Доводы защитников взгляда на смердов как на людей князя достаточны лишь для того, чтобы доказать существование одной только группы смердов, находившейся в особых отношениях к князю, и притом только в некоторых частях древнейшей Руси, на юге, главным образом в Киевщине. Но считать всех смердов людьми князя нет данных: в Новгороде и в Пскове власть князя над смердами была ограничена; там принимались решительные меры к тому, чтобы смерды не попадали в зависимость от князя. Условие «закладников ти, княже, не принимати, ни смерда, ни купчины» является обычным в договорах, заключаемых Новгородом со своими князьями.

Что же касается мнения Ключевского, то оно не может быть принято потому, что, как совершенно правильно отмечает А. Е. Пресняков,¹ в наших источниках нет никаких указаний на то, чтобы в древней Руси некоторые земли считались государственными, почему нет оснований вводить эти понятия в характеристику древнерусского быта.

Но возражения против мнения о смердах как людях князя или как государственных крестьянах могут быть выдвинуты с другой стороны. Дело в том, что до нас дошел ряд косвенных или прямых указаний на существование особой группы смердов, находившихся в каких-либо отношениях к дружине, вотчинникам и вообще к частным, если можно так выразиться, владельцам и, быть может, даже к церкви.

Одно из таких косвенных указаний дает летописный рассказ о Долобском съезде 1103 г., который был уже подвергнут обстоятельному разбору со стороны Романова.²

Приведем этот рассказ по Лаврентьевской летописи, отразившей лучше других первоначальный текст:

«Бог вложи в сердце князем Русским Святополку и Володимеру и снятася думати на Долобьске; и седе Святополк с своею дружиною, а Володимер с своею в едином шатре. И почаша думати и глаголати дружина Святополча: «яко негодно ныне весне ити; хочем на смерды погубити е и ролью их». И рече Володимер: «дивно ми, дружина, оже лошади жалуете, ею же кто ореть, а сего чему не промыслите, оже то начнет орати смерд, а приехав Половчин ударит и стрелю, а лошадь его поймет, а в село его ехав иметь жену его и дети его и все его именье, то лошади жаль, а самого не жалели». И не могоша отвещати дружина Святополча».

Как было указано, рассказ о Долобском съезде послужил ма-

¹ Княжое право, стр. 286.

² «Смердий конь» (Изв. отд. русск. языка и словесности, т. XIII, кн. 3, 1908).

териалом для интересных выводов Б. А. Романова по вопросу о характере отношений смердов к князю. К этим выводам мы присоединяемся полностью и без всяких оговорок, но не можем при этом не указать на ряд фактов, которые не привлекли внимания (при разборе этого рассказа) ни Романова, ни кого-либо другого.

Из рассказа видно, что Святополк и Владимир были единомышленны в своем намерении идти походом на половцев («бог вложи в сердце князьям русским Святополку и Владимиру») и произвести набор смердых коней. Но княжеская дружина (по Лавр. — Святополка, по Ипат. — и Владимира) воспротивилась, решительно не желая отвлекать смердых коней от пашни. Между князьями и дружиной произошел настоящий конфликт. Святополк, повидимому, потерял надежду переубедить свою дружину, крайне упорно защищавшую коней смердов от набора и, следовательно, от погубления смердьею роли, и только красноречие Владимира сломило ее упорство. Но из рассказа видно, что, хотя доводы Владимира и были убедительны, дружина согласилась с ним скрепя сердце («и не могоша отвецати дружина»).

Другой интересный факт обращает на себя внимание. Владимир, убеждая дружину, не прибег к обычным, в таких случаях указаниям на чувство долга, на требования военной дисциплины и на любовь к родине. Повидимому, Святополк сам говорил ранее патристические речи и не имел успеха. Да и конфликт между князьями и их дружиной вышел не из отказа дружины участвовать в походе, а только из нежелания производить набор смердых коней, главное — из несогласия отвлекать их от смердьею пашни. О нежелании дружины принимать участие в походе летопись совершенно не говорит. Убедившись, что уговоры в духе патристизма не помогут, Владимир прибег к доводам, так сказать, экономического характера. Он указал, что нежелание потерять большее должно побудить их согласиться на потерю меньшего: нежелание отдавать в поход смердых коней и отвлекать их от смердьею пашни может повлечь гибель самих смердов и полное разрушение их хозяйства.

Интересен кроме того и следующий факт: и Святополк и Владимир почему-то должны были считаться с дружиной, именно по вопросу о наборе смердых коней. Этот момент Долобского съезда всего менее должен быть сочтен совещанием с дружиной. Вопрос ясен и предрешен, ясна и необходимость набора. Из рассказа видно, что дело не в том, чтобы убедить дружину в целесообразности предпринимаемой меры, а чтобы заставить ее дать согласие на набор.

Наконец, дружина не соглашалась дать согласие на производство набора смердых коней не столько потому, что предвидела потерю конской силы в походе, сколько потому, что не желала гибели смердьею роли и, следовательно, смердьею хозяйства.

Эти факты дают нам определенные указания, что не соображения государственного характера или высшей справедливости ру-

ководили дружиной при нежелании ее согласиться на набор смердых коней, а, конечно, личная заинтересованность в смердской роли и вообще в смердском хозяйстве. Следовательно, к тому выводу, который был сделан Романовым, что участие смердов или набор смердых коней обуславливалось волей князя, необходимо сделать добавление и указать, что воля князя во многом предопределялась волей и дружины.

Перечень данных, свидетельствующих о существовании смердов, находящихся в особых отношениях к владельцам, закончу указанием на передачу смердов церковным учреждениям вместе с землей, на которой они сидели. Именно по грамоте Изяслава Мстиславовича смерды передаются в распоряжение Пантелеймоновского монастыря.

Итак, в нашем распоряжении имеется ряд известий, подтверждающих существование смердов, находившихся в особых отношениях не только к князю, но и к дружинникам, вотчинникам и даже к церковным учреждениям.

Следовательно, сущность смердовства заключается не в том, что смерды были людьми князя, как думали Лешков, Никольский, Цитович и другие, и не в том, что смерды были государственными крестьянами древнейшей Руси, как думал Ключевский, а в чем-то ином, не уловленном защитниками только что разобранных мнений.

Итак, нами закончены критические замечания против основных и наиболее распространенных в русской исторической науке мнений о смердах. Насколько это было возможно, была или подорвана или оспорена та иногда сложная и кажущаяся убедительной аргументация, на которую опирались защитники этих мнений.

Но из критических замечаний можно сделать и ряд положительных выводов, из которых, на наш взгляд, наиболее важно установить, что смерды — не вся масса сельского населения, а лишь один из его разрядов. Этот вывод, по нашему мнению, должен быть одной из основных предпосылок при решении вопроса о сущности смердовства, который при такой постановке сводится к указанию признаков, которыми смерды отличались от других разрядов сельского населения.

§ 3. О форме зависимости смердов. Основным моментом, определяющим положение смердов, является прежде всего особый характер их отношений к князю, к «государству» (к Вел. Новгороду и Пскову) и к владельцам. Несмотря на различие властей над смердами, характер этих отношений был в значительной степени одинаков и выражался в своеобразной зависимости, с одной стороны, и властной опеке — с другой.

Обратимся к рассмотрению сущности отношений смердов к князю.

О действительном существовании этих отношений, как было уже указано, говорит довольно значительный перечень как летописных известий, так и текстов Русской Правды.

Наиболее ранним свидетельством является рассказ о волхвах,

которые подверглись наказанию со стороны Яна Вышатича, помещенный под 1071 г. (Лавр.): «Ян же испытав, чья еста смерда и уведев, яко своего князя, послав к ним иже около ею суть, рече им: «выдайте волхва та семо, яко смерда еста моя. и моего князя».

Уже Лешков¹ указал, что слова Яна Вышатича «смерда еста моего князя» определенно свидетельствуют о существовании особой зависимости смердов от князя, о том, что смерды — люди князя.

Это заключение было оспорено Сергеевичем,² указавшим, что выражение «смерды моего князя» означает — подданные моего князя и не может быть основанием для предположения о существовании каких-то особых отношений между смердами и князем. «Дело в данном случае шло о преступлении, совершенном волхвами, и о суде над ними. Подсудность шла по земле и по воде. Но если волхвы были подданные не Святослава, а другого князя, это могло вести к некоторым осложнениям. Вот почему Яну и надобно было выяснить, что волхвы — подданные». Как полагает Сергеевич, его объяснение находит поддержку в ответных словах волхвов: «нами стати пред Святославом, а ты не можещи сотворити ничтоже», т. е. мы должны стать на суде самого князя. «О возвращении же к князю рабов его или вообще зависимых от него людей здесь и намека нет».

Пресняков³ убедительно отвел соображения Сергеевича, указав, что понятие подданства вообще не легко установить для древней Руси, но когда хотели выразить то, что Сергеевич называет подданством, то употребляли выражение «люди», а не «смерды».

С другой стороны, при толковании Сергеевича кажется крайне странным мотив в обращении Яна к белозерцам: выдайте, ибо это подданные моего князя. Наконец, то, что мы имеем дело со смердами в тесном смысле этого слова, а не широком, как полагает Сергеевич, подтверждается, между прочим, и тем, что смерды отвечая Яну: «нами стати пред Святославом, а ты не можещи сотворити ни что же», имеют, несомненно, в виду норму Русской Правды, запрещающую мучить смерда без княжа-слова. Неужели нельзя умучить на Белоозере никого без княжеского слова Святослава, сидевшего в Киеве?

К этим соображениям А. Е. Преснякова необходимо еще добавить, что ссылкой на то, что волхвы суть смерды князя, Ян Вышатич хотел как будто обосновать свое требование о выдаче смердов или во всяком случае его усилить. Из летописи не видно, чтобы Ян ведал белозерцами и судом. Его пребывание на Белоозере вызывалось не отправлением правосудия. Летопись говорит: «в се же время приключися прити от Святослава дань емляще Янови сыну Вышатиноу». Действия его носили не судебный характер.

¹ Русский народ и государство, стр. 156.

² Указ. соч., стр. 212.

³ Указ. соч., прим. к стр. 211.

а административный, и возможно, что требование, предъявленное Яном Вышатичем на выдачу волхвов для суда его над ними, могло быть оспорено, если бы он не указал, что волхвы — смерды князя.

Ряд крайне интересных данных о существовании особых отношений смердов к князю содержится в летописном рассказе о Долобском съезде 1103 г., подвергнутом, как было указано, обстоятельному разбору со стороны Романова. Этот разбор приводит его к следующим выводам: 1) «даже в Половецкий поход, дело защиты земли, общенародного блага смерды не идут»; 2) «они обязаны дать своих лошадей князьям, пожертвовать своей пашней, от которой живут и кормятся, по требованию князей». Сделанные нами дополнения к этим выводам, что набор смердых коней зависит в значительной степени и от воли дружины, не противоречат окончательному заключению Романова, что на основании факта 1103 г. можно сказать: в юридическую, независимую от князя, находящуюся в распоряжении вече организацию народного ополчения смерды не входили: их участие в тяготах похода — посредственное или непосредственное — обуславливалось волей князя; наоборот, вече, повидимому, не могло распоряжаться смердами в своих целях.

Эти выводы Романова, подтверждаемые рядом и других данных, в конечном счете неминуемо ведут к предположению об особой подведомственности смердов князю.

Об особых отношениях смердов к князю говорит и требование, предъявленное Ростиславичам от других князей на Уветическом съезде, о выдаче холопов и смердов: «и холопы наши и смерды зыдайте». Здесь, очевидно, идет речь не об освобождении пленных холопов и смердов, так как становится непонятным, почему не упомянуты другие группы, например, княжеские дружинники, горожане и пр., несомненно входившие в состав народного ополчения и могшие попасть в плен, а о выдаче людей князя, перешедших в обладание Ростиславичей или как бы освоенных ими во время междоусобиц.

Существование особых отношений смердов к князю, не совпадавших с отношениями их подданства, может быть установлено и на основании многих статей Русской Правды.

Прежде всего обращает на себя внимание тот факт, что почти все постановления о смердах (статьи, устанавливающие вознаграждение за убийство смердов, за их муку без княжа слова, за кражу смердьевого коня, за кражу скота по Пространной Правде: «уроки смердом, иже платят продажу князю») содержатся в Правде Ярославичей, т. е. Правде княжой, носящей однородный характер в самом существенном содержании и, за несколькими исключениями, рассматривающей преступления против близких князю так или иначе людей или нарушения княжеских интересов и защищающей нужных князю людей и скот.

Таким образом, смерды поставлены в среду княжеских близких или зависимых людей: смерды упомянуты рядом с княжескими

холопами; смердий конь упоминается наравне с княжескими конями; запрещение мучить смердов стоит на ряду с запрещением мучить и огнищан; наконец, вознаграждение, взыскиваемое за убийство смердов или за их муку или за смердьего коня, повидимому, идет князю.

Данные, так сказать, систематического толкования подтверждаются и содержанием самих статей. Так, статья «А за княжь конь, иже с пятном 3 гривны, а за смердьей 2 гривны» побуждает предполагать, что оба коня (и княжеский и смердий) находились в одном стаде и в пределах княжеского хозяйства, так как конь меченый (с пятном) противопоставляется коню немеченному.

Далее, не чем иным, как особыми отношениями смерда к князю, можно объяснить возникновение статьи, устанавливающей особое вознаграждение за муку смерда без княжа слова, т. е. без его согласия, и статьи о праве князя на имущество смерда, не оставившего после себя сыновей.

Попытка Сергеевича¹ истолковать эту статью в том смысле, что ею устанавливается право князя на всякое имущество подданного, оказавшееся выморочным в земле-княжении, заимствованное из византийского законодательства (Эклоги), отвергнута Пресняковым, указавшим, что византийское право о выморочном имуществе крайне мало соответствует содержанию статьи Русской Правды о смердьей заднице.

Итак, вопрос о действительном существовании особых отношений смердов к князю как будто можно считать исчерпанным.

Обратимся теперь к выяснению характера этих отношений. В этом вопросе у тех исследователей, которые признают существование особой зависимости смердов от князя, замечается некоторая недоговоренность и даже разногласие.

Лешков² и Никольский³ в самой общей форме указывают на частно-правовой характер зависимости смерда от князя, но ближайшим образом не определяют, чем она была обусловлена.

Точка зрения Цитовича⁴ более определена: он видит в смердах изорников — наймитов княжеского хозяйства, связанных с ним условием экономического быта. Повидимому, он склонен объяснять происхождение зависимости смердов из отношений поземельных.

Против попытки объяснить зависимость смердов от князя поземельными отношениями энергично восстает Пресняков, указавший на то, что свидетельства о смердах, с одной стороны, не говорят о том, чтобы они сидели на княжой земле, с другой — свидетельства о княжих дворах и селах, грамоты о даровании земель духовенству не указывают смердов на землях княжеских. «Не в поземельных, а в отношении властной опеки, с одной, зависимости и

¹ Лекции и исследования, стр. 546.

² Указ. соч., стр. 156.

³ О началах наследования по древнерусскому праву, стр. 359, М. 1859.

⁴ Исходные моменты в истории русского права наследования. Харьков. 1870.

повинности, с другой стороны, корень нашего вопроса». ¹ Предположение о том, что смерд — рабочая сила княжеского хозяйства, поспешно и, так сказать, предвосхищает историческую эволюцию; хозяйственную связь смердов с княжим двором осторожнее представлять себе основанной не на поземельных отношениях, а на системе повинностей, которыми они тянули к княжескому хозяйству и которые стали источником и исходным пунктом позднейшего окняжения их земли.

Наше мнение о характере зависимости смердов от князя не совпадает ни с мнением Цитовича, ни с мнением А. Е. Преснякова. Так, мы не можем согласиться со взглядом на смердов, как арендаторов или рабочих княжеского хозяйства потому, что отношения из аренды или из личного найма не могут обусловить возникновение тех прав, о которых шла речь выше, т. е. прав князя на имущество смерда, не оставившего после себя сыновей, и объяснить существование особой защиты смерда со стороны князя, особой подведомственности смердов князю в делах военных. Своеобразие этих норм необходимо предполагает существование уже более сложных и своеобразных отношений, чем договор личного найма или аренды.

Что же касается мнения Преснякова, то мы считаем возможным настаивать на большей близости смерда к княжескому хозяйству, чем он считает. Если у нас нет прямых указаний на более тесную связь смердов с княжим хозяйством, то зато имеется ряд косвенных. Так, им же было признано заслуживающим внимания указание Цитовича о том, что из статьи Русской Правды «А за княжь конь, иже с пятном, 3 гривны, а за смердей 2 гривны» видно, что оба коня — и княжеский и смердий находились в пределах княжеского хозяйства и ходили в одном стаде, так как конь, принадлежащий князю, с пятном, т. е. меченный, противопоставляется смердскому — немеченному. С другой стороны, нельзя пренебречь, думается нам, и тем фактом, что смерды, согласно рассказу летописи о Долобском съезде, жили в селах. Существование села необходимо предполагает и существование определенного вотчинного, т. е. хозяйственно-административного центра, хозяйственных органов (посельских, или тиунов, или так называемых сельских старост Русской Правды) и, следовательно, и таких отношений смердов к княжескому хозяйству, которые выходят за пределы простых публично-правовых повинностей, т. е. даннических отношений. Но если бы было принято наше чтение грамоты Изяслава Мстиславовича, по которой Пантелеймоновскому монастырю передается, по нашему предположению, село Витославиц вместе с находившимися там смердами, то этим более определенно утверждалась бы мысль о том, что смерды сидят на земле княжеской, в селах, находящихся во владении князя.

С другой стороны, Преснякову можно сделать и то возраже-

¹ Княжое право, стр. 286.

ние, которое мы сделали Цитовичу, а именно, что отношения смердов, основанные на системе простых повинностей к княжескому хозяйству, не могут удовлетворительным образом объяснить возникновение особых правомочий князя (в отношении смердов), о которых шла речь выше. Простое отправление этих повинностей едва ли бы могло обусловить и целый ряд ограничений в право-и дееспособности смердов и вообще отразиться на их юридическом положении; все это побуждает нас все-таки предвосхищать историческую эволюцию и настаивать на более тесной связи смердов с княжеским хозяйством даже XI—XII вв., т. е. считать их группой доменального зависимого крестьянства.

Фактически княжеская «дань» стала к этому времени превращаться в феодальную ренту. Смерды должны были нести ряд повинностей, которых остальная масса не несла. Очевидно, что смерды принуждены, кроме дани и оброков — денежной и натуральной ренты, нести и барщину.

Что же касается отношений смердов к другим владельцам, то у нас нет почти никаких данных для выяснения характера этих отношений. Но можно предполагать, что степень зависимости смердов от своих хозяев (господ) едва ли была ниже степени зависимости смердов от князя: несомненно, что эти отношения носили исключительно феодальный характер. Как было указано, при разборе летописного рассказа о Долобском съезде последнее слово при решении вопроса о наборе смердых коней принадлежало дружине.

Итак, по данным XI—XII вв., смерды являются особой феодально-зависимой группой сельского населения. Но возникает вопрос: являются ли смерды только феодально-зависимым крестьянством (*Hörigkeit*) или же крепостным (*Zeibeigenschaft*)?

Поскольку смерды являлись наиболее угнетаемой и, как мы увидим, наиболее ограниченной в правах группой, вполне естественно предполагать, что они стремились избавиться от этого гнета и эксплуатации путем бегства. И тогда так же естественно предполагать, что этим стремлениям смердов был положен предел путем закрепощения их за владельцами. Что смерды в XV в. были крепостными в Пскове и Новгороде, доказывается наличием особого условия в прелиминарной грамоте вел. князя Казимира с Псковом.

«А межи собою будучи в любви, за холопа, за рабу, за должника, за поручника, за смерда, за татя и за разбойника не стояти ни мне, ни вам, а выдати по исправе».

Подобное условие находим и в договорной грамоте 1471 г. Новгорода с королем Казимиром. Тот факт, что эта статья входит в обычный формуляр договоров, заключаемых одинаково и Новгородом и Псковом, говорит о том, что требование о выдаче сбежавших смердов отнюдь не носит случайного характера, а основано на давно сложившейся практике. С другой стороны, текст статьи дает совершенно определенные указания, что смерды дол-

жны были выдаваться не потому, что они обвинялись в совершении какого-либо преступления или были связаны какими-либо обязательственными отношениями, — в статье особо упоминаются лица, требование на выдачу которых определяется наличием этих моментов: именно в ней говорится о разбойниках и татях, с одной стороны, и должниках и поручниках — с другой. Смерды выдавались только потому, что они смерды, подобно тому как выдавались холопы, т. е. в силу несомненных ограничений в их личной свободе.

Норма о выдаче сбежавших смердов не является только нормой международного права. Конечно, она имела внутреннее употребление и в международный договор была помещена только для того, чтобы обеспечить ее применение в пределах русских областей.

Но были ли смерды крепостными и в рассматриваемое время (до середины XIII в.)?

Нам думается, что имеются данные этот вопрос поставить. Обратимся к обзору их.

Прежде всего необходимо обратить внимание на требование, обращенное к Ростиславичам на Уветичском съезде: «и холопы наши и смерды выдайте». Мы уже отмечали, что это требование определенно указывает, что здесь идет речь не об освобождении пленных холопов и смердов, так как становится совершенно непонятным, почему не упомянуты другие группы, например княжеские дружинники, горожане и пр., несомненно входившие в состав народного ополчения и могшие попасть в плен, а о выдаче людей князя, захваченных Ростиславичами и ими освоенных. Несомненно, речь идет как бы о возврате имущества князей, принадлежащих коалиции князей, враждебных Ростиславичам.

Это требование, как нам думается, может быть оправдано и объяснено только тем, что князья располагают такими же правами над смердами, как и над холопами, т. е. правами над личностью их.

Другое, весьма важное свидетельство об ограничении личной свободы смердов содержится в уже указанной нами грамоте о пожаловании князем Изяславом села Витославица со смердами. Обычно передача сел с населявшим их крестьянством служит признаком его закрепощения.

Более определенным и дающим большой материал для выводов является известие Новгородской летописи под 1229 г.:

«Прииде князь Михаил из Чернигова в Новгород, на велице дни Фомине недели исходяче и ради быша Новгородцы своему хотению и целова крест на всей воли Новгородстей и на всех грамотах Ярославлих и вда свободу смердом на 5 лет дани не платити; кто сбежал на чужую землю, а сим повеле, кто сде живет, како устави переднии князи, тако платити дань».

Сущность предпринятой князем Михаилом меры, по нашему мнению, заключается в том, что он освободил всех вообще смердов, находящихся под его покровительством как новгородского

князя, от платежа дани на пять лет; на тех же смердов, которые сбежали со своих мест, но остались в Новгородской области, он не нашел возможным распространить эту льготу и приказал платить дань, как они платили и при прежних князьях. В литературе известие 1229 г. толкуется иначе. Например, Никитский, которому следуют и другие (в современной литературе — Греков), предпринятую князем Михаилом меру ставит в связь со стремлением новгородского правительства задержать отлив новгородского населения в чужие края. С этой целью, толкует Никитский, Михаил постановил, что смерды, бежавшие из Новгородской земли в соседние области, освобождаются от взноса дани на пять лет в том случае, если они захотят снова вернуться на свою родину, а в отношении лиц, которые, несмотря на тягость своего положения, все-таки остались в пределах Новгородской земли, было определено, что они обязаны платить дань, но в размерах, установленных прежними князьями и более легких.

Но предложенное нами толкование известия 1229 г. опирается прежде всего на текст Никоновской летописи, по которой князь Михаил «даде всем людем бедным и должным льготы на пять лет дани не платити, а которые из земли бежали в долзах, тем платити дань, како уставили прежнии князи или без лихв полетья».

Весьма вероятно, что составитель Никоновского свода пользовался таким списком Новгородской летописи, в котором известие под 1229 г. излагалось с большей ясностью и не давало повода к различного рода недоумениям. С другой стороны, толкование Никитского трудно сообразуется с конструкцией фразы, излагающей постановление князя Михаила, и требует довольно значительной мысленной перестановки в ней слов и даже целых предложений. Читая сообщение Новгородской летописи и стараясь понять его так, как понимали Никитский и Б. Д. Греков, мы встречаемся с непреодолимым затруднением: «а сим повеле». Кто такие «сии»? Это указательное местоимение может быть отнесено только к предыдущей фразе: «кто сбежал на чужу землю, а сим повеле...» Из текста совершенно нельзя понять, что они — это оставшиеся, «тутошние» (по московской терминологии). Между тем, при нашем понимании, нет необходимости в реконструкции фразы: смысл ее понятен и при том расположении слов и предложений, какой имеется. Известие 1229 г., если его понимать так, как мы его понимаем, дает ряд любопытных данных, характеризующих юридическое положение смердов. В частности, смерды, оставившие свои места, рассматривались как сбежавшие, и к ним были применены князем Михаилом меры воздействия, определенно свидетельствующие о существовании ограничений личной их свободы.

Все эти данные не позволяют решать вопрос о закреплении смердов в XII в. утвердительно. Но они свидетельствуют во всяком случае об ограничении личной свободы смердов, о начале закрепостительного процесса, который в достаточной степени про-

явился уже в XIII в. на всех территориях, где продолжала существовать эта группа сельского населения.

§ 4. О правовом положении смердов. Из летописных известий и из статей Русской Правды и других юридических памятников с исчерпывающей ясностью вытекает, что смерды не могут быть причислены к холопам. Это положение с полной определенностью подтверждается постоянным противоположением в памятниках смердов и холопов.

В этом (кажется, единственном) пункте вопроса о смердах нет и не было разногласий в исторической литературе, но до сих пор крайне мало было обращено внимания на существование целого ряда норм, ограничивающих право смерда как свободного человека. Если же эти ограничения и были предметом обсуждения, то они не были суммированы и во всяком случае не были в достаточной степени оценены, а между тем они-то главным образом и обуславливают своеобразие юридического положения смердов и являются их отличительными особенностями по сравнению с другими разрядами сельского населения. Ограничения в правах смердов как свободных людей разнообразны и касаются права на защиту их жизни и личности, их правоспособности и дееспособности, права наследования и т. д.

Защита жизни смерда предусматривается специальной статьей Русской Правды. По Академическому списку она читается: «А в смерде и хопе (т. е. в холопе) 5 гривен». По Карамзинскому: «А за смерд и холоп 5 гривен, а за робу 6 гривен».

Согласно прямому смыслу этих статей, за убийство смерда уплачивается столько, сколько за холопа, т. е. 5 гривен, и, следовательно, в 8 раз меньше, нежели за убийство всякого свободного человека, в том числе и изгоя, и в 16 раз меньше, чем за убийство наиболее близких к князю людей, например огнищанина и даже конюха.

Как вообще все статьи, трактующие о смердах, так и статьи, устанавливающие размер вознаграждения за их убийство, являются предметом непримиренного еще до сих пор спора. Одинаковое вознаграждение за убийство смерда и холопа при взгляде на смерда как на свободного человека кажется для многих такой явной несообразностью, что в литературе давно уже стали предприниматься попытки истолковать эту статью иначе.

Проф. Сергеевич,¹ особенно остро почувствовавший эту несообразность, пытается устранить ее при помощи списков Русской Правды, дающих иное чтение этой статье; указывая, что в некоторых списках (например, в Троицком) статья читается: «А за смердии холоп 5 гривен», он утверждает, что речь идет не о смерде, а о смердьем холопе. Сознвая, что предложенное им новое толкование потеряет значительную долю своей убедительности из-за недоуменного вопроса, почему Русская Правда говорит о

¹ Указ. соч., т. I, стр. 209.

смердых холопах, но не упоминает о княжеских, Сергеевич пытается устранить это недоумение указанием на то, что в предыдущих статьях, устанавливающих размер вознаграждения за убийство разных лиц, исчерпан уже состав княжеских рабов; в них упоминаются как княжеские рабы — старосты, так и княжие рядовые, т. е. простые рабы или продавшие себя в рабство (рядовницы).

При таком понимании термина «рядовнич» обычное толкование, по его мнению, должно встретиться с явной тавтологией Русской Правды: два раза упоминается о княжеских рабах; между тем этого повторения не будет, если будем считать, что в статье говорится не о смердах и холопах, а о холопах смердов.

Против толкования Сергеевича можно привести ряд серьезных возражений. Как указано, в аргументации Сергеевича наиболее сильным местом является указание, что во многих списках Русской Правды (в том числе и Троицком), статья, устанавливающая вознаграждение за смерда и холопа, имеет иное чтение и говорит о смердем холопе.

Но признать чтение Троицкого списка соответствующим первоначальному тексту, основываясь только на том, что оно воспроизведено большинством списков, и не приводя других, более серьезных данных, нет достаточных оснований.

Другое возражение Сергеевича, сводящееся к тому, что, приняв защищаемое нами толкование, мы должны считаться с допущением тавтологии (в обоих рядом стоящих статьях одинаково говорится о княжеских холопах — рядовичах и холопах), устраняется тем, что рядович, вопреки Сергеевичу, не есть рядовой, т. е. простой или обыкновенный раб. В литературе было уже отмечено, что даже по Сергеевичу рядович и холоп не тождественные, а лишь отчасти друг друга покрывающие понятия. Именно, в другом месте своих Древностей, он дает следующее толкование термину «рядович»: «Ст. 62 Тр. сп.¹ говорит, что холопство возникает из купли-продажи. Купля-продажа, есть, конечно, ряд, договор. Продавшие себя в рабство, не отличающиеся особыми качествами, и будут просто рядовичи, которых Правда противопоставляет старостам, ремесленникам, тиунам. Но рядович не непременно раб; рядович — всякий, по ряду (договору) у кого-либо живущий». Таким образом, по Сергеевичу, рядович — раб, но по ряду; но холоп не всякий по ряду, и, следовательно, нет и повторения, указываемого Сергеевичем в ст. 22 и 23 Академического списка. Обе статьи эти говорят, даже и с точки зрения Сергеевича, о двух различных лицах.

С другой стороны, в ст. 22 и 23 Академического списка мы не наблюдаем повторения потому, что рядович ст. 22, вопреки Сергеевичу, не рядовой или простой раб или человек, продавший себя в рабство по ряду, а низший агент хозяйственного и административ-

¹ При полемике с Сергеевичем мы будем применять его нумерацию статей.

ного управления. Об этом с совершенной определенностью говорят тексты: например, «тиун бо его (т. е. князя) яко огонь трепентицею накладен, а рядовичи его яко искры» (Слово Даниила Заточника). «А сотским и рядовичем — не судити».

Следовательно, если мы принуждены понимать под рядовичем княжеского хозяйственного и административного агента, то, приняв толкования Сергеевича, необходимо признать, что в Русской Правде совершенно нет статей, устанавливающих вознаграждение за княжеского холопа, что противоречит общему характеру и даже системе Правды Ярославичей, Правды, в которой устанавливаются наказания за убийство княжих людей. «Устранив холопа как смерд-дего, мы устраним и статьи княжего холопа», говорит Пресняков.¹

Кроме попытки Сергеевича, можно указать и на ряд других попыток объяснить несообразность в установлении одинакового штрафа за убийство смерда и холопа по Русской Правде. Максимейко² думает достигнуть этого путем протеста против предвзятой, по его мнению, мысли, что за всякого свободного человека платился штраф в 40 гривен. Но из анализа соответствующих статей Русской Правды с совершенной определенностью устанавливается, что сорокагривенная вира — нормальная основная единица карательной системы Русской Правды. Ст. 5 устанавливает для свободного человека именно 40 гривен; в ст. 28 указывается полувиры.

Другая попытка принадлежит Владимирскому-Буданову и Преснякову, которым кажется естественным найти выход из затруднений, при толковании ст. 23, путем предположения, что в 5 гривнах, о которых говорится в статье, нужно видеть урок, уплачиваемый сверх виры.³ Но это предположение о существовании особых уроков, крайне увеличивающее и без того сложную и запутанную карательную систему Русской Правды, не подтверждается содержанием других ее статей; Русская Правда знает виру, вознаграждение «за обиду», продажу, но о дополнительных к вире уроках не говорится ни в одной из ее статей.

Далее, если предположить, что 5 гривен есть особый урок, то следует признать уроком и то вознаграждение, о котором говорится в предшествующих статьях Правды Ярославичей, принимая во внимание несомненное наличие определенной системы в ее постановлениях. Следовательно, вознаграждение за убийство сельского старосты — тоже урок; урок — и вознаграждение за убийство княжеского тиуна, ездового, старого конюха и, наконец, огнищанина. Тогда, следовательно, дополнительный урок, высказываемый сверх виры в отношении некоторых лиц, будет превышать виру в 3 раза, а общее вознаграждение за убийство, например

¹ Указ. соч., стр. 293.

² Мнимые архаизмы уголовного права Русской Правды. Вестник права, стр. 8. Март—апрель 1905.

³ Указ. соч., стр. 292.

огнищанина, будет достигать 120 гривен, т. е. равняться тройной вире.

Таким образом, невозможность рассматривать 80 гривен статьи Правды Ярославичей дополнительным уроком, уплачиваемым сверх виры, влечет за собой невозможность считать этим уроком и то вознаграждение, которое определяется в следующих статьях, непосредственно примыкающих к ст. 7 (II), внутренне между собою связанных и устанавливающих вознаграждение за убийство княжеских тиунов, рядовичей и, следовательно, смердов и холопов.

Итак, все попытки устранить имеющуюся в литературе несообразность в установлении одинакового вознаграждения за убийство смерда и холопа должны быть признаны неудачными. Приходится следовать прямому смыслу статьи по Академическому и Карамзинскому спискам и считать установленным фактом, что за убийство смерда платилось столько же, сколько и за холопа, т. е., в конечном счете, в 8 раз меньше, чем за каждого свободного человека, и в 16 раз меньше, чем за лучшего или близкого княжьего мужа.

Выводы, полученные нами из анализа ст. 7 (II), устанавливающей вознаграждение за убийство смердов, не только указывают на существование ограничений в защите их жизни, по сравнению с другими разрядами свободных людей, но вместе с тем дают возможность установить и ряд других интересных моментов в их правовом положении по Русской Правде, в частности выяснить объем и характер защиты их личности.

Так, если мы считаем установленным, что за убийство смердов платилось пять гривен, то к ним, очевидно, не применялись те статьи Русской Правды, которые трактуют о защите личности и здоровья и устанавливают штрафы более пяти гривен. В противном случае мы имели бы дело с явной несообразностью, а именно: за повреждение здоровья смердов или за оскорбление их платилось в несколько раз больше, чем за их убийство. Следовательно, к смердам не применялись статьи, устанавливающие штраф за удар мечом, рукоятью меча, батоном, так как этот штраф (12 гривен) превышает почти в два с половиной раза плату за убийство смерда. Не относится к смердам и статья, устанавливающая полувиры (12 гривен) за увечье, и даже статья о выбитии зуба (12 гривен) и ряд других статей.

Вместо этих постановлений, имеющих своей целью оказать защиту личности и здоровья полноправным и свободным людям, в Русской Правде помещена статья, устанавливающая штраф в размере трех гривен за мѹку смерда, «без княжа слова». Повидимому, эта статья предусматривает все посягательства против личности и здоровья смерда, о которых говорится в других статьях Русской Правды, к смердам не применявшихся.

Но в содержании понятия «мѹка», если даже мы будем приписывать ему широкий смысл, нет элементов, определяющих понятие оскорбления личности; следовательно, Русская Правда вовсе

не предусматривает оскорбления личности смердов и дает нам совершенно определенные указания на ограниченный объем этой защиты по сравнению не только со свободными людьми, но и с княжеской челядью.

Переходим к обзору ограничений в правоспособности смердов.

Еще по договору, заключенному князем Владимиром Святославовичем с болгарами, известие о котором дошло до нас в передаче Татищева, болгарам запрещалось торговать со смердами и огневитиной, т. е. со смердами и холопами. Трудно, конечно, выяснить цель и смысл этого запрещения из столь краткого и отрывочного сообщения. Наиболее вероятно предположение, что непосредственный товарообмен болгар со смердами и холопами был невыгоден для князя по фискальным соображениям. Возможны и другие предположения. Как бы то ни было, но проведение этого пункта договора в жизнь непременно предполагает установление со стороны князя особого запрещения смердам принимать участие в торговле и, следовательно, наличие таких черт их правового положения, при которых вполне возможно установление определенных ограничений в их правоспособности.

Более определены и лучше выделяются ограничения смердов в праве владения и распоряжения землей. В литературе уже давно высказана мысль об условности смердского землевладения и отсутствии в нем черт, определяющих понятие вотчинного землевладения. Так, отличительную черту смердов, по сравнению с своеземцами, Никитский видел в том, что смерды не имели собственной земли, а принуждены были жить на чужой, княжой, боярской, церковной. Необходимо к этому присоединиться, так как, по мере превращения смердов из данников в феодально-зависимых людей, они теряли право и на землю.

Во всяком случае до нас дошли определенные свидетельства об ограничениях смердов в праве владения и распоряжения землей. Одно из этих свидетельств содержится в рассказе Ипатьевской летописи о событиях в Галиции в правление князя Даниила, который нами уже цитировался. Из этого рассказа видно, что передача боярином Доброславом земли на вотчинном праве людям «из племени смердьа» считалось делом противозаконным.

Ограничения в наследственном праве смердов устанавливаются из ст. 117—120 (III) Русской Правды:¹

Ст. 117: «Аже оумреть смерд, то задницю князю».

Ст. 117: «Аже будутъ дщери оу него дома, то даяти часть на не; аже будутъ за мужемъ, то не даяти части им».

Ст. 119: О заднице боярьстей и о дружней. «Аже в боярех, любо (в боярстей) дружине та за князя задниця не идет».

Ст. 120: «Но оже не будет сынов, а дщери возмутъ».

Согласно прямому смыслу этой статьи, имущество смерда наследуют дети мужского пола; если их нет, то имущество пере-

¹ Применяется нумерация Сергеевича.

ходит к князю, с тем только, что незамужним дочерям выделяется из отцовского имущества некоторая часть, а замужним ничего не дается. После смерти бояр и вообще людей, составляющих дружину княжескую, оставшееся имущество при отсутствии сыновей наследуют дочери.

Приведенное здесь толкование разделяется большинством историков русского права: Беляевым, Никольским, Поповым, Дювернуа, Невוליным, Витте, Владимирским-Будановым, Пресняковым и др.

Только Цитович и Сергеевич с присоединившимися к ним Дряконовым и Дебольским делают попытку истолковать эту статью иначе. Цитович прежде всего решительно не соглашается с тем, что под детьми ст. 117 следует понимать сыновей.

«В статье такого слова нет, дети же — *verbum generale*», — говорит он; держась буквально выраженного смысла нашей статьи, мы ровно не имеем никакого права подставлять то, чего в ней нет, по ее буквальной редакции. Статья говорит: «задница князю», когда нет детей; если между детьми незамужние дочери, дать на них часть, замужем они — не давать ничего, т. е. не давать тем, которые стали замужем при жизни отца. Следовательно, статья говорит о том, что наследство становится выморочным и достается князю, как скоро нет детей вообще, т. е. сыновей и дочерей». При таком понимании Цитовичем статьи о смердской заднице она не может быть сочтена исключительно определяющей специальное наследование смердов: она содержит такие догмы, которые имеют характер общности, применимости во всех случаях.

Новое понимание статьи о смердской заднице побуждает Цитовича дать новое освещение и статье о боярской заднице. Цитович¹ понимает ее так: хотя бы умерший состоял в боярах или в боярской дружине, — все равно, задница за князя не идет, если только остались дети; при этом, если нет сыновей, имущество наследуют дочери. Таким образом, наследование дочерей, при отсутствии сыновей, представляется не привилегией боярского сословия и дружины, а таким же общим правилом, как и наследование дочерей после смерда.

В таком случае очевидно, что обе статьи о заднице (и 117 и 118) прежде всего сходны в том, что и та и другая определяют условия: первая — когда выморочность наступает; вторая — когда та же выморочность не наступает; т. е. они в сущности определяют одно и то же — когда не наступает выморочность; только первая определяет условия ненаступления отрицательно, вторая — положительно.

Сергеевич² в общем присоединяется к толкованию Цитовича, но дает ряд существенных поправок и дает несколько иную аргу-

¹ Исходные моменты, стр. 43—48.

² Лекции и исследования, стр. 546.

ментацию. Прежде всего в основу толкования он кладет не Троицкий список, а Пушкинский, отличающийся от всех прежних тем, что в статье вместо «без детей», стоит: «безажю», а в статье вместо «а в боярах либо в дружине» читается: «аще в боярстей дружине». Предпочтение Пушкинского списка пред всеми другими дает ему возможность настаивать на том, что первая часть статьи есть особая статья, которую нет ни малейшего повода сливать со второй, устанавливающей право дочери на часть в наследстве после отца (смерда).

Расхождение между Сергеевичем и Цитовичем проявляется и в том, что Сергеевич, вопреки Цитовичу, признает противоречие второй части ст. 119, отрицающей за дочерью это право, причем объясняет это противоречие тем, что на тексте первой статьи отразилось влияние византийского наследственного права.

Но толкования Цитовича и Сергеевича не были признаны исчерпывающими в русской исторической литературе. Против них был выдвинут ряд возражений — сперва со стороны Владимирского-Буданова, а затем Преснякова. Сущность этих возражений заключается в следующем. Наиболее сильным местом в аргументации Цитовича является его утверждение, что ст. 117—118 не устанавливают специальный порядок наследования после смерда, а содержат общую норму о выморочности наследства, причем эта общая норма подтверждается и следующей статьей (119), хотя в ней говорится о наследстве после бояр.

Таким образом, толкование Цитовича падает, как только будет доказано, что ст. 117—118 содержат иную форму, нежели ст. 119—120. Преснякову¹ как раз удалось это сделать. Именно им было обращено внимание на то, что в статьях Русской Правды, трактующих о наследстве, употребляется два различных понятия — «задница» и «часть»: например, в первой части статьи говорится о заднице («задница князю»), во второй же — о части («аже будут дщери оу него, то даяти часть на не; аже ли будут за мужем, то не даяти части им»).* В ст. 119—120 говорится о заднице как в первой части, так и во второй: «за князя задница не идет, но оже не будут сынов, а дщери возьмуть» (т. е. задницу).

Если бы было установлено, что между понятиями «задница» и «часть» нет различия, то толкование Цитовича, пожалуй, не могло быть оспорено. Но из анализа статей Русской Правды, трактующих о наследстве, обнаруживается, что задница и часть — два юридических понятия, не совпадающих между собой.* В частности, особенно обнаруживается несовпадение между задницей и частью в ст. 123: «Аже жена сядет по мужи, то на ню часть дати, а что на ню мужь возложить, тому же есть госпожа, а задница ей мужня не надобе». Следовательно, жена — не участница в наследстве, она имеет право только на особую часть. Таким образом, можно считать установленным, что задница по Русской Правде

¹ Указ. соч., стр. 280 и 281.

есть наследство в строгом юридическом смысле. Часть же не есть часть наследства, а выдел из имущества известных средств для специальной цели, т. е. надления вдовы, дочери, вклад на помин души (ст. 122). Размер ее не определен по Русской Правде, а определялся, повидимому, сообразно обстановке и размерам оставшегося имущества («как си могут» — ст. 125). Если это так, то и статьи говорят не об одном и том же, как думал Цитович, а о двух различных предметах. В статье о смердье заднице устанавливается, что выморочное имущество идет князю, причем если после него остаются незамужние дочери, то из этого переходящего князю выморочного имущества им выделяется часть в только что установленном смысле; замужним же дочерям не дается и этой части; все имущество идет князю. Что же касается наследования после бояр, то, в случае отсутствия сыновей, в дележе задницы, т. е. наследства в строгом юридическом смысле этого слова, принимают участие и дочери. Различие между нормами ст. 117—118 и ст. 119—120, устанавливаемое на основании анализа понятий «задница» и «часть», выявляется и внешним образом, именно параллелизмом и противоположением этих статей, выражающихся, например, союзами: «а» — «А иже в боярех», «то» — «то за князя задница не идет», «но» — «но оже не будет сынов, а дщери возмуть».

Аргументация Сергеевича еще в большей степени спорна, чем Цитовича. Прежде всего предположение, даваемое им Пушкинскому списку перед другими, не основано на анализе текста этой статьи, и утверждение его, что этот список наиболее правильно передает его первоначальный текст, совершенно голословно. Напротив, замена словом «безажю» слов «без дети» в списке Дубенского является вариантом, не воспроизведенным ни в каком другом списке. Далее, даже доказав, что чтение «безажю» отражает первоначальный текст, нельзя утверждать, как это делает Сергеевич, что ст. 117 есть особая статья и что нет ни малейшего повода сливать ее со ст. 118; напротив, повод дается как уже отмеченным параллелизмом статей, так в особенности словами «у него», т. е. у смерда, о котором говорится в первой статье. Наконец, если бы даже и признать, что ст. 117 и 118 действительно самостоятельные и что нет никакого повода сливать их, то при толковании Сергеевича выявляется противоречие норм двух почти рядом стоящих статей: по одной статье (118) дочери получают часть в наследстве, по другой — нет (ст. 125): «Аще будет сестра в дому, той заднице не имати, но отдадут ю за муж, како си могут».

Сергеевич был вынужден признать это противоречие, вызванное, по его мнению, тем, что в ст. 118 отразилось византийское начало, но находит его естественным, так как Русская Правда — не Свод законов Российской империи, а частный сборник постановлений и правил, действовавших в разные времена и в разных местах. Но хотя Русская Правда не Свод законов, однако труд-

но допустить, чтобы даже в частном сборнике рядом помещались статьи, содержащие нормы, взаимно исключаящие друг друга.

Таким образом, толкование Сергеевича встречает больше возражений, нежели даже толкование Цитовича, и ведет к непримиримому противоречию основных норм наследственного права Русской Правды.

Остается, следовательно, присоединиться к толкованию большинства и признать существование определенных ограничений в наследственном праве смердов.

Закончив рассмотрением даже тех отрывочных и подвергавшихся позднейшей переработке данных, которые прошли перед нашими глазами и могли быть привлечены для выяснения юридического положения смердов, мы как будто можем считать доказанным, что смерды составляют особую группу сельского населения, отличающуюся от других наличием целого ряда ограничений в праве смерда как свободного человека.

Возникновение этих ограничений, как можно видеть, нельзя приурочивать к позднейшей поре «смердьего права» и связывать с позднейшим закрепостительным процессом.

Характер этих ограничений свидетельствует о том, что мы имеем дело с иной крайне своеобразной системой юридических отношений и с иными социальными предпосылками.

Но тот факт, что даже и при этой отрывочности данных и их крайней малочисленности был выявлен довольно значительный круг ограничений в праве смерда, свидетельствует о том, что объем этих ограничений был глубже и шире, чем это можно было установить; можно думать, что часть этих ограничений, возникших на обычном праве, не могла быть отражена в дошедших до нас юридических памятниках.

Что положение смердов определялось густой и плотной сетью различного рода ограничений в их право- и дееспособности, отчасти подтверждается обычным сопоставлением их с холопами. Смерды и холопы обычно стоят рядом как в летописных известиях, так и в юридических памятниках. По договору, заключенному Владимиром с болгарами, им запрещалось торговать со смердиной и огневитиной, т. е. со смердами и челядью. По Русской Правде, за убийство смерда и холопа устанавливается одинаковая плата; князья требуют от Ростиславичей выдачи смердов и холопов; ростовцы/высокомерно говорили о владимирцах: «несть бо свое княжение град Владимир, но пригород есть наш и наши смерды в нем живут и холопы». По договору Новгорода с Казимиром IV запрещается принимать жалобы на хозяев со стороны смердов и холопов; в договоры, заключаемые с соседними государствами, включается условие о выдаче сбежавших смердов и холопов.

Как было указано, те черты юридического положения смердов, которые могли быть выявлены на основании дошедших до нас данных, не могут быть представлены в виде законченной системы «смердьего права», так как ни в одном из дошедших до нас

памятников мы не находим ни общей формулировки положения смердов, ни развитого и достаточно подробного законодательства о них, подобно, например, законодательству о закупх и о холопах Русской Правды.

Мы, к сожалению, имеем дело только с мозаикой разобщенных и разновременных известий. Поэтому невольно возникает опасение, что те черты, которые, по нашему мнению, характеризуют положение смердов, не являются устойчивыми нормами, частями определенной системы, а лишь моментами, отдельными, скоропроходящими эпизодами в истории права сельского населения с X по XIII в., что те ограничения в праве смерда как свободного человека, которые, по нашему мнению, являются отличительными признаками смердов по сравнению с другими группами, не могут быть предметом обобщения, и что, наконец, существования этих ограничений еще недостаточно, чтобы на основании их строить предположения о существовании какой-то особой социальной группы.

Но нами в специальной работе было установлено, что и в Западной Европе существовали весьма близкие к смердам группы зависимого сельского населения и проведена аналогия в их правовом положении. В частности, во Франции такой группой были литы, в Баварии и Ломбардии (в королевстве лангобардов) — альдионы. Подобно смердам, литы и альдионы долгое время выделялись из других разрядов зависимого сельского населения, пока окончательно не слились с массой закрепощенного крестьянства.

IV. Патронат

Одним из способов, при помощи которых князья и церковь втягивали различного рода элементы в свое княжье или церковное общество, был патронат. Как известно, существование этого института на Руси в эпоху феодализма исчерпывающим образом доказано Павловым-Сильванским. В свое время в работе «Феодальные отношения и Киевская Русь» нами был приведен ряд соображений в пользу того, что патронат возник еще в Киевской Руси. Мы указывали, что князья осуществляли патронат средствами так называемой специальной княжеской опеки над значительным кругом людей, связанных с княжеской администрацией или с княжеским хозяйством. Все люди, пользовавшиеся патронатом, с одной стороны, подлежали личной княжеской юрисдикции, а с другой — их личность, имущество и свобода охранялись усиленными наказаниями. Значение патроната как способа расширения круга зависимых и подвластных людей было прекрасно осознано церковью. Она добилась от князей признания за ней права осуществлять свою юрисдикцию над теми группами, которые находились в особой связи с нею в силу экономических и служебных отношений. Как было указано, церковь в особенности стала развивать патронат над так называемыми *personae miserales* — различного рода выкинутыми из жизненной колеи элементами.

Но если вопрос о патронате в общих чертах решен, то все же до сих пор недостаточно учтена оборотная сторона патроната. В частности, не было отмечено, что патронат над сельским населением или над элементами, выбитыми из колеи, в конечном счете влечет за собой включение в состав рабочей силы княжеского домена или церковной сеньории. Патронат князя и церкви как бы изолировал человека, пользующегося защитой, от других экономических центров, и этим создавалась благоприятная обстановка для превращения его в феодально-зависимого, а затем в крепостного крестьянина.

Среди многочисленных элементов, над которыми осуществлялся патронат, необходимо отметить: 1) закладников и прикладников, 2) задушных людей и прощенников, 3) изгоев, 4) калек и нищих.

§ 1. Закладники и прикладники. Выяснение сущности закладничества и его значения составляет незабвенную заслугу пред русской исторической наукой Павлова-Сильванского.

Вопреки подавляющему большинству русских историков и историков права, полагавших, что в основе этого института лежит залог или вещный заклад, или то и другое вместе, он с совершенной определенностью доказал, что отношение закладничества возникает через комендацию и имеет своим следствием патронат над людьми, вошедшими в защитные отношения. Привлекая новый материал для изучения этого разряда древнерусского населения, Павлов-Сильванский¹ с исчерпывающей убедительностью установил, что как в XIII, так и в XVIII в. закладничество-комендация у нас, так же как и на Западе, влекло за собой независимость от государственной власти. В качестве боярского, монастырского или церковного человека закладник выходил из-под ведомства государственной власти, освобождался от уплаты тягла и от общей судебной и административной зависимости. Обратной стороной выхода из-под зависимости от государственной власти было подчинение закладчика своему господину-землевладельцу и вообще патрону.

Эти основные положения Павлова-Сильванского о сущности закладничества сделались уже давно бесспорными в современной исторической науке; наиболее горячие защитники прежней теории происхождения закладников через заклад принуждены все-таки признать в закладничестве элементы патроната и считать, следовательно, комендацию источником этого института.

Возникает вопрос, существовало ли закладничество в Киевской Руси.

Первое упоминание о закладничестве мы находим в договорной грамоте 1265 г., по которой вел. князь Тверской Ярослав Ярославич обязался пред Великим Новгородом не принимать

¹ Феодализм в Удельной Руси, стр. 309—317. СПб. 1910.

впредь закладников в новгородских волостях, обязался за себя, за княгиню, бояр и дворян.¹

Особое соглашение о ранее заложившихся за тверского князя включено было впервые в третью договорную грамоту того же князя с Новгородом в 1270 г.

Договоры, заключенные князем с Новгородом после 1265—1270 гг., уже обычно включают статью аналогичного содержания.

Даже поверхностный анализ договора 1265—1270 гг. позволяет нам решить вопрос о существовании патроната в дотатарский период в положительном смысле. Прежде всего выясняется, что уже в 1265 г. выработался совершенно определенный термин для обозначения патроната.

В тексте статьи договора 1265 г. нет попыток как-нибудь описательным образом обозначить этот институт, что доказывает его распространенность и развитие. Наконец, не только была выявлена его сущность, но Великим Новгородом было прекрасно учтено его социально-политическое значение как способа окняжения и обоярения и были даже выработаны меры противодействия развитию этого института, разлагавшему социально-политический строй Новгородской земли, причем эти меры применялись не с 1265 или 1270 г., а значительно раньше. В статье определенно говорится: «так пошло в Новгороде, отпусти их всех прощ». Следовательно, запрещение держать закладней есть уже новгородская пошлина, а не мера, принятая для данного случая.

Если даже основываться на тексте договоров 1265—1270 гг. и считать их материалом для суждения об институте закладничества дотатарской эпохи, то представляется несомненным значительное его развитие и бытовое распространение в эту эпоху. Так, закладничество не только было основано на комендации князю, но и княгине, боярам и даже дворянам.

С другой стороны, и закладниками могли быть разнообразные элементы: купцы и смерды, причем указание на эти элементы, очевидно, не носит исчерпывающего характера; под купцами следует понимать горожан, а под смердами — сельских людей, так как можно думать, что указаны только типичные разряды основных групп населения.

Наконец, договорами 1265—1270 гг. выявлена совершенно ясно и определенно сущность закладничества как института, тождественного с патронатом.

Закладники выходят из подчинения государственной власти, в данном случае из подчинения общественной власти Великого Новгорода, выходят из ведения соответствующих административно-общественных организаций и переходят в непосредственное подчинение князя, ведающего их судом и данью. Власть князя, его бояр и дворян над закладниками как бы закрывает собою власть Великого Новгорода. Поэтому-то договор и настаивает на

¹ Собр. гос. грамот и догов., т. I, № 1—4.

том, что купец должен вновь подлежать своей администрации, своему сто, а смерд — своему погосту.

Итак, повторяем, к 1265 г. закладничество было не только сложившимся и уже обычным и распространенным бытовым институтом, но и было учтено его социально-политическое значение. С ним боролись сознательно и решительно, как с моментом, разлагающим социально-политический строй Великого Новгорода и подрывающим основы местной власти. Следовательно, закладничество было весьма давним институтом и во всяком случае существовавшим в XII в.

Исследования Павлова-Сильванского никем не были продолжены, хотя дальнейшее изучение закладничества должно иметь крупное значение в выяснении процесса феодализации. Павловым-Сильванским главным образом была выяснена специфичность этого института, различие от закладников — закладных людей, которые закладывали себя в качестве обеспечения взятой суммы. Но им не было проявлено должного внимания в оборотной стороне закладничества — к зависимости и эксплуатации закладников со стороны лиц, оказывавших ему защиту.

Как известно, закладывались не только отдельные личности, но и целые села. Закладничество целых сел означало в конце концов переход всего хозяйственного комплекса села в состав феодальной сеньории. Земля делалась принадлежностью патрона, а крестьяне делались феодально-зависимыми. Нет никакого сомнения в том, что в селе, отдавшем себя под покровительство феодала, организовывался княжеский или боярский двор, и во всяком случае двор для приказчиков, посельских тиунов и рядовичей. Всякие сборы и повинности закладники теперь должны платить и нести своему патрону. Вероятно, не проходило и нескольких десятков лет, как закладники ничем уже не отличались от других групп зависимого сельского населения.

Еще в большей степени и быстрее становились зависимыми людьми отдельные закладники. Вероятно, им приходилось уходить из общин, бросать свою пашню и селиться на земле патрона. Здесь они принуждены были сливаться с общей зависимой массой — холопами, смердами, закупам и т. д., теряли свою свободу и независимость, для сохранения которой делались закладниками.

Как указано, мы не можем документально доказать существования института закладничества в Киевской Руси, хотя и убеждены в нем. Но, с другой стороны, в Киевской Руси существовали так называемые прикладники — группа населения, которая, по нашему мнению, близка к закладникам.

Упоминание о прикладниках в древнерусских исторических и юридических памятниках встречается один только раз, а именно во всех списках краткой и в некоторых списках обширной редакции Устава Владимира. Не удивительно, что вследствие полного отсутствия всяких других сведений о прикладниках до сих пор не установлено, когда и в какой преимущественно части древней

Руси прикладники жили и в чем состоят их отличительные черты по сравнению с другими разрядами церковных и богадельных людей.

По мнению митрополита Макария,¹ под прикладниками следует понимать людей, находящихся под эпитимией; по мнению Мысовского² прикладники отождествляются с изгоями, так как в Уставе Всеволода, где приводится перечень церковных и богадельных людей из Устава Владимира, слова «прикладень» нет, а упоминаются изгой; отсюда Мысовским делаются дальнейшие выводы: под прикладниками понимаются «люди пришлые или инокняжцы, которыми впоследствии князья в своих жалованных грамотах позволяли духовенству заселять принадлежавшую ему землю», и вообще так называемые церковные местницы и даже нищие.

По мнению Ключевского,³ являющемуся модификацией мнения Мысовского и не проводящему ясного различия между прикладниками и задушными людьми, прикладники — рабы, отпущенные на волю по духовному завещанию или завещанные церкви на помин души и селившиеся обыкновенно на церковных землях под именем изгоев в качестве полусвободных крестьян.

В большинстве же случаев прикладники определяются вообще как «особый разряд церковных и богадельных людей».

Но ни мнение митрополита Макария, ни мнение Ключевского не опираются на какие-либо данные, — все это одни предположения.

Что же касается мнения Мысовского, то его ссыла на Устав Всеволода не может иметь значения потому, что не во всех списках Устава Владимира находится упоминание о прикладниках и, в частности, очень редко встречается в обширной редакции, послужившей одним из источников Устава Всеволода. Если бы упоминание о прикладниках находилось во всех без исключения списках Устава Владимира, то отсутствие этого упоминания и замена прикладников изгоями в Уставе Всеволода, действительно, давали бы некоторые основания к отождествлению их с изгоями.

Что же касается попытки Мысовского связать прикладников с людьми пришлыми и инокняжцами, а также с нищими и церковными местниками, то она совершенно произвольна.

В одной из работ, посвященных выяснению феодальных институтов в древней Руси,⁴ нами было высказано предположение, что в прикладниках надо видеть разряд церковных людей, находящихся под патронатом уже развитого, так сказать, феодального типа, устанавливаемого через комендацию.

В защиту этого предположения были высказаны следующие

¹ История русской церкви, т. I, стр. 121.

² Древнерусское церковное право, Прав. сб. т. II, стр. 266, 1862.

³ Курс, т. I, стр. 309.

⁴ О прикладниках, научн. прил. к журн. „Культура“ № 2—3. Саратов.

соображения. Во-первых, обращает на себя внимание сходство слов «прикладник», «прикладень» со словом «закладник», основанное на их происхождении от одного корня, и близость префиксов по своему значению. С другой стороны, в этом предположении нас утверждает, что и понимание слова «приклад» вполне согласуется с тем толкованием, которое мы хотим дать словам «прикладник», «прикладень». В указанной работе нами была сделана попытка установить, что слово «приклад» означает отношения патроната и зависимости между монастырями Печерским и Тмутараканским. Если под прикладом Печерского и Тмутараканского монастырей следует видеть отношения патроната и зависимости, то естественно думать, что прикладники — именно разряд церковных людей, находившихся под патронатом монастыря или кафедры.

Наконец, это предположение основано на анализе постановлений Устава Владимира о церковных и богадельных людях, кторые нами уже выше формулировались, как установление особого покровительства, специальной защиты, как церковного патроната, аналогичного средневековому патронату западной церкви над *regiones miserabiles*.

Основываясь на этих данных, можно сделать предположение, что под прикладниками, в отличие от других разрядов церковных и богадельных людей, следует понимать людей, социальное положение которых определяется добровольным соглашением о вступлении в церковное общество, а не какими-либо служебными отношениями, или особо бедственным положением, или физическими недостатками. Прикладник делается таковым потому, что добровольно становится субъектом церковно-административной системы, выходя из подчинения государственной власти. Прикладник, как можно думать, есть закладник церкви.

Тот материал, который имеется в нашем распоряжении, конечно, недостаточен, чтобы делать какие-либо дальнейшие выводы. До тех пор, пока не найдутся источники, содержащие более обильные и подробные сведения о прикладниках, вопрос об этом разряде древнерусского населения останется, повидимому, не выясненным до конца.

Однако сам собою напрашивается вопрос: если прикладники не были ни членами клира, ни лицами, связанными с церковью по своей профессии, церковными людьми в тесном смысле этого слова, то почему же церковь оказывала им защиту, почему она допускала их в церковное общество и включала в свою административную систему? И здесь может быть только один ответ: прикладники, так же как и закладники, делались рабочей силой церковных сел и превращались в зависимое сельское население.

§ 2. Задушные люди и прощеники. О задушных людях, так же как и о прикладниках, говорится в Церковном уставе князя Владимира. В литературе никогда не было споров о том, что собой представляли задушные люди, — это холопы, отпущенные

по завещанию («задушью») и находящиеся под патронатом церкви.

И в Западной Европе¹ была подобного рода группа, — там она называлась *proanimati* (точный перевод на латинский язык выражения «задушние люди»).

В виду довольно распространенного обычая отпускать часть наиболее близких и заслуженных холопов, эта группа могла быть довольно многочисленной. Значительнейшая часть этих задушних людей никакого имущества не имела, и ей приходилось искать защиты и покровительства. Церковь считала их находящимися под ее патронатом и, конечно, постепенно превращала их в зависимых людей и эксплуатировала их в качестве рабочей силы в своих селах.

Под прощенниками большинство исследователей понимает людей, получивших чудесное исцеление. Но такое толкование не опиралось на тексты памятников. Нам думается, что под прощенниками надо понимать не людей, получивших чудесное исцеление, а тех, которые были превращены в холопы за долги, но впоследствии получили прощение, свободу. Наше понимание слова «прощенник» лучше объясняет нахождение прощенников среди других патронируемых церковью элементов. В самом деле, зачем нужна была «чудесно исцеленным» особая защита церкви? Ведь этими «чудесно исцеленными» могли быть не только *personae miserabiles*, но и лица, стоявшие на верху социальной лестницы — бояре, князья и пр. Другое дело — бывший холоп, потерявший еще ранее свое имущество вследствие несостоятельности; он, подобно другим категориям бывших холопов — изгоям, задушным людям и пр., должен был искать защиту и покровительство. Если он и получал эту защиту от церкви, но зато она его, как и других патронируемых, делала зависимым.

§ 3. Изгой. Вопрос о происхождении изгойства обычно решается на основании текста из Устава князя Всеволода: «Изгой трои: попов сын грамоте не умеет, холоп из холопства выкупится, купец одолжает, а се четвертое изгойство и себе приложим: аще князь осиротеет».

Но обращают на себя внимание следующие факты. Прежде всего почему-то в Уставе сказано: «изгой трои». Что это: перечисление категорий изгоев или объяснение этого слова? Обычно в литературе понимают текст Устава князя Всеволода в последнем смысле. Но нам думается, что это неправильно. Всякому, жившему в XII в., было прекрасно известно, что собой представляют изгойство и изгой, и поэтому, конечно, в Уставе не объясняют, кто такие изгой, а перечисляют их категории, которые, по Уставу, входят в состав церковных людей, находившихся под патронатом церкви. Ведь в Уставе не объясняют, кто были пущенник, задушный человек и т. д.

¹ Ясинский. Падение земского строя в Чехии, стр. 45.

Lippert. Socialgeschichte Böhmens, I, S. 282.

По Уставу князя Всеволода, следовательно, не все изгои входили в состав патронируемых церковью людей, а только поповичи, не обучившиеся грамоте, обанкротившиеся купцы и выкупившиеся холопы. Что же касается князя-изгоя, то из анализа текста разных списков Устава совершенно ясно, что упоминание о четвертом изгойстве есть позднейшая глосса.

Отсюда возникает вопрос о существовании других групп изгоев. И этот вопрос, как нам кажется, необходимо решить в положительном смысле. Да, были изгои и других категорий. И одной из таких категорий были изгои, о которых говорится в Русской Правде и жизнь которых защищается сорокагривенной вирой, так же как и жизнь свободного человека. Следовательно, эти изгои, как мы знаем, находились под специальной княжеской защитой. Претендовать на патронат над этими людьми церковь, конечно, не могла, а потому и ограничилась только охватом указанной группы изгоев — «изгои трои». Отсюда для нас совершенно ясно, что группа изгоев весьма разнообразна и разношерстна по своему социальному происхождению. Греков¹ хотя и отмечает разнообразный социальный состав, из которого выходили изгои, но без достаточной четкости. Разнообразие положения изгоев он объясняет не столько разнообразием их происхождения, сколько эволюцией этого института. Отсюда у Грекова группа изгоев является какой-то однородной группой, происхождение которой объясняется одинаковыми моментами и которые идут одним путем, докатываясь до богадельных людей. «Из полноправного члена общества он попадает в число людей церковных, богаделенных, стоящих и здесь на самой последней ступени иерархической лестницы — после вдовицы, пущенника и задушного человека». Нам думается, что материал, относящийся к изгоям, повелительно диктует разбить изгоев на две группы — находящихся под специальной защитой князя и церковных — «изгои трои».

Коснемся первоначально той группы изгоев, которые упоминаются в Русской Правде, приравниваясь к свободным людям в отношении защиты их жизни. Из кого могла быть составлена эта группа? Нам думается, что текст древнейшей Правды, отразившей отношения X и, вероятно, даже и IX вв., конечно, имел в виду не те группы изгоев, о которых говорил Устав Всеволода; во всяком случае в эту эпоху не могло быть поповичей, не выучившихся грамоте; едва ли обанкротившиеся купцы могли даже претендовать на изгойство, — они, конечно, поработались, — и едва ли холопы в эту эпоху могли выкупаться в таком количестве, что из них могла образоваться особая группа. Изгоями Русской Правды была другая группа, изгойство которой определялось другими моментами. И нам думается, что эти моменты подмечены в предшествовавшей литературе. На них обращает внимание и Греков, но только эти моменты он относит ко всем вообще из-

¹ Рабство и феодализм, стр. 54.

гоям. Какой бы корень ни был в слове «изгой» — гон (гнать) или гоить (жить), изгой прежде всего — бывший человек, социальный «экс». Из какого общества изгой мог выйти в X, а вероятно, в IX в., или, точнее, из какой общественной единицы? Калачев высказал мысль о том, что начало изгойства коренится в родовом быте; об этом говорил и Мрочек-Дроздовский.¹ Следовательно, изгой — это выходец из рода. Мрочек-Дроздовский развивает эту мысль: «Добровольные выходцы из родовых союзов возможны лишь при условии надежды найти какую-нибудь пристань вне рода, хотя бы такую, какую нашла птица, выпущенная праотцем Ноем из ковчега. Надежда на такой уголок уже указывает на начало разложения замкнутых родовых союзов, на начало конца родового быта». Но изгой ведь существовали не только в IX—X вв., но они упоминаются и в XII в., когда Ростислав Смоленский передает смоленскому епископу несколько сел с изгойми. Трудно думать, что название изгоев наследственное; изгой XII в. — это изгой, возникшие именно в XII в. Можно ли думать, что человек, вышедший из рода, делался изгоем в XI и XII вв.? Нам думается, что нет. Уже в X в., даже в наиболее захолустных частях Киевской Руси, род находился в состоянии разложения. В XI—XII вв. сохранились только пережитки родового строя. Если бы изгоев считали людьми, вышедшими из родовой организации, то количество их, можно сказать, превысило бы всю массу населения. Греков, который как раз сделал такое же возражение Мрочек-Дроздовскому, признает (и, на наш взгляд, правильно), что термин «изгой» мог возникнуть в родовом обществе: чужеродные элементы принимались в родовые замкнутые группы, но явление это стало развиваться в процессе распада родовых союзов. Тогда возникает вопрос: из каких же единиц выходили люди, которых называли изгойми? Нам думается, что из тех, которые стали развиваться на Руси при разложении родовых отношений, именно общин. Выход из общины означал потерю экономической самостоятельности, потерю земли, угодий, дома и т. д., прекращение защиты общинной организацией. Словом, человек, вышедший из общины был «эксом» и в экономическом и в политическом смысле. К сожалению, в современной историографии вопрос об общине в Киевской Руси еще не поставлен так, как он этого заслуживает, но, нам думается, будет выяснено, что общины представляли самодовлеющую экономическую и общественно-политическую организацию, сильную своей сплоченностью, сознанием своих интересов, что борьба между боярщиной и общиной была еще более ожесточенной, чем та борьба, которая была вскрыта с исключительной яркостью на материалах Северо-восточной Руси XIV—XV вв. Павловым-Сильванским.

Могли быть выходцы по разным причинам, и, конечно, одной

¹ Исследования о Русской Правде, прил. ко 2-му вып., стр. 44, 47.

из основных причин была потеря живого инвентаря, имущества, когда люди предпочитали выйти из общины, нежели подвергаться угрозе голодной смерти. И вот эти-то изгои — недавно полноправные члены общин — и стали пользоваться специальной княжеской защитой потому, что каждый из них представлял рабочую силу для княжеских сел. Князь сажал этих изгоев на своих землях, снабжая их жильем и инвентарем. Но была, разумеется, разница в их положении до изгойства и после. Здесь изгои уже были рабочей силой княжеских доменов. Они превращались из данников в феодально-зависимых крестьян; они делались частью села, а потому и передавались вместе с селами, как это мы наблюдаем в грамоте князя Ростислава Смоленского. Конечно, были изгои и других категорий, находившиеся под специальной княжеской защитой. Мы сейчас не представляем, из какой другой общественной единицы надо было выйти, чтобы сделаться изгоем. Конечно, изгойство было возможно в результате выхода из сотен, из погостов; наконец, возможен был выход из дружины, которая была тесным союзом, самодовлеющей общественной единицей.

Обратимся теперь к группе изгоев, находившихся под церковным патронатом. Нам известно, какие категории изгоев находились под патронатом церкви. Возникает вопрос, почему именно над ними, а не над другими категориями изгоев взяла патронат церковь.

Относительно патроната над поповичем, не выучившимся грамоте, вопрос как будто ясен. Поповичи и дети духовенства вообще были церковными людьми. Неграмотный попович, сделавшийся изгоем, как бы автоматически продолжал находиться под патронатом церкви.

Гораздо серьезнее вопрос, почему церковь стала осуществлять патронат над выкупившимися холопами — категорией, которая в XI—XII вв., вероятно, была значительной. И нам думается, дошедший до нас материал позволяет нам решить этот вопрос. В одном каноническом памятнике — «Наставление духовнику о принятии кающихся»¹ говорится о так называемом изгойстве, которое среди перечисляемых грехов считается наиболее тяжелым: «И се паки горее всего емлющим изгойство на искупающихся от работы: не имут бо видети милости, не помиловавше равно себе созданного рукою божью человека, ниже насытившися ценою уреченного и тоже не от закона божия, но и еще прилагающе горе на горе своей души, но и послух востающих по ним и помогающих злобе их... Тако же, иже кто выкупится на свободу, то толику же дать на себе, колико же дано на нем: потом же, будя свободен, та добудеть детей, то начнуть имети изгойство на них: то обрящутся кровь не повинну».

В литературе² уже было отмечено, что изгойство не есть

¹ Русск. истор. библ., т. VI, стр. 242—243.

² А. Е. Пресняков. Княжое право в древней Руси, стр. 276.

обыкновенный выкуп желающего освободиться из неволи холопа. В данном тексте («уреченная цена» «только же дать на себе, колико же дано на нем») выкуп прямо противопоставляется изгойству. Это в особенности подтверждается другим текстом, находящимся в толковании на молитву «Отче наш», на который обратил внимание Калачев.¹ Изгойство, если основываться на данном тексте, есть дополнительная плата сверх выкупа или выкуп за детей, рожденных на свободе. Вполне установившаяся терминология заставляет думать, что взимание изгойства с выкупившихся холопов — изгоев и их детей, рожденных уже на свободе, является обычным явлением, регулируемым судом. С другой стороны, факт взимания изгойства свидетельствует о том, что выкупившийся из неволи холоп и даже дети его, рожденные на свободе, не выходили окончательно из-под власти господина, а находились в промежуточном состоянии. Необходимо было внести определенную сумму, чтобы получить окончательную свободу и выйти из-под зависимости своего господина.

Церковь, как было специально отмечено, сделав патронат одним из главнейших способов превращения сельского населения в рабочую силу своих владений, стремилась втянуть в круг своих интересов этих, как оказывается, еще не окончательно свободных людей. Для этого она и развернула проповедь против изгойства. Конечно, ни князь, ни боярство не в состоянии были прибегнуть к подобным гибким методам привлечения рабочей силы.

Наконец, третьей категорией изгоев были обанкротившиеся купцы. Мы знаем, что было два вида обанкротившихся купцов: вследствие несчастной несостоятельности («истопиться, любо рать возьмет, ли огонь») и злостной («пропьется или пробиется, а в безумьи чужь товар испортить»). Хотя по Русской Правде и указывалось, что первую категорию надлежит «ни насилити, ни продати», тем не менее едва ли законодательство могло обеспечить ей спокойное существование. Всегда можно было первую категорию подогнать под вторую; всегда можно было обвинить и в пьянстве и в расточительности. Поэтому можно было предполагать, что основная группа банкротов принадлежала ко второй категории. А о ней Русская Правда говорит: «како любо тем, что то товар, ждуть ли ему, а своя им воля, продаять ли, а своя им воля».

Предположим, что дело не дойдет до продажи такого банкрота в холопы, но тем не менее кредиторы всегда будут иметь право иска по отношению к нему. Следовательно, и эта категория изгоев была наиболее бесперспективной. Вот над этой-то категорией изгоев церковь также объявляет свой патронат, так как только она одна путем церковного воздействия на кредиторов в состоянии включить эту группу изгоев в круг своих интересов. Дальнейшая эволюция изгоев всех категорий ясна. Это путь постепенного пре-

¹ О значении изгоев и о состоянии изгойства в древней Руси, стр. 63.

вращения в рабочую силу феодальных владений, причем этот процесс был достаточно интенсивен. Памятники XIV в. уже совершенно не говорят об изгоях, — очевидно, не только потому, что институт изгойства в новых экономических и социально-политических условиях был невозможен, а и потому, что изгой давно превратился в зависимое крестьянство. Процесс этого превращения очень хорошо отобразил митрополит Климент Смолятич; он осуждает «славы хотящих, иже прилагают дом к дому и села к селам, изгой же, и сябры, и борти, и пожни, ляда же и старины».

§ 4. Калеки и нищие. Устав князя Владимира говорит также о патронате над калеками («хромци, слепци») и нищими. В том широком закрепостительном процессе и калеки могли быть использованы в качестве подсобной рабочей силы, и тем более нищие. Б. Д. Греков¹ привел ряд данных, правда несколько более позднего времени, где нищие эксплуатировались землевладельцами как рабочая сила. Так один из пунктов святительского поучения первой половины XIII в. говорит: «Дом свой с правдою строй, не томи-тельно; нищих на свою работу без любве не нуди». Говорит об эксплуатации нищих и Владимирский собор 1274 г.: «Аще ли кто... от нищих насилье деюще или на жатву или на сенокосе или провоз деяти или иная некая».

Греков совершенно правильно, на наш взгляд, указывает, что под нищими нужно подразумевать не нищих в узком смысле этого слова, а работоспособных, но обедневших людей, лишенных возможности вести свое хозяйство и тем самым превращающихся в удобный для эксплуатации объект на жатве, на сенокосе, по извозу, по постройке дома и т. д. Очевидно, что эти выбитые из колеи элементы уже без всяких особых титулов и оснований также могли находиться под покровительством церкви и, следовательно, постепенно закрепощаться.

V. Наем

В эпоху развития феодализма наемный труд не мог иметь значения в существующей тогда системе эксплуатации. Энгельс² говорит, что в эпоху феодализма «наемный труд существовал лишь в виде исключения, побочного занятия, переходного положения для рабочего. Земледелец, нанимавшийся по временам на поденную работу, имел свой собственный клочок земли, продуктами которого он мог жить в случае крайности. Цеховые уставы заботились о том, чтобы сегодняшний подмастерье завтра становился мастером». Таким же исключением в общей системе эксплуатации был наем и в Киевской Руси; по крайней мере, памятники весьма мало говорят о нем. Очень характерно, что даже не выработалось особого юридического термина для обозначения договора найма. Как было указано, термин «наем», употреблявшийся в этот

¹ Рабство и феодализм, стр. 59.

² Анти-Дюринг, стр. 256.

период для найма, применялся также и в смысле «лихвы», процентов.

Древнейшая Правда говорит лишь о плате мостникам за ремонт моста и лекарю за лечение раны; поздние списки содержат упоминание о плате портному. Наконец, в Карамзинском списке имеется статья, дающая возможность установить размер вознаграждения за годовую работу «женки и дщерию», а именно по гривне на лето. Вот и все, что говорится о найме в Русской Правде. Статьи о работе ратая и пастуха, несомненно, не относятся к найму: здесь идет речь о работе исполу («орание») или из части стада («приплода»). Точно так же и статья, говорящая о тиунстве без ряда как источнике холопства, не имеет непосредственного отношения к найму; тиунами могли стать не только за плату; «ряд» мог содержать и другие условия.

Но уже в более позднее время — к концу XII или началу XIII в. возникает название для наемного рабочего, именно наймит. Это название раньше, как было указано, усваивалось и за купу. Но теперь оно уже означает другие отношения, именно отношения найма. В изданном нами памятнике — «Правосудие митрополичье» — уже установилось различие между закупом и наймитом. Ст. 27—29 этого памятника так характеризуют положение наймита: «А се стоит на суде челядин — наймит, не похочет быти, а осподарь несть ему вины, но дати ему вдвое задаток. А побегит от осподаря, выдати его осподарю в полницу; еще ли убьет осподарь челядина полного, несть ему душегубства... А закупного ли наймита, то есть душегубство». Из этих статей не трудно установить, что наймит «Правосудия митрополичья» — не наймит Русской Правды, не закуп. Прежде всего он получает от господина не купу, а задаток. Он может отойти от своего хозяина при условии уплаты двойного задатка. Отношения же по закупничеству, если принять во внимание весь комплекс законодательства о закупах, гораздо сложнее и связывают закупа гораздо серьезнее. Но главное — в «Правосудии митрополичьем» закупы (закупные) и наймиты противопоставляются в самом тексте («А закупного ли наймита...»). Нельзя и думать, что составитель этого памятника хотел в этой фразе пояснить, кто такие были закупы: институт закупничества был весьма известен еще в Русской Правде. Наймит — это близкий к за купу, но все же другой разряд эксплуатируемого населения. отождествлять и здесь за купов и наймитов, как это делает Греков,¹ нет никаких оснований.

Вследствие недостатка материалов о наймитах мы не можем установить с исчерпывающей полнотой их положение в рассматриваемую эпоху. Но, вне всякого сомнения, положение наймитов приближалось к положению зависимых людей, в особенности наймитов, работавших на земле. Наем был формой эксплуатации, которая быстро перерастала в феодальную.

¹ Рабство и феодализм, стр. 48.

Наймит ежеминутно мог потерять свою свободу и превратиться в феодально-зависимого и даже крепостного человека. Целый ряд данных косвенно, но достаточно хорошо подтверждают наш взгляд о наймитах и о найме как форме эксплуатации, легко перераставшей в феодальную ренту.

Греков¹ уже отметил интересный факт, когда при постройке Софийского храма в Киеве отказывались итти на работу под тем предлогом, что боялись не получить заработную плату. Нужно было принять ряд мер, в частности привозить деньги («куны»), держать их на глазах рабочих, чтобы строительство могло пойти дальше. Но, очевидно, нежелание итти на работу было вызвано не столько опасением не получить платы, сколько опасением превратиться в зависимых людей. «Дело властельское», — говорили рабочие, тем самым подчеркивая, что они должны во время постройки храма находиться в ведении сильных людей, верхушки феодального общества, деятельность которой в деле закрепощения была всем хорошо известна. Далее, очень характерно, что Русская Правда называет работу по найму сиротьей («о сиротьем вырядке»), т. е. применяет название, производное от слова «сирота», которым несколько позже будет называться феодально-зависимое и крепостное население. Но особенно свидетельствуют о положении наймитов как разряде населения, близко примыкающего к зависимым людям и даже холопам, цитированные нами статьи из «Правосудия митрополичьего». Здесь составителю или законодателю пришлось специально отметить, что наймит — еще не крепостной; он может расторгнуть договор, уплатив двойной задаток. Очевидно, стала кое-где устанавливаться практика закрепощения наймитов. Защищая наймитов в этом отношении, законодательство принуждено было, однако, подтвердить сложившуюся норму, по которой убежавший без уплаты двойного задатка наймит превращался в холопа, приравнивая его в этом случае к закупам. Точно так же чрезвычайно характерна другая статья, квалифицирующая убийство закупа и наймита как душегубство. Следовательно, стала устанавливаться практика оставлять убийство закупа и наймитов без наказания, и законодательство принуждено было отменить эту практику. Еще один характерный штрих: наймиты называются челядинами, т. е. их как бы приравнивают к челядинам-холопам. Несомненно, что чем дальше углублялся и расширялся процесс феодализации, тем больше было предлогов для постепенного втягивания наймитов в основные группы феодально-зависимого крестьянства.

VI. Насильственное закрепощение

При изучении процесса возникновения и первоначального развития феодальной ренты чрезвычайно мало обращают внимания на прямое насилие как способ превращения свободного сельского

¹ Рабство и феодализм, стр. 58.

населения в феодально-зависимое и крепостное. Главное внимание было обращено на так называемые легальные титулы закрепощения.

Но феодальное право — кулачное право, и, несомненно, значительные массы сельского населения принуждены были терять свою землю и свободу вследствие насильственного захвата земли. Разумеется, мы не имеем возможности исчерпывающим образом изучить этот процесс за недостатком источников, но наши памятники достаточно говорят о нем. Климент Смолятич в своем послании говорит о богатых людях, «славы хотящих, иже прилагают дом к дому и села к селам, изгои же, и сябры, и борти, и пожни, лядя же и старины». В поучении, приписываемом епископу Серапиону, говорится, что сильные люди «имения не насыщаются», но и «свободные сироты порабащают и продают». Епископ тверской (XIII в.) в своем поучении говорит: «Но глаголю вам, царем и князем и наместником: утешайте скорбящих, избавляйте убогих от рук сильных: сии бо от богатых обидими суть и притекают к вам, яко защитником благим; но вы, цари и князи и наместники, подобни есте тучи дождевой, иже истечает над морем во время ведра, а не над землею, жаждущею воды; вы тем более даете и помогаете, у них же много злата и серебра, а не тем, иже не имут ни пенязя, бедных порабащаете, а богатым даете».¹

Владимирский собор 1274 г.² считал насилие над нищими обычным явлением, если решил принять меры против этого насилия. В одном из его постановлений, уже нами цитированном, говорится: «Аще ли кто от нищих насилие деюще или на жатву или на сеносечи, или провоз деяти или иная какая».

На ряду с перечисленными способами закабаления и закрепощения сельского населения, несомненно, были и другие, не поддающиеся изучению по недостатку источников. О них свидетельствует существование так называемых неполных, «не обельных» холопов. Кто делался этими неполными холопами? Нам думается — разнообразные элементы, выбитые из колеи в эпоху развития феодального процесса и пока еще не вошедшие в состав феодально-зависимых и закрепощенных групп. Неполными холопами могли быть дети, потерявшие родителей, сироты в прямом смысле этого слова, крестьяне, потерявшие свою землю и хозяйство во время войны, словом — разнообразный люд, находившийся в переходном состоянии от свободы к рабству или закрепощению.

Итак, нами были изучены многообразные способы образования феодальной зависимости. Возникает теперь чрезвычайно важный вопрос, какая из трех видов феодальной ренты — отработочная, натуральная или денежная — имела ведущее значение и какова была преобладающая форма феодальной зависимости на Руси в IX—XII вв.

¹ Карамзин. История государства Российского, прим. к IV т., № 178.

² Русск. истор. библ., т. VI, стр. 105.

В современной исторической литературе существует два мнения. По одному, выраженному М. Н. Покровским, закономерные этапы в развитии феодального способа производства, установленные Марксом, именно этапы отработочной ренты, ренты продуктами и денежной ренты, суть логические категории, и закономерное чередование этих форм не обязательно в развитии феодализма. Он считает, что в России феодальный процесс начался со стадии ренты продуктами, которая затем сменяется отработочной рентой, развивающейся одновременно с денежной, и, наконец, эта же отработочная рента характеризует период разложения феодализма.

Другие исследователи, например Греков, признавая марковские этапы развития феодальной ренты исторической, а не логической категорией, считают, что русский феодализм, как и феодализм в других странах, ведет свое начало с установления отработочной ренты. Нами было уже указано, что представителями данного мнения, совершенно правильного, на наш взгляд, не было дано исчерпывающих, основанных на фактах доказательств. Но если наши взгляды о возникновении и первоначальном развитии феодальной зависимости будут признаны правильными, то вопрос о преобладающем значении отработочной ренты в IX—XII вв. может получить фактическое обоснование.

Нами было указано, что, хотя при развитии процесса феодализации способы возникновения феодальной ренты были разнообразны и вместе с тем проявлялись одновременно, но эксплуатация холопов и закупов была первичной и наиболее развитой формой феодальной эксплуатации, основным очагом феодализма, она давала возможность накапливать силы и средства для дальнейшего захвата земель и вовлечения сельского населения в орбиту феодального хозяйства. Эксплуатация холопов и закупов была организационным типом для эксплуатации других разрядов зависимого населения.

Какова же была форма феодальной ренты при эксплуатации холопов и закупов?

Нами было уже в достаточной степени выявлено, что холопы и закупы сидели на земле феодала, пахали при помощи господского инвентаря и, несомненно, могли эксплуатироваться только путем барщины.

Барщину же отправляли и такие группы зависимого сельского населения, как изгои и близкие к ним группы бывших холопов — задушные люди, прощенники, затем нищие, неполные холопы, также не имевшие ни земли, ни инвентаря. Таким образом, вначале, когда смерды еще не все были феодально-зависимыми людьми, — платили только дань, — когда институт закладничества только еще развивался, т. е. приблизительно в IX—X вв., преобладающей формой ренты была отработочная рента.

Положение несколько изменилось, когда в состав рабочей силы феодальных сеньорий стали входить многочисленные группы смер-

дов и других данников и когда институт закладничества получил распространение. Но смерды и закладники должны были частично отправлять барщину. В дальнейшем эта барщина получала все большее значение и в системе эксплуатации данных групп зависимого крестьянства.

VII. Организационное оформление феодальной сеньории

Постепенное развитие феодальной ренты, рост феодально-зависимого и закрепощенного крестьянства — все это увеличивало размеры феодальной сеньории. Увеличение числа холопов, закупов, изгоев и зависимых групп из бывших холопов, наймитов и т. д. давало возможность увеличивать запашку, селить эту новую рабочую силу на незанятых, пустых землях и таким образом расширять уже организованную сеньорию. Постепенное превращение данщиков, главным образом смердов, в группы феодально-зависимого населения, втягивание в орбиту феодальной сеньории закладников и прикладников — все это создавало уже новые центры феодальной эксплуатации. Несомненно, что организационные формы феодальной сеньории должны были подвергаться изменению. Один тип организации феодального владения был в тот период, когда основную рабочую силу сеньории составляли холопы и закупы, и другой тип — когда появились в большом количестве другие группы феодально-зависимого сельского населения.

Типичной организационной формой феодальной сеньории в эпоху раннего феодализма является образование административного центра — *villa*, где находится двор феодала — *Trohnhof, curtis*, дворы его ближайших помощников по управлению, из которых главным был *mejer, mère* или *villicus*; на территории *vill'*ы строятся церкви, вокруг которой располагаются дворы, причты и кладбище. В этом центре строятся также и дворы различного рода ремесленных крестьян — кузнецов, мельников и т. д. К территории административного центра феодальной сеньории непосредственно примыкала господская пашня — *terra indomincata*, обрабатывавшаяся барщинным трудом.

Этот организационный тип феодальной сеньории установлен не только в большинстве феодальных стран западноевропейского средневековья, но и в Северо-восточной Руси XIII в. Большая заслуга Павлова-Сильванского в том, что ему как раз удалось выявить тождество организационных форм нашей феодальной сеньории с западноевропейской в эпоху раннего феодализма.

Возникает вопрос, в какой степени и мере существовал этот установившийся организационный тип феодальной сеньории на Руси в XI—XII вв.

К сожалению, наши источники почти не дают нам данных для исчерпывающего решения этого вопроса. Приходится только по отдельным моментам догадываться о существовавшей тогда организационной структуре феодального владения. Но все же, как нам

кажется, организационный тип феодальной сеньории, установленный Павловым-Сильванским для XIII—XV вв., вполне сложился еще в эпоху Киевской Руси.

Прежде всего можно считать установленным, что еще в XI—XII вв. возник и оформился административно-хозяйственный центр феодальной сеньории — село. В нашей новейшей исторической литературе слишком мало обращают внимание на этот факт, а между тем правильное понимание названия «село» может вскрыть много важных моментов в истории возникновения и первоначального развития феодализма. В большинстве случаев под селом понимают сравнительно большое поселение сельских людей, в отличие от малых поселений — деревень. Но в наших памятниках село XI—XII вв. полностью соответствует селу XIII—XV вв. Село — это *villa* западного средневековья, это центр феодального владения. Селом не может быть названо поселение, если не будет там феодала, если оно не принадлежит феодалу. Мы полагаем, что наши источники прекрасно подтверждают взгляд на село как на административно-хозяйственный центр феодального владения и подчеркивают, что это определенный экономический комплекс, определенная административная единица. По грамоте Ростислава Смоленского епископу Мануилу дается: «Село Дросенское, со изгой и со землею, село Ясенское и с бортником и с землею и со изгой...» В грамоте подчеркивается, что село и земля, тянущая к селу, — два разных объекта. Где нет села как административного центра, говорится просто о земле, о нивах, ролях, пашнях и пр. Так, указанная грамота продолжает: «и се если дал землю в Пегоновичах Мойшинскую святых богородице и епископу». Значит, в Погоновичах не было административного центра.

В летописях, когда говорят о княжеских, церковных владениях, то упоминают не о земле, а о селах как единицах феодального владения. Говоря об изгнании князя Игоря из Киева, летопись замечает: «разграбиша кияне с Изяславом дома дружины Игореве и Всеволоже и села и скоты». Летопись влагает в уста изгнанному из Киева Изяславу следующие слова, сказанные им дружине: «Вы есте по мне из Русской земли вышли, своих сел и своей жизнью лишився». Можно было бы привести десятки примеров, когда источники говорят о селах как сложившихся феодальных административно-хозяйственных центрах.

Источники много говорят о феодальной администрации. Очевидно, ближайшим помощником феодала по управлению селом был тиун, или сельский староста, иногда называемый в церковных владениях посельским (точный перевод — *villicus*) или приказчиком. В свою очередь помощниками тиунов были старосты ратные, очевидно руководившие полевыми работами холопов, закупов и других, несших барщину. Ближайшими помощниками тиунов (сельских старост) были рядовичи — мелкие хозяйственные агенты, наблюдавшие, вероятно, за отдельными отраслями хозяйства.

После исследований Б. Д. Грекова в новейшей литературе под рядовичами понимают особую группу зависимых людей, «работавших по ряду». Но в наших памятниках совершенно четко говорится о рядовичах как о мелких хозяйственных агентах, помощниках тиуна. Так, Даниил Заточник прямо указывает на рядовичей как на ближайших помощников тиунов. Да и другие памятники говорят о рядовичах в тесной связи с административными агентами. Принимая мнение Грекова, что рядовичи — это люди, которые должны работать по договору, непонятно, почему они начинают сразу оцениваться в 8 раз меньше (5 гривен), нежели до своего ряда. Затем — что следует понимать под рядом? Ряд — договор; он предполагает какое-то конкретное содержание. Договор найма порождает наймитов; договор займа может породить закупов и вдачей. Какие иные моменты могут быть предметом договора? Едва ли смог вообще утвердиться самый термин «рядович», если под рядом понимается ряд о женитьбе на рабыне.

В. ВОЗНИКНОВЕНИЕ И ПЕРВОНАЧАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ ФЕОДАЛЬНОГО ГОРОДА

В обзоре, посвященном общественно-экономическому развитию Киевской Руси в дофеодальный период, нами была выяснена эволюция поселений восточного славянства. Было установлено, что большесемейные городища сменяются поселениями новых типов. Или эти городища превращаются во временные убежища — рефугиумы, или вокруг новых городищ, увеличенных в размере, вырастают открытые поселения, или же появляются деревни, не имеющие никаких укреплений. Но как бы то ни было, число городищ, относящихся к X в., резко уменьшается. Кое-где под защитой более крупных и крепких городищ начинают развиваться поселения, являющиеся ремесленными и торговыми центрами. Нами было высказано предположение, что такими центрами стали в первую очередь племенные города и основные политические центры Киевской Руси, как, например, Киев и Новгород. Эти города в IX—X вв., конечно, не были феодальными городами. Они должны были претерпеть ряд изменений, чтобы превратиться в таковые.

Однако в исторической литературе господствовал взгляд на древнерусский город как на торгово-промышленный центр с момента его возникновения. Наилучшим образом этот взгляд развил Ключевский.¹ Он указывал, что при передвижении восточного славянства с Карпатских склонов разлагались племенные и родовые союзы. Поэтому родовые отношения стали превращаться в родовые воспоминания, родство заменялось соседством. По мере успехов промысла и торгова, среди разбросанных дворов переселенцев создавались сборные пункты обмена, центры гостьбы, торговли — погосты. Некоторые из них превращались в более значительные

¹ Боярская дума древней Руси, стр. 24. М. 1882.

торговые средоточия — города, к которым тянули в промышленных оборотах окрестные погосты, а города, возникшие на главных торговых путях, по большим рекам, вырастали в большие торжища, которые стягивали к себе обороты окрестных городских рынков.

Постепенно экономические связи становились основанием политических, торговые районы городов превращались в городские волости. Во главе городских волостей стал правительственный класс, составившийся из двух элементов — из вооруженных промышленников туземных и заморских.

Взгляды Ключевского в основном были восприняты М. Н. Покровским, который также считал городские волости основными территориальными единицами, также считал города с момента их возникновения торговыми и промышленными центрами. Покровский старался уточнить характер торговли славянства в древнейшей Руси (мелкая и разбойничья), но, говорит он, «если мы упустим сочетание войны, торговли и разбоя, мы ничего не поймем в организации древнерусского города».

Как было указано, взгляд на древнерусский город как на торгово-промышленный центр с момента своего возникновения, в основном, в прежней историографии никем не оспаривался. Вопрос шел только о том, кто организовывал впервые эти города. И здесь Сергеевич¹ выдвинул точку зрения, нашедшую сторонников. Он указывает, что «скрытый от глаз историка процесс возникновения первоначальных волостей совершался, надо думать, медленно, но не мирно, с оружием в руках», что города строились группами предприимчивых людей, что жители таких укрепленных пунктов, при благоприятных условиях, могли стремиться к расширению своих владений и с этой целью захватывать чужие земли и подчинять себе разрозненное население этих земель, что в дальнейшем для сохранения этих приобретений строились пригороды. Таким образом, по Сергеевичу, города строились предприимчивыми людьми, но он не раскрывает, кого надо понимать под ними. К основным взглядам Сергеевича об организации городов и образовании городских волостей присоединился Пресняков.² Но и Пресняков, так же как и Сергеевич, не ставит вопроса, что же собой представляет этот город, организованный «предприимчивыми людьми». Я не ошибусь, если скажу, что под городом древнейшей Руси они все же понимали торгово-промышленный центр. Следовательно, их критика шла лишь по вопросу о том, кто и как строил города.

В современной историографии мы находим только краткие высказывания о городах Киевской Руси.

Отсюда совершенно ясна необходимость подвергнуть критике

¹ Русск. юрид. древности, I, стр. 1—12.

² Княжое право в древней Руси, стр. 116: „По существу это гипотетическое построение В. И. Сергеевича содержит ряд очень ценных указаний“.

сложившиеся взгляды на город Киевской Руси в период возникновения и первоначального развития феодализма.

Но, делая попытку поставить этот вопрос, необходимо сделать ряд оговорок. В частности, надо иметь в виду, что основным материалом для решения вопроса о древнерусских городах должны быть археологические данные. Но раскопки, которые могли бы вскрыть характер древнерусских городов, только начаты. «Занятая обслуживанием любительских интересов, тесно переплетавшихся с практически насущными интересами господствующих классов, археология не могла пойти дальше формального вещеведения... По этой общей причине изучение поселений как памятников, в высокой степени насыщенных историческим содержанием и в то же время наименее плодотворных в отношении находок предметов древнего искусства, не входило в задачи дореволюционной археологии».¹ Но и имеющиеся археологические данные не могут быть использованы, так как археологи не могли учесть наиболее важных, узловых вопросов истории возникновения и первоначального развития города. Приходится, следовательно, довольствоваться обычным набором источников.

Прежде всего необходимо установить, какой смысл вкладывался в понятие «город» в рассматриваемое время. Для нас не может быть никаких сомнений в том, что основное значение этого слова — военное укрепление, крепость.

Летопись дает исчерпывающие указания на этот счет, сообщая о постройке города в Киеве: «В лето 6545. Заложил Ярослав город великий, у него же града суть золотая врата» (Лавр.).

Известно, что существовала особая профессия городников — строителей городов. Русская Правда специально говорит о вознаграждении, которое должен был получать городник за городню — очевидно, часть возводимого укрепления. Нам не трудно установить, кто строил города в Киевском государстве в период развития феодализма. Летописи дают нам совершенно исчерпывающие указания:

«В лето 6499. Володимир заложил град Белгород и на рубежи во ны от иных городов, и много людей сведе во ны; бе бо любя град съ». Рассказывая о деятельности Владимира, летопись говорит:

«И нача ставити города по Десне, и по Востри, по Трубежеви, и по Суле и по Стугне, и поча на рубати муже лучшие от Словень, и от Кривичь, и от Чюди, и от Вятчъ, и от сих насели грады; бе бо рать от Печенег, и бе воюяся с ними и одоляя им».²

Рассказывая о войне с печенегами, окончившейся их поражением вследствие воодушевления, охватившего войско после победы Переяслава над печенежским богатырем, летопись³ сообщает: «Во-

¹ Н. Н. Воронин. К вопросу об археологическом изучении поселения эпохи феодализма (Проблемы истории докапит. формаций, № 5, стр. 93, 1934).

² Лавр., 988 и 991.

³ Там же, 992.

лодимер же рад быв, заложи город на Броде томь и нарече Переславль».

Летопись сообщает о постройке городов и Ярославом:

«В лето 6540. Ярослав поча ставити города по Роси» (Лавр.). Мало уделялось внимания вопросу, почему в Русскую Правду было включено постановление о вознаграждении городникам. Несомненно, это было сделано потому, что городник — княжой человек, представитель княжеской администрации, подобно вирникам, мостникам и т. д.

Все это позволяет нам утверждать, что города строили не купцы и не предприимчивые люди, а прежде всего князья. Возможно, что города строились не князем непосредственно, а его посадниками или воеводами, но, несомненно, по его распоряжению и с его согласия. Город не мог существовать без более или менее сильного гарнизона, и, конечно, этот гарнизон мог быть поставлен только князем. Разумеется, только князь и, возможно, митрополит могли содержать этот гарнизон. По мере дробления Руси на княжества усиливается строительство городов: их строят не только великие, киевские князья, но и местные. Летописи XII в. достаточно говорят о княжеском градостроительстве, в особенности во вновь колонизуемых областях — Суздальщине и т. д.

Одновременно со строительством новых городов происходит феодализация старых. Равданикас,¹ между прочим, установил любопытный факт, относящийся к организации городов в рассматриваемый период. Оказывается, ряд крупных городов, впоследствии игравших значительную роль, организуются не на старых городищах большесемейного типа и даже не на городищах X в., а в нескольких километрах от них, на новом месте. Это свидетельствует о том, что новые города строились по другим организационным принципам и с иными целями, чем города X в. Нам думается, что перенос городов на новое место определялся не столько стратегическими, сколько экономико-политическими соображениями. Князья (или феодальная верхушка) старались в новопостроенном городе создать центр своего владения над окружающей округой; возможно даже, что они строили города в центре своих земельных владений.

Что же представлял город-укрепление, город-крепость? Нам думается, что город XI—XIII вв. есть не что иное, как феодальный замок — бург западноевропейского средневековья, но замок не каменный, на неприступных скалах, а деревянный и на высоком речном берегу. Именно за деревянную городьбу город и должен был получить свое название. В прежней историографии ставился вопрос о существовании в древней Руси замков и решался отрицательно, так как обычно считали, что замком можно было называть только каменное сооружение, «каменное гнездо» феодалов. Но нас в первую очередь должно интересовать не архитектурное

¹ Указ. соч., стр. 117—120.

оформление городов, а их социальная природа, их назначение и, в особенности, их значение в системе феодального господства. И здесь, как нам кажется, средневековый бург и наш город-крепость не имеют никаких различий. И средневековый западноевропейский бург и город XI—XII вв. Киевской Руси — это прежде всего центр феодального властвования над окружающей сельской округой. Бурги и города строились как в целях защиты от внешних врагов, так, в меньшей степени, и в целях охраны феодальных хищников от крестьянских восстаний. Феодальный характер города-замка определялся не только тем, что города строились первыми феодалами земли — князьями, но и тем, что посаженные в города княжеские мужи скоро превращались в местную верхушку. В 991 г. был построен город Белгород, а уже во время его осады печенегами в 997 г. появились старейшины градские. Их созывает «един старец» для выслушивания его совета по спасению города от осаждающих. Город Вышгород, вероятно, был основан Ольгой («бе бо Вышегород град Вользин»), но уже в 1015 г. в Вышгороде были свои вышгородские «болярци».

«Мужи лучшие от словень, и от кривичь, и от чюди, и от вятичъ», посаженные в эти города, были лучшими в классовом смысле. Это, несомненно, была верхушка родо-племенной знати. Эти лучшие люди не только составляли гарнизоны вновь поставленных городов, но вместе с тем делались достаточно быстро местными землевладельцами, «болярами», как их называет летопись. Когда будет разбираться вопрос о вече, мы постараемся доказать, что так называемые летописью «Кияне», «Черниговци», «Володимирци», «Ростовци», «Суздальци», «Переяславци», «Куряне» и т. д. — не купцы и не промышленники, а именно местные феодалы, окрепшие под защитой города и жившие в своих городских дворах.

Каково было значение древнерусского города-замка в системе феодального господства? Нами был высказан ряд замечаний о значении так называемых княжеских городов в том отделе, который посвящен вопросу о возникновении и развитии княжеского домена. То, что мы говорили о княжеском городе, одинаково относится и ко всем другим городам. Город XI—XII вв. прежде всего был феодальным административным центром для тянувшей к городу волости или совокупности волостей. Город был не только постоянным местопребыванием местного гарнизона, но и сборным пунктом всех военных сил данной округи во время осады. Далее, город был и финансово-административным центром, центром особого финансового округа. В Уставе и грамоте Ростислава Смоленского¹ прямо указывается на существование таких финансовых округов: «А во Врочницех (200) гривен, то ти из того взяти епископу 20 гривен; а в Торопчи дани четьреста гривен, а епископу с того взяти 40 гривен» и т. д. Следовательно, в Смоленской земле го-

¹ Хрестоматия по истории русского права, вып. II, стр. 242, 1889.

род ведал сбором дани и хранением ее. Наконец, город был и судебным центром для сельского населения, сохранившего свою независимость, не подпавшего под власть местных феодалов.

Территориальный округ, тянувший к городу, так тесно с ним связан, что когда говорят о передаче города, то это означает передачу и всей городской округи. Город без окружавших его земель в этот период не мыслится. Нам думается, что именно таким «замковым» характером городов и можно объяснить громадное количество их, обнаружившееся в XII в. В это время каждая земля обладает целыми десятками городов.

Но уже очень рано ряд старых городов, а также некоторые вновь организованные города к концу XII в. становятся постепенно настоящими феодальными городами. И, конечно, основная причина возникновения настоящих феодальных городов, а не городов-замков та, которая указана основоположниками марксизма, — рост производительных сил и связанное с этим ростом разделение труда, отделение промышленности и торговли от сельского хозяйства. Как пункты, вокруг которых концентрируются ремесленники и торговцы, эти феодальные города могли возникнуть вокруг городов-замков, вокруг крупных княжеских и боярских сел. Города могли возникнуть и на совершенно пустом месте, и притом недалеко от города-замка. И, наоборот, уже возникший город мог быть укреплен, и после возникновения торгово-промышленного центра мог быть поставлен город-замок. Мы, однако, предполагаем, что большинство городов-посадов возникло вокруг городов-замков, и вследствие этого уже рано в наших памятниках происходит смешение этих двух, по существу разных понятий. Наши памятники начинают употреблять слово «город» в двояком смысле: и города-крепости, замка, и торгово-промышленного центра. Так, в Русской Правде, где содержится постановление о городниках и город понимается как крепость («дондеже город срубить»), на ряду с этим говорится о городе как торгово-промышленном центре («Аще кто многым должен будеть, а пришед гость из иного города или чужеземець...»).

Процесс образования города-посада вокруг города-замка облегчался следующими моментами: 1) большей безопасностью населения в городе, 2) тем, что в городе-замке еще до превращения его в настоящий торгово-промышленный центр были торги и жили ремесленники, обслуживавшие городской гарнизон. В особенности благоприятные условия для образования городов-посадов вокруг городов-замков должны наблюдаться, когда этот город-замок делается резиденцией какого-либо князя. Здесь, несомненно, княжий двор окружался дворами различного рода княжеских ремесленников-холопов (в Русской Правде за убийство ремесленника платилась не полная вира, а только 12 гривен). Кроме того, надо иметь в виду, что в город-замок стекалась дань, военная добыча, словом — то, что в памятниках того времени называлось товаром. Естественно, что эти товары привлекали скупщиков, которые по

мере развития процесса отделения ремесла и торговли от сельского хозяйства превращались в купцов.

Процесс возникновения города-посада был достаточно медленным; медленным он был и при образовании городов-посадок вокруг городов-замков. Нет никакого сомнения, что городское население — купцы и ремесленники на первых порах были зависимыми от феодального сеньора — князя или митрополита. И купцы и ремесленники так или иначе были связаны с княжеским хозяйством: купцы, вероятно, выполняли торговые поручения князя, ремесленники работали на князя. Недаром в Русской Правде, в перечне княжих людей, при установлении штрафов за их убийство, ремесленники непосредственно примыкают к представителям княжеской администрации.

Городские люди — купцы и ремесленники кроме торговых пошлин платили еще особую дань, называвшуюся погородие. В Уставной грамоте князя Ростислава Смоленского (третьей) перечисляется, какую часть погородия должен был получать смоленский епископ: «А се погородие от Мьстиславля 6 гривен урока, а почестья гривна и три лисицы, а се от Крупля гривна урока, а пять ногат за лисицу; а се от Вержавска две гривны урока, а за три лисицы 40 кун без ногаты»¹ и т. д.

Погородие не входит в состав обычной дани: в первой грамоте князь Ростислав Смоленский уже дал епископу десятую часть дани, шедшей с городских финансовых округов. Не трудно видеть, что погородие в свою очередь состояло из урока — сбора, выраженного в определенной денежной сумме, и из так называемого почестья, составлявшегося из натуральных приношений (мехов, меда, рыбы, орудий лова, вещей домашнего обихода), а затем переложенных на деньги. Несомненно, что в городах, образовавшихся вокруг городов-замков, основной экономической и политической силой был этот замок — даже и тогда, когда была разорвана пуповина между этим замком и посадом, когда купцы и ремесленники стали связываться с хозяйством округи, тянувшей к городу. Город-посад, несомненно, долго был придатком к городу-замку. Политическое и экономическое значение города-замка определялось не только тем, что купечество и ремесленники все еще продолжали иметь связи с княжеским хозяйством, не только тем, что город-замок был средоточием военных сил данной округи, но и тем, что в городе сосредоточивались и местные феодальные группы. Мы совершенно уверены, что рост города-посада сочетался с ростом городских дворов местного боярства, тянувшего к городу-замку и связанного с ним военной службой. Следовательно, город-замок вместе с местными феодалами образовывал руководящий центр, после того как появились настоящие города феодального типа. Это, как было указано, — «Кияне», «Черниговци», «Володимирци», «Курияне» и т. д. наших летописей, которые играют такую роль в исто-

¹ М. Ф. Владимирский-Буданов. Хрестоматия, вып. I, стр. 247, 248.

рии Киевского государства в целом и отдельных земель-княжений. Вероятно, эти феодальные группы селились непосредственно около замков, а купцы и ремесленники — на местах, примыкавших к путям, в частности по берегам рек. Торгово-промышленным центром в Киеве, например, сделался Подол, расположенный на берегу Днепра, тогда как феодальные группы сидели главным образом «на верху». Такой же тип территориального размещения мы наблюдаем и в Новгороде: и там феодальные группы были размещены на так называемом Славянском конце, вокруг старых дружинных центров (Славно и Городища), а торгово-ремесленные элементы — на трех левобережных: Плотницком, Черевском и Людином концах. Здесь необходимо отметить, что по мере роста города-посада, конечно, должна была измениться и организационная структура военного укрепления. Вероятно, в этот период город-замок превращается уже в крепость, обнесенную стенами, строится ряд военных сооружений, которые впоследствии получают название кремля. Однако среди городов древней Руси были такие, которые резко выделялись и своей величиной и количеством населения. Они представляли собой крупные торгово-промышленные центры. Такими городами были Киев и Новгород.

Дитмар рассказывает в своей хронике о чрезвычайной величине Киева; он отмечает, что в нем кроме большого количества церквей «было 8 рынков» и «народа бесчисленное количество».

Рассказ Дитмара некоторые считают преувеличением. Но нам он кажется вполне правдоподобным. В некоторых странах, благодаря удачному сочетанию внешних торговых путей, возникают города, которые по своей величине, по количеству торговцев и ремесленников, по размерам своего торгового оборота стоят выше уровня экономического развития данной страны. Эти города, по сути дела, — международные торжища, где значительную роль играют иноземные купцы (у Дитмара — даны). Несомненно, в Восточной Европе было несколько таких городов: у хазар, например, Итиль, а по образованию Золотой Орды — Сарай. На территории нашего Союза было так же не мало подобных городов — таковы Бухара, Хива, Дербент (с VI по XI в.). Много таких городов — международных торжищ существовало в истории других стран. Но это вовсе не означает, что все другие города данной страны тождественны или близки к этим городам. Известно, например, что в Дагестане, на территории которого находится Дербент, не было ни одного города, который в какой-либо степени мог быть сопоставлен с ним по количеству населения и по развитию торговли и промышленности.

Обратимся к вопросу об управлении городами. Здесь у нас не может быть никаких сомнений в том, что города собственного городского управления, т. е. самоуправления, не имели. Мы ни в юридических, ни в летописных памятниках не встречаем упоминания о такой чисто городской, «бюргерской» администрации в IX—XII вв. Даже в Новгороде горожане подлежали ведению общей

администрации — посадников и тысяцких. Феодалный город в период его возникновения и становления управлялся в целом князем или его посадниками, тысяцкими и сотскими. Очень характерно, что в 1113 г. восставшие городские низы стали громить дворы тысяцких и сотских. Очевидно, что тысяцкие и сотские и были той администрацией, которая управляла горожанами. Новгородские памятники более позднего времени говорят о сотнях как определенных административных единицах, ведавших купцами. Но было указано, что это особенность новгородского административного строя, едва ли повторившаяся в какой-либо другой земле.

Обратимся к вопросу о внутренней организации городского населения («бюргерства») Киевской Руси. В Западной Европе городское купечество и ремесленники в средние века объединялись в гильдии и цехи. Возникает вопрос, существовали ли подобные организации в наших феодальных городах. Нам думается, что и гильдии и цехи могли возникнуть в наиболее крупных центрах, в особенности гильдии. Купечество крупных городов — Киева и Новгорода, имевшее постоянные и непосредственные сношения с иноземным купечеством, должно было ознакомиться с гильдиями и учесть выгодные стороны этой организации. Нам думается, что такой первой формой купеческой организации, гильдией в русских условиях, было так называемое Иванское купечество, учрежденное и регламентированное князем Всеволодом около 1135 г. в Новгороде особой грамотой, которая в историографии известна под названием Уставной грамоты церкви св. Иоанна Предтечи на Опоках.

Из грамоты¹ устанавливается, что Иванское купечество было ассоциацией новгородских купцов; чтобы стать членом ассоциации, необходимо было внести вклад: «А кто хочет в купечество вложиться в Иванское, даст купцем пошлым вкладу пятьдесят гривен серебра, а тысяцкому сукно ипъское, ино купцам положить в святыи Иван полтрьдесят гривен серебра, а не вложится кто в купечество, не даст пятьдесят гривен серебра, ино то не пошлый купецъ, а пошлым купцем ити мы отчиною и вкладом». Отсюда можно вывести, что права членов этой ассоциации носят наследственный характер. Иванское купечество имело и свою администрацию — двух старост, которые должны избираться из пошлых купцов, добрых людей. Эти старосты должны были «управливати» всякие дела Иванская, и торговая, и гостиная, и суд торговый».

По Уставной грамоте, в дела Иванского купечества не должны вмешиваться новгородские власти, а также новгородское боярство: «А Мирославу посаднику в то не вступатись, и иным посадникам, в Иванское ни в чтоже, ни боярам Новгородским». Каковы были преимущества Иванской ассоциации вовне, каковы были отношения внутри ее, мы, к сожалению, за недостатком материала выяснить не можем. Знаем лишь, что Иванскому купечеству, в лице его представителей — старост, было поручено взвешивать товары ино-

¹ М. Ф. Владимирский-Буданов. Хрестоматия, вып. I, стр. 233—235.

городних купцов в притворе церкви Ивана, за что они должны были платить особую пошлину.

Из грамоты видно, что Иванское купечество было ассоциацией купцов, торговавших с русскими землями. Можно предполагать, что была особая ассоциация, торговавшая с Западной Европой.

Об организации цехов наши памятники IX—XII вв. молчат, но это не значит, что у нас их не было; существование их вполне возможно.

Заключительные замечания

Подведем итоги нашему исследованию сложного вопроса о возникновении и первоначальном развитии феодальной сеньории и феодальной ренты и зависимости.

Как можно видеть, мнение некоторых исследователей о том, что еще в IX в. Русь превратилась в феодальное крепостническое государство, совершенно не обосновано. Не обосновано и другое их утверждение — о том, что патриархальные отношения уже были в основном изжиты к моменту появления Русской Правды. Только к середине X в. можно отнести возникновение княжеского домена и только с начала XII в. можно наблюдать признаки его оформления. С середины XI в. начинает развиваться церковное землевладение. Несколько раньше стало развиваться крупное землевладение в недрах разлагавшихся общин, но только с XI в. можно говорить о массовом росте боярских сел.

Основной рабочей силой в X в. были холопы и, возможно, закупы. Но холопы еще не превращались в это время в крепостное население, страдников позднейшего времени. Они эксплуатировались патриархальным способом, были домашними рабами. Закупы, как было исчерпывающим образом выяснено, вовсе не были крепостным крестьянством, платящим ренту-купу, а только закабаленными людьми, кандидатами в крепостное крестьянство. Так как не всякий должник был закупом, а только тот, кто формально оформил свое обязательство, естественно ожидать, что закупничество не носило в этот момент массового характера и не имело особого значения в системе эксплуатации X в. Следовательно, патриархальные отношения только стали разлагаться в это время, и мы наблюдаем только первые ростки феодализма.

XI в. — век окончательного общественно-экономического перелома. Растет княжеский домен, увеличивается число собственных княжеских городов и волостей. Оформляются города как центры феодального владения. Возникает церковное землевладение и развивается боярское — в значительной степени благодаря захвату земель боярами, бывшими княжескими дружинниками. В это время, время дальнейшего разложения общины, увеличивается количество выбитого из колен крестьянства, которое превращается в рабочую силу князей, церкви и боярства. Постепенно дань превращается в феодальную ренту и появляются к концу этого века феодально-зависимые люди — смерды.

Однако и в XI в. патриархальные отношения не изжиты. Сельские общины не все окняжены и обоярены. Были весьма значительные массивы, где еще процесс феодализма едва начинался. Достаточно вспомнить о земле вятичей, где еще существовало племенное княжение. Феодальные сеньории еще тонули в общей массе пока свободных общин.

С XII в. процесс феодализации стал развиваться интенсивнее. Оформляется и кое-где оформился княжеский домен (в Киевщине, возможно в Черниговщине). Растет церковное и боярское землевладение. Холопы начинают превращаться в крепостное население (серваж на русской почве). Можно думать, что увеличивается закабаленное население и закрепощается. Возникает ряд новых значительных групп выбитого из колеи населения, которое садится на землю феодалов и постепенно превращается в феодально-зависимое крестьянство. Так появляются группы изгоев, прикладников, задушных людей. Церковь, желая прибрать их к своим рукам, объявляет над ними патронат. Происходит интенсивная экспроприация свободного крестьянства. Можно думать, что к середине XII в. появляются группы закрепощенных смердов. Вероятно, к концу XII в. появляются закладники.

Однако и в XII в. процесс феодализации нельзя считать законченным. Значительная часть крестьянства все еще продолжает оставаться свободными общинниками, платящими дань. Повидимому, и не все группы выбитого из колеи населения, осевшего в феодальных сеньориях, превратились в зависимое крестьянство.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ВОЗНИКНОВЕНИЕ И ОФОРМЛЕНИЕ КЛАССА ФЕОДАЛОВ И ФЕОДАЛЬНО-ЗАВИСИМОГО КРЕСТЬЯНСТВА

§ 1. Возникновение класса феодалов. По мере того как возникает и развивается феодальный способ производства, возникают и оформляются класс феодалов и класс феодально-зависимого крестьянства. Как разнообразны (как мы видели) пути и способы установления феодальной зависимости, так разнообразны и источники возникновения этих классов. Мы знаем, что крупными землевладельцами делаются общинники, захватывающие землю своих соседей и превращающие их в рабочую силу своих владений, князья, княжеские дружинники и городские люди. Общий ход развития и оформления класса феодалов характеризуется следующими основными моментами: 1) консолидацией всех этих крупных землевладельцев в один класс, 2) постепенным втягиванием их в отношения вассалитета и министриалитета, 3) постепенным оформлением класса в правовом отношении, закреплением за ним особых привилегий.

По мере того как оформляется класс феодалов, ему усваивается особое название — бояр. Летопись,¹ описывающая битву 1221 г., прекрасно отображает в общих чертах распад тогдашнего общества на три основных группы: «боярин боярина пленища, смерд — смерда, град — града».

В свое время в домарксистской литературе господствовал взгляд, что боярство возникло только внутри дружины. Попытки некоторых историков оспорить это мнение, выдвинув теорию возникновения так называемых земских бояр, в литературе успеха не имели. М. Н. Покровский, вскрыв классовые корни господствовавшего взгляда, решительно взял под свою защиту мнение о том, что бояре — это крупные землевладельцы, что крупное землевладение — это необходимое условие для того, чтобы сделаться боярином. Однако было бы явным преувеличением считать, что дружинники князя не могли вообще сделаться крупными землевладельцами, феодалами, словом — боярами. Несомненно, княже-

¹ Ипат., 1221.

ская дружина в Киевском государстве, как и у древних германцев, в основном состояла из местной знати, но несомненно также, что в дружине могли находиться представители разных социальных групп, а в составе так называемой младшей дружины — и несвободные люди. Конечно, эти неземлевладельческие элементы, часто выходцы из других стран (венгры, торки и т. д.), выдвинувшись на службе князю, могли также осесть на земле и превратиться скорее, чем кто-либо, в крупных землевладельцев, феодалов, бояр.

Однако все это не может подорвать совершенно правильного взгляда, с такой силой выраженного М. Н. Покровским, на происхождение боярства главным образом из крупных землевладельцев, находившихся вне дружинной организации. Во всяком случае с XI в. поступают известия, совершенно ясно указывающие, что имеются бояре князя и бояре вообще, как в домарксистской историографии говорили — «земские» бояре. После поражения, нанесенного Ярославом соединенными силами Святополка и Болеслава, Ярослав «убежа с 4-мя мужи Новгороду», т. е. потеряв всю свою дружину и, следовательно, своих бояр. Но летописец рассказывает, что «Новгородьци расekoша лодье Ярославле рекуше: «хочем ся и еще бити с Болеславом и Святополкомь». Начаша скот собирати от мужа по 4 куны, а от старост по 10 гривен, а от бояр по 18 гривен». Ясно, что бояре, с которых собирали по 18 гривен, — не княжеские бояре (их в данный момент у Ярослава, потерявшего всю дружину, не было), а бояре новгородские, находившиеся вне дружинной организации. А свидетельства, относящиеся к XII и XIII вв., не оставляют никаких сомнений в том, что новгородские бояре и бояре князя — это две разных феодальных группы, имевшие свои собственные интересы, часто противоположные интересам князя и его бояр.

В Галиции также возникла весьма сильная боярская группа, которая вела продолжительную и ожесточенную борьбу с князьями. Во время этой борьбы было однажды сразу убито 500 бояр. Ясно, что считать эти боярские группы верхушкой княжеской дружины мы, не искажая фактов, не можем.

Памятники дают нам возможность установить, кто были нарочитыми, лучшими людьми, сделавшимися боярами. Такими людьми были старцы, старейшины. Именно в ранних летописных известиях старцы и старейшины противопоставляются княжеским боярам и вместе с тем массе прочего населения. В литературе как будто никем не высказывалось мнения о том что старцы — возрастная категория. Напротив, все считают, что это — верхушка общества, действительно нарочитые, лучшие люди земли или города. Очень характерно, что латинское слово *senatores* (сенаторы) в древнерусской письменности переводится словом «старци». В литературе обычно признают, что старцы, старейшины, не будучи даже в более раннюю эпоху возрастной группой, все же возникли из основного ядра родовых старейшин. Но было бы тем не менее

совершенно неправильным считать, что эти нарочитые, лучшие люди являются исключительно потомками родовых старейшин. Несомненно, к ним постепенно присоединялись крупные землевладельцы, возможно крупные торговцы, словом — верхушка тогдашнего общества, не связанная с дружиной князя.

§ 2. Разложение дружины. Как указано, другой группой населения, из которой выходили феодалы, была дружина, когда дружинный строй стал подвергаться разложению и когда дружинные отношения стали перерастать в отношения по вассалитету.

Основные признаки дружины — бытовая и хозяйственная общность их с князем, нахождение дружины на содержании князя и, следовательно, невозможность для дружинника владеть своим имуществом, домом, землей. Дружина начинает разлагаться в момент превращения дружинников в землевладельцев, в феодалов, когда стала разрушаться хозяйственная и бытовая общность князя и дружины. От дружины вассалитет наследует очень много черт — личный характер службы, верность сеньору и т. д.

Признаком начавшегося разложения является то, что термин «дружина» начинает носить неопределенный, а иногда и бессодержательный характер. Под дружиной начинают понимать вооруженные отряды. Так, ¹ Всеволод Юрьевич послал пронским князем «Володимерьские дружины 300». Изяслав Мстиславич просит дядю Вячеслава: «ты со мною пусти полк свой»; Вячеслав отвечает: «сыну, у меня дружина моя, вси с тобою пушаю». ² Иногда под дружиной начинают понимать и войско в целом; так, когда Изяслав организует поход на Суздальщину в 1148 г., он идет туда с новгородцами; Ростислав же привел ему все силы и полки русские (киевские) и смоленские, поход не удался, и «дружина русская — они с Ростиславом идоша». ³ Признаком разложения дружины является также и то, что она начинает носить местный характер — дружина владимирская, дружина русская и т. д., что было совершенно невозможно для эпохи расцвета дружинных отношений. Тогда дружина могла быть только личной дружиной князя — дружина Игоря, Святослава.

Как было указано, основная причина разложения древнедружинной организации — это постепенное превращение дружинников в землевладельцев, в феодалов, постепенный отрыв от княжеской гридницы, получение хозяйственной самостоятельности. Как было отмечено, отрыв этот наметился и должен был определиться уже давно, по мере роста землевладения княжеских мужей. Уже при Владимире не вся дружина живет при дворе князя. Он уже созывает бояр своих и велит им собираться «на вся неделя при князе и без князя». ⁴ При Ярославичах боярин Иоанн «иже бе первый в боярех» имел свой дом. В житии Феодосия рассказы-

¹ Лавр., 1186.

² Ипат., 1138 и 1152.

³ Ипат., 1148.

⁴ Лавр., 996.

вается, что, когда князь намеревался посетить Феодосия, то распускал всех бояр «в дома их».¹

Можно думать, что первоначально земельные владения бояр находились недалеко от резиденции князя и, следовательно, связь их с князем была более или менее тесной и постоянной. Но по мере того как расширялось крупное боярское землевладение, по мере того как боярские села располагались по всей территории княжения, связь дружинников с князем и княжеским дворцом все более и более ослаблялась и стала выражаться только в съездах на княжеские пиры и совещания.

Постепенно оседая на местах, в отдаленных княжениях, дружина делается местной — черниговской, смоленской и т. д. «Укрепляясь на территории кормлений, засиживаясь по своим селам, она стала быстро терять характер лагеря, рассеявшегося по княжествам на торопливый кратковременный покорм до скорого похода или перемещения».²

В первую очередь осели на местах как раз те элементы дружины, которые могли скорее других получить хозяйственную самостоятельность, превратиться в крупных землевладельцев. Такими элементами являлись, несомненно, старшие дружинники, боярство. Бояре в первую очередь получают название от той области, в которой они осели. Летопись уже в начале XI в. упоминает о белгородских боярцах. В XII в. мы наблюдаем оформление уже сложившихся групп местного боярства, возникшего из княжеской дружины.

Далее, постепенно оседают на местах и те дружинные элементы, которые стояли между боярами и гридьбой, не обозначавшиеся, как было указано, особым термином и составлявшие основной контингент личных военных сил князя. Очевидно, что те тексты, которые были выше нами приведены и которые говорят о местной дружине — владимирской, русской и т. д., очень хорошо документируют процесс оседания этой части дружины.

Младшая дружина, состоявшая из личных слуг князя, его телохранителей, различного рода мелких дворцовых агентов, разумеется, была той группой дружины, которая необходимо должна была дольше всех находиться в личных отношениях, не легко могла отрываться от князя; процесс оседания ее был медленным.

Но процесс разложения дружины заключался не только в оседании основной ее массы на местах, превращении ее в местную — киевскую, черниговскую и т. д., но также и в усложнении ее состава. Те и другие группы дружины начинают впитывать в свой состав новые элементы. Прежде всего расширился и пополнился состав той части дружины, которая получила название бояр. Одним из признаков изменения состава и роста этой группы является неустановившееся, колеблющееся значение этого слова. Оно имеет

¹Житие Феодосия (Яковлев. Памятники русской литературы XII и XIII вв., стр. 14—17).

²Ключевский. Боярская дума, стр. 57.

то более узкое, то более широкое значение; оно то противоположается только гридьбе, то всей массе населения.

Боярство, вышедшее из дружины, стало постепенно ассимилироваться с боярством, т. е. с крупными землевладельцами, феодалами, стоявшими вне дружинной организации. Если ранее, когда дружинный союз еще существовал в своей организационной чистоте, между боярством князя и местными феодалами существовало много различий как в экономическом, так и в правовом отношениях, то теперь эти различия постепенно стираются. Уже в самый ранний момент разложения дружинного строя, т. е. в самый ранний период развития феодального процесса, местное боярство не могло не втянуться в управление той или иной области или земли, не могло не принять участия в организации власти. С другой стороны, княжеские мужи, получая в управление города, должны были на местах опираться именно на крупных землевладельцев, на местную феодальную знать. Поэтому было бы неправильно смотреть на местных бояр, стоящих вне дружинного союза, как на группу, оторванную от своего классового политического аппарата.

Наоборот, именно наблюдавшееся укрепление власти на местах предполагало особенное значение местных феодальных сил. Особенно ярко это подтверждается данными из истории Галицкой и Новгородской земель. Здесь боярство, именно стоявшее вне дружины, должно было участвовать в организации военных сил, принимать участие в управлении и т. д.

Когда боярин, вышедший из дружины, оседал на земле, сохраняя служебные отношения к князю, никакой существенной разницы между ним и любым местным боярином ни в экономическом, ни в служебно-административном отношении почти не было. Но, постепенно пуская корни на местах, все глубже и глубже погружаясь в местные интересы, все более и более отрываясь от княжеского двора, бояре из дружинников очень скоро ассимилировались с прежним боярством, особенно после того как тем и другим пришлось пройти через нивелирующее влияние новых служебных отношений — вассалитета.

§ 3. Развитие боярского вассалитета и подвассалитета. Вопросу о развитии вассалитета между князьями мы посвящаем особый отдел. Здесь коснемся только развития боярского вассалитета и подвассалитета.

Ранее, когда мы касались возникновения вассалитета, то указывали, что в вассальные отношения входили сравнительно незначительные по численности элементы дофеодального общества, так как немногие княжеские слуги в дофеодальный период могли приобрести хозяйственную самостоятельность и оторваться от княжеского двора и дружины. Как было указано, такими вассалами были князья-наместники, племенные князья и весьма незначительная часть наиболее близких к князю людей, как, например, Свенельд.

Но, по мере развития процесса феодализации, процесс развития вассалитета стал усиливаться, и к XII в. дружинные отношения в основном переросли уже в вассальные. С другой стороны, подвергается изменению и характер вассальных отношений. Они начинают приобретать все черты развитого феодального вассалитета.

Обратимся к анализу этих сложившихся отношений, которые, на наш взгляд, полностью соответствуют раннему вассалитету западноевропейских стран. Прежде всего уже в этот период боярин и те элементы, которые вступили в вассальные отношения, являются вольными людьми. Они не холопы и не подданные. Они служат князю по договору или по соглашению. Источники дают нам возможность установить свободный договорный характер службы. «Приказавшись» к одному князю, можно было отказаться от службы и перейти к другому. Большое количество бояр, известных нам из летописи своей выдающейся деятельностью, многократно меняли и князей и даже княжения. В качестве примера можно привести послужной список одного из самых известных бояр XII в., деятельность которого можно проследить за тридцать лет, — именно боярина Жирослава. Прежде всего летопись нам говорит о начале деятельности Жирослава в качестве посадника князя Вячеслава в Турове (от этого посадничества он был отрешен князем Изяславом Мстиславовичем). В 1147 г. давал советы князю Глебу Юрьевичу. В 1149 г. был отряжен Вячеславом и Юрием к Владимиру против Изяслава Мстиславовича в качестве предводителя отряда, составленного против половцев. В 1159 г. ездил послом от Святослава Ольговича к Изяславу Давыдовичу требовать выдачи Берладника Ярославу Галицкому. В 1171 г. посадничество в Новгороде у него было отнято Рюриком и снова было ему поручено князем Андреем.¹ Таким образом, Жирослав, меняя князей, исколесил буквально всю Русь. Можно было привести очень много примеров такого совершенно вольного перехода бояр от одного князя к другому. Отказ от службы и, следовательно, переход на новую службу никогда не считался изменой своему сюзерену.

Классическим примером такого отказа, и притом коллективного, древнерусских вассалов от службы является случай с отказом бояр князя Владимира Мстиславовича (в 1169 г.), задумавшего нападение на киевского князя Мстислава, вопреки их совету. «И рекоша к нему дружина его: «о собе еси, княже, замыслил, а не едем по тебе». Из летописного рассказа (Ипат.) с очевидностью явствует, что Владимир Мстиславович в этом отказе не усмотрел нарушения основных принципов тогдашнего служебного права. Летопись говорит, что Владимир Мстиславович после отказа бояр не стал ни упрашивать их, ни упрекать; он

¹ Погудин. О наследственности древних санов. Арх. ист.-юрид. сведений, отн. до России, кн. I, М. 1850.

ограничился только тем, что сказал: «возрех децкы: а се будут мои бояре». Летописец, который хорошо отображал взгляды тогдашнего феодального общества, решительно на стороне бояр, а не князя; больше того, рассказав о действиях, последовавших за отказом бояр, он как бы хотел показать, насколько необходимы для благополучия князя сложившиеся служебные отношения. Галицкая история XII—XIII вв. может дать громадное количество единичных и коллективных отказов от службы.

Если бояре могут свободно уйти от князя, то и князь имеет право отпустить их. По установившимся взглядам тогдашнего феодального общества, вассалы, после того как они были уволены, не должны были проявлять какое-либо недовольство. Летописец под 1170 г. поучительно рассказывает: «Искони же всему новый дьявол, не хотяй добра всякому хрестьянину и любви межи братьею, начаста молвити Борисовичи Петр и Нестер, злы речи на Мстислава к Давыдови, занеже бяша Мстислав озлобив я, отпусти от себя про ту вину, оже бяху холопи ею покрали коне Мстиславле у стад и пятна свое восклали разнамениваючи».¹

Но во время своей службы боярин обязан соблюдать верность своему князю. Летописец клеймит тех бояр, которые изменяют своему князю, находясь на его службе. Когда Блуд, ближний боярин Ярополка, помог Владимиру погубить своего сюзерена, то летописец² разражается целой тирадой: «Се есть совет зол, иже свещевають на кровопролитье; то суть неистовии, иже приемше от князя или от господина своего честь ли дары, ти мыслять о главе князя своего на погубление, горыше суть бесов таковии: Якоже Блуд преда князя своего и приим от него чьти многи...»

По летописцу, рассказывающему о заговоре Улеба тысяцкого и Ивана Войтишича против Игоря Ольговича, только «всекозненный дьявол» мог «вложить совет зол с Кияны на князя своего».

Соглашение о службе, очевидно, сопровождалось целым рядом юридических и бытовых обрядностей. Вероятно, еще в Киевской Руси выработался обычай битья челом о службе, которое было необходимой обрядностью в Северо-восточной Руси — наш *homage*. Так как в Москве битье челом было уже более оборотом речи, нежели реальным действием, то наше предположение о старине этого обычая естественно. Но, повидимому, можно считать более или менее доказанным, что вассалы должны присягать своему сюзерену. В 1164 г. по смерти черниговского князя Святослава, вдова его хотела передать черниговский стол сыну своему Олегу, «сгадавше с пискупом и с мужи князя своего, с передними и целоваша св. спаса на том: первое целова пискуп Антон св. спаса и потом дружина целоваша», т. е. боярств. Нет никакого сомнения в том, что эта присяга принималась не на подданство,

¹ Ипат., 1170.

² Лавр., 980.

а на службу. Присяга на подданство, очевидно, должна быть приносима не только епископом и боярством. Но добровольный характер службы боярской не является еще специфической чертой вассалитета, — он наблюдался и в дружинной организации. Чтобы констатировать существование вассалитета, необходимо остановиться и на других признаках.

Один из характерных признаков вассалитета — это специализация службы. Вассал — прежде всего военный слуга своего князя. Наиболее глубокий исследователь западноевропейского раннего вассалитета Бруннер¹ отмечает, что центр тяжести вассалитета именно лежит в военной службе вассала, резко отличающейся от военной службы подданных князя. В то время как служба вассала основана на свободном договоре, служба других подданных — на обязанности, и притом на обязанности чисто территориального подчинения. Но на ряду с военной службой вассал должен принимать участие в совете князя.

Есть ли различие между вассалитетом и дружинной службой в данном отношении? Павлов-Сильванский не склонен видеть этой разницы в виду того, что под дружиной он, очевидно, понимал верхушку дружины — т. е. как раз те элементы, которые уже стали выходить из дружинного союза. Но если принять всю дружину в целом, состоящую из всех трех групп, то это различие в достаточной степени выявляется.

Дело в том, что при дружинном строе менее всего можно говорить об определенной специализации дружинников. Хотя в основном дружина была по преимуществу военной организацией, тем не менее, когда война кончалась, дружинники выполняли разнообразные обязанности и по администрации, и по управлению хозяйством, и по судебному делу. В особенности хозяйственно-административные, а не военные обязанности падали на членов младшей княжеской дружины — отроков, детских и т. д. В качестве примера отсутствия специализации в эпоху дружинной организации можно указать на то, что дружина Игоря подговаривает его собирать вторичную дань и его сопрсвождает. Если даже специализация и была, то она крайне слабо выявлялась и во всяком случае главным образом основывалась на служебном стаже дружинника. И вполне естественно это отсутствие специализации, если принять во внимание, что дружина окружала князя в его каждодневной обстановке. Она должна была помогать князю во всех его действиях. С течением времени, при усложнении деятельности князя и княжеского хозяйства, мы должны были ожидать установления уже более четкой и разнообразной специализации. И, действительно, для выполнения тех или иных обязанностей стали создаваться уже разнообразные судебные и административные должности; достаточно отметить должности мечников, вирников, даныщиков и пр. Боярство уже не могло принимать уча-

¹ Deutsche Rechtsgeschichte, B. II, S. 268.

стие в мелкой княжеской администрации. В особенности боярство не могло заниматься хозяйственными делами князя — это значило бы оставить свои дела, свои хозяйственные интересы. Таким образом, боярство окончательно специализируется на военной помощи князю и на участии в совете, если князю этот совет нужен. Разумеется, все сказанное относится к основной и рядовой массе боярства. Были и такие бояре, которые, будучи вассалами князя, занимали главные должности по военному командованию и управлению. Такими были Свенелд, Блуд, Вышата и Жирослав. Их служебные отношения были несравненно более сложными. Но и в эпоху раннего вассалитета в Западной Европе эти должности также существовали и также сложны и многосторонни были обязанности некоторых близких к королям людей.

Третья черта вассалитета, и черта действительно отличительная от дружинных отношений, — это хозяйственная самостоятельность вассала: вассал, в отличие от дружинника, имел свой дом, свое хозяйство. Вероятно, первые боярские села, поскольку процесс отрыва от княжеской гридницы проходил медленно, находились недалеко от города, но затем, при дальнейшем втягивании в вассалитет других групп, эти села организовывались уже вдалеке от главных городов.

Возникает вопрос, какое вознаграждение получало за свою службу боярство. Нам известно, что дружинники были на полном иждивении князя, князь должен был заботиться об их одежде, оружии, конях, крове. Но в нашей историографии вопрос о вознаграждении бояр-вассалов не ставится так, как он этого заслуживает; очевидно, считают, что боярином-вассалом делались из-за чести. Что бояре получали денежное вознаграждение от князя, в этом нет никакого сомнения. Также несомненно и то, что бояре, державшие в своих руках города и волости, брали различного рода поборы. Далее, бояре получали доход со своих сел, если они ими владели. Но, очевидно, все эти источники были возможны для сравнительно небольшого круга бояр. Очевидно, были какие-то иные стимулы боярской службы. И здесь мы подходим к вопросу о существовании в древней Руси бенефициев и феодалов и во всяком случае к вопросу об условном землевладении.

Разумеется, дружинная общность не сразу прервалась. Боярство все еще близко держалось княжеского двора. Князья также, очевидно, не в состоянии были сразу отказаться от постоянного общения со своими прежними дружинниками. Поэтому во дворцах часто устраивались пиры; боярство очень часто сходило во дворец для разрешения многих административных вопросов, а также для совета и участия в княжеском суде.

То, что мы говорили о княжеских вассалах, относится и к боярским вассалам. Процесс отрыва от боярского двора так же происходил и у них. Так же боярский дружинник делался вольным военным слугой своего боярина. Те же отличия от дружинника были у боярских вассалов, в частности оформлялась их специали-

зация — военная служба и совет. Крайне характерно, что у наиболее видных бояр были свои бояре.

Ярким примером такого боярина, у которого были свои бояре, является Симон Варяг, который явился на службу к Киевскому князю, имея 3000 своих слуг. Киевский патерик рассказывает, что сын его, Георгий Симонович, желавший украсить град Феодосия, послал в Киев для этого «единого от бояр своих, сущих под ним, именем Василия». В Пространной Правде говорится не только о княжеской дружине, но и о боярской, не только о княжеских слугах, но и о боярских.

§ 4. Возникновение министериалитета. Как было указано, в эпоху расцвета дружинных отношений различного рода мелкие административно-судебные и финансово-хозяйственные дела поручались младшей дружине: детским, отрокам. При разложении дружинного союза, когда как верхушка, так и основная часть дружины оторвались от княжеского двора, несомненно, произошли большие изменения и в младшей дружине. Дело в том, что в эпоху расцвета дружинного союза младшая дружина была, действительно, возрастной группой, младшие дружинники были детьми старших дружинников — бояр и основного контингента дружины — княжеских мужей. Младшие дружинники, как это особенно выявляется при изучении германских дружинных отношений, поступали в дружину для того, чтобы получить нужное воспитание. Отсюда, как только наметился отход основных контингентов княжеской дружины и постепенное превращение их в княжеских вассалов, разумеется, из княжеской гридницы пошли за своими отцами и их дети — отроки, детские и т. д.

Кем же стал пополняться состав младшей дружины? Нам думается, что на мелкие административные должности, раньше занимаемые младшими дружинниками, стали назначаться боярские дружинники, не успевшие обзавестись землей, городские люди. Но главный контингент, из которого пополнялся состав дворцовых служащих, — это рабы, холопы.

Русская Правда содержит целый перечень лиц, бывших дворцовыми слугами князя: огнищане (огнищные тиуны), конюшие тиуны, княжеские тиуны, княжеские отроки, сельские тиуны, кормилицы и кормилицы, мельники, гриди, детские.

Так как дворцовые служащие в значительной своей массе состояли из холопов князя, то их служба не имела того свободного, добровольного характера, какой имела боярская служба — вассалитет.

С другой стороны, дворцовые служащие отличались от бояр-вассалов тем, что имели определенную должность и выполняли строго определенные функции. Их служба была регулярной и повседневной. Должности эти были разнообразны, как разнообразны были отрасли княжеского хозяйства и управления. В памятниках XII—XIII вв. отмечается, что наиболее типичными для дворцовых людей были должности тиунов, ключников, мечников.

По мере усложнения княжеского хозяйства и дворцовой службы начинает расти значение княжеских дворцовых слуг. Постепенно придворные должности начинают превращаться в дворцовые чины, а слуги, которые занимали эти должности, — возвышаться до степени наиболее сановитых бояр. Так, мы знаем, что из тиуна огнищного возник особый дворцовый чин дворского, или дворецкого, из тиуна конюшего — чин конюшего. Постепенно появляются чины печатников, стольников, казначеев, меченошей и т. д., о функциях которых мы будем говорить в главе, посвященной изучению административной системы Киевского государства.

Постепенно верхушка министриалитета сращивается с верхушкой боярства-вассалитета, — так сказать, обояривается!

Все же основной контингент княжеских министриалов образует особую группу, получившую особое название, по крайней мере в Новгородской и Суздальской землях, — именно дворян. Впервые это название встречается в рассказе суздальского летописца¹ о событиях, последовавших за убиением князя Андрея Боголюбского: «горожане же Боголюбьскыи и дворяне разграбиша дом князь и делатели, иже бяху пришли к делу, злато и серебро, порты же и наволоки и именье, ему же не бе числа».

Источники, правда, более позднего времени (XIII в.) определенно противопоставляют бояр дворянам. В договорной грамоте Новгорода с князем тверским Ярославом Ярославичем говорится:² «А из Бежиць, княже, людей не выводити в свою землю, не из иной волости Новгородьской, ни грамот им даяти, ни закладников приниматьи, ни княгини твоей, ни бояром твоим, ни дворяном твоим, ни смерда, ни купчины».

Хотя дворяне и бояре противопоставляются как две разных служилых группы, их, однако, нельзя считать совершенно замкнутыми. Как указано, боярство занимало высшие дворцовые должности, равно как и выслужившиеся дворяне могли войти в ряды боярства — вассалитета.

Разумеется, основная и тем более низшая масса дворянства, смыкавшаяся с холопством, едва ли была связана с землевладением. Поэтому основным содержанием дворян были или различного рода доходы с управляемых ими княжеских сел или пошлыны, например, с различного рода судебных дел, а также княжеское жалование деньгами и натурой.

Процесс образования особой служилой группы наблюдался и у бояр. За превращением части боярских дружинников в арьер-вассалы — в «боярских бояр», боярский двор стал пополняться, так же как это мы наблюдаем у князей, главным образом холопами. Боярский двор был своего рода «микрокосмом» княжеского, и Русская Правда начинает отмечать на ряду с княжескими тиунами боярских; появляются и боярские дворцовые чины. Русская Правда

¹ Сузд., 1175.

² Собр. гос. грамот* и догов., № 1—2.

упоминает об одном таком чине — боярском дворском тиуне, на которого можно «по ноужи сложити послушество».

§ 5. Возникновение и первоначальное развитие бенефициальной и ленной систем. В исторической литературе этот вопрос ставится в форме вопроса о существовании «начатков поместной системы» в Киевской Руси, причем под поместной системой, повидимому, понимается совокупность юридических и бытовых отношений, лежащих в основе служилого землевладения позднейшего времени, т. е. XV—XVII вв.

Поставленный таким образом вопрос этот не был решен. Последний раз он обсуждался Линниченко, Грушевским и Пресняковым.

Для решения этого вопроса Линниченко¹ привлек материал, относящийся к Галиции. По его мнению, в Галиции к середине XIII в. даже выработался особый термин для боярского землевладения под условием службы, именно держание, которое отличается от другой формы владения — вотчины. Грушевский², хотя и считал соблазнительным предположение о существовании начатков поместной системы в Киевской Руси (в виду ее одновременного возникновения и развития на территории Литовского, Польского и Московского государств), но в конце концов признал, что в этом вопросе нельзя все-таки идти дальше догадок, так как наши источники не содержат в себе сколько-нибудь определенных указаний на раздачу князьями имений под условием службы.

Пресняков³ присоединился в этом вопросе к Грушевскому: по его мнению, факты, приведенные Линниченко, говорят не о раздаче земли под условием службы, а скорее о начальных формах кормления.

Обсуждая этот спор, мы не можем согласиться с мнениями ни Грушевского — Преснякова, ни Линниченко. Прежде всего необходимо указать, что самый вопрос о начатках поместной системы в древней Руси и Грушевским и Пресняковым формулирован недостаточно определенно, так как понятие «начатки поместной системы» может иметь различное содержание. Из аргументов, приводимых Грушевским и Пресняковым, можно заключить, что дело идет о существовании в Киевской Руси организованной и достаточно регламентированной системы раздачи служилым людям земли, под условием службы, с целым рядом привходящих экономических, административных и бытовых моментов, одним словом — той поместной системы, которая окончательно установилась в Московском государстве с XV—XVI вв. со всеми ее специфическими особенностями.

Но если в исторической литературе только с большими оговорками и ограничениями говорят о существовании поместной системы

¹ Грамоты галицкого князя Льва. Изв. отд. русск. яз. и слов., т. IX, кн. 1.

² Указ. соч., т. V, стр. 42—43.

³ Указ. соч., прим. к стр. 297.

в Московской Руси XIV и первой половины XV в., то тем более не представляется возможным предполагать ее в Галицкой Руси в середине XIII в. Московская поместная система настолько носит специфические черты, настолько связана с особенностями московского общественно-экономического и социально-политического строя, что отыскивать следы ее существования в более раннее время и в других областях древней Руси невозможно. Поэтому Грушевский и Пресняков с полным основанием решают вопрос о начатках поместной системы в Галицкой Руси в рассматриваемую эпоху в отрицательном смысле. Но они не правы в том отношении, что, возражая против существования поместной системы, они вместе с тем отрицают существование в древнейшей Руси форм землевладения, связанных со службой, и вообще снимают вопрос о связи поземельных отношений со службой. Поэтому факты, приводимые Линиченко, имеют большой интерес, но выводы, которые им сделаны на их основании, идут дальше, чем следовало бы.

Наша постановка вопроса иная. Мы пока не интересуемся установлением связи между сложившимися поземельными отношениями в Киевской Руси и поместной системой Московского государства, но ставим вопрос о существовании в XI—XII вв. тех форм землевладения, которые так характерны для раннего феодализма, например, западноевропейских стран, в частности вопрос о существовании отношений, близких или тождественных с бенефициями и феодами-ленами. Ведь так или иначе нужно выяснить, какова была материальная база тех служилых элементов, которые вышли из дружинного союза и стали оседать на земле. Думать, что все эти элементы получали доходы с должностей, нельзя, так как число должностей было ограничено. Невозможно и предполагать, что все боярство получало за свою службу денежное жалование или натуралии из сельских доходов князя, — в условиях слабого развития денежных товарных отношений князь не в состоянии был собирать с населения такую огромную казну, равно как не мог получить со своих земельных владений достаточного количества хлеба и других продуктов. Точно так же невозможно предположение, что боярство несло свою службу бесплатно, в порядке военной повинности. Словом, корень вопроса о материальной базе боярской службы лежит, несомненно, в особых формах землевладения, которые стали определяться еще в IX в., но окончательно оформились в XI—XII вв.

В эпоху раннего западноевропейского феодализма мы наблюдаем разные формы вознаграждения за службу, именно: передача земли в оброчное держание (*fief-roture*), должности (*fief-office*), выдача денег (*fief-argent*) и передача земли (*fief-terre*) в пожизненное и наследственное владение. За пожизненным владением утвердилось название бенефиции, а за наследственным — феода. Павлов-Сильванский, которому принадлежит заслуга установления связей между бенефициями-феодами раннего западноевропейского средневековья и поземельными отношениями древней и

Московской Руси, отождествил бенефиции с поместьями, а феоды с вотчинами («служба с поместъя», «служба с вотчины»).

Возникает вопрос, существовали ли все эти институты раннего феодализма в Киевской Руси. Что касается существования *fief-forture*, передачи земли в оброчное держание, то об этом до нас не дошло никаких сведений. Но существование феонов-должностей (*fief-office*), которые в Московском государстве получили название кормлений, в рассматриваемый период — вне всякого сомнения. На данной стадии экономического и социально-политического развития Руси, конечно, и не могло быть иной системы должностных отношений. Должности (или, вернее, доходы с них) были, действительно, жалованием, *beneficium*'ом. Они раздавались князьями наиболее близким и заслуженным дружинникам в благодарность за службу. Летописи многократно отмечают, что как только князю удастся в результате борьбы получить тот или иной стол, то первым актом князя является раздача городов своим мужам. Но несомненно, что раздавались не только города, но и волости; уже к Киевской эпохе относится возникновение самого термина «волостель».

До нас не дошли прямые данные для выяснения, какие доходы получали древнерусские кормленщики и каким образом было организовано получение этих доходов, но зато имеется ряд косвенных. А именно, в Русской Правде перечисляются доходы различного рода низших судебных и административных должностных лиц — вирников, мечников и т. д. Несомненно, что эти доходы были частью общей системы доходов всех должностных лиц; речь может идти только о количестве и о порядке получения их. Наиболее ярким типом доходов являются доходы, получавшиеся по Русской Правде вирником: «вирникоу взяти 7 ведор солоду на неделю, то же овен, либо полоть, или две нагате; а в среду резану, в три же сыры, в пятницу такоже, а хлеба по колькоу моугууть ясти и пшена; а кур по двое на день; коне 4 поставити и суоти им на рот колько могоут зобати; а вирнику 60 (6) гривен и 10 резан и 12 веверици; а переде гривна; или ся пригоди в говение рыбами, то взяти за рыбы 7 резан».

Нам думается, что должностные лица получали как деньгами, так и натурой — хлебом, пшеном, мясом, рыбой, фуражом для своих коней. Несомненно также, что они получали часть княжеских доходов от суда и торговых пошлин.

Наиболее ярко выявилась сущность системы должностных отношений, тождественной с системой *fief-office* — кормления, в Галиции. Летопись, например, сообщает, что во время болезни князя Владимира Васильковича князь Мстислав Данилович стал раздавать города и села своим боярам. Это доказывает, что раздача должностей, как личная милость, жалование князя, производится каждым новым князем.

Летопись влагает в уста князя Даниила Романовича гневные слова, сказанные боярину Доброславу, виновному в самоуправных

действиях: «Черниговских бояр не велѣх ти, Доброславе, приимати, но дати волости Галичким. А Коломыйскую соль отлучите на мя». Когда князь Даниил освободил Галицию от венгров, он стал, как рассказывает летопись, раздавать города боярам и воеводам. Очень характерен рассказ летописи о пожаловании князем Ярославом греческому царевичу, изгнанному из своей страны, «неколько городов на утешение». Итак, все эти примеры, относящиеся, правда, к несколько более позднему времени, очень хорошо показывают, что должность (вернее, доходы с должности) является жалованием, милостью со стороны князя.

Как было указано, Линниченко высказывал мнение, что подобного рода временные владения городами назывались держаниями в отличие от наследственного владения, называвшегося вотчиной. Но нам думается, что не было выдержанного применения этих терминов. Как раз летопись указывает, что слово «держати» может применяться и по отношению к вотчинам: «Си бо еста недостойна на вотьнина держати», — говорил представитель князя Даниила Доброславу.

Что же касается раздачи сел в пожизненное владение, то здесь у нас нет почти никаких данных, относящихся к рассматриваемому периоду, о том, что князья вообще раздавали села своим боярам; летописи говорят об этом, но не отмечают, на каких условиях происходила эта раздача.

Однако, по нашему мнению, не может быть никаких сомнений в существовании раздачи князьями сел в пожизненное владение своим боярам, и во всяком случае раздачи сел под условием их службы или в качестве вознаграждения за службу. Дело в том, что между раздачей городов и сел никакого различия, с точки зрения существовавших тогда отношений, не было, так как не было деления на доходы публичные и частные. И города, и волости, и села, и даже вообще всякого рода угодья — все это могло давать доходы и быть объектами княжеских пожалований и боярских держаний. Больше того, можно даже думать, что раздача сел во временное или пожизненное, под условием службы, владение было более обыкновенным и частым делом, чем раздача городов и волостей. Города и волости раздавались верхушке боярства, а села, очевидно, основной массе княжеских дружинников.

Однако нам думается, что наиболее типичной формой поземельных отношений при дружинных отношениях и вассалитете в более позднее время было наследственное землевладение, т. е. феоды, вотчины. Русская Правда, как было уже отмечено, исчерпывающим образом говорит, что бояре и боярские дружинники, в отличие от смердов, могли оставлять наследство своим дочерям. Текст статьи не дает повода толковать ее ограничительно, в частности делать предположения, что статья говорит только о домашнем имуществе умершего боярина, а не о земле. Но в Русской Правде не содержится ни одной статьи, регулирующей земельные держания, носившие временный характер.

На чем основывается наше мнение о преобладании наследственных служебно-поземельных отношений, т. е., иными словами, о преобладании «службы с вотчины» над «службой с поместья», преобладании феодалов над бенефициями в Руси X—XII вв.?

Здесь прежде всего надо указать, что со своих вотчин служила масса бояр, образовавшихся из крупных землевладельцев, не входивших в состав дружины. Превращаясь в княжеских вассалов, они получали некоторые дополнительные блага, в частности признание и регламентацию иммунитета, дополнительное пожалование службы, не говоря о своей доле в военной добыче.

Кроме того, своим наиболее близким дружинникам и вассалам князья могли жаловать земли прямо в наследственное держание, т. е. в вотчину, подобно тому как это делали Меровинги во Франции.

Наконец, несомненно, что у феодалов очень рано стала проявляться тенденция закреплять за своим потомством владения, полученные ими во временное держание, как это мы наблюдаем во Франции, Германии и других странах в эпоху раннего средневековья. Этот процесс превращения временных, в частности пожизненных, держаний в наследственные вотчины наиболее интенсивно протекал в Галицко-Волынской земле и в особенности в Новгороде.

Как бы то ни было, но в основном владение землей со стороны бояр и княжеских слуг стало связываться со службой, с вассалитетом, приблизительно с XI—XII вв.

Мы говорим «стало связываться» потому, что у нас, так же как и в Западной Европе, первоначально вассалитет не был связан с владением землей. Наш дружинник, превращаясь в вассала, первоначально мог добыть свои села разными путями, в частности покупкой, заселением пустых земель своими рабами, получением в наследство, в приданое, насильственным захватом. Маркс в особенности подчеркивает отсутствие связи между древнерусским вассалитетом и владением землей, считая это специфической чертой раннего русского вассалитета.

Но, повторяем, в XI в. и в особенности в XII—XIII вв. эта связь устанавливается повсюду, за исключением Новгорода. Об этом исчерпывающим, на наш взгляд, образом свидетельствуют многочисленные сообщения летописей, что боярское землевладение в общем разделяет судьбу княжеского при различных перипетиях междукняжеской борьбы. Как общее правило, боярство, верное своему князю, лишается своих сел при потере князем своего княжения. Так под 1146 г. (Ипат.) рассказывается, что после изгнания князя Игоря из Киева «разграбивша Кияне с Изяславом дома дружины Игореве и Всеволоже, и села, и скоты».

Летописец, между прочим (Ипат., 1150), влагает в уста изгнанному из Киева князю Изяславу слова, сказанные им своей дружине: «Вы есте по мне из Русской земли вышли, своих сел и своих жизней лишився». Можно бы привести длинный перечень подобного рода известий, но достаточно и этих, чтобы констати-

ровать почти закономерную последовательность грабежа боярских сел и, очевидно, их отнятие после ухода князя за пределы княжения. Все это, конечно, на первый взгляд может быть объяснено тем, что имущество князя и княжеского окружения, естественно, должно было стать добычей победителя. Но при ближайшем и более тщательном анализе всех дошедших до нас сведений не трудно установить, что боярские села грабились не потому, что они были вообще боярскими, а потому, что они принадлежали боярству и дружине данного князя. Летопись, например, специально отмечает: «домы дружины Игореве и Всеволоже, и села, и скоты». Все это убедительно доказывает, что потеря боярских сел при потере княжения происходит потому, что владение этими селами связано с личностью князя, что боярские села входят в земельную систему князя.

Итак, есть все данные предполагать, что все основные формы служебно-поземельных отношений раннего западноевропейского средневековья — и феодалены и бенефиции — существовали в Киевской Руси с XII в.

Однако было бы неправильно думать, что все крупные земельные владения были связаны со служебными отношениями. Как в Западной Европе, так и в Киевской Руси в рассматриваемую эпоху было много земельных владений, находившихся в полной собственности владельцев. Таким владениям в Западной Европе усвоено название аллодов. Процесс дальнейшей феодализации Руси XII—XIII вв., между прочим, выражался в постепенном охвате отношениями по бенефициям и феодам аллоидальных земельных владений.

§ 6. Правовое оформление класса феодалов. Итак, процесс возникновения класса феодалов в XII—XIII вв., можно сказать, закончился. Дружина распалась на две группы — бояр-вассалов и дворян-министерялов. Возникла настоящая феодальная лестница: великий князь, местные князья, бояре, боярские вольные слуги. Бояре окончательно сделались крупными землевладельцами, эксплуатировавшими разнообразные группы сельского населения на основании разных титулов. Естественно, что бояре — верхушка класса феодалов — стали стремиться оформить свое правовое положение, обеспечив за собой целый ряд привилегий.

Наши источники имеют весьма мало материала, который бы дал нам возможность в подробностях изучить процесс правового оформления боярства. Русская Правда говорит только о некоторых моментах развития этого процесса, только о некоторых нормах боярского права.

Постараемся, однако, свести воедино все имеющиеся по затронутому вопросу данные. Нам думается, что основной привилегией боярства было закрепление за ним права владеть землей на особом, как мы указывали, «сеньориальном» праве, т. е. праве пользования иммунитетом, что в свою очередь давало боярам право суда и управления над феодально-зависимым населением. Мы

в свое время уже говорили об особых чертах феодального и, в частности, боярского землевладения. Изучению же иммунитета в Киевской Руси будет ниже посвящен целый отдел, поэтому на нем мы останавливаться здесь не будем.

Другим достижением бояр — как класса феодалов — является усиление защиты их жизни, здоровья и личности.

Уже по Правде Ярославичей жизнь огнищанина, княжеского тиуна и старого конюха оценивалась в 80 гривен — вдвое больше, нежели жизнь холопа, а смерда (5 гривен). По Пространной Правде, в большей степени отразившей глубину и широту феодального процесса, двойная вира была установлена для княжеского мужа, т. е. вольного княжеского слуги — вассала.

Однако обращает на себя внимание, что в Пространной Правде ничего не говорится о вире за боярина, хотя говорится о боярском тиуне; конечно, можно это недоумение рассеять соображением, что понятие «князь муж» настолько широко, что охватывает бояр, но все же в XII в., когда оформилась Пространная Правда, боярство выступает как особая группа. Недоумение вызывает также и то, что за убийство боярского тиуна полагается 40 гривен — только в два раза меньше, нежели за боярина, если считать, что под княжими мужами следует понимать и бояр.

Нам думается, что за убийство боярина, принадлежавшего к верхушке феодального общества, на самом деле полагалось более высокое наказание — вероятно, казнь. Ведь в Русской Правде ничего не говорится об убийстве князей и членов княжеского семейства, об убийстве духовенства — епископов и игуменов. Едва ли князья применяли к себе и к членам своего семейства виру, установленную для своих мужей.

Усиленным образом защищается честь боярина-феодала. Об этом свидетельствует устав князя Ярослава. За похищение или изнасилование боярской дочери или жены, если боярин принадлежал к группе больших бояр, уплачивалось 5 гривен золота, и если к группе меньших бояр — 1 гривна золота, за изнасилование же дочерей остальных «добрых людей» — 5 гривен серебра или даже меньше.

Очевидно, защита личности и чести бояр вообще обеспечивалась более сильными наказаниями, нежели наказания по Пространной Правде. Вероятно, они не были зафиксированы в законе, а устанавливались князем в каждом отдельном случае. «Правосудие митрополичье» совершенно определенно говорит об этом: «Князю за бесчестье главу сняти, а меньшему князю, ли сельскому, ли тысячником, ли околичником, ли боярину, ли слуге, ли игумену, ли попу, ли дьякону, по житию бесчестье судят».

Следующим моментом, определяющим правовое положение бояр и боярских вассалов (дружины), были особые привилегии в наследственном праве. В то время как дочери смердов в наследстве отца не участвуют (они получают только часть из этого наследства, так как имущество смерда, при отсутствии у него сыновей, переходит

ж князю), дочери бояр и боярских дружинников наследуют имущество своих отцов так же, как и сыновья.

Вот те нормы, которые зафиксированы в наших юридических памятниках и определяют правовое положение феодалов. Ясно, что в жизни и быту сложилось множество других форм, которые нам остались неизвестными. Бояре, несомненно, обрести множеством привилегий и резко выделялись из других групп общества.

Наши источники также ничего не говорят о наследственном усвоении норм боярского права. Но также очевидно, что многие привилегии были наследственными и, следовательно, класс феодалов стал постепенно превращаться в наследственное сословие.

§ 7. Оформление класса феодально-зависимого крестьянства. По мере возникновения и оформления класса феодалов идет процесс оформления и класса феодально-зависимого крестьянства. Этот процесс идет по линиям: 1) консолидации всех феодально-зависимых групп крестьянства в один класс, 2) унификации правового положения, 3) создания из феодально-зависимого крестьянства наследственного сословия.

При изучении процесса возникновения и первоначального развития феодальной сеньории и ренты нами были выявлены различные группы населения, которые постепенно превращаются в феодально-зависимое крестьянство. На ряду с холопами на пашне (русскими сервами) возникают группы закупов, смердов, изгоев, задушных людей, прощенников, закладников, прикладников, нищих, наймитов и т. д. Нами было отмечено, что этот перечень разрядов феодально-зависимого населения не является исчерпывающим, что был целый ряд феодально-зависимых групп, которые назывались общим и неопределенным именем холопов (неполных, необельных). По мере того как оформляется феодальная сеньория, окончательно устанавливается некоторое единообразие в форме феодальной эксплуатации, все более и более развивается тенденция к постепенному объединению всех этих групп в один класс и сглаживанию групповых отличий.

Этому процессу окончательного объединения всех групп феодально-зависимого населения в один класс предшествует возникновение двух основных групп населения, которые впоследствии сливаются.

Первой группой были холопы. В состав ее вошли прежде всего так называемые обельные или полные холопы, затем разнообразная дворцовая челядь, служившая по ряду, в частности, по найму («челядины-наймиты» «Правосудия митрополичья»), закупы и всякого рода зависимые группы, не получившие особого названия, но находившиеся в крепостной зависимости от феодалов. Таким образом, холопы в XI—XIII вв. — это особая группа населения, в значительной степени отличающаяся от холопства более раннего периода. В ней объединились, на наш взгляд, те группы феодально-зависимого крестьянства, которые, сидя на земле феодала, не имели своего земельного участка, своего инвентаря, отправляли бар-

щину и были закрепощены. При изучении правового положения заупов и наймитов нами было указано, что стала развиваться практика приравнения их к полным холопам, в частности — что они избивались «без вины» и даже убивались безнаказанно своими господами, которые работали заупов при уходе их к судьям или князю для принесения жалоб, а наймитов — в случае самовольного ухода с работы. Эту слагавшуюся практику приравнения заупов к наймитам законодательство не санкционировало, главным образом потому, что феодальная верхушка, как нам кажется, непосредственно не была заинтересована в этом порабощении: заупы и наймиты, несомненно, в первую очередь порабощались средними и мелкими землевладельцами. Вследствие этого порабощения уменьшилось число данников, что было невыгодно как князю, так и высшей княжеской администрации.

Этой тенденции образования крупной группы холопов соответствовало обнаружившееся стремление в законодательстве XI—XII вв. обеспечить большую экономическую самостоятельность за полными (обельными) холопами и расширить их публичные и частные права, о чем нами подробно в свое время было говорено. Таким образом, процесс оформления группы холопов идет по линии постепенного ограничения прав неполных холопов и расширения прав полных.

Обратимся теперь к вопросу, касающемуся объединения других групп зависимого населения, не вошедших в группу холопов, — смердов, закладников, прикладников, задушных людей и прочих групп зависимого сельского населения, которые стали терять свою свободу, обладая землей и инвентарем. Нам думается, что основной группой, к правовому положению которой приравнивались другие группы этого разряда сельского населения, были смерды. Нами в свое время было указано, что смерды были наиболее многочисленной группой зависимого населения, что эксплуатация этой группы была организационным типом при эксплуатации других зависимых групп, возникших в результате превращения дани в феодальную ренту.

По мере втягивания в состав рабочей силы феодальных владений других групп зависимого населения — закладников, прикладников, несомненно унифицировались формы феодальной эксплуатации, причем при этой унификации равнялись по смердам как наиболее древней и многочисленной группе. Этот процесс постепенного слияния всех групп сельского населения (до превращения его в зависимые группы владевших земель и сельскохозяйственным инвентарем) не может быть изучен по недостатку данных, но, что этот процесс действительно имел место, легко доказывается имеющимися материалами. Так, в наших памятниках с XII—XIII вв. масса зависимого сельского населения начинает называться смердами. Ипатьевская летопись, сообщая о битве 1221 г., говорит: «боярин боярина пленивше, смерд — смерда, град — града». Хотя это риторическая фраза, но она отображала все же слагавшееся отноше-

ния, хотя и преувеличивая их. Что смерды были основной группой зависимого сельского населения, доказывают и рассуждения на Долобском съезде о смердьем коне, о смердье пашне. Нет никакого сомнения в том, что в селах жили не только смерды, а, как мы знаем, и другие группы сельского населения; тем не менее дружина говорила о смердах как о наиболее многочисленной и типичной группе феодально-зависимого крестьянства, пахавшей на своем инвентаре. О смердах как о типичном разряде сельского населения говорится и в договорах, заключаемых Новгородом с князьями: «а смерд пойдет в свой погост», «а купец в свое сто», хотя не все сельское население было смердами (в Новгороде существовали и своеземцы), равно как не все городское население было купцами. Этот процесс последующего «осмердения» сельского населения не был учтен большинством исследователей, и они сделали неправильный, как нами, доказано, вывод о том, что под смердами надо понимать всю массу сельского населения.

Одним из основных моментов в процессе оформления единого класса феодально-зависимого сельского населения было постепенное объединение всех групп феодально-зависимого крестьянства. Процесс этот, как и многие другие важные моменты в истории сельского населения в IX—XIII вв., к сожалению, не может быть, по недостатку данных, изучен, но что он развивался, — доказывалось возникновением и распространением нового названия, очевидно начинавшего поглощать все другие названия, именно названия сироты, а затем названия крестьян. Слово «сирота» впервые встречается в более поздних списках Русской Правды — Карамзинском и Пушкинском. Там имеется статья «о сиротьем вырядке» и статья «о коне» («А кто конь купити княжьи боярин или купец или сирота»). А затем это название становится общеупотребительным в XIII в. Так, о сиротах как крестьянстве говорится в поучении, приписываемом обычно епископу Серапиону, но принадлежавшем, несомненно, к домонгольскому периоду. Именно там говорится о «свободных сиротах», которых сильные люди порабащают и продают. Одним из признаков консолидации всех групп зависимого населения является вместе с тем постепенное исчезновение названий многих зависимых групп. Исчезают названия: изгой, прикладник, прощенник, пущенник, задушный человек. Исчезают названия: закуп — за исключением юго-восточной части Руси и смерд — за исключением Новгорода.

Вторым моментом оформления класса феодально-зависимого крестьянства является, как указано, процесс унификации правового положения объединяющихся групп. Эта унификация проводилась законодательным путем, но, несомненно, громадное значение в этом деле имело подчинение крестьянства юрисдикции господина. То, о чем не говорило законодательство, феодал проводил в своих судебных решениях.

О процессе унификации правового положения холопов в широком смысле этого слова — «сервов», включавших в свой состав

холопов полных и неполных, нами уже было достаточно говорено. В частности, нами было отмечено, что этот процесс заключался в приравнивании к полным холопам закупов, наймитов и, несомненно, других групп, не владевших землей и инвентарем, отработывавших барщину, и одновременно в расширении хозяйственной самостоятельности полных холопов и их публичных и частных прав.

Тот же процесс унификации идет в отношении другой группы, именно группы зависимого сельского населения, сливавшегося со смердами. Правовое положение всех этих групп все более и более сближается с положением смердов, но вместе с тем права смердов, как и сближавшихся с ними групп, все более и более ограничиваются.

Одним из ярких признаков распространения на всю массу крестьянства норм «смердъего права» является норма устава князя Ярослава, по которой «безатщина» всей массы церковного крестьянства идет к митрополиту и епископам: «А что дется в домовых людях и церковных и в монастырях и не вступаются княжи волостели в то, а то ведают епископи волостели и безатщина их епископу идет».

Третий момент оформления класса феодально-зависимого сельского населения — это постепенное установление наследственного ограничения публичных и частных прав сельского населения, т. е. установление принципа сословности.

Как нами было уже указано, этот принцип в X в. проявлялся несравненно меньше, нежели в XII или XIII вв. Как указано, памятники этого времени отмечают, что состав княжеской дружины был достаточно разношерстный не только по своему происхождению, но и по национальности. Характерно, что происхождение князя Владимира от рабыни Милуши не служило препятствием к занятию им княжеского стола. Не повлияло происхождение от холопа и на положение дяди князя Владимира — Добрыни.

Мы уже указывали, что Переяслав, — человек, несомненно происшедший из низов общества, — за свою победу был сделан «великим мужем» и в честь его был назван город, построенный на месте битвы. Но после разложения дружеского союза и оформления вассалитета, когда создается основная группа феодалов — боярство, постепенно превращающееся в сословие, постепенно развивается и принцип наследственного ограничения прав сельского населения начиная с XI в.

Между боярством и крестьянством все более и более расширяется пропасть: «худой» смерд не может теперь войти в состав вассалитета и боярства. Рядом с боярством с каждым годом возвышается многочисленная княжеская челядь, образуя влиятельную группу дворян.

Не только холопы, но и смерды стали группой, происхождение от которой опорачивает человека, несмотря на его личные качества. Слово смерд является ругательством. Достаточно ука-

зять, что епископ Сергей назвал своего предшественника по кафедре — Моисея, человека «богатого и славного», но, очевидно, выходящего из смердов, — смердовичем.

Летописец, рассказывая о беззаконии галицких бояр, особенно подчеркивает возмущивший его факт передачи города Коломыя «двум беззаконникам из племени смердя» — Лазарю Домажиричу и Ивору Молибожичу.

Все это свидетельствует о том, что класс феодалов и класс феодально-зависимого сельского населения превращаются в XII—XIII вв. в два замкнутых класса, в два сословия.

Заключительные замечания

Подведем итоги нашему исследованию о возникновении, развитии и о правовом оформлении классов в Киевской Руси в феодальный период.

Конечно, в условиях разложения общины могли появиться землевладельческие элементы уже с довольно раннего времени. Но эти землевладельческие элементы очень медленно разрывали связи с общиной и с остатками родо-племенных организаций. Вполне естественно, что еще в конце X в. этим элементам усваивалось название старцев.

В XI в. происходит оформление класса феодалов, бояр, который с этого времени образуется из двух групп — из местных крупных землевладельцев и дружинников, принимавших участие в экспроприации крестьянства совместно с князем. Однако еще долго печать дружинных отношений лежит на боярской службе.

С течением времени эти группы, как общее правило, сливаются. Дружинники, превращаясь в вассалов, становятся землевладельцами. Местные землевладельцы становятся вассалами. В XII в. возникает подвассалитет. По мере разложения дружин и ухода дружинников от княжеского двора постепенно начинают приобретать особое влияние дворцовые слуги. Постепенно происходит слияние верхушки феодальной знати с верхушками дворцовых слуг. Возникает министериалитет.

В XII в. заканчивается правовое оформление класса феодалов. Можно предполагать, что оно стало превращаться уже в наследственное сословие.

Что касается возникновения класса феодально-зависимого сельского населения, то поскольку имеется большое разнообразие способов возникновения феодальной ренты, унификация различных групп зависимого крестьянства идет весьма медленно. Единого названия для обозначения всей массы феодально-зависимого крестьянства так и не выработалось в Киевской Руси. Не унифицировалось и правовое положение этого крестьянства.

Однако можно думать, что в некоторых частях Руси происходит постепенное объединение зависимого сельского населения

вокруг холопов и смердов. Признаком сближения некоторых групп зависимого сельского населения с холопами является появление особой группы холопов вообще, неполных, необельных холопов. Наблюдается и некоторая тенденция к слиянию этих групп.

Отсюда наше исследование о происхождении феодальных классов в Киевской Руси неминуемо приводит нас к выводу, что утверждать существование вполне сложившихся и оформленных классов феодалов и феодально-зависимого сельского населения в IX—X вв., основываясь лишь на имеющихся в нашем распоряжении данных и не подменяя фактов голыми социологическими соображениями, — нельзя.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ВОЗНИКНОВЕНИЕ И ПЕРВОНАЧАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ ФЕОДАЛЬНОЙ МОНАРХИИ

В предшествовавших очерках было установлено, что процесс феодализации протекал достаточно интенсивно; в частности, стал оформляться княжеский домен, возникло крупное землевладение, возникли различные формы феодальной ренты, оформился класс феодалов и феодально-зависимого сельского населения. Мы должны ожидать, что возникнут и феодальные формы политического властвования, в частности возникнет и будет развиваться так называемая феодальная монархия. Политический строй эпохи раннего феодализма в достаточной степени изучен на основе данных западноевропейского средневековья. В территориальном отношении государство эпохи первоначального развития феодализма обычно представляет собой пестрый комплекс разнообразных территориальных единиц; некоторые из них являются вполне феодализированными княжествами (герцогства, королевства), а некоторые — «племенными государствами», в которых только начинается процесс феодализации. Основная линия развития территориальных отношений заключается в постепенной феодализации всех территориальных единиц, в усилении центральной власти, в постепенном перерастании даннических отношений в так называемые ленные. Отношения между местными владениями и главой этого феодального комплекса основаны на отношениях сюзеренитета — вассалитета. Постепенно территориальные единицы начинают распадаться; возникает иерархия феодальных владений (феодальная лестница), регулирующих свои отношения в особых договорах.

Носителем власти является феодальный монарх, в функциональном отношении формально неограниченный; но зато он ограничен в территориальном отношении десятками крупных и сотнями мелких феодалов. Как общее правило, каких-либо учреждений, имевших определенный состав и компетенцию, в это время пока не видно. Класс феодалов осуществляет руководство над владетелями через советы с дружиной, а затем через феодальную курию и феодальные съезды. Непосредственное управление сосре-

доточивается в руках министерялов (по русской терминологии — дворцово-вотчинная система). На местах постепенно создается многочисленная феодальная администрация, получавшая содержание непосредственно от населения (по русской терминологии — система кормления).

По мере возникновения и развития форм феодальной эксплуатации, феодалы добиваются права суда и управления над зависимым крестьянством, а также права взимания дани. Постепенно возникает иммунитет.

В домарксистской историографии, отвергавшей возникновение феодализма в Киевской Руси, естественно и не ставился вопрос о политическом строе Киевской Руси XI—XII вв. как феодальной монархии. Не понимая и не желая понять классовой сущности феодальной власти, буржуазные историки не создали и ясного представления о системе органов политической власти, о взаимоотношении этих органов, об их функциях и о политическом их значении.

Достаточно указать, что в то время как одни историки считали князя основным органом власти, другие, как, например, Ключевский, признавали князя «политической случайностью». Одни считали главным органом боярскую думу, другие отрицали ее существование в Киевском государстве. Одни считали вече изначальным и повсеместным органом власти, другие происхождение вече относили к XI—XII вв.

М. Н. Покровский не сумел преодолеть взглядов, сложившихся в буржуазной историографии. Он дал пеструю смесь часто взаимно исключающих взглядов о политическом строе Киевской Руси, причем пытался возродить народнические и даже славянофильские установки.

Итак, вопрос о политическом строе Киевской Руси XI—XII вв. совершенно не разработан, и нам предстоит довольно ответственная задача не только подвергнуть решительной критике сложившиеся представления, но вместе с тем и попытаться обосновать такой взгляд на киевский политический строй XI—XII вв., который бы находился в соответствии с установленным нами процессом феодализации. Прежде всего нам нужно решить основной вопрос — о территориальной структуре Киевского государства.

I. О территориальной структуре Киевского государства в XI—XII вв.

В свое время мы указали, что феодальная монархия в эпоху становления феодализма представляет собою пестрый конгломерат крупных феодальных сеньорий, причем отношения между центральной и местной властью основаны на сюзеренитете и вассалитете. Но в нашей историографии утвердился взгляд о том, что основной территориальной единицей в Киевском государстве с са-

мого его возникновения до распада является так называемая городская волость. Ключевский настаивал на торговом происхождении городов и городских волостей; Сергеевич признавал города и городские волости созданием групп «предприимчивых людей», подчинивших с оружием в руках сельскую округу. Но все разделяли мнение, что носителем власти был главный город. Характерно, что под главным городом понимали не административный центр, а совокупность городского коллектива. Лучше всего это понимание отобразил М. Н. Покровский, когда говорил о сущности отношений городов к пригородам: «Пригороды рассматривались как частная собственность главного города области. Не один раз князья ходили на несчастный Торжок и жгли его за „новгородскую неправду“ с тем, очевидно, чтобы истреблением новгородской собственности отомстить непокорному городу за его упрямство. Здесь права отца-господина перешли, таким образом, к собирательному целому, к городской общине, которая и явилась таким путем коллективным патриархом».¹

Вместе с тем крупный вес имело мнение Владимирского-Буданова о доисторическом происхождении городских волостей (по его терминологии — «земель») и о сохранении внутренней целостности их до XIII в.

Начнем с рассмотрения именно этого взгляда Владимирского-Буданова. Прежде всего не может быть доказано, что все земли, о которых говорится в XI—XII вв., действительно возникли в доисторические времена. Достаточно указать на Пинск, Галич, Владимир-Волынский, Рязань, Новгород-Северск. С другой стороны, наряду с землями, в состав Киевской державы входили племена: древляне, радимичи, дреговичи и пр., на территории которых не было крупных городов, впоследствии сделавшихся центрами — «общинами управляющими».

Территории этих племен с течением времени стали входить в состав других территориальных единиц. Наконец, ряд крупных городов, которые возглавляли «земли», постепенно утратили свое значение, например Суздаль, Любеч, Ростов. Мнение Владимирского-Буданова о доисторическом происхождении земель и их внутренней целостности не может быть подтверждено данными. Напротив, мы наблюдаем, что число и состав территориальных единиц, которые входили в состав Киевской державы и по признакам, указанным Владимирским-Будановым, могли быть отождествлены с землями, постоянно менялись. Внутренняя целостность земель постоянно нарушалась не только в XII в., а и во все время существования Киевской державы. Обратимся теперь к рассмотрению утвердившихся и с таким единодушием разделявшихся взглядов о внутреннем строе городских волостей, в частности о власти города, городского коллектива над территорией

¹ Русская история с древнейших времен, т. I, стр. 27.

городовой волости. Прежде всего надо выяснить, на основании каких данных исследователи пытаются обосновать основную мысль: «главный город есть община управляющая».

И здесь не трудно установить, что эти данные относятся к новгородской истории, и притом позднейшего времени—XIII—XV вв. Таким образом, специфические черты новгородского общественно-го строя приписываются всей территории Киевского государства. Уже одно это побуждает относиться с чрезвычайной осторожностью к выводам, которые получают историки в результате оперирования этими позднейшими и специфическими данными. В основном защитники теории городских волостей исходят из представления о городе IX—XII в. как о развитом торгово-промышленном центре, где основной силой была «торгово-промышленная» демократия. Но нами было установлено, что города XI—XII вв. были центрами властвования над окружающим сельским населением. Они строились не «торгово-промышленными» элементами, а князьями и боярами. Не торговля, а, как общее правило, дань и затем феодальная эксплуатация первоначально лежали в основе взаимоотношений между городом и сельскими мирами.

Крестьянство волостей тянуло к городам судом и данью, которая, как мы знаем, все более и более превращалась в феодальную ренту. Даже и Новгород, этот центр «народоправства», был таким же феодальным центром, верхушка которого сумела сочетать феодальную эксплуатацию с колониальным грабежом и сохранить в своих руках торговлю «вымученных» товаров. Этот феодальный характер города рассматриваемого периода делает невозможным предположение о торгово-промышленной демократии как основной силе города. Напротив, главной и решающей силой даже в самых старых и крупных городах является феодальная знать, боярство, которое кроме сельских усадеб и боярских дворов владело городскими домами, полными вольных и невольных слуг. Если города являются феодальными центрами, то еще в большей степени являются ими пригороды, которые в большинстве случаев представляют собой только укрепления без поселка (посада), типичные бургы — замки.

Как мы увидим далее, имеющимися у нас данными не может быть доказано, что торгово-промышленная аристократия имела в своем распоряжении решающий орган власти — вече. Пересмотр этих данных, как мы будем иметь возможность убедиться, показывает нам, что или нельзя говорить о вече как постоянном органе власти, или же в историографии извращена классовая сущность веча там, где вече действительно является постоянным органом власти. Здесь вечем руководила не торгово-промышленная демократия, а феодальная знать, направлявшая его деятельность. Как мы также убедимся, и древнейшая система управления, так называемая численная (тысяцкие и сотские), также не была системой органов торгово-промышленной демократии. Наконец, и военная

сила той или иной земли организуется не жителями города, городским коллективом, а княжеской властью и находится в его распоряжении.

Тем не менее есть же все-таки какие-нибудь данные, действительно говорящие о власти городского коллектива над пригородами и волостями? Таких данных, относящихся к рассматриваемому периоду, нет. Напротив, как раз летописные тексты указывают на зависимость городов, а тем более волостей, от феодальной верхушки и князя. Наиболее ярко вскрывается сущность отношений города к пригородам из рассказа о борьбе между Ростовом и его пригородом Владимиром. Этот рассказ интересен исключительной напряженностью борьбы между этими городами, а также тем, что во время этой борьбы были обнажены те социальные силы, которые руководили Ростовом, главным городом Ростово-Суздальской земли; борьба Ростова с Владимиром велась по инициативе не князей, а руководящих верхушек этих городов.

В 1175 г., после смерти князя Андрея, возник вопрос об избрании князя.

«Уведавши же смерть князю, Ростовци, и Суздальци, и Переяславци и вся дружина, от мала и до велика, и съехашася к Володимерю и реша: „се ся уже тако створило, князь наш убиен, а детей у него нетуть, сынок его мал в Новгороде, а братья его в Руси, по кого хотим послати в своих князех? Нам суть князи Муромьскыи и Рязанскыи в суседах, а боимся мсти их, егда поидуть внезапно ратью на нас, князю не сущу в нас. А послем к Глебу (Рязанскому) рекуще: князе нашего бог поял, а хотим Растиславичю, Мьстислава и Ярополка твоею... шюрину”». Не трудно видеть, кто съехался во Владимир. Летопись говорит, что съехалась вся дружина от мала и до велика, а не представители торгово-промышленной демократии. Это был типичный феодальный съезд. Как известно, это решение съезда было проведено в жизнь. Старший из Ростиславичей, Мстислав, сел в Ростове, а младший, Ярополк, — во Владимире. Уже очень скоро между руководящей верхушкой г. Владимира и князем Ярополком, которым руководили бояре, возникли несогласия. Бояре учили Ярополка «на многое имание». Он, по словам летописи, обременял вирами и продажами и отобрал пожалованные князем Андреем церкви имущества.

«И почаша володимерци мльвити: „Мы есмы волная князя прияли к себе, и крест целовали на всем, а они, яко не свою волость творита, яко не творяче седети у нас, грабита не токмо волость всю, но и церкви — промышляйте, братия!” И послашася к Ростовцам и Суздальцам, являюще им свою обиду. Они же словом суще по ним, а делом далече. А бояре князю тою дръжахуся крепко. Володимерци же, с Переяславци укрепившеся, послашася к Чернигову по Михалка и по брата его, по Всеволода, рекуще: „Ты старей еси в братии своей, поиди к Володимерю, аже кто что

замыслять на нас Ростовци и Суждальци про тя и како ны с ними бог даст».

Летопись совершенно определенно указывает, на какую социальную силу опирался Ярополк, — это бояре, а не представители торгово-промышленной аристократии, не коллектив г. Ростова.

По смерти князя Михалки вновь началась борьба между руководящей феодальной верхушкой г. Владимира и ростовскими боярами. «Володимири же, помянувшє бога и крестное целование к великому князю Гюргю, вышедше перед золотая ворота, целоваша крест ко Всеволоду князю, брату Михалкову, и на детех его, посадиша и на отни и на дедни столе в Володимери. В то же лето приведоша ростовци и бояре Мстислава Ростиславича из Новгорода, рекуще: «Поиди, княже, к нам, Михалка бог поял на Волзе на Городци, а мы хочем тебе, а иного не хочем».

Князь Мстислав собирает и ведет на Владимир «Ростовци и бояре, гридьбу и пасынки и всю дружину».

Когда Всеволод узнал о выступлении Мстислава против г. Владимира, он следующим образом характеризовал ту силу, которая вдохновила ростовцев на поход: «Брате! Оже ты привели старейшая дружина и ты поеди к Ростову, а оттоле мир възмеве».

В борьбе с владимирицами принимали участие и суздальцы, причем летопись расшифровывает, кого надо понимать под суздальцами: «А зде город старый Ростов и Суждаль и вси бояре хотяще свою правду поставить, не хотяху створити правды божья...»

Суздальцы, в свою очередь, оправдываясь пред Всеволодом, говорили: «Мы княже на полку томь с Мстиславом не были, но были с ними бояре...»

Что борьба г. Владимира велась не против «торгово-промышленной аристократии», а против старого феодального центра, против ростовской феодальной знати, исчерпывающим образом выявлено в лирическом замечании летописца: «Мы же подивимся чюдоу новому божия матере, великому и преславному, како заступи град свой от великих бед и гражаны своя укрепи. Не вложи бо им бог страха и не убояшася, князя два имоуще в власти сей и бояр их прещения ни в чтоже положиша».

Пресняков,¹ не интересовавшийся, конечно, вопросом о классовой сущности власти в рассматриваемый период, но тщательно проанализировавший сообщения летописи о борьбе между Ростовом и Владимиром, принужден был признать, что «зависимость земли-волости и пригородов от главного города основывалась на правительственной организации, созданной княжеской властью», следовательно не властью городского коллектива, не «торгово-промышленной демократией». Но то, что мы с такой ясностью установили в Суздале, в не меньшей, а, вероятно, еще в большей сте-

¹ Указ. соч., стр. 202.

пени должны наблюдать на юге, в особенности в Галиции. И здесь основной силой является феодальная знать, а не торгово-промышленная демократия. О галицком князе Данииле летопись (Ипат.) говорит: «Бояре же Галичские Данила князем себе называху, а сами всю землю держашу. Доброслав же вокняжился бе и Судыч, попов внук, и грабаше всю землю...»

Пресняков принужден признать и этот факт. «Для Киевщины, — говорит он, — нет возможности указать какой-либо исторический момент, когда волости киевские зависели бы от города Киева, от киевского веча... И посадников и князей по городам киевским сажает князь». Но он иначе оценивает взаимоотношения между Новгородом и его пригородами: «Новгород сам раздает пригороды и села приезжим князьям, назначает в них посадников, строит и возобновляет их укрепления своими нарядчиками... К городским волостям перешла здесь княжая власть, точнее — осталась в их руках после политического освобождения Новгорода... Развитие торгово-промышленной жизни... наложало особую печать на отношения Новгорода к пригородам и всей земле».

Конечно, нельзя отрицать фактов, свидетельствующих о формальном, «конституционном» ограничении княжеской власти, а также о своеобразном отношении Новгорода к своим волостям и пригородам. Однако носителями городской власти являются не представители торгово-промышленной демократии, а боярство, житий люди, которые, несомненно, играют решающую роль не только в административных органах, но и на вече.

Городская власть в Новгороде, так же как и во всех других городах, в рассматриваемый период является властью феодальной. В Новгороде она была принуждена затушевывать свою классовую природу разными путями, в частности санкционированием своих решений на вече, куда могла явиться торгово-промышленная демократия. Но когда задевались кровные интересы феодальной верхушки, то она не останавливалась перед разгоном веча, или созывом другого параллельного веча, или даже вооруженным нападением на демократию.

Все это позволяет нам решительно отвергнуть мысль о какой-то городской волости, возникшей еще в доисторические времена, сохранявшей свою целостность до XIII в. и управлявшейся торгово-промышленной демократией. Основной территориальной единицей, входившей в состав Киевской державы, первоначально было племенное княжество, а затем, когда родо-племенные отношения подверглись разложению, крупная феодальная сеньория, возникшая на развалинах этих племенных княжеств. В каждой из этих феодальных сеньорий имелся свой центр — город, но этот город, хотя и превращался в торгово-промышленный центр, был все же в первую очередь центром феодального властвования, где основной политической силой были феодалы разных видов, а не торгово-промышленная демократия.

Как ранее возникшие феодальные сеньории, так и возникшие позже не сохранили своей внутренней целостности. Они увеличивались, уменьшались и даже дробились вследствие развития производительных сил, близости к экономическим центрам и торговым путям, а также в результате борьбы разных феодальных группировок. Феодальные сеньории, входившие в состав Киевской державы, не были однородными. В одних процесс феодализации только начался; в других он достиг определенного развития. В зависимости от этого и отношения феодальных сеньорий — земель к главному центру — Киеву также не были одинаковыми. Поскольку с термином «городовая волость» ассоциируются неправильные представления о городе как торгово-промышленном центре, где главной силой была торгово-промышленная демократия, то нам кажется, что этот термин надо выбросить из современного научного обихода, тем более что название «городовая волость» не встречается ни в одном современном памятнике. Гораздо целесообразнее для обозначения основной территориальной единицы, входившей в состав Киевской державы, применять термин земля-княжение, который обычно применял Пресняков в своих работах.

Уяснив характер той территориальной единицы, которая входила в состав сложного феодального комплекса, перейдем теперь к изучению отношений этих единиц — земель и княжеств к центральной власти и ее носителю, киевскому князю.

В прежней историографии был сделан ряд попыток определить эти отношения. Еще Карамзин поставил этот вопрос в своей «Истории государства Российского», причем сделал попытку отождествить киевских князей с «российскими самодержцами» XVIII и XIX вв. Но этот взгляд не нашел поддержки: слишком он противоречил фактам. После этого предпринимаются попытки определить сущность территориальных отношений, исходя из понятий буржуазного государственного права. Возникают федеративная теория Костомарова и теория Сергеевича, представлявшего Киевскую Русь союзом суверенных государств. И это было отвергнуто: слишком сложны и специфичны были территориальные отношения в рассматриваемый период, чтобы уложиться в прокрустово ложе этих теорий. Не уяснив феодальной сущности этих отношений, позднейшие исследователи уже совсем отказываются дать им какое-либо определение, считая их слишком специфическими. Так, Ключевский говорит о Киевской державе: «Это была федерация не политическая, а генеалогическая, если можно соединять в одном определении понятия столь различных порядков, федерация, построенная на факте родства правителей, союз невольный по происхождению и ни к чему не обязывавший по своему действию, — один из тех средневековых общественных составов, в которых из частноправовой основы возникали политические отношения».

Пресняков, который тщательнейшим образом изучил между-

княжеские отношения данной эпохи, также признал, что сущность этих отношений нельзя определить, исходя из понятий современного государственного права.

Действительно ли так безнадежен вопрос о сущности отношений между территориальными единицами и политическим центром, между местными князьями и киевским? Действительно ли эти отношения так специфичны, что совершенно не поддаются определению и классификации?

И здесь обнаруживается, что непреодолимые трудности были созданы самими исследователями, которые не понимали и не признавали классовой феодальной сущности власти в рассматриваемый период, не делали, как общее правило, попыток изучить эти отношения в процессе их изменения, изучали догматически и подменили вопрос о сущности отношений между князьями вопросом о преемстве княжеского стола.

Ближайшее изучение относящихся к рассматриваемому периоду данных приведет нас к убеждению, что мы имеем дело с процессом возникновения территориальной структуры ранней феодальной монархии, что этот процесс, конечно, имел свои особенности, как и во всякой стране, но эти особенности вовсе не таковы, чтобы мы не могли выявить действительную сущность отношений. Процесс этот был длительным, как и процесс возникновения и развития форм феодальной эксплуатации, как процесс возникновения и развития классов.

Как было выяснено, территориальная структура Киевской Руси в дофеодальный период представляла пестрый комплекс племенных княжений и княжений-наместничеств. По словам Маркса, отношения между великим князем и местными князьями определялись вассалитетом без ленных отношений или ленами, составлявшимися из даней.

По мере развития феодализма эти примитивные отношения должны были усложняться: вассалитет должен был приобретать развитой характер: он должен был сопровождаться ленными отношениями тоже развитого типа, оформляться на основании особых, так называемых, феодальных договоров, в которых устанавливались и регламентировались права и обязанности великих князей-сюзеренов и князей-вассалов. Основная обязанность вассалов теперь — не дань, а военная служба.

Возникновение вассалитета развитого типа надо отнести к временам сыновей и внуков Ярослава. Но вассалитет IX—X вв., перерастая в развитую свою форму, типичную для феодальной монархии, должен был пройти промежуточную ступень во времена княжений Владимира и Ярослава.

Времена эти прежде всего характеризуются определенными успехами в деле централизации «аляповатой и нескладной», по выражению Маркса, империи Рюриковичей. Как было указано, определенная тенденция к централизации проявилась и при Свя-

тославе, когда установилась монополия княжеского дома Рюриковичей и были ликвидированы племенные князья (сохранились князья только у вятичей) и князья-наместники (сохранился только князь Рогволд Полоцкий). Расцвет внешней торговли с окружающими странами, и в первую очередь с Византией, обусловил дальнейшее развитие централизации. Эта задача в условиях того времени могла быть осуществлена только путем раздачи территориальных единиц, земель-княжений, его сыновьям. Сюзеренитет был, таким образом, помножен на отцовскую власть.

Вот это-то «семейное владение» княжеским домом, утвердившееся в Киевском государстве, можно сказать, и было «камнем преткновения» в прежней историографии. Факт этот — вовсе не редкий, между прочим, в истории феодальных государств, — не дал возможности историкам в какой-либо степени сопоставить установившиеся со времени князя Владимира территориальные отношения с территориальной структурой ранних феодальных монархий. Эти своеобразные отношения феодального праваистики обычно сближали с семейным владением частного права. Но тот факт, что вел. князь Владимир и князь Ярослав делят свою власть со своими сыновьями, совершенно не изменяет сущности этой семейной власти и ее организационно-политических форм. Отец — великий князь — остается сюзереном, сыновья его — вассалами. Обязанности сыновей-вассалов ничем не отличаются от обязанностей вассалов, принадлежащих к другим родам. Быть в послушании, платить дань, держать верность отцу-сюзерену, оказывать военную помощь — всеми этими обязанностями и целым рядом других, второстепенных, — быть может увеличенных семейными связями или получивших несколько особую форму, — характеризуются отношения сыновей-вассалов.

Когда сыновья-вассалы этих обязанностей не выполняют, то отец-сюзерен применяет к ним те же меры, что и ко всем другим вассалам. Святополк, сидевшего в Турове и подпавшего под враждебное Владимиру влияние его тестя — польского короля Болеслава, Владимир приказал арестовать вместе с женой и его советниками. Очень характерно, что отношения между великим князем и его детьми приравниваются летописцем к отношениям между князем и посланником: «Ярославу же сущу Новгороде и уроком дающе Киеву две тысячи гривен от года до года, а тысячу Новгороде гридем раздаваху; и так даяху вси посадници Новгородстии».¹

Эта система семейных по форме, вассальных по существу территориальных отношений подвергалась историческому испытанию после смерти Ярослава. Если Владимир и Ярослав захватили власть после устранения со сцены других братьев, то после смерти Ярослава дело усложнилось: ни один из его сыновей, и в том числе старший — князь Изяслав, не могли рассчитывать на устранение

¹ Лавр., 1014.

своих братьев. Каждый из сыновей Ярослава, уже давно сидевших в своих княжениях, успел пустить там крепкие корни, прочно связаться с феодальной верхушкой своего княжения, сумел сделать так, что его судьба была тесно связана с судьбой этой верхушки. Поэтому устранение братьев с земель стало крайне трудным делом. На ряду с этим надо отметить и те центростремительные тенденции, которые стали проявляться вследствие развития процесса феодализации и падения значения Киевского политического центра.

Выход был найден в том, что сюзеренитет был усвоен старшим из Ярославичей — Изяславом. Это было сделано в так называемом ряде Ярослава. Этому ряду, как известно, посвящено чрезвычайно много внимания в прежней историографии. На основе его был создан целый ряд теорий преемства княжеской власти и междукняжеских отношений. Необходимо с ним ознакомиться полностью.¹

«Преставися великий князь Русьский Ярослав. И еще бо живущю ему, наряди сына своя, рек им: „се аз отхожю света сего, сынове мои, имейте в собе любовь, понеже вы есте братья единого отца и матере: да аще будете в любви межю собою, бог будет в вас, и покорить вы противныя под вы, и будете мирно живуще; аще ли будете ненавидно живуще, в распрях и которающесе, то погыбнете сами и (погубите) землю отец своих и дед своих, иже налезоса трудомь своимь великим, но пребывайте мирно, послушающе брат брата. Се же поручаю в собе место стол старейшему сыну моему и брату вашему Изяславу Киев; сего послушайте, якоже послушаете мене, да той вы будеть в мене место, а Святославу даю Чернигов, а Всеволоду Переяславль, а Игорю Володимирь, а Вячеславу Смолинск”. И тако раздели им грады, заповедав им ни преступати предела братня, ни сгонити, рек Изяславу: „аще кто хоцеть обидети брата своего, то ты помогай, его же обидять”; и тако уряди сыны своя пребывати в любви».

Как можно видеть, ряд Ярослава не вносит никаких новых принципов в порядок преемства княжеской власти. Подобный ряд мог сделать Святослав; он также мог в своем завещании после всяких, более или менее красноречивых lamentаций, завещать киевский стол Ярополку, древлянскую землю Олегу, а Новгород Владимиру. Такой же ряд мог сделать и князь Владимир и, вероятно, сделал бы, если бы он не начал войны с Изяславом и если бы его не постигла неожиданная смерть.

Дело, следовательно, было не в ряде. Если бы дан был ряд Святославом и Владимиром, то он все равно не был бы выполнен. Не ряд, а социально-политическая обстановка была такова, что князь Изяслав не истребил своих братьев, подобно своему отцу и деду.

В прежней историографии не понимали этой обстановки и приписывали этому ряду поистине магическое значение. Не этим инте-

¹ Лавр., 1054.

ресен ряд, а тем, что регламентирует сюзеренитет старшего брата над младшими, которые сейчас становятся на положение вассалов. Старшему князю — Изяславу, согласно ряду, должны быть послушны младшие братья, за которыми закреплены были Ярославом земли. Князь Изяслав должен быть своим братьям «в отца место»; он должен защищать их от обид.

Начинается следующий период в истории взаимоотношений между великим князем и местными князьями. В этот период окончательно выявился упадок Киевского политического центра; все более и более слабела власть великого князя — верховного сюзерена и все более и более усиливались центристские силы. Принцип старейшинства при преемстве княжеской власти начал подрываться принципом отчины, но часто сюзеренитет добывается не на основе этих принципов, а силой или даже по приглашению взявшей верх феодальной группировки. Начинает утрачиваться близкая степень родства между князьями. В этот период территориальная структура Киевского государства сделалась типичной для ранней феодальной монархии. Окончательно устанавливается сюзеренитет великого князя, который не прикрывается властью отца. Верховный сюзерен — великий князь утрачивает те права, которые принадлежали сюзерену-отцу: он делается первым среди равных, устанавливаются разнообразные права и обязанности по вассалитету и, как обычно в эпоху развитого сюзеренитета — вассалитета, развивается типичный феодальный договор.

В прежней историографии очень хорошо знали, что взаимоотношения между князьями, и, в частности, между великим князем и местными князьями, определялись договорами. Больше того, «договорное начало в древней Руси — Киевской и Московской (до XVI в.) было возведено в основной принцип древнерусского государственного права Сергеевичем, создавшим так называемую договорную теорию. Но в прежней литературе никогда не делалось попыток установить связь между княжескими договорами XII—XIII вв., и вассальными договорами. А между тем даже поверхностное обозрение содержания междукняжеских договоров доказывает их близость (если не тождество) — и по своей социальной сущности и по своей форме — к феодальным договорам.

Обратимся к анализу этих договоров; он позволит нам выявить сложившуюся в это время территориальную структуру Киевского государства.

Прежде всего возникает вопрос, когда появились княжеские договоры. Здесь мы можем воспользоваться наблюдением Сергеевича о том, что князья — родственники по нисходящей линии никогда не заключали между собой договоров.

Следовательно, отношения между Святославом, Владимиром и Ярославом и их сыновьями не определялись договорами: а отсюда следует, что договоры появились тогда, когда Киевское государство распалось на феодальные сеньории, возглавляемые братьями, племянниками, словом — боковыми родственниками. А это могло

быть только после смерти Ярослава (если не считать договора, заключенного между Ярославом и Мстиславом).

Вероятно, договоры вначале были устными, но очень рано входит в обычай заключать договоры в письменном виде. Междукняжеские договоры носят название крестных грамот, так как князья, их заключавшие, подобно западноевропейским феодалам, целовали крест на грамотах, т. е. присягали. Ни одна из этих крестных грамот, относящихся к эпохе Киевской Руси, не дошла до нас, но нет сомнения в том, что в них воспроизводится в основном содержание дошедших до нас грамот Московской эпохи, так как существо отношений оставалось в основном одним и тем же.

Можно думать, что крестные грамоты писались в двух экземплярах, так как летописцы обычно говорят не о грамоте, а о грамотах. Так, в 1147 г. Изяслав Мстиславович, убежденный во враждебных намерениях черниговских князей — Давыдовичей, «поверже им грамоты крестныя». Рюрик, узнав о враждебных замыслах зятя своего Романа, «посла князю своему мужи своя, обличити и поверже ему крестныя грамоты». Можно думать, что у каждой договорившейся стороны находилась грамота с обязательствами противной стороны и копия своего договора со своими обязательствами.¹ Содержание междукняжеских договоров было весьма разнообразно: они определяли условия господства и подчинения, условия союзов, условия мира, условия военных коалиций. Нас интересуют договоры, которые определяют отношения между великим князем и его вассалами. Как было уже указано, сюзеренитет — сеньорат в Киевской Руси означался равнозначным словом «старейшинство». В прежней историографии, не понимавшей феодальной сущности междукняжеских отношений, обычно понимали это слово в прямом смысле, т. е. в смысле родового старшинства. Но достаточно вчитаться в летописные свидетельства, чтобы убедиться, что старейшинство означает сюзеренитет, политическое верховенство. Родовое старшинство только иногда совпадало (в особенности в XII в.) со старейшинством. Об этом свидетельствуют данные, относящиеся еще ко времени Ярославичей. Как известно, ряд Ярославов не был выполнен его сыновьями. Младшие сыновья Ярослава — Святослав и Всеволод прогнали старшего брата Изяслава из Киева. После смерти Святослава Изяслав возвратился из Польши добывать великое княжение. Князь Всеволод после некоторых колебаний решил уступить ему Киев. Когда он, после того, был разбит половцами и обратился к Изяславу, то, по летописи,² Изяслав говорил ему: «Елма же ты, брате мой, показа ко мне любовь, введя мы на стол мой и нарек мя старейшину себе, се аз не помяну злобы первая, ты ми еси брат, а я тебе, и положю главу свою за тя». Князь Изяслав был старшим братом, старейшиной в родовом смысле. И он был им независимо от признания его

¹ Сергеевич. Русск. юрид. древности, т. I, стр. 127—128.

² Лавр., 1078.

братьев. Но так как старейшинство политическое — сюзеренитет — не совпадало со старейшинством — старшинством в роде, то отсюда понятно выражение Изяслава: «нарек мя старейшиной». Это может означать, что Всеволод признал политическое верховенство Изяслава. Приведем другой, не менее яркий пример, относящийся к более позднему времени. В 1174 г. князь Андрей Юрьевич Боголюбский образовал вместе с черниговскими князьями союз против киевских и смоленских князей — Ростиславичей. Один из Ростиславичей — Ярослав Изяславович Луцкий присоединился к союзу князя Андрея, стремясь добыть старейшинство («ища собе старейшинства в Ольговичах»), т. е. Киевский стол. Но ему не удалось осуществить эти планы: «и не ступишися ему Киева» (Ипат., 1174).

Князь Ярослав решительно не мог быть назван старейшиной в родовом смысле. Он происходил от третьего сына Ярослава, а Ольговичи от второго: следовательно, любой Ольгович был выше его на одну степень. Ясно, что Изяслав Ярославович добивается признания за ним не родового старшинства, а политического верховенства, внешним выражением которого являлось владение Киевским столом. Потерпев неудачу, Ярослав Изяславович решил тогда перейти в другую коалицию — Ростиславичей. «Ростиславичи же положивша на Ярославле старейшинство и даша ему Киев». Конечно, Ростиславичи так же как и Ольговичи, не могли признавать Ярослава старшим в роде. Следовательно, здесь также идет дело о признании его сюзереном. Князь Ярослав, очевидно, настолько сумел использовать сложившуюся обстановку, что в конце концов добился своего и получил политический сюзеренитет и Киевский стол.

Можно бы привести множество примеров, когда старейшиной становился князь, который ни в коем случае не мог быть признан старшим в роде. Но нам думается, что и приведенных нами вполне достаточно.

Итак, старейшинство — сюзеренитет, политическое верховенство в феодальном государстве, внешним выражением которого является владение Киевским столом. Возникает вопрос, в чем это старшинство-верховенство выражалось. Прежде всего старейшина владеет самым богатым, самым сильным княжением и городом Киевом, экономическим и культурным центром того времени. Уже один этот факт резко выделял старейшину из среды других князей. Другой момент, определявший положение старейшины, это основное право сюзерена — право на военную помощь от младших князей-вассалов. Из множества свидетельств летописи, подтверждающих это право, приведем наиболее яркое.

В 1148 г. киевский князь Изяслав Мстиславович говорил своим вассалам — Владимиру и Изяславу Давыдовичам: «Вы есте вси хрест целовали на том, аже кто будет мне зол, то вам на того быти со мною. Се же, брата, яз с вами думаю, се стрый мой Гюргий из Ростова обидит мой Новгород, и дани от них отоимал и на

путех им пакости дееть: а хочю пойти на нь и то хочю управить любым миром, любо ратью. А вы есте на том хрест целовали, ако со мной быти».¹

Кроме того, было много дополнительных моментов, с которыми было связано старейшинство. В частности, летопись отмечает особый почет, который должен оказываться старейшине.

В 1154 г. номинальным сюзереном — старейшиной в Киеве был князь Вячеслав Мстиславович. После смерти Изяслава был избран в качестве его преемника Ростислав: «И посадиша в Киеве Ростислава, рекуче ему: „яко же брат твой Изяслав честил Вячеслава, тако же и ту чести, а до твоего живота Киев твой”».

Но кроме прав старейшине принадлежат и обязанности. Здесь, как это было и в западноевропейском праве, у сюзерена две основных обязанности: передача земли — лена и защита вассала от обид и притеснений. Нам нет необходимости приводить свидетельства летописей о том, как новый сюзерен, достигнув политического верховенства, начинает делить землю между отдельными князьями, принявшими его сторону и содействовавшими его окончательному успеху. Летописи буквально пестрят сообщениями об этом. Но нам надо привести несколько свидетельств, подтверждающих другую основную обязанность сеньора — обязанность защищать князей-вассалов.

В 1128 г. князь Всеволод Ольгович напал на своего дядю Ярослава и выгнал его из Чернигова. Ярослав обратился к Мстиславу — его старейшине с просьбой:

«Хрест еси целовал ко мне, поиди на Всеволода».²

Летопись дает нам обильный материал для выяснения положения князей-вассалов. Разумеется, положение каждого князя, находившегося под рукой старейшины, определялось не столько договором, сколько его силой, его значением. Естественно, нельзя и предполагать, что все князья находились в одинаковом подчинении от старейшего. Иногда князья-старейшины и наиболее сильные и влиятельные князья-вассалы находились, в сущности, почти в равноправном союзе; подчинение младших князей иногда выражалось в одном формальном признании старейшинства. И, наоборот, были младшие князья, положение которых напоминало положение служилых князей позднейшего времени. Тем не менее в феодальных договорах устанавливаются общие для всех младших князей нормы. Такой общей нормой является единение, «единичество» со старейшиной, великим князем. Очень хорошо выражает эту норму обязательство Изяслава, который целовал крест дяде Вячеславу: «Яко не разлучатися има ни в добре, ни в зле, но по одному месту быти». Такое же обязательство, например, дал князю Изяславу Владимир Галицкий в 1152 г.: «Его ся не отлучити ни в добре, ни в зле, но всегда с ним быти».³

¹ Лавр., 1148.

² Лавр., 1128.

³ Ипат., 1152.

Подчинение сюзерену — старейшине обычно выражается формулами: «быти в воле», «быть в послушании», «слушати». Летопись под 1170 г. говорит об Ольговичах: «Бяху бо тогда Ольговича в Мстиславли воли» (Ипат.). В 1116 г. Святослав Владимирович целует крест дяде своему Святославу Ольговичу: «Яко иметь ему в отца место и во всей воли его ходити».¹ В 1116 г. князь Глеб принужден был подчиниться Владимиру Мономаху: «Обещая Глеб по всему слушати Владимира; Владимир же смилив Глеба и наказав его о всем, вдасть ему Менеск, а сам взратися Киеву».²

Быть в воле и единении — это значит сообразовать свою политику со старейшим князем, а отсюда возникает ряд обязанностей; из них главная — военная помощь, о чем мы уже говорили. Но военная помощь часто была сопряжена с обязанностями экономического порядка, т. е. помощью и материальными средствами во время войны. Мы говорили также об обязанности оказывать «честь» старейшине. Вероятно, феодальный быт выработал много других моментов, характерных для князя-вассала.

Упадок Киевского политического центра, рост центристических тенденций русских земель повлек за собой возникновение новых феодальных центров. И отношения князей к князю, сидевшему в главном городе этого центра, также складывались по линии сюзеренитета — вассалитета и определялись договорами. Приведем наиболее характерные примеры.

В 1151 г. «прислашася Полотычане к Святославу Ольговичу с любовью, яко имети его отцем себе и ходити в послушании, и на том целоваша крест».³

В 1154 г. Ростислав Мстиславович, смоленский князь, «целова крест с братею своею, с Рязанскими князи, на всей любви; они же вся зряху на Ростислава, имеякуть отцом себе».⁴

Так постепенно возникает настоящая иерархия отношений, настоящая феодальная лестница.

Постепенно возникают и оформляются и нормы, содержащие санкции на нарушителей феодального договора. Вассал, не выполнивший своего договора, не оказавший военной помощи и нарушивший верность, лишался своих владений. Наиболее яркое свидетельство о возникновении этой нормы дает Ипатьевская летопись под 1177 г. В это время в Киеве сидел Роман Ростиславович; он послал на половцев сыновей и братьев-вассалов. Один из них, Давыд Ростиславович, не пришел и стал виновником поражения. Святослав Всеволодович после этого поехал в Киев к князю Роману и заявил: «брате, я не ищу под тобою ничего, же, но ряд наш так есть: оже ся князь извинить, то в волость, а мужь в голову, а Давыд виноват». Он же того не створи». Эта норма уже давно при-

¹ Лавр., 1116.

² Лавр., 1116.

³ Ипат., 1151.

⁴ Ипат., 1154.

менялась на практике: еще Владимир Мономах прибегал к этому наказанию. Так, он «взя Менеск у Глеба у Всеславича, самого приведе Къеву» за его непослушание.

Летопись затем рассказывает, что «поточи Мьстислав полотский князе, с женами и детьми в Греки, еже преступиша хрестное целование, зане не бяхуть в его воли и не служахуть его, коли е завяшеть в русскую землю в посошь, но паче молваху Бонякови гугнивому во здорovie».

Сын Владимира Мстислав «посла по Кривитьстей князе, по Давида, по Ростислава и Святослава и Рогволодовича два, и усажа у три и поточи и Царьграду за неслушание их, а мужи свои посажа по городам их».

Итак, чем дальше, тем больше междукняжеские отношения стали строиться на основании развитого сюзеренитета-вассалитета. Однако приходится отметить, что этот сюзеренитет-вассалитет, в особенности в XI в., переплетался с элементами родовых отношений. Недаром в ходу были термины: «отец», «во отца место», «старейшина», «сын» и т. д.

А. Е. Пресняков¹ был далек от того, чтобы признать существование феодализма в Киевской Руси, а Киевское государство считать типом ранней феодальной монархии, и главным моментом в междукняжеских отношениях все еще считал борьбу двух начал — старейшинства и отчины. Тем не менее и он принужден был сказать, что «при Мономахе „отеческая опека“ уступила место простой политической гегемонии, что термины „отец“, „брат“, „старейший“, „братья“ получают значение личных индивидуальных отношений союза, связанного с покровительством одного, более сильного союзника другому и зависимостью последнего (более или менее неопределенной) от обстоятельства „стоять за один“ да „во всей воли ходити“. Сплошь и рядом звучат в устах княжеских термины „отче“ и „сыну“ как простые формулы дипломатического языка или, проще, как бытовые обороты речи».

II. Превращение князя в феодального монарха

В литературе о политическом строе Киевской Руси наибольшие колебания проявились в решении вопроса о княжеской власти. Здесь все спорно, все было предметом оживленной дискуссии. Одни, подобно Ключевскому, называли князя наемным военным сторожем, который приходил и скоро уходил, был политической случайностью для области, блуждающей кометой. Другие, как Сергеевич, признавали князя народной властью, так как народ составлял главную силу князей. Не трудно увидеть, что к вопросу о роли и значении княжеской власти подходили догматически, не отмечая тех изменений, которые должны были выявиться за три с лишком столетия истории Киевского государства.

¹ Указ. соч., 111.

Характеристику князя, основанную на данных XII в., автоматически относили к князю X в. Очень часто вопрос об объеме и характере власти князя решался на основании принципов буржуазного государственного права.

Вопрос о князе XI—XII вв. как феодальном монархе в литературе никем серьезно не ставился. Только М. Н. Покровский сделал попытку рассматривать князя как представителя феодальной власти. Но, как было упомянуто, приняв неправильное мнение Ключевского о характере городских волостей, он должен был допустить антиномию: наемный сторож в городе, князь был хозяином-вотчинником в деревне. А главное, в позднейших своих работах — «Очерк по истории русской культуры» и «Русская история в сжатом очерке» Покровский не только не развил правильной мысли о князе как представителе феодальной власти, но, недооценивая глубину и широту феодального процесса, стал называть князей предводителями шаек работоторговцев. Ряд неправильных взглядов был высказан М. Н. Покровским и по вопросу о происхождении, объеме и характере княжеской власти.

В нашу задачу не входит подробное исследование о княжеской власти; мы главным образом коснемся вопроса о князе XI—XII вв. как феодальном монархе, обратив внимание: 1) на классовую сущность княжеской власти и 2) на развитие княжеской власти как власти феодального монарха.

Сейчас нет особой необходимости подробно обосновывать, что княжеская власть стала превращаться во власть феодальную, что князь стал представителем и защитником интересов феодальных групп, что князь был первым феодалом в своем княжении. Достаточно указать, что летопись высоко ценит князей, которые свою деятельность согласуют с дружиной, т. е. феодальной верхушкой.

Идеал феодального князя — Владимир Мономах думу с дружиной считает основной княжеской обязанностью. И, наоборот, летопись осуждает князей, не согласующих свою деятельность с указаниями руководящей верхушки феодального общества.

Про князя Всеволода, к которому летопись¹ относится с определенным пиететом, она специально, однако, отмечает: «В сих печали всташа и недужи ему и приспеваше старость к сим, и нача любити смысл уных, совет створя с ними; си же начаша заводити и негодовати дружины своея первыя, и людем не доходити княже правды, начаша тиуни грабити, людей продавати, сему не ведущю в болезнях своих». Легкомысленное вероломство Святополка Изяславовича по отношению к половцам летописец объясняет тем, что он поступил, «не здумав с большею дружиною отнею и стрыя своего, совет створя с пришедшими с ними».

Князья не только должны были согласовывать свою деятельность со своею дружиной, но и привлекать те группы феодально-

¹ Лавр., 1093.

го общества, которые не входили в состав дружинной организации. Как было указано, уже князь Владимир приглашал на совещание старцев градских, старейшин; а когда усилилась роль церкви как феодальной организации, обычными членами различного рода совещаний сделались митрополит, епископы и игумены. По мере же того как дружинная организация разлагалась и стал оформляться вассалитет, князь принужден был организовывать съезды, где решались основные вопросы внешней и внутренней политики. На этих съездах принимали участие или князья или же представители князей; примером подобного съезда является совещание, на котором был принят «Устав о резах». Эти съезды по своей организации и компетенции тождественны с феодальными съездами раннего западноевропейского средневековья.

Князь, не согласовавший свою деятельность с руководящей феодальной верхушкой, рисковал не только быть отрицательно очерченным в общественном мнении, но и многим другим, в частности своим столом, не говоря уже о возможных неудачах в задуманных предприятиях. Дружина могла просто отказаться, дезавуировать от службы князю. Прекрасным примером массового отказа от помощи и службы князю является отказ бояр Владимира Мстиславовича: «О собе еси князю замыслил; а не едем по тебе, мы того не ведали». Это означает, что предприятие Владимира Мстиславовича не отвечало интересам данной руководящей верхушки. Летописец не пожалел красок для описаний различных неудач этого князя, решившего заменить свою старую дружину детскими.

Как мы видим, нет никаких оснований говорить об антиномии в положении князей, о которой говорил Покровский: и в городе и в деревне князь одинаково стал феодальной властью. Не трудно видеть, что взгляд Покровского предопределялся тем, что он: 1) преувеличивал роль торгового капитала в Киевской Руси, 2) модернизировал древнерусский город, представляя его развитым торгово-промышленным центром, 3) преувеличивал политическое значение городских купцов и ремесленников и 4) неправильно, как мы увидим далее, представлял себе социальную сущность веча.

Переходим теперь к вопросу о развитии функций княжеской власти и о превращении дофеодального князя в феодального монарха. Здесь мы должны прежде всего отметить, что князья стали превращаться в типичных феодальных монархов в период распада Киевского государства, т. е. во времена сыновей и внуков князя Ярослава. Но, разумеется, процесс превращения дофеодальных князей в феодальных монархов был длительным. Можно установить промежуточную ступень, которая, на наш взгляд, хронологически падает на княжения Владимира и Ярослава. Уже в этот период функции князей начинают значительным образом усложняться. Усложняются они не только потому, что образовал-

ся княжеский домен, в котором князья должны были вести хозяйство, подобно рядовым феодалам, но и потому, что усложняются, т. е. углубляются и расширяются формы феодального господства и подчинения в пределах всего государства.

Князь и в XI в. является военным вождем, командующим всеми вооруженными силами княжения. Но его военно-организационная деятельность усложняется благодаря усложнению состава военных сил Киевского государства. Как было указано, дружина, бывшая основным ядром войска первых Рюриковичей, оседает на землю. Место дружины начинают занимать феодальные ополчения, вооруженные отряды, приводимые вассалами. Князь как обладатель домена в свою очередь набирает ополчения из подвластного ему городского и сельского населения. Но очень часто князьям приходится прибегать к чрезвычайным мобилизациям (как это сделал Ярослав во время борьбы со Святополком) или же нанимать иноземные войска (варягов — кн. Владимиром и Ярославом, поляков — кн. Святополком), колбягов, торков и т. д.

Поскольку усиливается давление на Киевскую Русь со стороны соседних государств и степных кочевников, усложняются мероприятия по защите внешних границ. Князьям приходится строить укрепления (города и валы) на наиболее угрожаемых местах. Но градостроительство на границах государства, конечно, не могло исключить необходимости укрепления главного города. Именно в этот период и создаются укрепления главных городов Киевской Руси: Киева, Новгорода и т. д.

Расширение и углубление феодальной эксплуатации делало необходимой организацию опорных пунктов для феодальной власти; эта эпоха характеризуется строительством пригородов внутри отдельных земель.

Большое значение в военно-организационной деятельности князей имел подбор ближайших княжеских слуг-вассалов, которые постепенно вследствие разложения дружинной организации оседают на местах. Князья в этот период должны были «испомещать» их, отводить села, назначать на всякие административные должности. В чрезвычайно большой степени усложнилась деятельность князя в делах внутреннего управления. Отношения между киевским князем и его сыновьями иногда были напряженными. В интересах собственной безопасности приходилось контролировать их деятельность. Но в особенности стала сложной деятельность князя в собственном домene, где князю приходилось назначать посадников, волостелей, тиунов и др. многочисленных представителей администрации. По мере того как дань стала превращаться в феодальную ренту, вместе с тем устанавливаются торговые пошлины в городах, создается сложная финансово-административная система.

По мере того как стала развиваться внешняя и внутренняя торговля, князю приходилось организовывать строительство дорог

и мостов. Много внимания приходилось уделять охране торговых путей, в особенности основного торгового пути, шедшего в Византию.

Одной из особенно развившихся функций князя в рассматриваемый период является организация судебных органов и отправле- ние суда. Как было указано, княжеской юрисдикции при первых Рюриковичах подлежали княжеские дружинники, челядь, зависи- мое крестьянство, высшая княжеская администрация. Сейчас князь непосредственно судит население главного города, а княжеские судьи — все остальное население.

Установление новых форм феодальной эксплуатации, органи- зация сложной сети финансовой и судебной администрации, уста- новление принципов феодального судебного права — все это было возможно провести в жизнь только путем законодательства. В этот именно период стала развиваться законодательная функция князя. Князья не только устанавливают «уставы и уроки», но и изменяют путем издания законов принципы уголовного права и процесса. Появляется первый юридический сборник — Русская Правда.

Путем издания законов князья устанавливают размеры судеб- ных пошлин, а также вознаграждение административных лиц. На данном этапе князья, после принятия христианства, всячески способствуют устройству церкви, создают мощную экономическую базу для духовенства, установив церковную десятину. Наконец, князьям надо было много внимания уделять налаживанию отно- шений с окружающими странами, сноситься с иноземными вла- стями.

Таким образом, функции и объем власти князей на данном этапе выросли. Однако княжеский домен еще не окончательно оформился. Значительные массы крестьянства, в особенности на отдаленных от Киева местах, были еще данниками, а не феодаль- но-зависимым сельским населением. Княжеская власть еще не смогла подчинить их своему домениальному управлению и суду. Несомненно, еще не ликвидировались органы родовой и даже, как у вятичей, племенной власти. Следовательно, круг княжеского общества был еще не широк и не охватил всей массы населения.

Процесс дальнейшей феодализации, окончательное сложение княжеского домена и распад Киевской державы на ряд земель — все это предопределяло появление нового типа князя, который более всего подходит к типу феодального монарха. Как раз в этот период политический строй приобретает наиболее характер- ную феодальную черту: соединение политической власти с земле- владением.

Князь этой эпохи является князем местным или всячески стремится сделаться таковым. Он старается пустить глубокие корни в своей отчине. Если князь принимает участие в какой-ни- будь сложной политической комбинации, имевшей своей целью

захват Киевского стола, то он обычно черпает силы в этой отчине.

В нее он возвращается, когда терпит неудачу. Будучи прочно связанным с землей-княжением, его отчиной, князь принужден основное внимание обратить на непосредственное управление своего домена. Когда дань превратилась в ренту, а крестьянство, платившее дань, — в феодально-зависимое и крепостное крестьянство, естественно, что основным источником доходов князя стали княжеские села. «Еже было творити отроку моему», — рассказывает в своем поучении Владимир Мономах,¹ — «то сам есмь створил, дела на войне и на ловах, ночь и день, на зною и на зиме, не дая себе упокою; на посадники не зря, ни на биричи, сам творил, что было надобе, весь наряд и в дому своєма что я творил есмь; и в ловчих ловчий наряд сам есмь держал, и в конюсех, и о соколах и о ястребех».

Князья в значительной степени согласуют внутреннюю и внешнюю политику с интересами своего феодального хозяйства. Очень характерно, что когда решался вопрос о походе на половцев (в 1003 г.), то князья принуждены были обсуждать, насколько целесообразно будет мобилизовать смердых коней. Во время междоусобиц враждующие князья стремятся разграбить села своих соперников и увести рабочую силу. Функции князя в этот период также усложняются, но это усложнение связано с развитием княжеского сельского хозяйства. Основное внимание князей направлено на расстановку сил в их владениях.

Князья уделяют много внимания охране своих людей, организации суда, вернее установлению мир и продаж, а также судебных пошлин. В этот период они подчиняют своей юрисдикции все население. Чрезвычайно расширяется законодательная деятельность князей.

В условиях все возрастающих противоречий князьям приходилось много внимания уделять затушевыванию классовой сущности власти. «И худого смерда и убогие вдовице, не дал еси сильным обидети», — говорил про себя Владимир Мономах.

В деле утверждения своей власти князьям приходилось прибегать к помощи церкви. «И церковного наряда и службы сам если приизрал», — продолжает Владимир Мономах. Словом, князь постепенно превращается в типичного монарха, с весьма разнообразными функциями, монарха, который стремится освоить свою вотчину как феодальную собственность.

Однако в этот период намечаются особенности в положении князя в некоторых частях Киевского государства. Эти особенности в значительной степени определяются не тем, что в этих частях слабо проходит феодализация, а тем, что князь и его дружина, его боярство не сумели пустить корни в земле-княжении, не сумели организовать свой домен. Так было в Новгороде и до из-

¹ Лавр., 1096.

вестной степени в Галиции. Но и здесь не может быть речи о князе как надклассовой власти. Будучи «наемным военным сторожем» в Новгороде, князь выполнял волю новгородских феодалов.

Князь в Галиции, постоянно борясь с галицким боярством, тем не менее не переставал быть представителем феодальной власти. В своей борьбе против галицкой знати он опирался в основном на рядовую феодальную массу.

III. Вопрос о княжеских советниках

Вопрос о княжеском совете был предметом большого внимания в прежней исторической литературе. Ни один из крупных историков не проходил мимо этого вопроса. Из обзора взглядов на политический строй Киевской Руси не трудно установить, что боролись два основных взгляда. Одни исследователи (значительное большинство) считали, что князь в Киевской Руси совещался в особом учреждении, которое затем у историков получило разное название: Ключевский и Владимирский-Буданов называли это учреждение боярской думой, а другие — княжеской думой. Состав этого учреждения менялся, причем и здесь при установлении этого состава были высказаны разные мнения: Ключевский считал, что в X в. в боярскую думу входили бояре, епископы и так называемые старцы градские — представители военно-торговой аристократии; с XI в. правительственный совет при князе Киевской Руси является однословным боярским. Владимирский-Буданов несколько иначе представляет эволюцию княжеской думы: вначале в думе участвовали бояре — высшие служилые люди и старцы — земские бояре; в XI в., по слиянии служилых бояр с земскими, в составе думы находятся только бояре (в Новгороде — исключительно земские). Кроме этого постоянного состава думы, в ней участвовали (не всегда) высшие духовные сановники: епископы и игумены.

Другие исследователи, — из них прежде всего надо отметить Сергеевича и Преснякова, — отрицали существование в Киевской Руси особого учреждения — боярской и княжеской думы. Сергеевич¹ полагает, что под думой следует понимать «только акт думанья, действие советования князя с людьми, которым он доверяет». Князь не был обязан с кем-либо советоваться; он советуется во всех тех случаях, когда находит это нужным и желательным; во всех остальных он действует один».

Обращаясь к пересмотру вопроса о боярской думе, нам надлежит выяснить: 1) действительно ли существовало какое-либо совещательное учреждение в Киевском государстве, 2) каков был классовый состав советников князя.

¹ Русск. юрид. древности, т. II, стр. 336.

Обратимся к первому вопросу.

Здесь мы прежде всего должны констатировать, что тщательный анализ всех относящихся к данному вопросу свидетельств летописных и юридических памятников приводит нас к выводу, что подобного учреждения в Киевском государстве не было. Мало того, не существовало даже особого названия — «боярская дума», «княжеская дума». Исследователи, настаивавшие на существовании думы как учреждения, сами дали ему название и этого не скрывали. Ключевский,¹ например, говорит: «Боярская дума — термин ученый, не документальный: его не встречаем в древнерусских памятниках». «Наименование „боярская дума“ не встречается в древних памятниках и образовано искусственно на основании сходных терминов („бояре думающий“)\», — принужден был отметить Владимирский-Буданов.²

Уже этот один факт — отсутствие названия — является одним из сильнейших доводов, говорящих против существования предполагаемого учреждения. Ведь если бы дело шло о каком-либо кратком периоде истории, то можно было бы думать, что в памятниках совершенно случайно могло быть пропущено упоминание об этом учреждении. Но исследователи говорят о боярской думе как учреждении, существовавшем с самого момента возникновения Киевского государства, т. е. с IX по XII в. Несомненно, если бы боярская или княжеская дума действительно существовала как учреждение, то это название должно было применяться, и очень часто, в летописях и других памятниках. Ведь боярская дума, по признанию исследователей, является одним из важнейших государственных учреждений! А между тем нигде летопись не говорит об организации боярской думы, об изменении личного состава ее, о ее постановлениях. Не дошло до нас ни одного законодательного акта, который был бы сочтен результатом ее законодательной или законосовещательной деятельности. Везде летопись и другие памятники говорят только о совете бояр, о совете с боярами, о совете с дружиной, о совете дружины и т. д.

Сергеевич³ привел ряд соображений о том, что боярской думы как учреждения вообще не могло быть в Киевском государстве. Он отмечает малую способность древнего времени к созданию такого искусственного учреждения, как постоянный совет: «Это было не в духе и не в средствах X, XI, XII, XIII веков». «В первые века нашей истории народ призывал князя, ему лично вручал он власть и знал только его. Князю, конечно, были нужны помощники и советники в делах управления; но это было делом его личных удобств. Можно ли допустить, что при той неустойчивости государственной жизни, какую мы наблюдаем в

¹ Боярская дума, изд. 5-е, 1919, стр. 528.

² Обзор, стр. 44.

³ Указ. соч., стр. 336—338.

этой отдаленной древности, при частой смене князей и постоянном колебании состава окружающих их лиц, было возможно притти к мысли об учреждении постоянного совета? Полагаем, что это было и невозможно, а для князя и совершенно не нужно, ибо без всякой надобности стесняло бы его деятельность. Крайне неустойчивая почва государственной жизни была лишена необходимых условий для возникновения постоянного княжеского совета; цели же несложного управления того времени хорошо достигались и при наличии отдельных советников или „думцев“, недостатка в которых, конечно, не было».

Мы не можем принять эти рассуждения Сергеевича без оговорок и даже возражений, но в основном он прав: развитие феодальной власти не дошло еще до того уровня, когда нужно было бы создание какого-то особого органа, стоявшего над князем и его окружением. Но самый главный довод, который можно привести против исследователей, защищающих существование боярской думы как особого учреждения, — тот, что князь не нуждался в особой боярской думе потому, что, начиная с момента образования Киевского государства, у него был нормальный, постоянно действующий совет — его дружина. С этой дружиной, как мы говорили, князь был на войне и в совете. Как мы знаем, процесс разложения дружины стал в особенности сильно проявляться с середины XI в., но еще долго мы наблюдаем живучесть дружинных организационных форм. Совет с дружиной стал медленно заменяться советом с наиболее близкими и влиятельными вассалами и министерialами, и опять без создания какого-либо особого учреждения. Но и в XII в. памятники все еще говорят о совете с дружиной; следовательно, никаких изменений как в форме совещаний, так и в компетенции этих совещаний не произошло.

Князю, постоянно совещавшемуся с дружиной, никакого смысла не было создавать какую-то особую надстройку, какое-то особое учреждение, в которое все равно должна войти верхушка дружины. Да и не было других феодальных групп, которые могли бы противостоять дружинной организации и требовать создания учреждения, которое должно было учесть эти интересы. Когда появляются эти новые элементы, то они привлекаются к совещанию на ряду с дружиной.

Итак, нам следует присоединиться к тем исследователям, которые отрицают существование боярской думы как особого учреждения. Но было бы проявлением ученого формализма в самой худшей форме, если бы мы поставили точку над этим и не задумались над вопросом об организации княжеского совета, о княжеских советниках.

Здесь нам прежде всего надо рассмотреть взгляды на княжеских советников, высказанные в прежней историографии, именно — Ключевского и Владимирского-Буданова. Критика их взглядов на состав княжеских советников не может быть снята, если

даже мы и не согласимся с ними в вопросе о признании думы как учреждения.

Как было указано, членами боярской думы, на ряду с боярами и духовенством, Ключевский считает старцев — представителей военно-торговой аристократии. Ключевский не мог обосновать свое мнение о старцах на показаниях источников. Источники совершенно не дают ни прямых, ни косвенных указаний на этот счет. Чтобы в какой-либо степени обосновать свой взгляд на старцев, Ключевский дает обширный экскурс из истории древнерусских городов, который подвергся нашему разбору. Мы постарались выяснить, что города, о которых говорит Ключевский, были центрами феодального властвования. Они основывались князьями, а не военно-торговыми элементами. С другой стороны, когда мы говорили о возникновении класса феодалов, мы старались обосновать мнение о том, что старцы — это представители родо-племенной знати, выроставшие в местных крупных землевладельцев, а не представители военно-торговой знати. Неправильно и другое мнение Ключевского, будто бы духовенство перестало сзываться на княжеские совещания в XI в. На самом деле, можно привести множество примеров, когда духовенство играло крупную роль в качестве княжеских советников не только в XI, но и в XII в.

Само собой разумеется, что и все другие мнения о советниках князя в феодальный период, высказанные в прежней литературе, поскольку не ставился вопрос о феодальных отношениях в Киевской Руси, имеют один общий недостаток: они игнорируют классовый феодальный состав этих советников.

Как было указано, в дофеодальный период советниками князя были дружинники, родо-племенная знать и представители княжеской администрации — тысяцкие, сотские. Нами было указано, что уже в конце X в. начался процесс разложения дружины. Постепенно развивается боярский вассалитет. На ряду с дружинниками, оторвавшимися от княжеского дворца и осевшими на землю, вассалами князя делаются местные крупные землевладельцы. В обязанность вассалов кроме военной службы входило участие в княжеском совете. Установление новых, вассальных принципов службы совершалось под старой оболочкой дружинных отношений. В виду этого летописи продолжают говорить о совете князя с дружиной даже и тогда, когда процесс разложения дружинных отношений в достаточной степени определился.

При Ярославичах и в особенности в XII в. процесс разложения дружины не только закончился, но вместе с тем боярство, осев на земле и объединившись с местными недружинными феодальными группами, делается местным — киевским, черниговским, галицким и т. д. Постепенно все большее значение приобретает министериялитет, причем его верхушка смыкается с боярством. Но и боярство занимает главные должности — например,

воеводство. Все это должно так или иначе сказаться и на составе княжеского совета. Несомненно, начинают играть большую роль княжеские министерялы. Нам думается, что под «советом уных» князя Всеволода надо понимать именно совет с княжескими тиунами. Чем дальше, тем больше летопись говорит о князьях, поддающихся советам «несмысленных» или советам определенной группировки. Все это свидетельствует о местной ограниченности княжеского окружения, о слабой связи с основной феодальной массой, даже о некотором противополжении княжеского окружения этой массе. Наиболее яркий пример такого противополжения летопись отмечает в рассказе о событиях 1068 г. Когда князя Изяслав и Всеволод прибежали после поражения их войск в Киев, то «люды Киевстии прибегоша Киеву, и створиша вече на торговищи, и реша, пославшеся ко князю: „се Половци росулися по земли; дай, княже, оружие и кони, и еще бьемся с ними“». Когда Изяслав не соглашался с ними, то часть их пришла на княжий двор. «Изяславу же сидящу на сенех с дружиною своею, начаша претися с князем».

Чтобы преодолеть эту местную ограниченность и интересы отдельных группировок, наиболее выдающиеся князья, например Владимир Мономах, принуждены были или созывать для решения наиболее важных вопросов расширенные совещания дружины с местными феодальными элементами — вече, или приглашать представителей феодальных групп других земель-княжений (так сделал Владимир Мономах для обсуждения устава о резах), или даже созывать феодальные съезды.

Нужно, однако, отметить, что вопрос о советниках князя в XII в. не может быть поставлен или разрешен без учета местных особенностей классовой структуры и политической организации земли-княжения. И мы уже отмечали, что здесь намечается три типа отношений князя к советникам — феодалам и министерялам. В Галиции князь должен был считаться с самостоятельной политической силой местной феодальной знати. Если ему удавалось преодолевать эту силу, то он опирался не только на свою дружину, но также и на другие местные феодальные группы — вероятно, на мелкий вассалитет и купечество. В Новгороде боярский совет постепенно складывается в замкнутое учреждение — совет господ, которому князь должен был подчиняться. В Суздальской земле князь после борьбы преодолел местное боярство, сосредоточившееся в Ростове и Суздале, и его советниками сделались его дружинники, бояре и дворяне.

Но в большинстве земель-княжений идет процесс образования при княжеском дворе определенной группы феодалов — боярства и министерялитета, составляющей окружение князя. Эта группа, решавшая наиболее важные вопросы в земле-княжении, по своему организационному типу близка к так называемой феодальной курии западноевропейского средневековья.

IV. Вопрос о вече

Наш общий взгляд на политический строй Киевской Руси XI—XII вв. как феодальной монархии, наша критика понятия городской волости, вытекающая из представления о городе как (прежде всего) центре феодального властвования, наконец наше общее представление о власти князя как власти феодальной — все это упирается в вопрос о вече в феодальный период.

В домарксистской историографии утвердился взгляд на вече как на постоянный и необходимый орган государственной власти. Оно представляло собой собрание жителей главного города земли.

Общепризнано, что вече было постоянным и необходимым органом земли. Однако как в трактовке эволюции веча, так и в вопросе о социальных силах, на которые оно опиралось, было много разногласий. Но в основном боролись три основных взгляда — Сергеевича, Ключевского и Владимирского-Буданова.

Сергеевич¹ считает вече повсеместным и изначальным органом власти, и притом того же типа, как оно сложилось в XI—XII вв. Главной опорой вечевой силы он считает народ: «Пока весь народ был вооружен, пока войско не специализировалось и не поступило в заведывание князя, не могла образоваться абсолютная власть; народ составлял главную силу князей, которые поэтому необходимо должны были вступать с ним в соглашение».

Следовательно, Сергеевич не признает никаких изменений ни в организации веча, ни в его значении, и притом ни во времени, ни в пространстве.

Ключевский² отмечает отсутствие всяких указаний на вечевую деятельность до XI в. Вече, по его мнению, появилось во время упадка авторитета князей, вследствие усобиц, когда из-за них стало подниматься значение главных областных городов: «Политической силой в этих городах явилась вместо исчезнувшей правительственной знати — вся городская масса, собиравшаяся на вече». Таким образом, всенародное вече главных городов было «преемником древней городской торгово-промышленной аристократии».

Из предыдущего нам ясна социальная сила, на которую опиралось вече, по Ключевскому, — это масса торговцев и ремесленников областных городов.

Владимирский-Буданов,³ так же как и Сергеевич, приписывает вече доисторическое происхождение. Доисторическим предком вечевых собраний были племенные сходки, которые, быть может, и назывались у славян вечами. В IX—X вв. вече находится в состоянии перехода от племенного собрания к городскому. Эту форму он представляет следующим образом: «Для решения дел сходятся в старший город лучшие люди всей земли и обсуждают

¹ Лекции, стр. 134.

² Курс, I, стр. 229.

³ Обзор, стр. 51—54.

земские вопросы в присутствии граждан этого города. Основными деятелями в этих совещаниях выступают старцы — лучшие люди, люди высшие по родовому старшинству, по власти в своем обществе и, наконец, по высшей экономической состоятельности». «Третья эпоха вечевых собраний есть эпоха полного выделения этой формы власти в самостоятельную и полного развития ее прав. Она совпадает с временем окончательного установления власти старших городов». Владимирский-Буданов, конечно, не останавливается на вопросе, какая социальная сила была опорой веча в этот период. Можно догадываться, что на этот вопрос Владимирский-Буданов ответил бы так же, как и Сергеевич: «народ», т. е. и землевладельцы, и торговцы, и ремесленники.

Итак, и в эволюции веча, и в социальной силе, на которую оно опиралось, и в политическом значении веча, как и следовало ожидать, в домарксистской историографии наблюдались неприимые противоречия.

Не преодолел сложившихся взглядов на вече и М. Н. Покровский. Как было указано, он полностью и безоговорочно следует в решении вопроса о вече Сергеевичу. Он цитирует наиболее яркие места из работы Сергеевича, в частности то, где им отмечается повсеместное и изначальное существование веча. Он указывает, что «древнерусские республики начали аристократией происхождения, а кончили аристократией капитала. Но и в промежутке они прошли стадию, которую можно назвать демократической: в Киеве она падает как раз на первую половину XII в. В этот период хозяином русских городов является действительно народ».

Нам думается, чтобы распутать клубок противоречий в вопросе о вече, где играют еще большую роль славянофильские и народнические отрывки, надо перейти к пересмотру основных вопросов о вече XI—XII вв., а именно о социальной сущности вечевых собраний, о вече как постоянном органе политической власти и о политическом значении веча.

§ 1. О социальной сущности вечевых собраний. Обратимся к вопросу о социальной сущности вечевых собраний XI—XII вв., оставив пока крайне сложный вопрос о вече как органе власти. Для решения этого вопроса мы будем привлекать только те данные, которые действительно говорят о вечах, о вечевых собраниях.

Как мы видели, вече, ведущее свое происхождение от племенных сходок, продолжало существовать и в Киевском государстве в дофеодальный период. По мере развития феодализма, вечевые собрания продолжали созываться. Созываются они в основных административных центрах — Киеве, Чернигове, Новгороде и т. д. Поскольку города все более и более превращаются в центры феодального властвования, — всякого рода совещания, которые могли претендовать на какое-либо значение, конечно, должны

быть совещаниями основных феодальных групп или групп, так или иначе связанных с феодалами — возможно, крупными торговцами и одновременно землевладельцами, торговцами — посредниками в торговле предметами дани. Но, повторяю, ни в одном совещании, которое могло бы претендовать на какое-либо политическое значение, основной силой не могла быть демократическая масса города — мелкие торговцы, ремесленники, наймиты и разного рода плебейские элементы. Если бы подобного рода совещания были и если бы этим элементам и удалось навязать свою волю феодальной верхушке, то она нашла бы силу эти решения аннулировать. Мнение Ключевского о том, что основной силой веча является демократическая масса городских торговцев и ремесленников, конечно, должно отпасть, как отпали все его взгляды на социальную сущность древнейшей Руси. Если Сергеевич такой силой считает народ, т. е. всю массу городского населения, то это, в конечном счете, та же масса городских торговцев и ремесленников. Но обратимся к текстам и проверим, кто же был руководящей силой при вечевых собраниях, хотя они по внешности были собраниями широко демократическими.

Возьмем те вечевые собрания, которые созывались не во время военных действий в осажденном городе. В частности, возьмем совещание киевлян в 1113 г. во время так называемого киевского восстания. Оно не было названо летописью вечем, но могло быть им. Во всяком случае все исследователи называют его вечем. Казалось бы, что это совещание должно было быть действительно демократическим. Но факты говорят иное.

«Наутрия же, в семы на десятый день совет створиша Кияне, послаша к Володимеру, глаголюще: „поиди, княже, на стол отен и деден“. Не слышав Володимер, плакая велми и не поиде, жаля си по брате. Кияне же разграбиша двор Путятин, тысяцьско-го, идоша на жиды и разграбиша я. И послашася паки Кияне к Володимеру, глаголюще: „поиди, княже, Киеву; аще ли не поидеши, то веси, яко много зла уздвигнется, то ти не Путятин двор, ни соцьских, но и жиды грабити, и паки ти поидуть на ятровь твою, и на бояры, и на монастыри, и будеши ответ имел, княже, оже ти монастыре разграбят“. Се же слышав Володимер, поиде в Киев» (Лавр.).

Даже поверхностный анализ позволяет нам установить, что совещание устроила не широкая масса (масса грабила двор Путятин, тысяцкого и занималась погромами), а верхушка феодального общества, напуганная восстанием городских масс.

Возьмем другое вечевое собрание — у Туровой божницы в 1139 г. Это собрание состояло из «Киян». Но кто они были, летописью очень хорошо выявлено. Вечники были на конях и, конечно, вооружены. Следовательно, это не мелкие торговцы и ремесленники, а основная киевская феодальная группа, тесно связанная с Мономаховичами, — в душе оставшаяся вассалами Моно-

махова дѣла, что доказано было последовавшими событиями — изгнанием Игоря и приглашением Изяслава.

Очень характерны вечевые собрания в Киеве в 1147 г., хотя летопись и не называет их вечем, когда князь Изяслав двоекратно сам созывал бояр, дружину и «Киян всех». А на одном собрании фигурировал и митрополит. Но также ясно, что руководила этим собранием феодальная верхушка.

Возьмем вечевое собрание в Полоцке в 1159 г.: «В том же лете совет зол совещаща на князя своего полочане, на Ростиславича, на Глебовича и тако преступиша хрестное целование и послаша в тайне к Рогволоду Борисовичю Дрютскому».

Опять несомненно, что это — дело не широких городских масс, а феодальной группировки, связанной с князем Рогволодом. Если мы возьмем и другие совещания жителей городов, о которых говорят нам данные летописей, мы везде можем прощупать их классовую феодальную сущность.

Нам думается, что в полном согласии с общими нашими взглядами на сущность власти в Киевской Руси мы можем установить, что основной социальной силой, на которую опиралось вече, были феодальные городские группы, а не широкая городская демократия торговцев и ремесленников.

§ 2. О вече как постоянном органе государственной власти. Мы уже говорили, что в домарксистской историографии господствующим был взгляд о том, что вече является постоянным органом государственной власти. Чтобы признать то или иное совещание постоянным органом власти, необходимо, конечно, прежде всего доказать некоторую непрерывность, если не периодичность, его действий, с закрепленной обычаем или законом компетенций.

В домарксистской литературе было много разногласий по разным частным вопросам истории веча, например о составе веча, о законных и незаконных вечах и т. д., но почти никто не сомневался в повсеместном существовании веча как постоянного органа государственной власти с определенными функциями.

Одним из исследователей, обосновавших указанные взгляды изначальности и повсеместности веча как органа государственной власти, был Сергеевич, основная работа которого «Вече и князь» навсегда обеспечила ему признание выдающегося историка русского права. Его работа о вече по внешнему виду представляет тщательное кропотливое исследование всех дошедших до нас известий о вече и сразу была признана настолько исчерпывающей, что с момента ее появления никто из более или менее крупных исследователей не брался за пересмотр вопроса о вече. И в марксистской историографии (напр., М. Н. Покровский) были убеждены в правильности выводов Сергеевича о вече.

Однако ближайшее рассмотрение всех данных, приводимых Сергеевичем, привело нас к убеждению, что ему удалось необыкновенно блестяще ввести историков в заблуждение. Оказалось,

что исследование Сергеевича о вече является исключительным примером того, как можно с полнейшей внешней убедительностью, при помощи умело подобранных цитат, путем незаметного переключения на другие вопросы, обосновать на негодном материале взгляды, которые были всеми приняты без всяких возражений.

К каким же приемам прибегает Сергеевич?

Приемы эти разные. Прежде всего он считает доказанным существование веча, когда в летописи говорится о тех или иных действиях жителей городов — как главных (киевлян, новгородцев, владимирцев, рязанцев, черниговцев), так и пригородов (дрючан, пролян, берестьян и т. д.). Даже больше: он считает доказанными факты созыва веча, когда в летописи говорится о действиях племен (полян, древлян и пр.). Какие мотивы Сергеевич приводит в доказательство правильности своего приема? Решительно никаких. Это признается им аксиомой, не требующей никаких доказательств, и в этом ему удалось убедить не одно поколение русских историков. По крайней мере никто не пытался высказать сомнение в правильности отождествления действий киевлян, новгородцев, черниговцев с действиями веча — киевского, новгородского, черниговского и т. д.

Разумеется, вполне возможно, что те или иные земли начинали действовать, предварительно посоветовавшись и, может быть, действительно созвав вече (как это и было в Новгороде), но считать, что действия киевлян, черниговцев и т. д. обязательно предполагают созыв веча и принятие на нем решения, — совершенно неосновательно. Нет никакого сомнения, что под киевлянами, черниговцами и т. д., как было только что обосновано, следует понимать киевские, новгородские и т. д. власти, правящие феодальные верхушки. Летописец потому говорит о киевлянах, черниговцах и пр., что отдельные русские земли и феодальные государства не получили особого названия, подобно феодальным государствам западноевропейского средневековья (Нормандия, Прованс, Лотарингия). Тем более Сергеевич считает доказанным факт созыва веча, когда летопись говорит о думе киевлян, черниговцев (напр., «Кияне удумаша...»). Но нужно показать, что жители главных городов «удумали» на вече (ведь правящая верхушка могла «удумать» на небольшом совещании), но этого Сергеевич не делает.

Наконец, когда нет никаких оснований говорить о вече как собрании жителей главного города, Сергеевич подменивает вопрос о вече вопросом «об участии народа в общественных делах». Но что надо понимать под «народом», Сергеевич не выясняет. Эта подмена вопроса нужна ему для усиления доказательств существования веча: если доказывается участие народа в общественных делах, то, следовательно, легче доказать существование и веча — народного органа. Итак, Сергеевич считает доказанным существование веча — собрания полноправных граждан главного города — как постоянно действующего органа государственной власти в тех

случаях, когда летопись говорит: 1) о действиях жителей той или иной земли — киевлян, новгородцев и т. д., 2) о совещаниях этих жителей, 3) о совещаниях отдельной группы жителей главного города, 4) не о жителях, а о правящей верхушке, 5) о совещаниях, созданных по какому-нибудь особо важному вопросу при исключительных обстоятельствах, 6) «об участии народа в общественных делах».

Когда Сергеевич находит в летописи одно или два известия о созыве веча, т. е. совещания при исключительных обстоятельствах, то он уже считает доказанным в данной земле существование веча. Он понимает термин «вече» только в историко-юридическом смысле, забывая, что вече может означать просто массовое собрание, созданное для обсуждения какого-либо вопроса.

Переходим теперь уже к подробному рассмотрению приводимых Сергеевичем доказательств повсеместного и изначального существования веча. Поскольку исследование Сергеевича весьма кропотливое и тщательное, то и критика его взглядов должна быть такой же.

В доказательство своего мнения о том, что вече собираются во всех областях, что они составляют думу волости и что решения, принятые на вече главными, представителями волости — старшими городами, по общему правилу принимаются к исполнению и пригородами, Сергеевич приводит следующее общее свидетельство летописи:

«Новгородци бо изначала и смолняне, и кыяне, и полочане и вся власти, якоже на думу на веча сходятся; на что же старейшии сдумают, на томь же пригороди стануть» (Лавр. и Сузд., 1176).

«Таково свидетельство современника, — говорит Сергеевич. — Нет ни малейшего основания заподозрить его правдивость. Оно для нас особенно важно по общности своего характера». Вслед за Сергеевичем это свидетельство цитировалось и другими историками, прочно вошло в учебники, причем никто не дал себе труда более или менее внимательно его проанализировать, никто не пытался вдуматься в его смысл и тем более высказать сомнение в правильности того толкования, какое ему дает Сергеевич, и, наконец, определить значение этого свидетельства для вопроса о существовании веча в древнейшей Руси.

Но это известие можно и, на наш взгляд, нужно понимать иначе. Обычно эту цитату читают, не задаваясь вопросом, по какому поводу летописец говорит о вече. После того как владимирцам, т. е. владимирской феодальной группировке, удалось победить ростовцев, т. е. другую феодальную группировку, владимирский летописец раздражается рядом сентенций и lamentаций по поводу этой победы, приписывая ее помощи божественной силы. Вслед за этим он и приводит эту фразу, но вовсе не в доказательство изначального и повсеместного существования веча, а в доказательство зависимости пригородов от главного города.

Эта фраза, равно как и все предыдущие разглагольствования летописи, есть не что иное, как риторика, набор риторических слов. Конечно, и риторические восклицания наших летописей могут и должны быть использованы; они все-таки отражают сложившиеся отношения, но все же риторика — зеркало кривое. Уже это обязывает нас отнестись к этой фразе с еще большей внимательностью, нежели к другим местам летописи.

Далее обращает на себя внимание какая-то странная конструкция всей этой фразы: «якоже на думу на веча сходятся». Почему-то говорится не только о вече, но и о думе.

Но пусть даже будет признано, что это указание летописца — обычное «деловое» сообщение, а не реляция о победе. Но так или иначе эту фразу нельзя понимать так, как ее обычно понимают. Мы как будто достаточно говорили о том, что под новгородцами, киевлянами, смолянами надо понимать не широкую демократическую массу, а руководящую феодальную группировку, правящую верхушку как города, так (поскольку этот город является политическим центром) и всей земли. Как было указано, эта правящая верхушка во главе с князем могла по тем или иным причинам опереться на более широкую массу, в частности на все феодальные элементы города (бояр, дворян и других княжеских слуг), на наиболее крупное купечество, но совершенно нельзя отождествлять действия новгородцев, киевлян и т. д. с действиями всех жителей города.

И летописец сам говорит, что речь идет именно об этой правящей верхушке, но только исследователи не пожелали понимать его в этом направлении. В тексте точно определяется, кого он понимает под киевлянами, новгородцами и т. д. Он прямо, несмотря на свою риторику, говорит: «вся власти». Мною уже было указано, что слово «власть» крайне редко применяется в понятии территории, а особенно в чтении «власть», а не «волость». Если бы в тексте было сказано: «Киев, Новгород и вся власти», то еще можно толковать, да и то с натяжкой, что здесь имеется в виду территория земли. Термин «волость» в это время все более и более закрепляется за отдельными административными единицами.

А отсюда указанное место нужно понимать следующим образом: изначально власти Новгорода, Смоленска, Киева, Полоцка и власти всех других городов собираются на думу, на совещания (веча): на чем порешат власти старших городов, то должны выполнять пригороды.

Именно это хотел сказать летописец в своей реляции. Это было основной его мыслью. Это и отвечает классовой расстановке сил в XII в., отвечает представлению о городе XI—XII вв. как о феодальном центре.

После рассмотрения общего свидетельства летописи о повсеместном и изначальном существовании веча во всей Русской земле Сергеевич переходит к свидетельствам летописи о существовании

вечевых собраний в отдельных княжениях, начав с Владимиро-Волынской земли. Он приводит три свидетельства летописи, но первое относится не к Владимиру-Волынскому, а к Киеву (совещание князя Святополка-Михаила с боярами и князьями — Лавр. 1097). Обратимся к рассмотрению этих двух свидетельств.

1. Василько и брат его, Володарь Перемышльский, решили захватить во что бы то ни стало князя Давыда, для чего они подступили к Владимиру, где тот заперся. Прежде чем приступить к осаде города, они обратились к владимирцам с предложением выдать им Турыка, Лазаря и Василя, которые настаивали на ослеплении Василька.

«Граждане же, се слышав, созваша вече, и реша Давыдови людье: „выдай мужи сия, не бьем ся за сих, а за тя битися можем; аще ли, то отворим врата граду, а сам промышляй о себе“. И неволя бысть выдати я. И рече Давыд: „нету их зде, бе бо я послал Лучьску“; онем же пошедшим Лучьску, Турык бежа Киеву, а Лазарь и Василь воротистася Турийску». И слышаша людье, яко Турийске суть, кликнуша людье на Давыда и рекоша: «выдай кого ти хотят: аще ли, то предаемыся» (Лавр. 1097).

Князь Давыд был принужден выдать Василя и Лазаря, которые и были расстреляны Васильковичами.

Летопись здесь говорит, действительно, о вече. Можно с полной уверенностью полагать, что все жители осажденного города (или значительная часть) собрались для обсуждения поставленного Володарем и Васильком вопроса. Но можно ли считать, что это вече было постоянным органом государственной власти, основываясь на этом свидетельстве? Это сходка, митинг жителей, которым угрожала гибель из-за княжеских усобиц. Это чрезвычайное собрание граждан, созванное по чрезвычайному поводу.

2. Второе свидетельство летописи о вече во Владимире-Волынском относится ко времени осады Владимира князем Давыдом. При первом приступе был убит князь Мстислав, оставленный в осажденном городе своим отцом, князем Святополком. Таким образом, осажденный город остался без предводителя. Воины целых три дня скрывали от граждан смерть князя Мстислава.

«И в четвертый день поведаша на вечи. И реша людье: „се князь убиен; да еще ся вдамы, Святополк погубить ны вся“. И послаша к Святополку, глаголя: „се сын твой убиен, а мы изнемогаем голодом, да еще не придеши, хотят ся людье предати, не могуще глада терпети“» (Лавр., 1097).

И опять нет никаких оснований оспаривать, что мы имеем здесь дело с вечем — сходкой всех граждан. Но, как и в первом случае, это вече собралось при исключительных обстоятельствах, еще более исключительных, чем когда город осаждался Володарем и Васильком. Был убит глава города, командующий войском. Могла начаться анархия. Сдать город Давыду означало быть разграб-

ленными его войсками, а затем подвергнуться вторичному наказанию князя Святополка. Вполне естественно было со стороны воинов обратиться к горожанам.

Других свидетельств существования веча во Владимире-Волынском Сергеевич не приводит. Да и нет других свидетельств. Можно ли из двух фактов созыва веча при исключительных обстоятельствах, когда жителям грозила гибель и, во всяком случае, ограбление, и притом созыва веча в одном и том же году (1097), считать доказанным изначальное существование постоянного органа государственной власти, который решает все наиболее важные вопросы государственного управления — законодательствует, судит и т. д.? Нам думается, что нет.

Переходим теперь к рассмотрению приводимых Сергеевичем свидетельств летописи о существовании веча в Киеве. Он приводит их шесть.

1. В 1097 г. князья Владимир Мономах, Давыд и Олег Святославичи пришли наказать Святополка, замешанного в деле ослепления Василька.

«Святополк же хоте побегнути из Киева. Не даша ему Кыяне, но послаша Всеволожую и митрополита Николу к Володимеру, глаголюще: „молимся, княже, тебе и братома твоима, не мозете погубити Руськие земли; аще бо възмете рать межю собою, погании имуть радоватися и възмуть землю нашу, иже беши стяжали отци ваши и деди ваши, трудом великим и храбрѣством побороюще по Руськей земли, ины земли приискиваху; а вы хочете погубити землю Руськую» (Лавр., 1097).

Но в этом свидетельстве совершенно ничего не говорится о вече; более того, нет упоминания о каком-либо ином собрании или совещании. Под киянами, несомненно, надо понимать не все киевское население, но руководящую верхушку, которая могла пострадать в результате борьбы княжеской коалиции со Святополком. Эта руководящая верхушка была связана с княжеским домом (предложение послать к князьям вдову кн. Всеволода) и церковью (предложение послать митрополита).

2. Вторым свидетельством существования веча Сергеевич считает сообщение летописи о событиях 1113 г. Мы уже подвергли рассмотрению это летописное свидетельство; мы признаем, что было создано вече, но вече из феодальной верхушки Киева.

3. Третьим свидетельством существования веча является рассказ летописи о смерти князя Всеволода в 1146 г. и последовавших за этой смертью событиях. Приводим этот рассказ в выдержках:

«Всеволод же, пришед в Киев, разболися; и посла по брата своего по Игоря и по Святослава... И Всеволод призва кияне и нача молвити: „аз есмь велми болен, а се вы, брат мой, Игорь, иметесь по нь”. Они же рекоша: „княже! ради ся имем”. И поаша Игоря в Киев; иде с ними под Угорьский и созва Кияне вси. Они же вси целоваша к нему хрест, рекуче: „ты нам князь”, и

• яша ся по нь лъстью. Заутрии же день еха Игорь Вышегороду и целоваша к нему хрест вышегородьде...

Игорь же еха Киеву и созва Кияне вси на гору, на Ярославль двор и целовавше к нему хрест. И паки скопишася вси Кияне у Туровы божьнице и послаша по Игоря рекуче: „княже! поеди к нам”. Игорь же, поем брата своего, Святослава, посла, к ним у вече. И почаша Кияне складывати вино на тиуна на Всеволожа, на Ратшю, и на другаго тивуна вышегородьского, на Тудора, рекуче: „Ратша ны погуби Киев, а Тудор — Вышегород, а ныне, княже Святославе, целуй нам хрест и за братом своим: аще кому нас будеть обида, да ты прави”. Святослав же рече им: „аз целую хрест за братом своим, яко не будеть вы насилья ни которого же, а се вам и тивун, а по вашей воли”. Святослав же съсед с коня и на том целова хрест к ним у вечи. Кияне же вси, съседше с конь, начаша молвити: „брат твой князь и ты”, и на том целоваше вси кияне хрест и с детми, оже под Игорем не лъстати и под Святославом» (Ипат., 1146).

Сергеевич, основываясь на этом известии, считает, что было созвано четыре вече. Но мы можем говорить только об одном, а именно о собравшемся у Туровой божницы.

Нельзя назвать вечем приглашение умирающим Всеволодом киевлян для выслушания посмертного распоряжения (передача княжения Игорю); нельзя назвать вечем собрание под Угорьском, так как это был обряд присяги («они же вси целоваша к нему хрест»); нельзя также назвать вечем собрание в Вышгороде, так как и здесь совершался обряд присяги («и целоваша к нему хрест вышегородьде»); наконец, не можем назвать вечем и созванное Игорем собрание всех киевлян на Ярославль двор, так как здесь также совершался обряд присяги («целоваши к нему хрест»). Такое многократное принесение присяги было очевидно обусловлено ненадежным настроением киевлян, которые тяготились утвердившейся над ними властью Ольговичей. Дальнейшие события доказали это. Вслед за последней присягой киевляне вторично собрались, уже самостоятельно, без князя, у Туровой божницы. И это собрание, действительно, было многочисленным («вси Кияне») и, следовательно, с внешней стороны соответствовало новгородскому вечу. Летописец его и называет вечем. И нам нет никаких оснований оспаривать этот факт. Но мы не можем не подчеркнуть, что это вече было собранием недовольных масс, организованным без ведома князя. Собравшиеся были на конях, т. е. в военно-походной форме; князь Игорь знал, что это не мирное собрание, и потому послал своего брата, а сам встал со своей дружиной и ожидал результатов переговоров.

4. Четвертым свидетельством летописи о существовании вече в Киеве является рассказ летописи об изгнании князя Игоря и приглашении князя Изяслава.

«И не угоден бысть Кияном Игорь и послашася к Переяславу к Изяславу, рекуче: „пойде, княже, к нам, хощем тебе”. Изя-

202

слав же, се слышав, совокупи воя своя, поиде на нь ис Переяславля, взем молитву у святого Михаила, у епископа у Ефимья... И поиде Изяслав к Дерновому и ту... прислашась к нему белого-родьчи и василевцы такоже рекуче: „поиди, ты нашъ князь, Ольговичъ не хотимъ”. Том месте приехаша от Киян мужи, нарекучи: „ты нашъ князь, поеди, Ольговичъ не хотимъ быти, акы в задничи, кде узрим стяг твой, ту и мы с тобою готови есмь”» (Ипат., 1146).

Но в этом рассказе летописи нет даже и намека на созыв веча в Киеве: здесь говорится об организации тайного заговора против Игоря.

Приводя доказательства в пользу существования веча в Киеве, Сергеевич попутно говорит и о Путивле. Он приводит рассказ летописи об осаде Путивля союзниками князя Изяслава князьями Изяславом и Владимиром Давыдовичем: «И тако приступиша к граду. И не вдашеся им Путивлечи, дондеже приде Изяслав с силоу Киевскою. Онем же крепко бьющимся с града, поехаста Давыдовича и рекоста им: и не бейтеся, целуимы на том святою богородицею, оже не дати вас на полон”. Они же не вдашась им. И приде Изяслав Мьстиславич... поклонишася ему и тако рекоша: „тебе есмы ждали, княже, а целуй к нам хрест”. Изяслав же целова к ним хрест и посадника их выведе, а своего у него посади» (Ипат., 1146).

В этом рассказе не говорится о созыве веча. Нет никакого сомнения, что организация обороны, а также ведение переговоров с Изяславом — дело правящей верхушки, группы путивльских феодалов.

5. Затем Сергеевич приводит свидетельство о двух действительно всенародных совещаниях. Это рассказ летописи о совещаниях, созванных князем Изяславом: первое было им созвано для решения вопроса о войне с князем Юрием Долгоруким, — на это совещание были приглашены бояре, дружина и «Кияне» (Ипат., 1147); второе было созвано им после обнаружившейся измены черниговских князей.

«Изяслав же перед собою посла к брату к Киеву, к Владимиру, и к Лазареву тысячскому два мужа, Добрынку и Радила, рек: „брате, еди к митрополиту и созови Кыяны вся, ать молвита си мужа леств черниговских князий”. И еха Володимер к митрополиту, повабя Кыяны. И придоша Кыяны много множество народа и седоша у святое Софьи».

Летопись не называет эти совещания вечем, но, несомненно, это был редкий пример вечевой деятельности, в котором принимала участие не только правящая верхушка и не та или иная партия, а широкие массы киевлян.

Но эти два случая созыва совещания широких масс населения произошли в наиболее острый период борьбы Изяслава с Юрием, когда угрожала опасность Изяславу. Это были веча, созванные по чрезвычайным обстоятельствам.

6. Следующим свидетельством Сергеевич считает рассказ летописи о том, как князь Изяслав, разбитый князем Юрием, обратился за помощью к киевлянам:

«„Се стрый наю пришел, а ве вам являеве; можете ли ся за наю бити?“ Они же рекоша: „господина наю князя, не погубита нас до конца! Се ныне отцы наши и братья наши и сынови наши на полку, одни изоймани, а дружини избьени, и оружие снято. А ныне ать не возмуть нас на полон, поедита в свои волости. А вы ведаета, оже нам с Гюргем не ужити! Аже по сих днех кде узрим стягы ваю, ту мы готовы ваю есмы“» (Ипат., 1149).

И в этом свидетельстве нет указания на вече. Едва ли вообще вопрос о помощи Изяславу обсуждался на каком-либо широком собрании. Едва ли кто-либо рискнул в тот момент, когда Юрий подходил к Киеву, сказать, что «с Гюргем не ужити». Очевидно, Изяслав на этот раз обратился не к широкой массе киевлян, как он это делал раньше, а к наиболее влиятельной группе киевских феодалов. Точно так же не свидетельствует о созыве вече известные летописи о приглашении Изяслава после отъезда Юрия. Киевляне говорили Изяславу:

«Гюрги вышел из Киева, а Вячьслав седить ти в Киеве; а мы его не хотим... Ты наш князь! поеди к святой Софьи, сяди на столе отца своего и деда своего» (Ипат., 1150).

Совершенно ясно, что никакой речи о созыве вече и быть не могло в тот момент, когда в Киеве сидел от князя Юрия князь Вячеслав. Очевидно, приглашение князю Изяславу занять Киев было сделано определенной группой, организовавшей заговор против Юрия.

Подводя итоги обзору свидетельств летописи о существовании в Киеве вече как постоянного органа государственной власти, мы должны констатировать, что имеется только три известия о созыве собрания (с привлечением широких масс киевского населения), которое вполне может быть по своей форме приравнено к вечу, созываемому в Новгороде. Первое вече было созвано враждебными князю Игорю элементами; другие два вече были созваны князем Изяславом при чрезвычайных обстоятельствах: ему была нужна не только поддержка боярства и дружины, всех феодальных групп, но и широких масс городского населения. Нам думается, что факт созыва вече при чрезвычайных обстоятельствах еще не доказывает существования в Киеве вече, постоянного органа государственной власти.

И в Москве мы наблюдаем созыв вече в некоторых исключительных случаях, но ни один исследователь не будет утверждать, что вече там было постоянным органом государственной власти. Обратимся к доказательствам существования вече в Полоцке. Сергеевич приводит три доказательства.

1. В 1127 г. киевский князь Мстислав нападает на полоцких кривичей. В конце концов «Полочане сътснувшиси выгнаша Давыда и с сынами и, поемше Роговолода, идоша к Мстиславу, просяше

и собе князем. И створи волю их Мстислав. И поимше Роговолода vedoша и Полотъску» (Лавр., 1127).

Но в этом известии не говорится ни о созыве вече, ни о созыве какого бы то ни было совещания. В нем говорится только о действиях полочан, но эти действия могли быть произведены и без всякого совещания на вече, и, с другой стороны, не полочанами вообще, а определенной группой полочан. Какой же? Несомненно, только правящей верхушкой.

2. Такой же бездоказательный характер имеет и другой рассказ летописи, приводимый Сергеевичем.

В 1151 г. «яша полочане Роговолода Борисовича, князя своего, и послаша Меньску и ту и держаша у велице нужи, а Глебовича себе уведоша. И послашася полотъчане к Святославу Ольговичу с любовью, яко имети отцом собе и ходити в послушаньи его; и на том целоваша хрест» (Ипат., 1151).

И опять ни слова о вече, а только о действиях полочан, т. е., несомненно, определенной группы полоцких феодалов, недовольных князем Роговолодом и избравших другого князя. Дальнейшее покажет, что мы имеем дело именно с борьбой феодальных группировок.

3. Третьим свидетельством Сергеевич считает рассказ о дальнейших перипетиях изгнанного Роговолода, используя его для доказательства существования вече и в Друцке. Так как рассказ этот приведен Сергеевичем без всякой нужды полностью, мы дадим его в выдержках, но так, чтобы сохранились все интересующие нас места.

Князь Роговолod, которому была оказана помощь со стороны князя Святослава, «приехав к Слуцъску, и нача слатися ко Дрючаном. Дрючане же ради быша ему, и приездяче к нему вабяхнутъ и к собе, рекуче: „поеди, княже, не стряпай, ради есме тебе: аче ны ся и с детьми бити за тя, а ради ся бьем за тя“. И выехаша противу ему более 300 лодий Дрючан и Полчан, и вниде в город с честью великою и ради быша ему людие; а Глеба Ростиславича выгнаша и двор его разграбиша горожане и дружину его. И приде же Глеб ко отцю. И мятежь бысть велик в городе, в Полчанех: мнози бо хотяху Роговолода. Одва же установи людие Ростислав...»

«Том же лете совет зол свещаша на князя своего полочане, на Ростислава на Глебовича, и тако преступиша хрестное целование... и послашася в тайне к Роговолоду Борисовичу Дрютъску... И бяху приятели Ростиславу от Полчан и известию а Ростислав, оже хотять и яти. И начаша Ростислава звати льстью у братьяшину..., да ту имуть и».

Когда попытка овладения им окончилась неудачей, то «наутрии же день начаша и вабити к собе, рекуче: „княже! поеди к нам, суть ны с тобою речи: поеди же к нам в город“, бяшетъ бо князь в то время на Белцици». Когда князь согласился поехать, то «погна из города детьский его противу ему: „не езд, княже, вече ти в городе, а дружину ти избивають, а тебе хотять яти“».

Ростислав в город не поехал. Тогда «послашася Полчане по Рогволода Дрьютьску и вниде Рогволод Полотьську місяца июля и седе на столе деда своего и отца своего с честью великою. И таки быша ради Полочане» (Ипат., 1159).

В этом рассказе есть целый ряд моментов, которые могли бы быть использованы Сергеевичем для доказательства существования веча как в Полоцке, так и в Дрюцке.

1. Сообщение летописи о том, что дрючане пригласили Рогволода и выгнали Глеба Ростиславовича. Но в летописи нет указания на совещание дрючан на вече и не могло быть этого совещания. Иначе Глеб знал бы об измене дрючан и принял бы меры, в частности не допустил бы поездки дрючан с частью полочан к Рогволоду. Из текста летописи совершенно ясно, что мы имеем дело просто с заговором некоторой части дрючан, очевидно подкупленных Роговолодом, а не с решением всенародного веча.

2. Сообщение летописи о том, что полочане «совет зол свещаша на князя своего». Как будто можно было бы предполагать созыв веча: но внимательный анализ летописного рассказа опять указывает, что этот «совет зол» не является решением созванного веча, а таким же заговором, как и в Дрюцке. Летопись вначале говорит, что «мятежь бысть велик в городе, в полчанех, мнози бо хотяху Рогволода». Следовательно, не весь Полоцк, а часть полочан была против Роговолода. С другой стороны, сообщение летописи, что о решении пригласить Роговолода Ростислав узнал от приятелей — полочан, доказывает, что здесь, действительно, был заговор, а не решение веча. Неужели Ростислав нуждался бы в этом извещении, если бы было созвано вече?

3. Наиболее важным доказательством для Сергеевича является указание летописи о том, что в отсутствие Ростислава, действительно, собралось вече, которое было направлено против него. Несомненно, что на вече была привлечена вся масса городского населения. Но считать это вече постоянным органом государственной власти, нормально собравшимся, значит насиловать факты. Это вече было сходкой, созванной для воодушевления заговорщиков и для агитации среди еще не примкнувших к заговору.

Пусть будет так, пусть это будет настоящее вече. Но можно ли единственный случай созыва веча считать доказательством вообще существования веча в полоцкой земле в течение всего рассматриваемого периода с IX по XIII в.?

Не посчастливилось Сергеевичу и в отношении Чернигова. Он смог привести только одно свидетельство о существовании веча в Чернигове.

Князь Всеволод Ольгович, заручившись поддержкой половцев, решил отобрать княжение от Ярополка киевского. Но Ярополк, чтобы предупредить нападение, сам поспешил к Чернигову во главе многочисленного войска. Тогда, рассказывает летописец, «людье, черниговцы, возпиша ко Всеволоду: „Ты надеешься бежати в Половце, а волость свою погубиши, то к чему ся опять воротишь?

Луче того, останися високоумья своего и проси мира. Мы бо вемы милосердые Ярополче, яко не радуется кроволитью, но бога ради. восхощешь мира, то бо соблюдаеть землю Русскую» (Лавр., 1138).

Всеволод последовал совету черниговцев и «испроси мира».

В приведенной выдержке нет указания на созыв веча. Конечно, совет князю давала правящая верхушка; допустим, что под «людьми — черниговцами» следует понимать более широкую группу населения, но этот совет мог быть дан и в результате более узких совещаний, а не обязательно на вече. И опять, можно ли на основании только одного весьма сомнительного места считать доказанным существование в Чернигове веча как постоянного органа государственной власти?

Такое же совершенно бездоказательное свидетельство существования веча Сергеевич приводит и в отношении Курска. В 1147 г. князь Юрий послал сына Глеба против Курска, где сидел сын Изяслава Мстислав. «Мстислав же, — рассказывает летописец, — слышав, оже идеть Гюргевичь с Святославом Олговичем на нь к Курску, и поведа куряном. И куряне рекоша Мьстиславу: „оже се Олговичь, ради ся за тя бьем и с детьми; а на Володимире племия, на Гюргевича, не можем руки подъяти“. Мстислав же, то слышав, поеде к отцю своему. Куряне же послаша к Гюргевичю и пояша у него посадник к себе» (Ипат., 1147).

Здесь уже совершенно ясно, что под курянами следует понимать группу курских феодалов. В их нежелании биться против «Гюргевича» — владиминова племени совершенно ясно чувствуются отголоски вассальной верности. Разумеется, никаких данных о созыве всенародного веча и здесь нет.

Переходим теперь к рассмотрению свидетельств, приводимых Сергеевичем в доказательство существования веча в Ростово-Суздальской области.

Большинство этих свидетельств относится ко времени борьбы так называемых старших и младших городов. В другом месте я постараюсь доказать, что это борьба двух феодальных группировок — старой боярской знати и новой, возникшей с момента прихода в Суздальщину великих князей. Центром первой были Ростов — Суздаль, центром второй — Владимир — Переяславль.

Но пока будем при анализе свидетельств летописи исходить из той схемы, которая разделялась Сергеевичем. Число приводимых свидетельств существования веча в Ростовско-Суздальской земле гораздо больше — их девять.

1. Первое свидетельство — это рассказ летописи об избрании князем Андрея Юрьевича в 1158 г.

«Том же лете, — говорит летописец, — сдумавши Ростовци, и Суздальци, и Володимирци вси, пояша Андрея, сына Дюргева старейшего и посадиша и на отни столе, Ростове и Суждали и Володимири, зане был прелюбим всеми за премногую его добродетель» (Ипат.).

Уже это первое свидетельство показывает нам, что Сергеевич

верен себе: там, где говорится о действиях жителей городов, он считает, что речь идет о вече. Но и здесь не говорится ни слова о созыве вече ни в одном из трех городов, избравших князя. И ростовцы, и суздальцы, и владимирцы, вернее правящая верхушка Ростово-Суздальской земли, могли «сдумать» не на вече, а на совещании представителей суздальских городов. Как мною будет указано, это совещание является типичным феодальным центром.

Следующее свидетельство, приводимое Сергеевичем, прекрасно подтверждает, кого следует понимать под ростовцами, суздальцами и переяславцами.

2. В 1175 г., после смерти князя Андрея, был поставлен вопрос об избрании нового князя.

«Уведавше же смерть княжю, ростовци, и суздальци, и переяславци и вся дружина от мала и до велика и съехашася к Володимирю и реша: се ся уже тако створило, князь наш убиен, а детей у него нетуть, сынок его мал в Новгороде, а братья его в Руси... А послем к Глебу рекуще: „князя нашего бог поял, а хочем Ростиславичю, Мьстислава и Ярополка, твою шюрину“... и утвердишася овятою богородицею, послаша к Глебови...» (Ипат.).

Здесь совершенно ясно, что вопрос об избрании новых князей был решен не владимирцами (и, следовательно, не владимирским вечем), а представителями наиболее влиятельных групп Ростова, Суздаля и Переяславля, а также дружиной, съехавшейся во Владимире. И здесь мы имеем дело с феодальным съездом, а не с вечем.

3. Владимирцы вскоре стали недовольны князем Ярополком. «И почаша володимерци молвити: „мы есмы волная князя прияли к собе, и крест целовали на всемь, а си, яко не свою волость творита, яко не творящиси седети у нас, грабита не токмо волость всю, но и церкви — промышляйте, братия!“ И послышася к Ростовцем и Суждалцем, являюще им свою обиду. Они же словом суще по них, а делом далече. А бояре князю тою держакхуся крепко. Володимерци же, с переяславци укрепившеся, послашася к Чернигову по Михалка и по брата его, по Всеволода, рекуще: «ты старей еси в братии своей, понди к Володимирию; аже что замыслять на нас Ростовци и Суждалци про тя, и како ны с ними бог даст» (Сузд., 1176).

Сергеевич дает следующий характерный комментарий: «Из этого известия можно вывести, что было, по крайней мере, три вечевых сходки: на первой решено обратиться к ростовцам и суздальцам; на второй заслушан ответ старших городов и решено обратиться к помощи Переяславля; на третьей, в которой участвовали и переяславцы, решено призвать Михалку и Всеволода». Есть ли данные утверждать это? Нам думается, дело было гораздо проще. Во Владимире появилась враждебная Ярополку партия. Эта партия, поскольку Ярополк был во Владимире и его поддерживало боярство, конечно, не в состоянии была открыто действовать против князя и тайно, как это делалось и в других городах (напр.,

нам уже приходилось столкнуться с подобным случаем в Полоцке), стала сноситься с ростовцами и суздальцами. Но там господствовала феодальная группировка, связанная с боярством, и потому враждебная Ярополку партия не нашла поддержки. Тогда она решила обратиться к переяславской правящей верхушке, с которой быстро сговорилась, после чего было решено послать к Михалке и Всеволоду. Как могло быть троекратно созвано вече, если бояре и князь были в городе? Неужели они не приняли соответствующих мер?

Сергеевич прекрасно понимает, что его толкование только тогда будет более или менее приемлемо, если будет доказано отсутствие князя Ярополка в городе. Но из рассказа летописи этого не видно. Тогда он принужден заметить: «Где находился в это время князь Ярополк и как он относился к народным собраниям владимирцев, которые, конечно, не могли оставаться для него тайной, — об этом летописец ничего не говорит». Вот в том-то и дело: владимирцы действовали не явно, не созывая вече, а путем организации тайного заговора.

4. Попутно, к числу городов, где существовало вече, Сергеевич спешит причислить и Москву.

Князья Михалко и Всеволод поехали во Владимир и по дороге остановились в Москве, где к ним присоединилось ополчение. Это ополчение, однако, поспешило вернуться.

— «Москльвяни же, — говорит летописец, — слышавше, оже идет на не Ярополк, и възратишася въспять, блюдуче домов своих» (Ипат., 1176).

Таким образом, и москвичи, глубокомысленно заключает Сергеевич, в XII в. сами решали свою судьбу и сами распоряжались защитой домов своих. Это верно, но данное свидетельство не может служить доказательством веча. Ведь не вся же Москва выступила в поход, а, очевидно, только небольшой отряд. С другой стороны, едва ли бы во время похода новые князья допустили обсуждение вопроса — идти или не идти с владимирскими князьями на общее собрание — в виду всей армии. Но пусть будет так, пусть московское ополчение обсуждало и решило вопрос о возвращении домой на совещании; можно ли, однако, это совещание небольшого военного отряда считать вечем, не рискуя сделать это понятие совершенно бессодержательным?

5. По смерти Михалки владимирцы выбрали князем Всеволода.

«Володимерци же, помянувшѣ бога и крестное целование к великому князю Гюргю, вышедше перед золотая ворота, целоваша крест ко Всеволоду князю, брату Михалкову, и на детях его, посадиша и на отни и на дедни столе в Володимери» (Лавр., 1177).

«В то же лето приведоша ростовци и боляре Мстислава Ростиславича из Новагорода, рекуще: «пойди, княже, к нам, Михалка Бог поял на Волзе на Городци, а мы хотим тебе, а иного не хотим» (Лавр., 1177).

Основываясь на этих известиях, Сергеевич отмечает: «по смерти Михалки... проявилась деятельность народной думы и во Владимире и в Ростове». Но из текста летописи вытекает, что во Владимире просто происходил обряд присяги. Что же касается Ростова, то здесь также ясно, что дело идет не «о народной думе», как Сергеевич называет вече, когда существование его сомнительно, а о действиях («приведоша») старой ростовской феодальной партии, связанной с боярством («ростовци и боляре»). Конечно, широкую городскую массу Ростова никто не заботился и спрашивать.

6. Существование веча в Переяславле, по Сергеевичу, доказывается ответом, полученным князем Всеволодом от переяславцев на сообщение его об объявленной ему Мстиславом войне: «Ты ему добра хотел, а он головы твоєї ловить. Поеди, княже, к нему» (Лавр.).

Конечно, летопись не говорит о созыве веча. Но и самый характер ответа таков, что он вообще не мог быть постановлением веча. Как ни примитивно было политическое устройство Руси XII в., все же нельзя предполагать, чтобы вече собиралось специально для вынесения простой сентенции, для выражения сочувствия князю.

7. Вторым свидетельством существования веча в Переяславле Сергеевич считает рассказ летописи о приезде князя Ярослава в этот город, завещанный ему отцом, князем Всеволодом:

«Ярослав же, приехав в Переяславль, месяца апреля в 18 день и съзвав вси переяславци к святому спасу и рече им: „Братия переяславци, се отец мой иде к богови, а вас отдал мне, а мене вдал вам на руде. Да рците мне, братия, аще хошете мя имете себе, якоже имете отца моего, и головы свои за мя сложити?“ Они же вси тогда рекоша: „велми, господине, тако буди, ты наш господин, ты Всеволод“. И целоваша к нему вси крест. И тако седе Ярослав в Переяславли на столе, иде же родися» (Сузд., 1212).

Летопись совершенно ясно говорит, что Ярослав созвал жителей не для обсуждения каких-либо вопросов, и тем более вопроса об его избрании на вече, а для принятия присяги: они были созваны в главную церковь города и целовали там ему крест.

8. Сергеевич находит возможным привести рассказ летописи о событиях в г. Дмитрове, который также свидетельствует, по его мнению, о существовании веча. Во время борьбы князя Константина с князем Юрием сторонник Константина Владимир подступил к городу.

«Слышавше же дмитровци, оже идет на них Владимир и пожгоша сами все предградие и затворишася» (Сузд., 1214).

Но в рассказе нигде не было указано о созыве веча. Все действия дмитровцев по обороне города могли быть произведены без совещания жителей города — правящей верхушкой.

9. Последнее доказательство существования веча в Ростовской и Суздальской волостях, проводимое Сергеевичем, — это рассказ

летописи о событиях, последовавших за поражением князя Юрия. Юрий бежал во Владимир.

«На утрии же, — рассказывает летописец, — князь Юрьи созва люди и рече: «братие Володимерцы! Затворимся в граде, негли обиемся их». Людие же молвахуть ему: «княже Юрьи! с ким ся затворити? братия наша избита, а инии изоимани, а кои прибежали, а ти без оружия, то с ким станем?» Князь же Юрьи рече: «аз то все ведаю, толико не выдайте мя брату, Константину, ни Володимеру, ни Мстиславу, да бых вышел по своей воли из града». Они же тако обещахаяся ему» (Воскр., 1216).

И это последнее известие лишено доказательной силы не только потому, что князь Юрий принужден был созвать людей из Владимира при исключительных обстоятельствах и не только потому, что летописец не говорит о созыве вече, а потому, что из текста летописи ясно, какие люди были созваны Юрием. Это люди, бежавшие с ним с поля сражения, — его воины. Летопись вкладывает в уста этих людей следующие слова: «братия наша избита, а инии изоимани, а кои прибежали, а ти без оружия». Если бы было созвано действительно вече, на котором присутствовало бы все население Владимира, то, очевидно, прения должны были развернуться несколько иначе. Во всяком случае отказ в помощи Владимиру мог бы быть иначе мотивирован.

Подведем итоги. Несмотря на большое число свидетельств, приводимых Сергеевичем для доказательства существования вече в Ростовской и Суздальской волостях, их доказательная сила гораздо меньшая, чем, например, свидетельств, приводимых по отношению к Киеву. Здесь даже ни разу не был употреблен самый термин «вече». Из приводимых свидетельств дважды говорится о принятии присяги (Лавр., 1177; Сузд., 1212), дважды — о совместных действиях представителей трех феодальных центров, т. е. о феодальных съездах, а не о вече; остальные же свидетельства деятельности вече говорят о действиях правящих верхушек, городских властей.

Переходим теперь к обзору приводимых Сергеевичем доказательств существования вече в Рязани.

Все свидетельства летописей, которые могут быть так или иначе привлечены для этих доказательств, касаются перипетий борьбы князя Всеволода с рязанскими князьями, когда они были взяты в плен и Рязань осталась без князей. Уже этот факт опорочивает приводимые свидетельства: 1) потому, что все они касаются только одного момента рязанской истории, именно событий 1177—1208 гг.; 2) потому, что Рязань, оставшись без князей, естественно принуждена была прибегнуть к чрезвычайным формам политической власти. Но при ближайшем рассмотрении не трудно убедиться, что приводимые Сергеевичем свидетельства летописей о вече в Рязани вообще носят такой же характер, как и свидетельства о вече в других городах: 1) нигде не упоминается самый термин «вече»; 2) нет данных понимать под рязанцами всех жителей

Рязани, а скорее можно видеть в них городские или даже земские власти; 3) если даже и можно думать о факте созыва на совещание всех жителей города, то этот созыв производился в исключительных случаях, и, следовательно, это совещание (вече) не может быть признано проявлением деятельности постоянно действующего органа.

В общем Сергеевич приводит четыре свидетельства летописей.

1. Изгнанный Всеволодом из Ростовской волости Мстислав Ростиславович обратился к помощи тёстя своего, Глеба Рязанского. Разгоревшаяся по этому поводу война с рязанскими князьями окончилась в пользу Всеволода, который взял в плен как Мстислава, так и рязанских князей, за исключением Ярополка, убежавшего в Воронеж. Князь Всеволод отправил в Рязань послов, которые держали там следующую речь: «вы имеете нашего врага (выдайте его), али иду к вам». Рязанцы же, сдумаша, рекуще: «князь наш и братья наши погыбли в чужем князи»; ехавше в Воронеж яша его сами и приведоша его в Володимер» (Лавр., 1177).

Сергеевич дает следующий комментарий к этому известию: Всеволод рассматривает рязанцев как самостоятельную власть и требует выдачи своего врага. Они и не помышляют отвергнуть его требование по некомпетентности; совершенно наоборот, они находят, что могут принять это дело к своему рассмотрению и постановить соответствующее решение; собирают думу и решают выдать Всеволоду сына их законного «князя».

Разумеется, хотя Рязань и потеряла своих князей, но она не была уничтожена как политическая единица; она продолжала иметь своих властей и свою администрацию. Нет ничего удивительного в том, что эти власти должны были ответить на ультимативное требование Всеволода. Но из рассказа летописи не видно, что они собирают вече; решение рязанских властей выдать Ярополка могло быть принято без всякого созыва вече, а в результате совещания правящей верхушки.

2. Второе свидетельство касается пронян. Во время войны Всеволода с рязанскими князьями «проняне, — говорит летописец, — пояша к собе Изяслава ВолодимERICHA и затворишася с ним в граде. Князь же великий, пришед, ста у города Проньска; и не хотя видети кровопролитья и посла к ним мужа своего Михаила Борисовича, смирить их. Они же не внушиша глагол его, надеюшеся на градную твердость. Слышав же князь великой речь их буюю и повеле приступити ко граду со все страны» (Лавр., 1207).

И это свидетельство не говорит нам о созыве вече в Пронске. и, как всегда, нет данных под пронянами считать все население Пронска, а не пронские власти.

3. Третье свидетельство касается рязанцев, которые, узнав о движении к Рязани Всеволода, послали к нему с поклоном, молящеся, дабы он не приходил к городу. Князь согласился. «И потом, — рассказывает летопись, — рязанцы вси, сдумавше посла-

ша остаток князий и со княгынями к великому князю Всеволоду в Володимер» (Лавр., 1207).

В этом рассказе нет упоминания о вече; но что следует понимать под рязанцами, очень хорошо позволяет уяснить следующее свидетельство летописи.

4. Когда Всеволод послал на княжение своего сына Ярослава, то «рязанци же леть имуще к нему, целоваше крест, ко Всеволоду и не управиша, и изимаши люди его и сковаша, а инех в погребах, засыпавше, измориша. Всеволод же, слышав се, иде на Рязань с сынами своими и, пришед, ста у града Рязани. И Ярослав изыде противу отца своего, и целова и с радостью. И приклаша рязанцы буюю речь, по своему обычаю и непокорьству. И повеле великий князь всем людям изыти из града и с товаром, и яко изыдоша вси, повеле зажещи град» (Лавр., 1208).

Итак, рязанцы, по рассказу летописи, проявили вероломство по отношению как к Всеволоду, так и к Ярославу. В чем же это вероломство, за которое отомстил Всеволод, проявлялось? Летопись совершенно ясно говорит об этом: захватили людей Ярослава, их оковали, засыпали в погребах и изморили. Эти люди Ярослава являются ближайшими его слугами, привезенными им для управления, — посадниками, наместниками, волостелями, тиунами и т. д. Естественное, что приезд новых людей означал устранение прежних должностных лиц — из рязанцев. Эти-то «рязанцы» и были виновниками нападения на ярославовых слуг и, следовательно, виновниками нарушения верности. Следовательно, мы видим и здесь типичную борьбу двух феодальных группировок. Сергеевич сам принужден был ответить, что «новый князь назначил на все должности своих людей, владимирцев, которых надо было наградить за службу. Рязанцы хватают людей Ярослава, — надо думать, людей, которым розданы доходные должности». Сомнительно, чтобы рязанские феодальные группы, спровоцировавшие нападение на Всеволода, рисковали обратиться к вечу.

Итак, все приведенные Сергеевичем доказательства существования в Рязани веча как постоянного органа государственной власти также лишены доказательной силы. Даже при элементарном анализе свидетельств летописи легко выяснить, что под рязанцами следует понимать не весь городской коллектив, а правящую верхушку, которая, конечно, не нуждалась в вече и его, конечно, не созывала.

Сергеевич делает далее попытку доказать, что вече существовало и в Смоленске. Но летописи не сохранили никаких указаний на то, что в этом городе созывалось вече. Тогда Сергеевич приводит рассказ летописи о походе (в 1185 г.) смолян против половцев. Достигнув Треполя, «смоляныне почаша вече деяти, рекуще: «мы пошли до Киева, да аже бы была рать, билися быхом; нам ли иное рати искати, то не можем, уже ся есмы изнемогле» (Ипат., 1185).

Сергеевич дает следующий, совершенно необоснованный комментарий: «Из этого известия следует, что перед походом в Смоленске было собрано вече, на котором и решен вопрос о походе». Но из летописи совершенно не видно, чтобы это вече было созвано, летопись о нем молчит. Далее, Сергеевич, рассказывая о созыве веча во время похода, отмечает: «Князь ничего не мог сделать и отступил вместе с своими градскими воинами. Он присоединился, следовательно, к вечевому решению, хотя оно было собрано не им, а самим народом». Таким образом, Сергеевич считает настоящим вече митинг военного отряда. Считать сходку потерявшего дисциплину небольшого военного отряда постоянным органом государственной власти — значит делать самое понятие веча совершенно бессодержательным.

Не будучи в состоянии привести других данных, свидетельствующих о существовании веча в Смоленске, Сергеевич все-таки замечает: «Хотя летопись и не упоминает о вече в Смоленске, но не раз говорит о результатах вечевых собраний. Так, в 1096 г. смольняне не приняли Олега; в 1175 г. они изгнали Ярополка, которого у них оставил князь их, Роман Ростиславович, уходя в Киев, и призвали дядю его Мстислава Ростиславовича». Следовательно, и здесь Сергеевич без достоверных оснований считает, что там, где говорится о действиях смолян, необходимо предполагать, что эти действия совершаются на основании решения всего городского коллектива.

От Смоленска Сергеевич переходит к Новгороду. Но мы уже отмечали, что нет никаких оснований оспаривать существование веча в Новгороде как постоянного органа власти. Это доказывается не только непрерывностью созыва веча, но и определенной организацией — вечевой избой, вечевым колоколом и т. д.

Подведем итоги нашему рассмотрению доказательств, приводимых Сергеевичем для подтверждения его взгляда об изначальном и повсеместном существовании веча. О созыве веча, т. е. собрания жителей главного города, летопись говорит только пять раз. К этому числу необходимо присоединить еще два собрания, хотя они в летописи и не были названы вече.

Из этих семи случаев собрание жителей было созвано три раза в осажденных городах, когда шел вопрос о сдаче города неприятелям (дважды во Владимире, в 1097 г., и один раз в Белгороде, в 997 г.); один раз — в целях изгнания князя (в Полоцке, в 1159 г.); один раз оно представляло собой революционную сходку (собрание у Туровой божницы) — в Киеве, в 1146 г., и, наконец, два раза было созвано князем для оказания ему помощи (в Киеве, в 1147 г.).

Как видно, вече, по этим данным, нельзя признать постоянным органом государственной власти, с ясно очерченной компетенцией. Сергеевич не доказал и не мог доказать, что термин «вече» применяется летописцем в строго историко-юридическом смысле.

Под вечем во всех землях, за исключением Новгорода, понимают всякое массовое собрание жителей города — как главного, так и пригорода.

Если бы вече было действительно постоянным органом власти, то это было бы так или иначе выявлено летописью, как это было с исчерпывающей ясностью выявлено в Новгороде, несмотря на краткость и лапидарность стиля новгородских летописцев. До нас не дошел ни один законодательный акт, который бы приписывался вечу других главных городов.

Но, главное, Сергеевич не доказал непрерывности существования веча в городах в рассматриваемый отрезок времени. В самом деле, во Владимире-Волынском вече собиралось только в одном году. В Полоцке оно собиралось однажды. О вече в Чернигове и Смоленске даже сама летопись молчит.

Мы, впрочем, охотно допускаем, что в городах были не только отмеченные в летописи массовые, вечевые собрания жителей; их было в несколько раз, быть может в несколько десятков раз, больше, чем об этом говорят летописи, но созыв десятков собраний еще не превращает их в постоянный орган.

Возможно, что в некоторых центрах, например в Киеве и во Владимире, во время ожесточенной борьбы феодальных группировок было стремление в качестве третьей силы привлечь городские торговые и ремесленные массы. Можно даже приблизительно указать, когда эта тенденция особенно проявлялась: в Киеве — во время борьбы Юрия с Изяславом, во Владимире — во время борьбы с Ростовом. Но эта тенденция не была в дальнейшем закреплена.

Признавать вече, где основной силой была широкая торгово-промышленная демократия, постоянным, изначальным, повсеместным органом власти, значит отказаться от элементарного классового анализа летописей, значит признавать единство форм политической организации по всему пространству Руси, не учитывая местных особенностей в политической структуре.

Нам думается, что пересмотр вопроса о вече будет иметь большое значение и в уяснении всей административной системы, в частности так называемой десятичной, численной системы. И ее обычно признают органически связанной с «народом». Наконец, наш анализ известий о вече побуждает поставить вопрос и о новгородском вече как феодальном органе власти, а не органе широкой торгово-промышленной демократии.

Наша критика представления о вече как постоянном, изначальном и повсеместном органе, однако, не исключает вопроса об оценке веча, вечевых собраний в общей политической системе Киевской Руси. Мы признаем, что вече созывалось не только в дофеодальный период, но и в период феодальный. О том, что вечевые собрания иногда созывались в XI—XIII вв., летопись говорит исчерпывающим образом. Конечно, как Сергеевич и сам сознает, не обя-

зательно присутствие всех жителей и даже массы жителей. Но мы будем говорить не об этих «полувечах», а о вечеах — массовых собраниях жителей городов и будем ставить вопрос об их значении.

Мы считаем, что эти массовые собрания происходили гораздо чаще, чем указывает летопись, что это были не простые собрания, а вечеа. Самое название «вечеа» говорит о каком-то специфическом содержании этого понятия. Очевидно, что это название не умирало, а вновь выплывало при соответствующих моментах политической жизни. Было бы простым научным формализмом отмахнуться от вечеа, как только была доказана невозможность существования вечеа как постоянного органа власти. Нам думается, что вечеа были массовыми собраниями руководящих элементов города и земли по наиболее важным вопросам.

Они созывались или тогда, когда руководящая феодальная верхушка раскалывалась на ряд группировок, или когда надо было опереться на широкие массы феодалов города и земли, или даже на массу городского населения, включая и торговые и ремесленные элементы, конечно руководя ими и используя их в своих классовых интересах. Наконец, вечеа могло собираться и в чрезвычайных случаях — во время войны. Все свидетельства летописи очень хорошо подтверждают этот чрезвычайный характер вечеа. Мы имеем четыре вечеа во время осады города; два вечеа для обсуждения вопроса о князе (собрание у Туровой божницы и в Полоцке) и два вечеа, созданные самим князем в минуту величайшей опасности (кн. Изяславом в борьбе с кн. Юрием).

Печать чрезвычайности лежит на всех событиях, которые предшествовали созыву вечеа.

Несомненно, созыв вечеа как чрезвычайного органа широких феодальных масс, а иногда всего населения главных городов, имел громадное политическое значение. Здесь, очевидно, принимались решения, которые надолго предопределяли внешнюю и внутреннюю политику. Достаточно вспомнить о совете «Киян» (летопись, впрочем, не называет этот совет вечеа), т. е. влиятельных феодальных групп во время восстания 1113 г.; несомненно, что эти события надолго определили политику Владимира Мономаха.

V. Феодальные съезды

Хотя князья не были ограничены какими-либо учреждениями, но повседневная их деятельность контролировалась и направлялась верхушкой класса феодалов — боярством, окружавшим князя. Но в некоторых случаях, когда необходимо было решать вопросы исключительной политической важности, и притом так или иначе затрагивающие интересы феодалов не только данной земли-княжения, а и всей земли, созывались феодальные съезды.

Вопрос о феодальных съездах был предметом внимания и в домарксистской историографии. Отрицая существование феодаль-

ных отношений в Киевской Руси, прежние историки, конечно, называли съезды не феодальными, а княжескими. Как общее правило, рассматривая территориальную структуру Киевской Руси как союз князей, прежние историки считали съезды союзным органом. Здесь наибольшей прямолинейностью выделяется мнение Сергеевича. Представляя Киевскую Русь союзом суверенных государств, Сергеевич считает съезды «собранием независимых государств». Что касается времени возникновения княжеских съездов, то здесь в прежней историографии не было разногласий: княжеские съезды считались особенностью политического строя Киевской Руси с середины XI в. (т. е. после смерти кн. Ярослава). Называемые съездами совещания, в которых принимали участие только князья, в прежней историографии не обращали внимания на съезды боярства и называли их обычно вечевыми собраниями.

Что съезды были феодальными съездами, что на них присутствовали не только князья, но и их боярство, дружина, что основной направляющей силой были феодальные группы, легко подтверждается летописными данными. Рассказывая о съезде в Уветичах, летописец отмечает: ¹ «И стаха вся братья на коних, и ста Святополк со своею дружиною, а Давыд и Олег с своею разно, кроме себе».

Рассказывая о Долобском съезде, летописец указывает, что вопрос о походе на половцев решался не столько князьями, сколько дружиной. Мы в свое время посвятили много внимания анализу этого летописного известия. Отметим еще раз обстановку этого съезда: «Бог вложи в сердце князем руским, Святополку и Володимеру, и снястася думать на Долобьске и седе Святополк с своею дружиною, а Володимер с своею в едином шатре».

Княжеская дружина принимала активное участие не только при обсуждении вопроса, но и в выполнении различных решений. Например, после принятия решения по делу князя Давыда, князья «послаша к Давыду мужи свое, Святополк Путятю, Володимер Орогостя и Ратибора, Давыд и Олег Торчина; послании же придоша к Давыдови и рекоша ему: «Се ти молвять братья: не хотим ти дати стола Володимерского, зане ввергл еси ножь в ны, его же не було в Русской земли».

Но, наконец, мы имеем съезды, где принимают участие не только князья, но и их представители. Несомненно, что так называемая Правда Ярославичей была обсуждена на подобном съезде: «Правда оустановлена Роуськой земли, егда ся совокупил Изяслав, Всеволод, Святослав, Коснячно, Перенег, Микифор Кыянин, Чюдин, Микула». Были даже съезды, где под председательством великого князя совещались не князья, а их представители. Так, статья о резах принята на подобном съезде. «По Святополце созва дружину свою на Берестове: Ратибора, тысячьского Киевского, Прокопия, тысячьского Белогородского, Станислава, тысячь-

¹ Лавр., 1100.

ского Переяславского, Нажира, Мирослава, Иванка Чюдиновича, Олгова мужа и установили и до третияго резу, аже емлеть куны в рез в треть...»

Феодалыные съезды имели часто «общеземский» характер: в них принимали участие все князья или основная масса князей. Наиболее яркими примерами подобных съездов были съезды в Любече и Уветичах. Но были съезды, созываемые той или иной феодальной группировкой. Достаточно отметить созыв двух съездов Ростиславичами и Ольговичами в 1187 г.

По мере того как ослаблялись связи между отдельными русскими землями, общих, всерусских съездов, подобно любечскому и уветичскому, мы уже не наблюдаем. Постепенно начинают созываться феодальные съезды или отдельных групп (нескольких княжений) или съезды одной земли-княжения.

Наиболее типичными феодальными съездами подобного рода были съезды в Ростовско-Суздальской земле, во время борьбы Владимира с Ростовом в 1158 и 1175 гг.

«Том же лете сдумавши ростовци и суздальци и володимерци вси, пояша Андрея, сына Дюргева старейшего, и посадиша и на отни столе, Ростове, и Суждали, и Володимири, зане был прелюбим всеми за премногую его добродетель» (Ипат.). «Уведавши же смерть княжю, ростовци и суздальци, и переяславци, и вся дружина, от мала и до велика, и съехашася к Володимерю и реша: «се ся уже тако створило, князь наш убиен, а детей у него нетуть; сынок его мал в Новегороде, а братья его в Руси: по кого хотим послати в своих князех?» (Ипат.).

Подобно тому как были съезды, объединявшие феодальные группировки нескольких земель, так созывались и съезды из представителей разных феодальных группировок земли-княжения. Примером подобного съезда является съезд владимирцев и переяславцев, направленный против Ярополка и избравший князьями Михалка и Всеволода.¹

Какие вопросы решались на феодальных съездах? Какой-нибудь строго очерченной компетенции съездов установить невозможно. Они собирались для решения наиболее важных вопросов, имеющих общее значение для всей земли или нескольких княжений. Феодальные съезды земли-княжения собирались для решения наиболее важных вопросов данного княжения, — когда руководящая феодальная группа главного города стремилась найти поддержку и других иногородних феодальных групп.

Здесь надо указать на вопросы о распределении столов, об избрании и изгнании князей, об «экзекуции» против князей, нарушивших договор, о заключении союзов, об объявлении войны и мира, об издании новых законов и изменении старых и т. д. Во всяком случае, компетенция съездов не ограничивалась какими-либо установленными нормами.

¹ Сузд., 1176.

Как вообще все феодальные съезды, так и съезды в Киевской Руси созывались тогда, когда была надобность в них. Следовательно, никакой периодичности в их созыве не было. Созывать съезды мог всякий, кто рассчитывал привлечь внимание к данному вопросу, кто обладал достаточной силой и влиянием.

Общеземские съезды созывали великие князья, так как только они одни могли организовать такие съезды. Но съезды могли созываться и вождями разных феодальных группировок.

Значение вынесенных съездом решений, как и на Западе, определялось фактической поддержкой решений съезда его участниками. Князь мог в конце концов и отказаться от принятого решения. Следовательно, феодальный съезд не обладал настоящей властью союзного органа. Летопись приводит ряд случаев отказа от принятых решений. Наиболее классический случай отказа от принятых решений летопись (Ипат.) приводит под 1178 г., когда по инициативе князя Святослава был предпринят поход против половцев: «И тако совокупившеся вси князи русские поидоша по Днепру, нелзе бо бяшет инде ити, бе бо снег велик. И доидоша до Снепорода и ту изимаша сторожи половецкые и поведаша вежи и стада половецкая у Голубого леса. Ярославу же не любо бысть далее пойти, и поча молвити брату Святославу: «не могу ити дале от Днепра, земля моя далече, а дружина моя изнемоглась...» Рюрик же посла ко Ярославу и рече ему: «брате! тебе было не лепо измясти нам...» И бысть межи ими распря. Рюрик же много понуживая их и не може их повести. Святослав же, хоте итти с Рюриком, но не оста брата Ярослава. И возвратишася во свояси».

Не установилось, конечно, никаких твердых норм и относительно порядка заседаний съезда, порядка выполнений решений и т. д.

VI. Организация управления

Как нами установлено, в дофеодальный период получила распространение так называемая «десятичная» система управления. Десятичная система была своего рода военно-административной системой. Тысяцкие были начальниками гарнизонов, расставленных в основных центрах Киевской Руси. Само собой разумеется, что эта система по мере развития процесса феодализации должна была подвергнуться серьезным изменениям. Прежде всего десятичная система управления должна была перерасти в систему феодальной администрации. А превращаясь в феодальный аппарат, естественно, и должностные лица этой системы (тысяцкие, сотские, десятские) должны были изменять свои функции.

Другим моментом, характерным для этого периода, является организация дворцово-вотчинной системы, которую называют иногда дворовой, княжеской, противопоставляя ее численной, десятичной. Сущность этой системы заключалась в том, что отдельные

отрасли княжеского хозяйства управлялись особыми придворными чинами — так называемыми министералами. На местах же эта система была не чем иным, как системой кормления, окончательно оформившейся в Московском государстве и тождественной, как было уже сказано, *fief-office* западноевропейского средневековья. Эта дворцово-вотчинная система стала постепенно вытеснять десятичную систему. Ее более или менее крупные остатки сохранились только в основных центрах; на местах же система кормления ее окончательно вытеснила.

Перейдем к характеристике изменений в десятичной системе.

В литературе вопрос о десятичной системе управления в рассматриваемый период оживленно обсуждался. Здесь главным образом интересовались вопросом, к какой системе — княжеской или земской — надо отнести эту систему и относится ли она к общей или специально городской администрации.

Владимирский-Буданов, как было указано, называл десятичную систему земской, противопоставляя ее дворовой, княжеской. Он считал, что имелись два рода тысяцких — земские и княжеские. Тысяцкие земские, по его мнению, являлись как бы народными трибунами, уравнивавшими власть князя.

Пресняков подверг решительной критике это мнение Владимирского-Буданова. Он пересмотрел весь имеющийся материал по этому вопросу и пришел к заключению, что тысяцкие и сотские на юге не являются народными должностными лицами, а были представителями княжеской власти. В самом деле, летописные тексты исчерпывающим образом подтверждают это. Возьмем летописный рассказ о пирах Владимира: «Се же пакы творяще людем своим: по вся неделя устави на дворе, в гриднище пир творити и приходи́ти боляром и гридем, и соцьским, идесяцким, и нарочитым мужем, при князи и без князя; бываше множество от мяс, от скота и от зверины, баше по изобилию от всего... Бе бо Владимир любя дружину и с ними думая о строи земленем и о ратех и о уставе земленем».

«Если взять эту страничку летописи отдельно, — говорит А. Е. Пресняков,¹ — как она есть, и спросить себя, кого тут летописец считает дружиной, с которой князь совещается обо всех делах и доискивается всякого добра, то пришлось бы ответить: бояр и гридей, сотских, десятских, нарочитых людей».

Тот факт, что тысяцкие и сотские являются представителями княжеской власти, доказывается и известием летописи о восстании 1113 г., когда киевляне, недовольные княжеской администрацией, грабили дворы тысяцких и сотских. Необходимо, кроме того, отметить, что тысяцкие выступают как представители князя на различных совещаниях. Например, «Устав о резах» был принят Владимиром Мономахом по согласованию с тысяцкими другими князьями. Наконец, что тысяцкий был княжим органом вла-

¹ Указ. соч., стр. 166.

сти, доказывається постепенным превращением его в воеводу, в особый придворный чин.

Что же касается тысяцких и сотских в Новгороде, то они действительно сделались представителями новгородской феодальной верхушки, не связанной с князем. Но это является как раз особенностью новгородского строя, возникшей в результате эволюции его.

Но посмотрим, какие доводы приводятся Владимирским-Будановым¹ в защиту мнения, что тысяцкий «всегда оставался представителем народа».

1. В 1043 г. князь Ярослав отправил сына своего Владимира в поход на Византию; предводителем народного ополчения был тысяцкий Вышата; предводителем же дружины был Иван Творирич; когда буря разбила русские корабли и выбросила воинов на берег, то народное ополчение решило возвратиться в Русь сухим путем, «но не идяще с ними никтоже от дружины княжее. И рече Вышата: „аз поиду с ними“; и выиде ис корабля к ним и рече: „аще жив буду, то с ними, еще погину, то с дружиною“».

Но прежде всего Владимирский-Буданов неправильно толкует известие летописи. В ней говорится: «Посла Ярослав сына своего Володимера на Греки и вда ему вои многи, а воеводство поручи Вышате, отцю Яневи». Летопись не говорит о «народном ополчении», а о войсках, которые могли быть наняты князем Ярославом или же входили в состав феодальных ополчений. Вышата потому пошел с войсками, что он был главным предводителем всего войска, а не потому, что он был представителем интересов народа. Да из самого рассказа явствует, что Вышата не был с «народным ополчением». Он был в княжеской дружине и вылез из корабля, где она находилась («вышед ис корабля»).

2. По рассказу Татищева, киевский тысяцкий Улеб в 1146 г., когда Всеволод Ольгович старался передать Киевский стол своему брату Игорю, заявил, что киевляне привержены к Мономаховичам, а не к Ольговичам и что князь Изяслав Мстиславович есть сущий и прямой наследник. «Сим ответом Всеволод весьма озлобился». Но кого надо понимать под киевлянами, мы уже хорошо знаем после выяснения вопроса о вече. Это, несомненно, одна из феодальных группировок, а не «народ», не широкие народные массы. Данной феодальной группировке, связанной с Мономаховичами, вовсе не интересен был приезд в Киев окружения Ольговичей: они теряли многое, будучи принуждены уступать новым людям.

Свою мысль о тысяцких как представителях «интересов» народа Владимирский-Буданов пытался доказать на новгородских данных; но мы уже указали, что положение и круг деятельности тысяцких и сотских в Новгороде является особенностью новгородского политического строя.

¹ Указ. соч., стр. 82—83.

Что касается мнения о существовании двух видов тысяцких — земских и княжих, то Владимирский-Буданов не мог обосновать его на источниках.

Другое мнение было высказано о тысяцких М. Н. Покровским, который считал их представителями и защитниками торгово-промышленной демократии. Но это мнение он строил на новгородских данных и не учитывал специфики новгородской административной системы. И в Новгороде тысяцкие были представителями феодальной власти.

Обратимся к изучению десятичной системы в той ее стадии, которая была отражена в наших источниках XI—XII вв.

В рассматриваемое время десятичная система утратила свое реальное математическое содержание, которое она, несомненно, имела ранее. Тысяча сделалась уже территориальным понятием. Тысяча есть округ, подчиненный тысяцкому, который держит в нем воеводство и весь ряд. О превращении тысячи в территориальную единицу говорят многие летописные тексты. Когда Игорь Святославович занял Киев, то Улебови рече: «держи ты тысячу, как еси у брата моего держал».¹ Рассказывая о тех или иных событиях, летописец указывает, кто в каком городе держал тысячу, например: «Яронови же тогда тысящу держаще в Перемышли», «воеводство держащу Киевския тысяща Яневи», «воеводство тогда держащу имеящая Киевская Иоану Славновичу». Исчерпывающее доказательство того, что тысяча сделалась территориальным округом, дает Ипатьевская летопись под 1149 г. Там мы читаем: «Курск с посемьем и Сновскую тысячу». По мере того как происходит размещение князей по городам, тысячи и тысяцкие утрачивают и территориальное значение, превращаясь в своего рода военные отделы княжеского управления. Тысяцкие начинают называться теперь не по городам (тысяцкий киевский, тысяцкий переяславский и т. д.), а по князьям («Воротислав — Андреев тысяцкий, Иванко — Вячеславль») (Ипат., 1127).

Печерский патерик сообщает, что Мономах дал в управление Суздальскую землю «своему тысяцкому» — варягу Георгию, которого летопись называет тысяцким ростовским.

Каковы были функции тысяцких в XI—XII вв.? Нам думается, что в рассматриваемое время тысяцкие, являясь прежде всего руководителями военных сил данного княжения или округа, сосредоточивают в своих руках всю административную власть — финансовую, судебную, полицейскую, т. е. по своим функциям близки к воеводам Московского государства. Тысяцкие являются ближайшими помощниками князя по управлению. Как было уже отмечено, они участвуют в обсуждении проектов новых законов («Устав о резах»).

Если бы тысяцкие были только руководителями военных сил и не имели бы никакого отношения к общей администрации, то

¹ Ипат.

непонятно, почему киевляне, недовольные княжеским управлением, в первую очередь напали на дворы тысяцкого и сотских. Полицийско-административная функция особенно стала развиваться у новгородских тысяцких, где они должны были, согласно грамоте, «управляти всякая дела торговая и гостиная и суд торговый». Вероятно, эти функции в определенной части принадлежали тысяцким на юге.

Что касается функций сотских, то первоначально сотские, несомненно, были прямыми помощниками тысяцких и командирами сотен как военных частей. По мере того как тысяча начинает утрачивать реальное математическое значение, превращаясь в определенные территориальные округа, сотники также превращаются в особые финансово-административные и судебные органы. Наиболее ярко выражен этот процесс в Новгороде. Здесь сотни («Устав кн. Ярослава о мостах») — это особые административные единицы, отличавшиеся как от погостов, так и от других городских административных единиц — улиц. Здесь они являются организацией торгово-промышленных кругов — новгородских купцов («а купец пойдет в свое сто, а смерд в свой погост»). Исследователи без особых колебаний считают сотни XI—XIII вв. городской организацией или же, как это было в некоторых местах (напр., в Берестье), организацией пригородного люда.¹

Считая, что тысячи, сотни и десятки являются первой политической формой властвования над покоренными племенами и крестьянством, нельзя и предполагать, что сельское население было разбито на сотни и десятки. Десятки, вероятно, существовали в волостях, но это была организация господствовавших групп — крупных местных землевладельцев и торговцев.

Процесс дальнейшей феодализации — рост княжеского, церковного и боярского землевладения, развитие вассалитета — все это обусловило вытеснение органов десятичной системы в волостях. Оформляющийся класс феодалов нашел к этому времени уже новые формы политического властвования.

§ 1. Дворцово-вотчинная система управления. В исторической литературе уже помечен факт, что нашей древности было совершенно чуждо принципиальное различие органов государственного управления от органов управления частными делами князя. Кто входил в состав княжеского двора, тот уже по этому самому считался годным и для отправления публичных функций. Назначенные к публичным должностям чины двора удерживали за собой те наименования, которые принадлежали им в частном хозяйстве князя. Но эта черта древнерусской административной системы не является какой-то небывалой особенностью; и в Западной Европе и в странах Востока мы наблюдаем то же самое переплетение публичных и частных функций должностных лиц в эпоху раннего феодализма.

¹ Грушевский. Указ. соч., т. III, стр. 235.

Центром, откуда исходили в эту эпоху все нити управления, был княжеский двор, в котором была сосредоточена княжеская дружина и княжеские слуги. Тот факт, что княжеский двор был центральным административным местом, достаточно хорошо подчеркивается статьей Русской Правды: «Аже убьют татя на своем дворе, любо у клети, или у хлева, то той убит; аще ли до света держать, то вести его на княжь-двор».

Первоначально основные вопросы управления решались князем вместе с дружиной. Непосредственными же исполнителями были дружинники — члены старшей дружины, княжие мужи, а по менее важным делам — тиуны, мечники, гриди, детские, отроки. Можно думать, что в IX—X вв. еще не сложилась ведомственная специализация дружинников, тиунов и других княжеских слуг, но по мере углубления и расширения процесса феодализации, расширения и усложнения княжеского хозяйства эта специализация стала мало-помалу выявляться. Было уже указано, что когда основной контингент дружинников (в особенности верхний слой их) стал отрываться от княжеского двора, оседать на землю и дружинные отношения стали перерастать в отношения по вассалитету, то основными административными княжескими агентами сделались низшие дворцовые слуги, большей частью набравшиеся из княжеских холопов, — тиуны, мечники и т. д.

К XI в. княжеские тиуны начинают играть огромную роль не только в управлении княжеским хозяйством, но и в общей административно-финансовой и судебной организации.

Летопись, например, рассказывает, что во время княжения князя Всеволода все дела ведались его тиунами: «И начаша кияне складывати вину на тиуна на Всеволожа, на Ратьшу и на другого тиуна Вышегородского, на Тудора, рекуче: „Ратша, ты погуби Киев, Тудор — Вышегород, аще кому нас будет обида, то ты правь“». Представитель князя Игоря — князь Святослав принужден был удовлетворить требование киевлян: «Яз целую крест за братом своим, яко не будет вы насилья ни которого же, и се вам и тивун, а по вашей воли».

Характерно, что Игорь даже после этих осложнений не ликвидировал должности тиуна; тиуны продолжали управлять основными центрами княжения — Киевом и Вышгородом; дело ограничилось персональными изменениями.

Значение тиунов и отроков в суде и администрации в достаточной степени подчеркивается и в поучении Владимира Мономаха. «Не зрите, — говорит он, — на тивуна, ни на отрока, да не посмеются приходящий к вам ни дому вашему, ни обеду вашему». Как было упомянуто, процесс выдвижения княжеского министерства — тиунов, детских, мечников и т. д. в суде и администрации Киевской Руси падает приблизительно на вторую половину XI в., когда как раз усиливался процесс отрыва дружинников от княжеского двора. После того как основная часть дружины осела на местах, составив основной контингент княжеского вассалитета,

а тиуны, отроки, мечники и т. д. вошли в состав министериалитета, постепенно развивается специализация княжеских тиунов. Начинают выделяться тиуны, ведавшие княжеским двором — огнищем, — тиуны огнищные; появляются тиуны, ведавшие конюшней князя, — тиуны конюшие и т. д. Значительная часть тиунов была послана на места, отправляя различного рода административные и хозяйственные должности. Специализация происходит и среди низших слуг князя — гридей, мечников, отроков. Можно думать, что мечники и детские, например, делают теперь судебно-административными агентами.

По Русской Правде, например, мечники присутствовали вместе с детскими при испытании железом и получали за это особое вознаграждение. Детский исполнял судебные решения по делам о наследстве.

По мере того как развивается специализация княжеских слуг, развивается и их дифференциация. Постепенно начинает выделяться верхушка тиунства. Она обзаводится хозяйством, домом, вероятно селами. Так, у тиуна Ратши имелся двор в Киеве. Когда князь принужден был выдать его киевлянам, они бросились грабить его двор. Можно предполагать, что постепенно начинают слагаться роды наиболее влиятельных министериалов, которые передавали свои должности от отца к сыну. Вместе с тем, несомненно, верхушка министериалитета начинает смыкаться с боярством.

Когда определился этот процесс, то в административной системе Киевского государства произошел первый ряд крупных изменений. Прежде всего так называемая численная система постепенно стала отмирать; отдельные должностные лица, в частности тысяцкий, начинают входить в состав верхушки министериалитета, постепенно превращаясь в воевод, начальников всех вооруженных сил княжения. Другие же должностные лица численной административной системы, например сотники, превращаются в органы городской администрации, а в некоторых местах, как в Новгороде, — в органы купеческой организации («а пойдет смерд в свой погост, а купец в свое сто»).

Далее, постепенно начинает выявляться деление административных органов на центральные и местные, — деление, которое при численной системе не существовало и не могло существовать. Оно могло возникнуть вследствие специализации должностных лиц и возникновения функциональной системы. Возникают своего рода ведомства с определенными отраслями работы.

Наконец, постепенно возникают дворцовые чины, стоявшие во главе определенных отраслей княжеского управления, определявшихся потребностями князя и его двора.

§ 2. Дворцовые чины и их функции. Древнейшее упоминание об одном из важнейших дворцовых чинов — дворском, дворецком (в Западной Европе — мажордом) относится к 1171 г.

Летопись (Ипат.) рассказывает: «И поможе бог Андреевичу Мстиславу с братею и взяша Киев. Мстислав же Изяславич бежа

из Киева на Василев. И постигша и Бастеева чадь, начаша стреляти в плечи ему и много изоимаша *дружины* его: яша Дмитра Хороброго и Олексея дворского».

Из летописного рассказа видно, что Олексей не был тиуном — дворским прежнего времени (XI в.), рядовым слугой княжеского двора. Сейчас дворский принимает участие в военных действиях и является одним из значительнейших лиц княжеской дружины, т. е. ближайшего княжеского окружения. Его захват в плен производит такое впечатление на современников, что летописец поспешил специально об этом сообщить. И не удивительно: состоя непосредственно при князе, он заведывал всем княжеским хозяйством.

Летопись дает нам и прямые свидетельства исключительного значения дворского. Так рассказывается о дворецком (ключнике) князя Андрея Боголюбского: «тот бо ключь держашеть у всего дому княжа и надо всеми волю ему дал бышешь» (князь).

В XIII в. положение этих дворских сделалось еще более значительным. Например, дворский Андрей в Галицком княжении принадлежал к числу самых важных лиц в государстве: он был первым после епископа. В частности, этот дворский «возбранил» Даниилу занимать Галич. Он же выполнял весьма ответственные поручения; так, он был послан с войском на Перемышль с поручением прогнать находившегося там князя Константина Рязанского, врага князя Даниила.

Одним из важных дворцовых чинов был воевода, должность которого, как нами было уже указано, возникла из должности тысяцкого. Воевода не только теперь стоит во главе вооруженных сил тысячи, т. е. определенного круга, но вообще всех вооруженных сил княжения.

Окончательно оформляется другой весьма важный дворцовый чин — конюшего. О конюшем (а не о тиуне конюшем) летопись впервые говорит под 1185 г. (Ипат.). Вместе с князем Игорем попал в плен между прочим и его конюший: «С ним бо бяшетъ тысяцкого сын и конюший его и та нудяста и глаголюща: „пойди, княже, в землю Русскую; аще восхощеть бог избавить тя”».

Как известно, ведомство конюшего имело большое значение в феодальной административной системе. В обязанности его входило обеспечение княжеского войска конским составом. От его деятельности зависела сила главнейшей части княжеского войска — конницы.

Выделяется в третий придворный чин — меченоша, должность которого образовалась из должности мечника. Меченоша, конечно, теперь не носил за князем меч: это было делом других, мелких слуг князя. По аналогии с функциями московских оружничих можно думать, что он заведывал княжеским арсеналом, оружейной палатой. Первое известие о меченошах летопись приводит под 1216 г. (Лавр.): «Великий князь Всеволод посла с полком Кузму Ратьшича, меченошу своего, и взя Тепру и возвратися со многим полоном в Володимер».

В 1225 г. летопись (Новг., IV) рассказывает о походе князей Ярослав и Владимира на Литву: поход был удачен, но «убиша литва торопецкого кн. Давыда и Василья, меченошу Ярослава».

Определен чин и печатника, по крайней мере в Галицкой земле. В его обязанности, вероятно, входило не только приложение печати, но и оформление и хранение наиболее важных документов.

Но в XIII в. печатники являются дворцовыми чинами, которые выполняют и другие весьма важные поручения. Так, в 1241 г. князь Даниил Романович послал своего печатника Кирилла в Бакоту «исписати грабительства нечестивых бояр и утешити землю». Он же был послан воеводою в Болховскую землю (Ипат.).

Наконец, последним придворным чином, который оформился в дотатарский период, был чин стольника. Первоначальное назначение стольников — служить за столом князя, подавать ему блюда; но, вероятно, они очень рано стали ведать вообще княжеским столом, а затем уже в качестве придворных чинов выполняли многообразные, часто весьма важные поручения. Так, в 1230 г. стольник киевского князя Владимира Рюриковича принимает в 1230 г. участие в посольстве к князю Юрию вместе с митрополитом всея Руси Кириллом, епископом Порфирием и игуменом киевского монастыря св. Спаса. Галицкий князь Даниил ведет в 1241 г. переговоры с галицкими боярами через посредство стольника своего Иакова.

Вероятно, кроме этих придворных должностей существовали и другие, например — казначея, чашника, ловчих и т. д.

Таким образом, так называемая дворцово-вотчинная система, типичная для раннего феодализма и приписываемая обычно в исторической литературе только Московскому государству, сложилась у нас в домонгольский период. Мы не имеем возможности на основании имеющихся данных установить, как было организовано управление отдельных дворцовых чинов. Вероятно, каждое ведомство получало в свое ведение те или иные города и волости, доходы с которых шли в его пользу.

Во всяком случае из имеющихся данных — правда, послетатарского периода — можно установить, что некоторые местности должны были нести специальные ведомственные повинности. Достаточно указать, что на берестьян была наложена уплата так называемого ловчего, которая шла в пользу княжеских ловчих. Город Коломыя был дан для содержания оружников.

§ 3. Местные органы. Местными органами дворцово-вотчинной системы были посадники в городах и волостели в волостях. Посадник в городе был полномочным представителем княжеской власти.

Присоединение к княжеству какой-либо территории сопровождалось назначением туда княжеского посадника. Взять посадника от какого-либо князя значит признать добровольно его власть над собой.

Деятельность посадника носила универсальный характер. Будучи представителем князя в городе, посадник выполнял функции самого князя: он и судил, и собирал дань и разные пошлыны, и ведал полицейскими делами, одновременно руководя военными силами города. Часть собранных с населения даней и пошлин он оставлял в свою пользу, причем, очевидно, получал еще кормы с населения. Волостель был таким же полномочным представителем княжеской власти в волостях, выполнявшим, подобно посаднику, все функции. Его содержание также складывалось с отчисления княжеских доходов и корма.

Посадники и волостели имели своих помощников в лице тиунов и рядовичей, которые, вероятно, назначались из числа принадлежащих им рабов. Они также содержались за счет кормов с населения и различного рода поборов. Были у них помощники и по специальным отраслям управления — вирники (для сбора виры), мостники и пр.

Как было указано, посадники и волостели, несомненно, проявляли тенденцию превратить свою должность в наследственную и сделаться типичными феодалами, закабалия подвластное им население и преобразуя дань в феодальную ренту.

Волости существовали на юге. На севере вместо волостей существовали погосты. Мы не имеем сведений, как и кем управлялись в древнейшее время погосты. Но по аналогии с позднейшим временем можно предполагать, что во главе погостов находились старосты. Считать (как это наблюдалось в домарксистской историографии), что старосты избирались местным населением, значит не понимать феодального, классового характера древнерусской административной системы. Несомненно, старосты — это органы или князя (в Суздале или Смоленске) или Новгородской волости. Достаточно указать, что Ярослав, собирая войско против Святополка, брал «от мужа по 4 куны, а от старост по 10 гривен». После своей победы он стал наделять «старост по 10 гривен, смердов по гривне, новгородцев по 10 всем».

Таким образом, как при сборе денег, так и при последующем дележе старосты должны и платить и получать в десять раз больше смердов и столько же, сколько новгородцы. Существование системы феодального властвования не закрывало деятельности общин, которые продолжали оставаться определенными административными единицами. Можно думать, что они управлялись посредством выборных органов и что в их функции входили, кроме поземельных дел (распределение наделов), раскладка и сбор дани и оброков и мелкие полицейские дела.

Вероятно, эти общины (как административные единицы) по своей организационной структуре не были однородными по всему пространству Руси, находясь в зависимости от течения процесса разложения родовой организации.

В. VII. Возникновение и развитие иммунитета

Вопрос о возникновении иммунитета — один из самых трудных вопросов истории феодализма в Западной Европе. Создавалось множество теорий о его происхождении. Так, одни исследователи считали, что иммунитет есть создание государственной власти, есть пожалование государственной власти; другие считали, что иммунитет был подтверждением давно сложившейся практики. Одни считали, что право на иммунитет является обычным правом крупных землевладельцев и дружинников, другие связывали происхождение иммунитета с исконной свободой от общинных уз крупного землевладения и считали его следствием выхода из общины.

Наконец, многие исследователи искали корни иммунитета в системах того или иного национального права, римского или германского. Споры об иммунитете настолько утомили исследователей, что такой крупный знаток раннего средневековья как Фюстель де Куланж отказался искать его корни в институтах раннего средневековья и ограничился указанием общих бытовых моментов, обусловивших возникновение этого необходимого признака феодального строя.

Вопрос о возникновении иммунитета в России был сравнительно давно поставлен и в русской домарксистской историографии. Дело в том, что, всячески отрицая существование феодализма в России, значительное большинство историков принуждено было признать наличие так называемых несудимых грамот, которые почти полностью соответствовали по своему содержанию западноевропейским иммунитетным дипломам. Не удивительно, что вопросом происхождения этих несудимых грамот занялся еще Неволин, а затем ему достаточное внимание было уделено Сергеевичем. Основные мысли Неволлина и Сергеевича развил Павлов-Сильванский. Сравнительно недавно с полным пересмотром этого вопроса выступил С. Б. Веселовский. Нужно, однако, заметить, что все эти исследователи при решении вопроса о возникновении иммунитета интересовались не содержанием его, а формой. Другими словами, они интересовались более всего происхождением иммунитетных дипломов. Само собой разумеется, взгляды русских историков на происхождение иммунитета не были оригинальными, — они были так или иначе отражением взглядов западноевропейских исследователей этого института.

Обратимся к их обзору. Неволин¹ прежде всего указывает, что судебная и административная независимость вотчин от княжеских чиновников существовала сама собой и по общему праву. «С утвердившеюся и распространявшеюся княжеской властью такой порядок не мог быть совместен. Но он не мог быть вдруг уничтожен. Переход к уничтожению его составляют несудимые грамоты. То, что прежде при-

¹ Полн. собр. соч., т. II, § 296, 1857.

надлежало вотчиннику в силу вотчинного права, то было теперь знатнейшими вотчинниками, обеспечиваемо жалованными грамотами как особенное преимущество». Таким образом, по Неволину, иммунитет существовал вместе с вотчинами, но иммунитетные грамоты — не следствие дальнейшего распространения института, а его ограничение.

Сергеевич¹ дает несколько другое решение вопроса о происхождении русского иммунитета, вернее иммунитетных жалованных грамот.

Он считает, что возникновение указанных преимуществ и льгот относится, конечно, к самой отдаленной древности. Но по памятникам существование этих привилегий можно проследить не далее первой половины XIV в. Можно, таким образом, думать, что источником иммунитетных прав, по Сергеевичу, являются жалованные грамоты. Однако он отмечает, что и такие пожалования составляли общее правило, а не исключение. «Думаем так потому, что в числе пожалованных встречаются Ивашки и Федьки. Можно ли допустить, что большие люди, имена которых писались с «вичем», имели менее прав и привилегий, чем эти Ивашки, жалованные грамоты которых случайно сохранились до наших дней?»

После Неволлина и Сергеевича вопросом о происхождении иммунитета занимался Павлов-Сильванский,² который в основном принял установки Неволлина. «Я полагаю, — говорит он вместе с Неволлиным, — что жалованные грамоты только подтверждали тот порядок вещей, который в древнейшие времена существовал сам по себе и по общему правилу». Павлов-Сильванский, кроме того, исходил из положения, сформулированного одной из существовавших тогда групп исследователей западноевропейского иммунитета, признававших иммунитеты исконным обычным правом крупных землевладельцев.

С. Б. Веселовский,³ подвергнув пересмотру вопрос об иммунитете, дал очень много нового материала, в особенности по истории иммунитета в Московском государстве, однако дать общие взгляды о возникновении и первоначальном развитии этого института он отказался. Он ограничился замечанием, что иммунитет «предстоит исследовать, прежде чем давать общие характеристики и сравнивать русский иммунитет с иммунитетом западноевропейских народов».⁴

Поскольку он уделяет иммунитету эпохи Русской Правды всего несколько страниц, его исследование почти выходит из круга нашего внимания. Да и вообще исследователи занимались историей русского иммунитета на основании материалов Московской и частично Новгородской Руси XIV—XVI вв., и до моих работ

¹ Указ. соч., т. I, стр. 364—368.

² Феодализм в Удельной Руси, II, § 61—64, 1900.

³ К вопросу о происхождении вотчинного режима. М. 1926.

⁴ Указ. соч., стр. 8.

(«Феодалыные отношения и Киевская Русь», «Устав князя Владимира», «Устав князя Всеволода») никто происхождением иммунитета в Киевской Руси не занимался. Едва ли я ошибусь, если отмечу, что исследователи, как общее правило, вообще не признавали существования иммунитета в эту эпоху.

Переходя к вопросу о возникновении и первоначальном развитии иммунитета в древнейшей Руси, необходимо прежде всего отметить особую сложность вообще вопроса о возникновении иммунитета, которая большинством исследователей не осознается. Дело в том, что если не ограничивать исследование происхождения иммунитета исследованием иммунитетных пожалований — иммунитетных дипломов, то общий вопрос о происхождении иммунитета необходимо расчленить на ряд вопросов: 1) когда, как и в каком объеме возникает иммунитет самых крупных владельцев-феодалов; 2) когда, как и в каком объеме возникает иммунитет в отношении слуг и феодално-зависимого сельского населения; 3) когда и при каких условиях возникают иммунитетные пожалования — иммунитетные дипломы.

В свою очередь приходится расчленить и первый вопрос на два: 1) как и когда возникает иммунитет крупных землевладельцев, не вошедших в состав дружинной организации; 2) как и когда возникает иммунитет княжеских людей.

Чтобы перейти к решению этих вопросов, нам надо высказать ряд общих суждений об иммунитете. Как нам думается, иммунитет является в значительной степени юридической стороной формы феодального властвования. Иммунитет оформляет и вместе с тем обеспечивает феодальную эксплуатацию крупными землевладельцами подвластного ему сельского населения. Возникновение иммунитета есть следствие возникновения (юридическое выражение) феодальной ренты. Час рождения феодальной ренты есть час и зарождения иммунитета. История иммунитета есть в сущности история развития форм феодального властвования. Поскольку эти формы развиваются, развивается и иммунитет. Как сложно возникновение феодальной ренты, — она развивается разнообразными путями и способами, — так же сложно и многогранно и развитие иммунитета. Историю иммунитета необходимо изучать в теснейшей связи с историей феодальной ренты. Нам кажется, что неудачи западноевропейских исследователей объясняются именно тем, что они изучали иммунитет оторванно от форм феодального властвования. Если мы эти общие суждения применим к истории возникновения и первоначального развития иммунитета, то нам значительно легче будет разобраться в этой сложной проблеме.

Переходим теперь к выяснению первого вопроса — о возникновении иммунитета самих землевладельцев, которые не входили в состав дружинной организации. Прежде всего выясним, обладали ли они личным иммунитетом. Нам думается, что они, несомненно, стали обладать им, как только их землевладение выросло и как только они вышли, выделились самостоятельным экономическим

комплексом из общины. Образовав самостоятельную экономическую единицу — первую форму первоначальной сеньории, крупные землевладельцы тем самым выходили из общинной организации, переставали тянуть к ней судом и данью. Они, еще до вхождения в дружинную организацию, стали представителями феодальной власти на местах и по мере роста своего землевладения, своего экономического влияния, роста сельского населения, находившегося под их властью, сами захватывали суд и дань над общиной. Когда же княжеская власть стала организовывать свои центры властвования на местах, то она нашла эти выросшие феодальные группы, вошла с ними в связь и принуждена была закрепить за ними приобретенные ими права как личного иммунитета, так и иммунитета всей феодальной сеньории. При вхождении крупных землевладельцев в вассалитет иммунитет за ними не только молчаливо признавался, а, вероятно, стал определенным образом фиксироваться, — вероятно, в первых грамотах, предшествовавших, как мы увидим, иммунитетным дипломам. Исследователи, сомневавшиеся в истинном существовании личного иммунитета у крупных землевладельцев, которые потом войдут в феодальную группу, не учитывали того, что возникновение сеньории необходимо предполагает выход сеньора из общины (выход из общинного суда и вообще из общинной организации), что эти крупные землевладельцы были опорой центральной феодальной власти.

У кого же судились и кому платили дань эти крупные землевладельцы? Нам думается, их привлекали или к суду князя или же, если процесс феодализации был уже достаточно глубок, — к суду более значительных сеньоров (можно думать, что к числу их принадлежали «старцы градские», «старейшины», «нарочитые люди»). Но что они не подчинялись ни общинным властям, ни общей феодальной власти на местах, — в этом, на наш взгляд, можно не сомневаться. Яркий пример такого личного иммунитета феодалов, не вошедших в дружинную организацию и в вассалитет, был иммунитет новгородских бояр, которые не только пользовались личным иммунитетом, но и сами его жаловали подвластным лицам и церковным учреждениям.

Вопрос о личном иммунитете дружинников, тех феодальных групп, которые затем стали входить в состав вассалитета и министриалитета, нам думается, совершенно прост и ясен. Исконность этого личного иммунитета не может даже вызывать никакого сомнения. Она не только подтверждается существованием дружинных институтов, но и теми институтами, которые связаны с так называемой княжеской защитой. Князь сам судил не только дружинников, но и всех тех, кто нарушал их права и посягал на их личность. Личный иммунитет дружинников и княжих мужей, кроме этих соображений, прекрасно подтверждается и Русской Правдой. Еще в Правде Ярославичей говорится о суде князя над дорогобужцами, убившими старого конюха; имеется специальное постановление о запрещении «мучить» — наказывать без княжеского слова

огнищан. Словом, по всем данным, необходимо прийти к выводу, что дружинник, а затем княжеский вассал или министерял обладал правом непосредственного суда князем. Он не подчинялся суду местных княжеских агентов.

Перейдем теперь к вопросу о возникновении иммунитета для всего феодального комплекса, принадлежавшего крупному землевладельцу.

При решении данного вопроса особое значение как раз имеют те общие суждения об иммунитете, которые были нами формулированы, а именно, что иммунитет, по своему существу, есть юридическое выражение формы феодального властвования и что история иммунитета органически связана с историей феодальной ренты. Поэтому история возникновения и первоначального развития иммунитета есть история постепенного приобретения и роста прав крупных землевладельцев над зависимым и крепостным крестьянством в смысле суда и дани. Иммунитет не сразу появляется в качестве законченного института, так же как не сразу возникает и оформляется феодальная рента.

Прежде всего право суда и эксплуатации, в том числе различного рода даней и поборов, крупному землевладельцу принадлежит по отношению к холопам. Полный холоп был в еще большей степени объектом прав до развития процесса феодализации. Но и в этот период, как мы знаем, неограниченным судьей холопа является господин. Он не отвечает даже за его убийство. Вместе с тем господин ищет и отвечает за своих рабов перед третьими лицами.

Второй группой, над которой крупный землевладелец осуществляет право суда и взимания дани, является группа закупов. Когда нами обсуждался вопрос о правовом положении закупов, было отмечено, что закуп находился в полной юрисдикции господина. Некоторое стремление ограничить эту власть господина над закупом, выявившееся в законодательстве, едва ли могло иметь какое-либо реальное значение.

По мере того как дань превращалась в феодальную ренту, а смерды превращались из данников в феодально-зависимую группу, право суда и взимания дани постепенно переходило к их обладателям.

Особенно большое значение в деле развития иммунитета имел патронат. Благодаря патронату удалось обеспечить право суда над разнообразными группами: закладниками, прикладниками, изгоями, задушными людьми, нищими и прочим выбитым из колен элементом, а также взимания с них дани. Наконец, иммунитет был распространен на ту группу зависимого населения, которая вошла в состав неполного холопства.

Словом, иммунитет охватывал постепенно те элементы населения, которые входили в состав рабочей силы сеньории. Эти общие моменты, определившие возникновение иммунитета по отношению к зависимому-крепостному крестьянству, позволяют уста-

новить, что право самосуда и взимания в свою пользу различного рода финансовых сборов устанавливалось само собой для обеих групп, входивших в состав феодалов, — как членов дружинной организации, так и свободных крупных землевладельцев. Ведь право суда над холопом, закупом, смердом и т. д. вытекало из существа их прав над этими подвластными и зависимыми людьми, а не определялось положением их владельцев. А отсюда вытекает, что первоначально иммунитет не мог фиксироваться в каких-либо грамотах.

Однако с течением времени такое положение иммунитета права начало изменяться. Дело в том, что, по мере углубления и расширения процесса феодализации, охвата феодальной эксплуатацией массы сельского населения, князья начинают передавать своему боярству и дружинникам землю с населяющим ее свободным крестьянством. Поскольку крестьянство тянет судом и данью к определенному административному центру, возглавлявшемуся княжеским агентом — волостелем или тиуном, то простое пожалование территории без указания прав нового владельца не могло его обеспечить. С одной стороны, волостель или тиун, которые пользовались поборами и определенной долей даней и судебных пошлин, будут оспаривать права владельца и, конечно, еще в большей степени это будет делать само крестьянство, сознающее, что передача их под власть феодала означает усиление их эксплуатации. Таким образом, князья принуждены были во избежание различного рода споров и претензий фиксировать свои пожалования в особых грамотах, в которых указывается передаваемая земля и устанавливаются права нового владельца.

А так как передача территории без прав над населением являлась пустым звуком, — крестьянство, принужденное отправлять все дани и повинности и вместе с тем повинности новому владельцу, конечно, разбежится, — то в этих грамотах стали отмечать, какие сеньориальные права передаются новому владельцу. С другой стороны, так как население было неприкрепленным, то надо было закрепить это пожалование путем особого рода обращения к княжеским агентам, а часто и к своим наследникам. Чтобы усилить действие этого обращения, оно снабжается проклятием его нарушителям или санкцией.

Таким образом, иммунитет первоначально устанавливается не изданием какого-либо акта со стороны княжеской власти, в котором основное содержание определялось бы запрещением агентам государственной власти отправлять правосудие или собирать дань в пределах данного владения, а подтверждением, что владельцу передается дань, виру, продажи, т. е. те права, которые впоследствии защищаются иммунитетной грамотой. Иммунитету и иммунитетной грамоте в тесном смысле этого слова, т. е. запретительному акту, предшествовал иммунитет в широком смысле, т. е. передача прав, защищаемых иммунитетом. Иммунитет положительный как бы предшествовал иммунитету отрицательному. Следовательно,

особая грамота, устанавливающая иммунитет в тесном смысле слова и освобождающая владельца от общей подсудности и финансово-административного подчинения агентам княжеской власти, есть позднейшая форма иммунитетного пожалования, появившаяся в результате пожалованных прав, защищаемых иммунитетом.

Наиболее ярким подтверждением этого факта является грамота великого князя Мстислава Владимировича и сына его Всеволода Юрьеву монастырю, по которой передаются последнему «Буйци с данью, вирами и продажами».

В этой грамоте совершенно не устанавливается иммунитет в тесном смысле этого слова, т. е. в ней отсутствует запрещение княжеским агентам отправлять правосудие и выполнять финансово-административные функции в пожалованной территории. Точно так же право на дань, виры, продажи (т. е. на суд) формулировано и в Уставной грамоте Ростислава Смоленского, но не в отношении какого-либо земельного владения, а в отношении одной только категории лиц, именно прощенников («А се даю Святей Богородицы и епископу прощенники с медом и с кунами, и с вирою, и с продажами»), но здесь есть уже прибавка: «и не надобе их судити никакому же человеку».

Не трудно представить, что из этого краткого и не направленного специально по адресу княжеских агентов запрещения, впоследствии, выработалась уже та обширная и развитая форма иммунитетного пожалования, которая дошла до нас в образцах XIV—XVI вв.

Так как иммунитетные пожалования даны только церковным учреждениям, и грамоты светским феодалам, относящиеся к дотатарскому периоду, совершенно отсутствуют, то возникает вопрос, получали ли светские владельцы в этот период иммунитетные дипломы. Нам думается, что отсутствие грамот еще не отрицает их существования. Общие предпосылки и условия появления вообще иммунитетных пожалований относятся как к церковным феодалам, так и к светским. Думается, — как раз наоборот: поскольку процесс феодализации стал ранее проявляться в светском землевладении, можно предполагать даже, что иммунитетные пожалования светским феодалам хронологически предшествовали церковным.

Обратимся к вопросу об объеме тех прав, которые обеспечивались иммунитетом: был ли иммунитет при своем возникновении шире или уже по сравнению с иммунитетом в эпоху наибольшего своего развития? С первого взгляда кажется, что этот вопрос должен быть решен в последнем смысле, т. е. что он был уже, нежели в XIV—XVI вв. К этому выводу склоняют как будто следующие общие соображения: процесс феодализации в XIV—XVI вв. окончательно оформился, а в IX—XIII вв. он еще далек был от окончательного своего завершения. Основываясь на этом, можно думать, что иммунитет, как и другие институты в XI—XII вв., будет носить слабо выраженный и неразвитый характер и, следовательно, объем защищаемых им прав должен быть не так широк,

как впоследствии. Эти общие соображения можно подкрепить ссылкой и на некоторые имеющиеся в нашем распоряжении данные, в частности на уже неоднократно нами цитируемое место из Лаврентьевской летописи о городах и купленных слободах и селах, дарованных Владимирской церкви князем Андреем Боголюбским и затем захваченных Ростиславичами: именно там упоминается, что Владимирская церковь обладала правом на одну только дань, а не на суд («свободы купленные и с даньми и села летняя»). Следовательно, Владимирская церковь обладала только одним правом (которое обеспечивалось иммунитетом), а не двумя, и, таким образом, иммунитет Владимирской церкви был ограничен. А отсюда естественно предполагать, что подобного рода ограничения были обычными в отношении менее значительных церковных учреждений, по сравнению с Владимирской церковью, и в особенности светских владельцев.

Но значительность и убедительность этих доводов сведется к минимуму, если мы будем иметь в виду, что публичные права, осуществлявшиеся государственною властью в IX—XIII вв., были вообще менее сложны и осуществлялись только в суде и дани. Несложности этих прав соответствовали простота и несложность административной системы. Между тем объем публичных прав в XIV и тем более в XVI в. все более и более увеличивался с развитием финансовой системы и осложнением и расширением судебного и административного аппарата. Кроме того, население принуждено было платить ряд новых прямых и косвенных налогов, ямские деньги, оброк и разного рода повинности. Кроме волостей и тиунов появилась целая иерархия должностных лиц.

Поэтому те ограничения, которые мы наблюдаем в иммунитетных пожалованиях XIV—XVI вв., отчасти обусловлены не столько стремлением князей ограничить иммунитет, сколько расширением публичных прав и установлением новых публично-правовых обязанностей благодаря новым экономическим условиям и социально-политическим перестройкам. Следовательно, если иммунитет был ограничиваем в XIV—XVI вв., то это еще не значит, что он должен быть ограничиваем в IX—XIII вв. Следовательно, несложность и малочисленность сензоральных прав, которые могли обеспечиваться иммунитетом в этот период, побуждает думать, что они обеспечивались ими всецело, без тех ограничений, которые мы наблюдаем обычно в XIV—XVI вв.

Что же касается того факта, что Владимирская церковь осуществляла одно только право, защищаемое обыкновенно иммунитетом (право на дань), то, основываясь на данных истории развития церковного иммунитета, можно предполагать, что право на суд осуществлялось церковью без особого специального пожалования со стороны князя и основывалось на общих постановлениях о церковном суде, выраженных в княжеских уставах, и потому не было упомянуто.

Итак, все эти наблюдения дают нам возможность даже при

крайней незначительности данных установить, что иммунитет в древнейшей Руси, так же как и в других странах, возник и развивался параллельно с феодальной рентой, являясь ее юридическим выражением, что приблизительно в XI в., когда расширился круг феодально-зависимого крестьянства и начались раздачи свободного крестьянства дружинникам и церковным учреждениям, в целях обеспечения и закрепления за ними прав, — стали выдаваться грамоты, являющиеся первой формой иммунитетных дипломов.

Заключительные замечания

Подведем итоги нашему исследованию о происхождении феодального государства, феодальной монархии в эпоху Киевской Руси.

Примитивные территориальные отношения в дофеодальный период в XI в. начинают усложняться. Прежде всего в состав Киевской Руси входят уже не территории племен, а земли-княжения, возникшие на обломках племенных княжений. Эти земли постепенно превращаются в феодальные сеньории, поскольку вырастает княжеский домен, втягивающий в свою сферу земельные владения, возникшие внутри разлагавшихся сельских общин. Изменяются отношения между великим князем и местными князьями; примитивный вассалитет переходит в вассалитет развитого феодального типа. Отношения между великим князем и местными князьями определяются феодальными договорами. Растут функции великого князя. Постепенно князья превращаются в типичных феодальных монархов. Деятельность князей направляется возникшими в этот период феодалами. Однако это руководство совершается без всяких сложившихся организационных форм, без всяких учреждений.

Князья иногда созывают вече, но вече постепенно из органа первобытной демократии превращается в феодальный орган. По мере того как князья превращаются в наиболее крупных местных феодалов, они перестают созывать вече. В одном Новгороде оно не только сохранилось, но и получило большое политическое значение. С конца XI в. получают особое значение феодальные съезды.

Развитие феодальных отношений влечет за собой перестройку старого и организацию нового феодального аппарата. Так называемая десятичная система превращается в систему органов феодальной власти, а затем постепенно сливается с новой, уже феодальной административной системой, которая представляет собою соединение дворцово-вотчинной системы с системой кормления на местах.

По мере возникновения феодальных сеньорий и феодальной ренты развивается иммунитет.

ГЛАВА ПЯТАЯ

I. Местные особенности в процессе феодализации

§ 1. Развитие феодальных отношений в Киевской Руси нами изучено главным образом на основании материалов, относящихся к основному центру ее — Киевской земле. Но уже с самого начала процесса феодализации должны были проявиться местные особенности в этом процессе.

Эти местные особенности могли заключаться: 1) в разных степенях интенсивности процесса феодализации; 2) в большей или меньшей степени закрепощения сельского населения; 3) в большем или меньшем значении того или иного способа превращения свободного непосредственного производителя в феодально-зависимого крестьянина; 4) в большем или меньшем значении в экономической и политической системе той или иной земли основных видов феодальных владений — княжеского домена, церковной и боярской сеньорий; 5) в процессе возникновения и в правовом оформлении класса феодалов и класса феодально-зависимого крестьянства; 6) в структуре политической власти, в частности в большей или меньшей роли князя, боярства и городского населения; 7) в процессе возникновения феодальных институтов — вассалитета, министериалитета, иммунитета.

Разумеется, можно иметь в виду ряд и других, более мелких, следовательно, менее важных особенностей в процессе феодализации.

Вне всякого сомнения, все земли, на которые распалась Киевская Русь, имели целый ряд особенностей в этом процессе, изученном нами на материалах, относящихся главным образом к Киевской земле. Но состояние источников таково, что мы не можем установить эти особенности для всех земель. Так, мы не можем это сделать для Черниговской, Переяславской, Новгородской, Северской, Рязанской, Смоленской, Турово-Пинской и Полоцкой земель. Но зато у нас имеется некоторый материал для установления местных особенностей в процессе феодализации Новгородской, Галицко-Волынской и Ростово-Суздальской земель. Впрочем, и этот материал недостаточен; его приходится восполнять позднейшим материалом и из изучения конечных результатов процесса подходить к его началу.

Разумеется, изучение процесса возникновения и первоначального

развития феодализма в этих трех землях должно быть предметом самостоятельных и подробных исследований. Но пока их нет, целесообразно поставить этот вопрос хотя бы в самой общей форме.

§ 2. Вопрос об особенностях в процессе феодализации Великого Новгорода был поставлен еще Рожковым,¹ относившим новгородский феодализм к типу так называемого муниципального феодализма. По его мнению, в хозяйственном отношении муниципальный феодализм характеризуется преобладанием транзитной, внешней торговли, которой подчиняются и ремесло и земледелие или другие отрасли сельского хозяйства.

Но если принять это определение, то муниципальным феодализмом придется называть не только феодализм в Новгороде, но и общественно-экономический строй Финикии, Карфагена, словом — тех стран, где была сильно развита внешняя торговля.

К тому же Рожков не объяснил, как же возник этот муниципальный феодализм в Новгороде.

Естественно, что при установлении особенностей в процессе феодализации Новгорода придется отказаться от этого понятия.

Нам думается, что особенности в процессе феодализации в Новгороде обуславливаются особенностями в процессе развития крупной феодальной сеньории и особым положением, которое стал занимать Новгород после упадка Киева как экономического и политического центра. Как известно, Новгород, после того как Киев сделался этим центром, перестал привлекать к себе князей.

Достаточно показателен в этом отношении высокомерный ответ князя Святослава новгородцам, пришедшим к нему просить себе князя: «Абы пошел кто к вам», — сказал он. Да и те князья, которые сидели в Новгороде, в частности Владимир и Ярослав, смотрели на Новгород только как на своего рода плацдарм для последующего продвижения в Киев. Пренебрегая Новгородом, связывая свою судьбу с Южной Русью и с Киевом, князья не были заинтересованы в том, чтобы превратиться в местных землевладельцев и образовывать там свой домен. В виду этого экспроприация общинных земель была произведена не князьями и не дружинными элементами, а местными представителями родо-племенной знати, а также крупными землевладельцами, выросшими внутри разлагавшихся общин. Большая часть не освоенных новгородским боярством земель досталась церковным учреждениям — Софийскому дому, монастырям, церквям. В виду этого и удельный вес церковного землевладения в Новгороде был более значительным, нежели в других землях. Итак, в Новгороде не могло быть положено начало княжескому домену, не могло развиваться землевладение княжеских дружинников. Когда же Великий Новгород сделался центром внимания князей, а это обуславливалось ростом его экономического и политического значения, то было уже поздно. Сплочен-

¹ Русская история в сравнительно-историческом освещении, т. II, стр. 417, М.—П.

ное новгородское боярство приняло все меры к тому, чтобы не дать возможности князю и его окружению начать осваивать земли как новгородских феодалов, так и общинников. Постепенно слагается своего рода конституционная норма, запрещающая князю, его княгине, его боярам и дворянам приобретать возмездно или безвозмездно земли, находившиеся на территории Новгорода. В первом¹ дошедшем до нас договоре новгородцев с князем (в. кн. Тверским Ярославом Ярославовичем) от 1265 г. мы встречаем следующую статью: «А в Бежицах, княже, тебе, ни твоей княгине, ни твоим бояром, ни твоим дворяном сел не держати, ни купити, ни даром принимати и по всей волости Новгородской». Слагается и другая норма, запрещающая князю и его окружению принимать в закладники новгородцев. В том же договоре говорится: «ни закладников приемати, ни княгине твоей, ни бояром твоим, ни дворяном твоим, ни смерда, ни крещины». Запрещение закладничества обусловлено не только тем, что оно расширяло политическую базу князей, но также и тем, что прием в закладники новгородцев, как было указано, вел к последующему превращению их в феодально-зависимое и крепостное крестьянство и к экспроприации их земель.

Хотя все эти нормы содержатся в договоре 1265 г., но в самом тексте его указывается, что это новгородская пошлина, которая оформилась при дедах и отце вел. князя Ярослава Ярославовича — Ярославе Всеволодовиче. Сопоставление договорной пошлины с политической практикой Великого Новгорода XII и начала XIII в., произведенное Костомаровым,² подтверждает это.

Итак, одной из основных особенностей в процессе феодализации Новгородской земли является невозможность возникновения в Новгороде княжеского домена и развития его в дальнейшем. В свою очередь это должно было обусловить ряд дальнейших особенностей. В первую очередь это должно было сказаться на способах превращения свободного сельского населения в феодально-зависимое и на формах экспроприации общинных земель. Как в свое время было указано, одним из основных способов превращения свободных данщиков в зависимое крестьянство было постепенное превращение дани в феодальную ренту. Этот способ предполагает непосредственное участие князя и его многочисленных агентов. В Новгороде он был исключен, поскольку установилась конституционная норма о запрещении князю и его окружению брать с населения поборы свыше установленных в договорах.

И в Новгороде данщики с течением времени стали называться смердами, и здесь смерды находятся в ведении князя, но вместо права на неограниченную эксплуатацию смердов здесь возникает обязанность «блюсти» смердов. Достаточно указать, что князь Всеволоду был «показан путь» между прочим и за то, что он не «блюдет» смердов.

¹ Собр. гос. грам. и догов., т. I.

² Севернорусские народоправства, стр. 151. СПб. 1863.

В Новгороде отношения смердов к князю и городу не могут быть отождествлены с отношениями подданства. Здесь они носят своеобразный характер. Здесь они выражаются в несении различного рода повинностей, с одной стороны, и во властной опеке — с другой. Повинности, которые смерды на юге тянули к князю и княжескому хозяйству, смерды в Новгороде стали тянуть к городу, выполняя их за городское население. Сообщение летописей о существовании в Новгороде особого смердьего моста и смердых ворот дает нам возможность сделать предположение о том, что смерды привлекались к мостовому и городовому делу непосредственно в городе. Об отправлении ими разного рода повинностей и уроков Пскову, согласно особой смердьей грамоте, совершенно определенно говорит летописный рассказ о событиях 1485 г. в Пскове.

Эти особые повинности, как будто, отправлялись исключительно смердами; другие группы сельского населения, например своеземцы, половники и пр., их не несли, находясь в общем государственном тягле. Таким образом, выйдя из личной зависимости князя, смерды в Новгороде попали в подчинение города как феодального центра, мало-помалу превратившись в особую группу сельского населения, эксплуатируемую городскими и феодальными группами. Существо этих своеобразных отношений было хорошо понятно и отмечено одним из ганзейских посольств в Новгороде. В своем сообщении оно отчетливо выявило отношения зависимости смердов от новгородцев; так, между прочим, при переговорах с новгородскими боярами один из членов посольства указал: „Vos Nogardensis bona illa habetis et ea cum smerdis vestris divistis. Smerdi vestri sunt et idcirco de jure tenemini respondere“.¹

Но смерды, будучи защищены от попыток князей превратить их из данщиков в феодально-зависимое крестьянство, разумеется, закабалались разными способами новгородским боярством и другими крупными землевладельцами. Таким образом, можно считать, что в Новгороде задолженность и патронат являются наиболее обычными способами превращения свободного населения в феодально-зависимое крестьянство.

По мере упадка Киева, росло значение Новгорода как торгового центра. Поскольку и ранее крупные землевладельцы сосредоточивались в городах, то благоприятная экономическая конъюнктура была в первую очередь использована городскими землевладельцами. Они, таким образом, не только сделались феодалами, но и наиболее крупными торговцами и банкирами и, следовательно, сосредоточивали в своих руках все нити тогдашней экономики. Новгородский боярин держал в своих руках не только зависимое крестьянство, но и мелких купцов и ремесленников. Таким образом, экономическая база новгородских феодалов была чрезвычайно широкой. А это обуславливало ряд особенностей в классовой струк-

¹ Sartorius G. Urkundliche Geschichte des Ursprungs Hanse, B. II, № LXXIII, 5, 165.

туре Новгорода, в правовом оформлении феодальных классов и в расстановке классовых группировок.

Прежде всего класс феодалов возник в Новгороде несколько иначе, нежели в других землях. В него не вошли дружинные элементы, поскольку дружина шла за князьями, тянувшими к Киеву, и поскольку им, как и их князьям, впоследствии стали запрещать осваивать новгородские земли и принимать закладников. Класс новгородских феодалов, следовательно, образовался только из крупных землевладельцев, возникших в недрах разлагавшихся сельских общин. Пополнялся этот класс из числа наиболее зажиточных купцов и ремесленников. Так как новгородским князьям запрещалась самостоятельная (без согласия посадника) раздача земель (а своих земель у него не было), то в Новгороде не мог возникнуть вассалитет. Да, кроме того, новгородские бояре и другие феодальные группы, занятые в торговле и в банкирском деле, едва ли хотели быть военными слугами князей. Следовательно, при отсутствии в Новгороде вассалитета не могли возникнуть и такие феодальные институты, как лены, бенефиции и другие формы условного землевладения.

Так как новгородские бояре и другие феодальные группы не были военными слугами князя, то у них не было ни дружины ни подвассалов. Наконец, поскольку у князя не было крупного хозяйства, в Новгороде не могла сложиться система дворцово-вотчинного управления (достигшая весьма большого развития и в других землях), вследствие чего не мог возникнуть и министералитет.

Таким образом, в Новгороде не могла возникнуть феодальная лестница. Феодальные группировки определялись величиной их земельных владений и удельным весом в торговле. Бояре составляли верхнюю ступень, поскольку они были самыми крупными землевладельцами и банкирами, житьи люди — следующую, а за ними шли крупные земцы или своеземцы.

Все эти особенности в процессе возникновения феодального землевладения, класса феодалов и класса феодально-зависимого крестьянства определили особенности и в политической организации. Они в достаточной степени изучены. Мы коснемся их в самых общих чертах. Поскольку князья в конце концов лишились экономической и социальной базы, а новгородские бояре не желали делиться с князем и его окружением своим экономическим и политическим влиянием, то Новгород по мере распада Киевского государства стал идти не к феодальной монархии, а к феодальной республике. Другой основной чертой политического устройства Новгорода было то, что он сделался не просто столицей, резиденцией основных политических органов, а руководящим политическим центром — Господином Великим Новгородом.

Эта черта обуславливалась тем, что в Новгороде сосредоточивались все нити хозяйства: новгородские феодалы, как указано, были не только землевладельцами, но и держали в своих руках

торговлю. А это все обуславливало целый ряд особенностей в структуре и во взаимоотношениях органов власти.

Поскольку основной политической силой было старое боярство, экспроприировавшее большую часть Новгородской земли, то основным органом власти с течением времени стал боярский совет. Он не может быть отождествлен с теми совещаниями с боярами, которые созывали князья в других землях. Боярский совет прежде всего превратился в настоящее учреждение с определенными функциями. Далее, боярский совет организовывался и в дальнейшем пополнялся новыми членами без всякого участия князя. Следовательно, он превратился в самодеятельный, независимый орган.

Иное положение стало занимать и вече в системе новгородских политических органов. Как было указано, в других землях, по мере того как утверждалась власть князя — феодального монарха, вече перестало созываться и затем постепенно отмерло. Но в Новгороде, наоборот, из совещаний, созывавшихся по мере надобности, вече стало превращаться в настоящее учреждение с определенным кругом деятельности. Эта живучесть веча, рост его политического влияния определялись тем, что боярство, в целях преодоления княжеских притязаний на расширение власти, принуждено было поделить свою власть с городскими купцами и ремесленниками. Умело затушевывая свою решающую роль при принятии вечевых решений, оно стремилось противопоставить князя всему коллективу жителей Новгорода.

Своеобразно стало и положение князя. Князь, не успевший сделаться землевладельцем в Новгородской земле, не успевший обзавестись своим доменом, не имел в Новгороде ни экономической, ни социальной базы. Он не мог опираться в Новгороде на какую-либо влиятельную группу общества; естественно, что он не мог достигнуть той степени власти и влияния, какой, как общее правило, достигли князья в других землях.

Вместо того чтобы стать феодальным монархом, князь превратился в магистрата Новгородской республики. К нему вполне приложима характеристика Ключевского, ошибочно им данная всем князьям Киевской Руси. Это был действительно военный сторож, а не первый феодал в своей земле. Новгородские феодальные группы, не давая возможности князю и в дальнейшем обзавестись доменом и расширить свою экономическую и социальную базы, принимали все меры, чтобы он не расширил и своих политических функций. С этой целью они заключили с князем договоры, в которых точно фиксировались права и обязанности князя. Характерно, что основные прерогативы княжеской власти по этим договорам были ограничены. Так, в древнейшем договоре, который дошел до нас, князю запрещалось держать новгородские волости княжескими людьми; ему же запрещалось раздавать новгородские волости без посадника.

Естественно, что права князя по отношению к новгородской администрации также ограничиваются. Посадник и тысяцкий не

назначались князем, и избирались вечем. Из княжеских агентов, какими они были в других землях, они, таким образом, превратились в республиканских магистратов.

В ином положении стали находиться и новгородские города. Они не были центром княжеского феодального властвования, а подчинялись всему городскому коллективу; они были городами Господина Великого Новгорода.

§ 3. Вопрос об особенностях в процессе феодализации в Северо-восточной (Ростово-Суздальской) Руси никем не ставился. Зато в литературе высказано много мнений об особенностях общественного и политического строя в этой части Руси историками, которые не затрагивали вопроса о феодализме. В основном наметились две точки зрения. По одному взгляду, с наибольшей силой развита у В. О. Ключевского, основной особенностью Ростово-Суздальской Руси была исключительная роль князя, обусловленная его колонизаторской деятельностью. Поскольку колонизация приносила преимущественно увеличение сельских масс, то население должно было стать гораздо более сельским по своему составу, чем оно было в Южной Руси.

Иное мнение было высказано и развито Сергеевичем, отрицавшим, как было указано, местные особенности в политическом строе земель, на которые стало распадаться Киевское государство. Сергеевич полагал, что новые черты в отношениях князя к населению появились только после татарского нашествия.

В сравнительно недавнее время вопрос об особенностях общественно-политического строя Ростово-Суздальской земли в разрезе взаимоотношений князя к городу пересмотрен А. Насоновым, пришедшим к выводу, что «та литературная традиция, согласно которой в Ростово-Суздальском крае XII в. благодаря устроительной деятельности князей создается «особый мир», где князь попадает в положение хозяина и собственника, — не оправдывается показаниями источников, что на севере в XII и начале XIII в. начинают проявляться бытовые черты старой вечевой Киевской Руси, в основе своей общие укладу жизни всех волостей того времени».

Таким образом, новый исследователь в основном подтвердил и заново аргументировал взгляды Сергеевича.

Не трудно видеть, что дискуссия, которая велась в исторической литературе по вопросу об отношениях общественного строя Ростово-Суздальской земли, дает нам не много материала для решения вопроса об особенностях в процессе феодализации в этой земле. Приходится решать этот вопрос, можно сказать, заново. При постановке его, как нам кажется, надо исходить из следующих моментов.

Прежде всего приходится признать, что Северо-восточная Русь состояла из трех основных частей:¹ 1) сравнительно небольшой территории, издавна колонизированной новгородскими выходцами,

¹ Князь и город в Ростово-Суздальской земле (Истор. сборн. „Века“, Л., 1924).

центром которой был Суздаль и затем Ростов; 2) самой значительной части, занятой поселениями голяди, мери и веси и другими финскими племенами и колонизируемой в XII в.; 3) территории, занимавшейся вятичами — славянским племенем, которое намного отстало в своем общественно-экономическом развитии по сравнению с другими славянскими племенами. Будучи неоднородной этнически, Северо-восточная Русь была и социально неоднородной. Если ту часть Северо-восточной Руси, которая тянула к Ростову и Суздалю, можно считать более или менее находившейся на уровне развития приднепровских княжеств (в дальнейшем будем ее называть Ростово-Суздальским краем), то зато другие части (и населенная голядью, весью, мерью, муромой и мещерой, и населенная вятичами) едва ли вышли из стадии родо-племенных отношений к началу XII в. Таким образом, значительнейшая часть Северо-восточной Руси еще не подверглась процессу феодализации к моменту распада Киевского государства и, так сказать, еще не вышла из дофеодалного периода. Можно говорить только о сложившихся феодальных группах в Ростово-Суздальском крае. Достаточно указать, что именно в этом районе произошли два восстания — в 1024 и в 1071 гг.

Второй характерный момент: с началом интенсивной колонизации Северо-восточной Руси, вне всякого сомнения, крупнейшую роль в деле захвата земель литовского и финского населения, в деле защиты колонистов от коренного населения, наконец в деле строительства городов играл князь. Насонов, который всячески пытался оспорить роль князя в деле колонизации Северо-восточной Руси, не мог привести никаких серьезных доводов, кроме ссылки на то, что литературная традиция о северо-восточном князе как князе-строителе восходит к временам Татищева и затем к московским книжникам XV—XVI вв. Достаточно проанализировать известия древнейших наших сводов о деятельности первых ростово-суздальских князей — Юрия и Андрея, чтобы всякие сомнения на этот счет отпали.

Третий момент, который надо учитывать при решении вопроса о местных особенностях в процессе феодализации Северо-восточной Руси, — это отсутствие здесь крупных торговых центров, близких по своему значению к Новгороду или к Киеву. Не трудно установить, что торговое значение старых центров — Суздаля и Ростова — стало падать задолго до того, как упало их политическое значение. При перемене торговых путей они стали превращаться в экономическое захолустье. С другой стороны, и Владимир, даже в лучшую свою эпоху, не был первоклассным торговым центром, чем объясняется его быстрое падение после татарского нашествия. Если мы учтем все эти моменты, то выявим следующие особенности в процессе возникновения феодальных сенъорий и превращения свободных производителей в феодально-зависимое и крепостное население. Прежде всего князья-колонизаторы смогли быстро разгромить сложившуюся в Ростово-Суздальском крае местную феодальную

знать и, чтобы не дать ей возможности восстановить свое политическое влияние, перенесли столицу во Владимир — город, выросший главным образом за счет прилива колонистов.

Естественно, что князья имели возможность организовать всюма значительный домен, равного которому, вероятно, не было в других землях. Часть этого домена они стали раздавать своим дружинникам и церкви и, таким образом, расширять свою экономическую и социальную базу.

Основная часть феодальных владений должна принадлежать дружинным элементам. Только в Ростово-Суздальском крае еще находились гнезда недобитой старой феодальной знати.

Что касается особенностей в процессе возникновения феодально-зависимого сельского населения, то нам думается, что здесь должно иметь особое значение насильственное закрепощение местного финского, литовского и славянского населения.

Обращает на себя внимание тот факт, что в Северо-восточной Руси быстро выходит из употребления термин «смерд», широко применявшийся в XI и начале XII в. для обозначения сельского населения Ростово-Суздальского края (так называемые «суздальские смерды»). Это исчезновение термина очень показательно. Вероятно, князья с целью привлечения колонистов давали новопоселенцам льготы и так называемые свободы.

Повидимому, происходил предварительный процесс «рассмердения» крестьянства, прежде чем оно было превращено новыми способами в феодально-зависимое население.

Надо, кроме того, отметить и особые условия возникновения городов. Здесь города — прежде всего военно-колонизационные центры (за исключением Ростова и Суздаля); они строились князьями. Естественно, что городское население так или иначе находилось под воздействием княжеской организующей силы.

Все эти особенности в процессе возникновения феодальных сенъорий должны предопределять особенности в образовании класса феодально-зависимого сельского населения. Класс феодалов, поскольку были разбиты старые ростово-суздальские группы, стал складываться главным образом из дружинных элементов — участников колонизационной деятельности князей. Занятые этой деятельностью, дружинные элементы стали, вероятно, сравнительно поздно оседать на земле.

Характерно, что летопись, рассказывающая о событиях Северо-восточной Руси, постоянно употребляет уже изжитую в других местах дружинную терминологию.

Так как были сильны еще дружинные отношения, то вассалитет не вышел из примитивных норм. В огромном княжеском хозяйстве крупную роль должен был играть министералитет.

Поскольку процесс феодализации на северо-востоке не мог быть сопоставлен по своей интенсивности, широте и глубине с этим процессом в других землях, то класс феодально-зависимого крестьянства еще не был консолидирован. Этим объясняется отсутствие

термина, применявшегося для обозначения феодально-зависимого крестьянства. Термин «смерд», как было уже указано, исчез, а новый термин не был выработан. Крестьянство то называется сиротами, то крестьянами и т. д.

Что касается особенностей в политическом строе Северо-восточной Руси, то здесь совершенно бесспорна исключительная широта власти северо-восточных князей, имевших, как было указано, исключительную широкую экономическую и социальную базу. Достаточно учесть деятельность трех первых ростово-владимирских князей — Юрия Долгорукого, Андрея Боголюбского, Всеволода III, чтобы всякие сомнения на этот счет отпали. Разбитое старое ростово-суздальское боярство потеряло свое влияние и не могло противодействовать князю. Деятельность ростово-владимирских князей направлялась дружинными элементами. Естественно, что говорить о существовании здесь боярской думы как постоянного учреждения в особенности, нет никаких оснований.

Нам думается, что в свете этих общих моментов, определивших особенности политического строя в Северо-восточной Руси, вопрос о взаимоотношениях князя и города должен быть решен в духе установившихся еще со времен Соловьева литературных традиций.

Поскольку Владимир (равно как и Ростов) не играл особой роли в хозяйстве Северо-восточной Руси как торгово-промышленный центр и поскольку князь имел весьма широкую базу и среди городского населения, естественно ожидать, что вече как орган власти, в котором могли принять участие и горожане — купцы и ремесленники, не играло особой (и притом самостоятельной) роли и постепенно отмерло еще до татарского завоевания. Характерно, что во Владимире оно часто использовалось как орган политического влияния со стороны тех групп, которые находились под воздействием княжеской организующей силы и принимали участие в разгроме старой феодальной знати Ростова и Суздаля.

Что касается местной администрации, то она назначалась князем и находилась под его непосредственным контролем. Очень характерно, что на северо-востоке возникает особое название для местных администраторов, сидевших в городах, — «наместники». Этот термин хорошо отмечает непосредственное подчинение местной администрации княжеской власти.

§ 4. Местные особенности в процессе феодализации в Галицко-Волынской земле предопределялись следующими моментами общественно-экономического и политического развития этой части Руси.

Одним из наиболее характерных моментов было раннее развитие в Галиции (по сравнению с другими землями) процесса разложения родо-племенных отношений и возникновения феодализма.

С другой стороны, и дальнейшее развитие феодализма шло гораздо интенсивнее. Это объясняется, кроме того, и непосредственными экономическими связями с западноевропейскими странами, находившимися по соседству с Галицией.

Далее, в то время как южные земли приходили в упадок и те-

ряли население, Галиция, подобно Северо-восточной Руси, сделалась местом оживленной колонизации. Но судьба этих колонистов была иная. Здесь приток колонистов оседал в уже сложившихся боярских сенъориях и, таким образом, усиливал экономическую и социальную базу местных бояр.

Кроме того, необходимо отметить, что Галиция вошла позднее всех других земель в состав Киевского государства и позднее других получила особого князя (с 1097 г.). Таким образом, процесс феодализации в Галиции вначале протекал без влияния на него княжеской организующей силы. Князья стали действовать в Галиции тогда, когда этот процесс определился.

Следует также отметить и тот факт, что покорение Галиции Польшей, дальнейшие постоянные связи Галиции с Польшей и Венгрией, частые случаи вмешательства этих стран в галицкие дела — все это должно было обусловить определенную степень влияния западноевропейского феодального права на развитие галицких феодальных учреждений и институтов.

Наконец, не мешает отметить еще одно обстоятельство: в Галиции не было крупных торговых центров, подобных не только Киеву или Новгороду, но даже, например, Смоленску или Владимиру. Очень характерно, что Галиция вначале называлась не по имени своей столицы — Галича, а описательно: «Червленские города». Значит, Галич не выделялся из других галицких городов. Да и впоследствии Галич не играл особой роли как крупный торгово-промышленный центр.

Все это предопределило ряд местных особенностей в процессе феодализации в Галицко-Волынской земле.

Прежде всего в Галиции основным типом феодальных владений была боярская сенъория. Бояре сумели захватить в свои руки основную часть Галицкой земли. Что же касается княжеского домена, то он стал развиваться позднее (только в XII в.), когда боярство уже захватило в свои руки лучшие земли. Словом, княжеский домен в Галиции был менее значителен, нежели где-либо. Из дошедшего до нас материала трудно уяснить значение церковного землевладения в Галиции, но можно думать, что и оно было менее развито, нежели в других землях, в частности в Новгороде. Поскольку в Галицко-Волынской земле процесс феодализации был шире и глубже, чем где-либо, можно предполагать, что значительнейшая часть общинных земель была экспроприирована уже в XII в.

Что касается вопроса о возникновении класса феодалов, то в Галиции, так же как и в Новгороде, основная масса феодалов выросла из крупных землевладельцев, появившихся в разлагающихся сельских общинах. В отличие от Новгорода, княжеские дружины могли приобретать себе земли в Галиции и, вероятно, они это и делали. Но эти дружинники, можно сказать, тонули в массе многочисленного и сплоченного галицкого боярства. Такой сплоченности, такой консолидации боярства мы ни в одной земле не наблюдали.

Можно предполагать, что правовое оформление класса галицких феодалов — бояр — совершалось не без влияния западноевропейского феодального права. Достаточно указать, что в Галиции стало организовываться по западноевропейским образцам рыцарство.

Так, летопись (Ипат., 1149) сообщает, что польский король Болеслав, вызванный на помощь князем Изяславом Мстиславовичем, «пришед к Луцку, и ту пребы три дня; и ту пасаше Болеслав сыны боярскы мечем многы».

Особенности политического строя определяются особенностями в процессе возникновения феодального землевладения и оформления класса феодалов. Поскольку галицкие князья не обладали широкой экономической и социальной базой, их власть была и непрочна и неширока. Галицкое боярство играло крупнейшую роль в политической жизни страны. Оно распоряжалось даже княжеским столом — приглашало и смещало князей. История Галицко-Волынской земли полна примерами, когда князья, потерявшие поддержку боярства, принуждены были покидать свои княжения; характерны также и формы борьбы бояр с неугодными им князьями. В частности, они приглашали венгров и поляков, предавали смертной казни неугодных князей (так были повешены князья Игоревичи в 1208 г.), корпоративно удаляли их из Галиции (в 1226 г.). Характерен также эпизод, когда боярин Володислав провозгласил себя князем (в 1210 г.).

Такая исключительная сплоченность галицкого боярства заставляет предполагать возникновение здесь каких-то органов, в которых реализовалось политическое влияние бояр, но о которых молчат источники.

Как и в других землях, здесь созывалось вече. Очень характерно, что князья искали в вече поддержку в борьбе с боярством. Так, именно с этой целью созывал князь Даниил вече в 1231 и 1235 гг.

Однако не трудно установить, что вече из граждан Галича не имело особого влияния. Летопись отмечает, что граждане Галича очень любили князя Даниила, но, как известно, положение Даниила определялось не этой любовью, а отношениями к нему боярства.

Исключительное значение галицкого боярства сказалось и в организации местного управления. Бояре присвоили себе право раздавать волости и города. Очень характерно, что князю Даниилу, несмотря на его энергию, не удалось пресечь эту практику, и летописец (Ипат., 1220) говорит: «Бояре Галицкие Даниила князем себе называли, а сами всю землю держали».

II. К вопросу о специфике генезиса русского феодализма

При изучении процесса возникновения и первоначального развития феодализма в Киевской Руси не трудно было установить ряд близких и тождественных черт по сравнению с процессом

возникновения феодализма в западноевропейских странах. В свое время нами было уделено большое внимание установлению аналогий между возникновением феодальных институтов Киевской Руси и западноевропейского средневековья в работе «Феодальные отношения и Киевская Русь».

Однако мы считаем, что в настоящее время устанавливать и даже углублять эти аналогии не представляет интереса, — это уже пройденный этап нашей историографии. Теперь перед нами стоит новая задача: установить специфику генезиса феодализма в Киевской Руси, т. е. того типа феодализма, какой установился в основном ее центре — Киевской земле.

Чтобы наше сопоставление было наиболее четким, основным объектом сравнения выберем так называемый классический, западноевропейский феодализм — французский.

Феодализм во Франции, равно как и в странах, входивших в состав Римской империи, стал развиваться двойным путем: в результате разложения рабовладельческого, античного способа производства, господствовавшего в Римской империи, и в результате разложения родовой общины древних германцев. Оба эти процесса были объединены германским завоеванием. Из их взаимодействия в качестве их синтеза и возник феодализм. Господствующей формой феодализм становится в результате революции рабов, которые в союзе с колонами сокрушили рабовладельческую форму.

Иным путем, как нами установлено, возникает феодализм в Киевской Руси: он возникает в результате разложения родо-племенных отношений, в частности — сельской общины.

Это основное различие предопределяет ряд дальнейших специфических черт и в процессе возникновения феодального землевладения и феодальных классов, и в процессе возникновения феодальной политической организации.

Так, у нас начало крупному землевладению было положено не разделом земель между верхами завоевателей, как, например, во Франции или в Италии, а медленной экспроприацией земель общинников элементами, возникшими в недрах разлагавшихся сельских общин. Затем к этой экспроприации приложили руку князья, дружинные элементы и церковь. Отсюда массу феодалов у нас составили не верхи завоевателей — герцоги и графы, а именно эти землевладельческие элементы.

Особенно бросаются в глаза различия в процессе возникновения класса феодально-зависимого сельского населения. В то время как крепостному крестьянину во Франции предшествовали античный раб и колон, в Киевской Руси крепостному предшествовал патриархальный раб.

Можно думать, что именно Киевскую Русь имел в виду Ленин, когда говорил о переходе общества «от первобытных форм рабства к крепостничеству». Но, поскольку численность рабов, находившихся в патриархальной эксплуатации, была невелика, то, как

было указано, в Киевской Руси одним из основных способов закрепощения крестьянства было превращение дани в феодальную ренту. И во Франции были группы сельского населения, платившие первоначально подать (census), а затем превратившиеся в типичных сервов; это так называемые *censualii*, принадлежавшие королям и церкви. Но число их было незначительно по сравнению с другими группами закрепощаемого населения.

Поскольку класс феодалов возник первоначально из элементов, находившихся вне княжеской организации, — не все феодалы были связаны служебными отношениями с князем. А потому вассальные отношения у нас не получили яркости, они не оформлялись достаточно четко ни в правовых нормах, ни в обрядах. Это в свою очередь должно было отразиться и на институтах поземельного феодального права. Как в свое время было указано, мы не имеем достаточного материала для решения вопроса о характере боярского землевладения. У нас даже были земли, где не было бенефициев и феодалов (напр., Новгород и Псков) и где поземельные отношения были основаны на других началах.

Много характерных черт мы наблюдаем и при возникновении феодальной политической организации. Как мы могли убедиться, киевская феодальная монархия выросла из так называемого племенного княжения. Естественно, что патриархальные пережитки в организации власти долго еще продолжали оказывать свое влияние. Достаточно указать, что Киевская Русь была во власти целого рода Рюриковичей. Отношения между князьями носили патриархальный характер, предопределивший возникновение так называемой удельной системы. Как было указано, отношения между великим и местными князьями были основаны на вассалитете — сюзеренитете, но тем не менее патриархальные черты еще долго проявлялись в разных формах. Во Франции, как известно, этих пережитков патриархальных отношений в организации королевской власти было гораздо меньше. Не было там и предпосылок для возникновения удельной системы. Крупными феодалами сделались герцоги и графы, принадлежавшие к другим родам.

Очень характерно, что при организации феодальной политической власти сохранилось вече как своего рода «реликт» от времени племенных княжений.

Органа, подобного вече, во Франции в эпоху возникновения феодальной монархии не было.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Глава первая. Основные черты общественно-экономического строя Киевской Руси</i>	<i>3</i>
I. Значение земледелия в хозяйственной системе Киевской Руси . . .	3
II. Техника сельского хозяйства	7
III. Сельская община	8
IV. Разложение сельской общины	12
§ 1. Развитие ремесла	12
§ 2. Развитие торговли	14
§ 3. Военные предприятия князей	18
§ 4. Взимание дани	19
V. Возникновение городов	20
VI. Возникновение патриархального рабства	24
VII. Организация власти и управления	25
§ 1. Территориальная структура Киевского государства в дофео- дальный период	26
§ 2. Княжеская власть	29
§ 3. Дружина	31
§ 4. Родо-племенная элита	33
§ 5. Вече	35
§ 6. Административные органы	36
Заключительные замечания	42
<i>Глава вторая. Возникновение и развитие феодального землевладения, феодальной ренты и феодальной зависимости (XI—XII вв.)</i>	<i>44</i>
A. Возникновение и развитие феодального землевладения	44
I. Возникновение и развитие княжеского землевладения	44
II. Возникновение и развитие боярского землевладения	51
III. Возникновение и развитие церковных сеньорий	53
Б. Возникновение и развитие феодальной ренты и феодальной зави- симости	60
I. Превращение холопов в крепостное крестьянство	61
II. Закабаление сельского населения	67

§ 1. Происхождение и сущность закупничества	68
§ 2. Формы эксплуатации закупа	75
§ 3. Формы и характер зависимости закупа	81
§ 4. Вдачи	86
III. Превращение дани в феодальную ренту	87
§ 1. Дань и ее эволюция	87
§ 2. Вопрос о смердах	89
§ 3. О форме зависимости смердов	96
§ 4. О правовом положении смердов	104
IV. Патронат	113
§ 1. Закладники и прикладники	114
§ 2. Задушные люди и прощеники	118
§ 3. Изгой	119
§ 4. Калеки и нищие	124
V. Наем	124
VI. Насильственное закрепощение	126
VII. Организационное оформление феодальной сеньории	129
В. Возникновение и первоначальное развитие феодального города	131
Заключительные замечания	140
<i>Глава третья. Возникновение и оформление класса феодалов и феодально-зависимого крестьянства</i>	<i>142</i>
§ 1. Возникновение класса феодалов	142
§ 2. Разложение дружины	144
§ 3. Развитие боярского вассалитета и подвассалитета	146
§ 4. Возникновение министриалитета	151
§ 5. Возникновение и первоначальное развитие бенефициальной и ленной систем	153
§ 6. Правовое оформление класса феодалов	158
§ 7. Оформление класса феодально-зависимого крестьянства	160
Заключительные замечания	164
<i>Глава четвертая. Возникновение и первоначальное развитие феодальной монархии</i>	<i>166</i>
I. О территориальной структуре Киевского государства в XI—XII вв.	167
II. Превращение князя в феодального монарха	182
III. Вопрос о княжеских советниках	188
IV. Вопрос о вече	193
§ 1. О социальной сущности вечевых собраний	194
§ 2. О вече как постоянном органе государственной власти	196
V. Феодальные съезды	216
VI. Организация управления	219
	253

§ 1. Двордово-вотчинная система управления	223
§ 2. Двордовые чины и их функции	225
§ 3. Местные органы	227
VII. Возникновение и развитие иммунитета	229
Заключительные замечания	237
Глава пятая	238
I. Местные особенности в процессе феодализации	238
II. К вопросу о специфике генезиса русского феодализма	249

О П Е Ч А Т К И

Стр.	Строка	Напечатано	Следует
3	3 сверху (за- головок)	Основные черты об- щественно-экономи- ческого строя Киев- ской Руси	Основные черты общест- венно-экономического строя Киевской Руси в феодалный период
49	19 снизу	командироваться	комендироваться
56	13 снизу	прикладчиками	прикладниками
61	17 снизу	Ярославовой	Ярославичей
64	18 снизу	тайнство	тиунство
68	4 сверху	непонятен	непонятным
73	22 сверху	раз	рез
86	15 сверху	входили	не входили
101	20 снизу	Zeibeigenschaft	Leibeigenschaft
105	7 сверху	„рядовнич“	„рядович“
106	1 снизу	3	2
129	22 снизу	Trohnhof	Frohnhof
249	21 сверху	удаляли их	удалялись
252	3 сверху	к заголовку первой главы надо добавить „в феода- льный период“.	

С. В. Юшков.

Технический редактор В. М. Юрова.

Корректор В. Г. Богословский.

Сдано в набор 4/III 1939 г. Подписано к печати 29/IX 1939 г. Формат 60 × 92¹/₁₆. Объем 16 п. л.
8 бум. л. В 1 п. л. 46000 печ. зн., уч.-авт. л. 17,80. Тираж 6000 экз. 1-ый зав. 3000 экз.
Уполн. Главлита № А-17428. РИСО № 818. АНИ № 1136. Заказ № 1037. Цена 8 руб., перепл. 1 руб.

1-я Образцовая типография Огиза РСФСР треста «Полиграффинга». Москва, Вавозы, 28.

§ 1. Дворцово-вотчинная система управления	223
§ 2. Дворцовые чины и их функции	225
§ 3. Местные органы	227
VII. Возникновение и развитие иммунитета	229
Заключительные замечания	237
Глава пятая	238
I. Местные особенности в процессе феодализации	238
II. К вопросу о специфике генезиса русского феодализма	249

СПбГУ

Технический редактор В. М. Юрова.

Корректор В. Г. Богословский.

Сдано в набор 4/III 1939 г. Подписано к печати 29/IX 1939 г. Формат $60 \times 92 \frac{1}{16}$. Объем 16 п. л.
8 бум. л. В 1 п. л. 46000 печ. зп., уч.-авт. л. 17,80. Тираж 6000 экз. 1-ый зав. 3000 экз.
Уполн. Главлита № А-17428. РИСО № 818. АНИ № 1136, Заказ № 1037. Цена 8 руб., перепл. 1 руб.

1-я Образцовая типография Огиза РСФСР треста «Полиграфкнига». Москва, Валовая, 28.